ИНСТИТУТ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ПЕРМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ЦЕНТР
УРАЛЬСКОГО ОТДЕЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

М. С. Каменских

Национальная политика на Урале в 1920–1930-е годы:

этничность и власть в условиях советской модернизации

издательство
МАМАТОВ®
www.mamatov.ru

С.-Петербург 2025

УДК 94(574.11)
ББК 63.3(2)61-38
К18

Научный редактор –
член-корр. РАН, д. и. н., проф. **А. В. Черных**
Рецензенты:
д. п. н., проф. **В. Ю. Зорин** (г. Москва),
д. и. н., проф. **Г. Е. Корнилов** (г. Екатеринбург)

Автор –
М. С. Каменских,
ведущий научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБУН «Пермский федеральный исследовательский центр УрО РАН (ПФИЦ УрО РАН)» (г. Пермь);
доцент Центра европейских и азиатских исследований МГУ-ППИ (г. Шэньчжэнь);
старший научный сотрудник Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая РАН (г. Москва)

Рекомендовано к печати Объединенным ученым советом
Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН

Каменских, Михаил Сергеевич.

К18 Национальная политика на Урале в 1920–1930-е годы: этничность и власть в условиях советской модернизации / М. С. Каменских. – Санкт-Петербург: Маматов, 2025. – 376 с.: ил.

В книге впервые комплексно представлена реализация государственной национальной политики на Урале в 1920–1930-е гг. Книга подводит итог более чем 10-летним исследованиям автора в области истории национальной политики Урала. Рассмотрены мероприятия национальной политики в качестве инструмента модернизации в рамках перехода традиционных культур в современные, обладающие институтами нациестроительства, которые привели к формированию советских национальностей и их культур. На примере 12 отдельных кейсов рассмотрена схема управления национальной политикой, а также мероприятия в отдельных национально-территориальных автономиях. Автор приходит к выводу, что национальная политика не была определяющей в экономической и культурной жизни Уральской области, но для ряда территорий она имела важное значение в процессах модернизации. Там, где это было необходимо, власти области принимали меры дополнительной поддержки, чтобы обеспечить улучшение благосостояния в рамках советской модели модернизации, но с опорой на имеющийся этнокультурный ресурс. При всем непродолжительном периоде существования Уральской области стоит отметить, что именно в 1920–1930-е годы были заложены основы управления территориями с этнокультурными особенностями.

Издание адресовано специалистам в области истории и этнографии, педагогам, представителям органов власти, широкому кругу читателей.

Издание выполнено в рамках гранта РНФ № 25-18-00467 «Этничность и стратегии этнических сообществ в национальной политике Урала в XX–XXI вв.»

ISBN 978-5-91076-303-0

© Каменских М. С., 2025
© Издательство «Маматов», оформление, 2025

О г л а в л е н и е

Введение..... 8

Часть первая. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА УРАЛЕ. ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО..... 41

Глава первая. Народы Урала накануне создания Уральской области..... 42

1.1. Этнокультурный облик Урала к началу 1920-х годов..... 42

1.1.1. Коми-пермяки и народы Тобольского Севера..... 45

1.1.2. Народы, имеющие места основного компактного проживания за пределами Уральской области..... 48

1.1.3. Этнодисперсные группы Уральской области..... 52

1.2. Общественные организации народов Урала..... 56

1.3. Общественное движение марийцев, коми-пермяков и народов Севера..... 59

Глава вторая. Управление национальной политикой на Урале..... 68

2.1. Структура управления национальной политикой в Уральской области. Институт уполномоченных по работе с нацмен..... 69

2.2. Изменения в национальной политике в 1930-е годы..... 74

2.3. Этнографические знания и организация переписей населения. Деятельность КИПС..... 80

2.4. Политика коренизации аппарата у народов Урала..... 92

2.5. Коллективизация и кооперирование у народов Урала..... 95

2.6. Деятельность Уральского Комитета нового алфавита..... 100

2.7. Политика в сфере образования и ликвидации безграмотности..... 105

2.8. Национальная политика в городах Урала..... 116

2.9. Медико-санитарное обслуживание в национальной политике..... 122

Глава третья.

Этнический фактор в административно-территориальном устройстве Уральской области..... 127

3.1. Этнический фактор при формировании границ Уральской области и Автономной Республики Коми... 129

3.1.1. Дискуссии об автономии для коми-пермяков..... 129

3.1.2. Коми-пермяки в Верхнекамском округе Уральской области..... 135

3.1.3. Создание Коми-Пермяцкого национального округа..... 138

3.2. Этнический фактор при формировании границ Уральской области и Башкирской АССР..... 142

3.2.1. Предыстория дискуссий..... 144

3.2.2. Дискуссии между Башреспубликой и Уральской областью..... 147

3.3. Уральская область и Удмуртская АССР..... 153

3.4. Этнический фактор в создании районов и сельсоветов..... 154

Часть вторая. УЧАСТИЕ НАРОДОВ УРАЛА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 1920–1930-Х ГОДОВ..... 159

Глава четвертая.

Коми-пермяки и народы Тобольского Севера в национальной политике Урала 1920–1930-х годов.... 160

4.1. Коми-пермяки в национальной политике Уральской области..... 160

4.1.1. Коми-пермяки Уральской области в переписях населения..... 160

4.1.2. Коренизация аппарата и внедрение социалистических форм хозяйства..... 166

4.1.3. Поддержка и развитие коми-пермяцкой культуры..... 169

4.1.4. Языковая политика и латинизация коми-пермяцкого языка..... 178

4.2. Народы Тобольского Севера в национальной политике Урала..... 187

4.2.1. Особенности этнодемографических процессов, проблема этнографических знаний и межнациональные отношения на Тобольском Севере..... 189

4.2.2. Тобольский Север в экономике Уральской области 1920-х годов..... 193

4.2.3. Советизация и коренизация Тобольского Севера. Создание национальных округов..... 200

4.2.4. Культурное и языковое строительство на Тобольском Севере..... 210

Глава пятая.

Татары, башкиры, удмурты, марийцы, казахи и нагайбаки в национальной политике Урала..... 219

5.1. Тюркские народы в национальной политике Урала..... 219

5.1.1. Тюркские народы в переписях населения 1926 и 1939 годов..... 220

5.1.2. Вовлечение татар и башкир
в мероприятия советской власти 224
5.1.3. Ислам в башкирско-татарской среде
Урала 1920-х годов 228
5.1.4. Этнический фактор в системе
образования башкир и татар 232
5.1.5. Деятельность Комитета нового тюркского
алфавита в Уральской области 235

5.2. Политика по содействию оседанию
кочующих казахов 239

5.3. Марийцы и удмурты в национальной
политике Урала 241

Глава шестая.

**Этнодисперсные и этнолокальные группы
в национальной политике Урала** 251

6.1. Цыгане в национальной политике Урала 253

6.1.1. Проблема учета цыган 255
6.1.2. Цыгане Урала в экономических стратегиях
государства 265
6.1.3. Цыгане Урала в культурной политике 276

6.2. Чуваши в национальной политике Урала 278

6.2.1. Чуваши в переписях населения
1920–1930-х годов 279
6.2.2. Чуваши в мероприятиях
национальной политики 284

6.3. Украинцы и белорусы в национальной
политике Урала 287

6.4. Болгары в национальной политике Урала 296

6.4.1. Появление болгар на Урале 296
6.4.2. Жизнь и труд раскулаченных болгар
на Урале 301
6.4.3. Политэмигранты болгары
на Урале 303

6.4.4. Болгары на Урале
во второй половине 1930-х годов..... 306
6.5. Китайцы в национальной политике
Уральской области..... 313
6.5.1. Китайцы в переписях населения
1926 и 1939 годов..... 314
6.5.2. Участие китайцев в экономической
и культурной жизни Урала..... 317
6.6. Немцы Урала в мероприятиях национальной
политики..... 320
6.6.1. Немцы Урала в переписях населения
1926 и 1939 годов..... 321
6.6.2. Коллективизация в немецких деревнях
Южного Урала..... 324

Заключение..... 330

Список источников и литературы..... 335

ВВЕДЕНИЕ

Период 1920–1930-х годов – время активных преобразований в социальной и культурной жизни российского общества, важной частью которых стала национальная политика. Ее появление как самостоятельного управленческого феномена было неизбежно внутри исторически сформировавшегося полиэтничного российского государства, где к началу советского периода уже существовали сотни общественных объединений, сформированных по национально-культурному принципу. Именно в период 1920–1930-х годов были заложены основы современной государственной национальной политики (административно-территориальное устройство, работа с общественными организациями, устройство системы образования на родных языках, поддержка языков малых народов, переселенческая политика и т. д.).

Однако существует ряд сложностей при анализе феномена национальной политики и границ ее применения. Во-первых, несмотря на активную информационную работу, большое количество издаваемой литературы по этой теме, в СССР не было принято специального плана по реализации национальной политики. Документы, касающиеся ее, – Декларация прав народов России, Резолюции по национальному вопросу по итогам X и XII съездов ВКП (б), – носили по большей части декларативный характер, в связи с чем на местах не раз возникали дискуссии, является тот или иной вопрос «национальным». Во-вторых, можно сказать, что в советском правительстве не было органов власти в этой сфере с закрепленными полномочиями[1]. Недолго просуществовавший Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац), по сути, только занимался созданием новых административных образований и присоединялся к деятельности различных ведомств, когда те в своей работе сталкивались с «национальным вопросом». В-третьих, опыт реализации национальной политики показывает, что принимаемые решения не зависели от численности народа. Иногда небольшие по численности этнические сообщества активно вовлекались в мероприятия советской власти, а некоторые, весьма крупные, практи-

[1] На этот факт, в частности, обращает внимание автор одной из последних и наиболее объемных работ по национальной политике в РСФСР В. Г. Чеботарева. См.: *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003. С. 812.

чески «выпадали» из национальной политики, что также ставит вопрос о ее содержательном наполнении. Еще одна особенность национальной политики заключается в том, что за 20 лет реализации она претерпела серьезные изменения, пройдя путь от провозглашенных принципов интернационализма, ориентации на международное сотрудничество и непримиримой борьбы с «великорусским шовинизмом» – к обществу, в котором русский народ был официально объявлен «первым среди равных»[2], а национальность могла стать поводом для репрессий[3]. Эти и многие другие особенности и создают почву для дискуссии по определению границ и сути национальной политики.

Нельзя отрицать, что национальная политика большевиков была вписана в более крупный социальный эксперимент – создание социалистического государства, общества без ограничений с равными возможностями и условиями для реализации всех граждан. И целью национальной политики, в первую очередь, было создать единую модель управления для разнокультурных сообществ в рамках советской модернизации[4], чтобы помочь «трудовым массам отсталых наций и народностей облегчить хозяйственное, политическое и культурное преуспеяние, дать им возможность догнать ушедшую вперед центральную – пролетарскую – Россию»[5]. Традиционно эта политика в СССР связывается с комплексом мероприятий, среди которых выделяются:

– политика большевиков по вовлечению национальных меньшинств («нацмен»)[6] в общественную жизнь и формы управления (коренизация);

– административные реформы и конструирование этнотерриториальных идентичностей;

– вовлечение национальных меньшинств в социалистические формы хозяйства;

---

[2] РСФСР // Правда. 1936. 1 фев.

[3] Ранее советскую национальную политику было принято рассматривать до конца 1920-х годов. Сегодня большинство исследователей рассматривают феномен национальной политики в период до конца 1930-х годов. См.: *Slezkine Yuri*. The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 2. P. 415; *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54.

[4] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 308.

[5] Сталин И. В. Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X Съезде РКП (б) 10 марта 1921 года // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 44.

[6] Здесь и далее использование в работе термина «нацмен» продиктовано необходимостью следования источнику. Это допускается при цитировании, а также в случае использования данного термина в делопроизводстве, названиях нормативных документов и должностей.

– языковая политика, языковые реформы и создание новых языков и графических систем;

– развитие системы образования и культуры для отдельных народов на их родных языках («национальное образование»);

– маркирование национального состава населения и организация переписей по этнической принадлежности (национальностям).

Каждый из выделенных аспектов, являясь частью национальной политики, реализовывался в рамках общегосударственных кампаний и социальных экспериментов. Так, создание бюро национальных меньшинств и «опора на местные кадры», известные как «коренизация», шли в русле политики по вовлечению разных категорий населения в деятельность органов советской власти и выдвижение местных кадров на руководящие должности. Как правило, помимо бюро национальных меньшинств при местных обкомах создавались еще и «молотделы», «женотделы» и др. Создание этнотерриториальных административных образований в 1920-е годы также не было уникальным явлением, существующим специально для отдельных народов. В этот период в стране не только создавались национальные республики, но шла масштабная административная реформа (т. н. районирование), предусматривавшая создание областей, округов и районов вместо губерний, уездов и волостей. Национальные колхозы, трудовые артели и прочие формы организации труда для «нацмен» проходили в рамках коллективизации и индустриализации как общегосударственных кампаний. Развитие и поддержка родных языков и системы образования были характерны не только для национальных районов и республик, они вполне вписываются в общую кампанию по ликвидации безграмотности. Это можно сказать и об учете национального состава населения, который проводился в рамках переписей, касавшихся всех граждан, независимо от этнической принадлежности.

Другими словами, задачи национальной политики совпадали с общегосударственными целями по модернизации России и созданию социалистического общества, но с учетом этнической традиции и культуры местных сообществ. Понятие этничности как формы идентичности, построенной на особенностях самобытной культуры и этнического сознания, является одним из базовых в современной отечественной и зарубежной антропологии[7]. Дискуссии о примордиальном или конструктивистском понимании этничности являются наиболее актуальными

---

[7] *Тишков В. А.* Этничность // Новая философская энциклопедия. 2010 [Электронный ресурс]: Институт философии РАН. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3f7fefb8f3c025082c7d3 (дата обращения: 08.01.2025).

в этнологии на протяжении последних 50 лет[8]. Этничность не является константным признаком, но исторически может выступать в роли защитного механизма как индивида, так и группы[9]. Как фактор социальной мобильности этничность часто является предметом для дискуссий об этнической истории отдельных сообществ, постоянных или изменчивых признаках культуры. С точки зрения взаимодействия общества и власти этничность, как и отдельные элементы этнической культуры, может являться и важным фактором в принятии политических или административных решений, особенно в период модернизационных изменений или выстраивания новых институтов власти[10].

Важной особенностью национальной политики СССР была ее ситуативность. В ходе реализации национальной политики этнические сообщества по-разному реагировали на мероприятия официальной власти. Иногда этничность гармонично вписывалась в преобразования советской власти, в отдельных ситуациях власть вынуждена была адаптировать свои мероприятия под особенности этнической культуры. Иногда этнические культуры вступали в противоречие и даже открытое противостояние с преобразованиями официальных властей. Поэтому национальная политика была не только стратегическим планом мероприятий большевиков, но часто могла быть и компромиссной мерой[11]. При едином плане и цели в решении национального вопроса в отношении разных народов складывались разные модели управления и взаимодействия общественных институтов и власти. Именно необходимость учитывать этнические особенности, обозначенная в работе как этнический фактор, является, по мнению автора, маркером в определении границ национальной политики в процессах модернизации российского общества 1920–1930-х годов. Мероприятия национальной политики реализовывались через создание специальных социальных институтов. Это могли быть специфические советские органы власти, национальные школы,

---

[8] *Барт Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / пер. с англ. И. Пильщикова. М., 2006; *Anderson B.* Imagined Communities. Relections on the Origin and Spread of Nationalism. London, New York, 1983; *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003; *Брубейкер Р.* Этничность без групп. М., 2012; *Варшавер Е. А.* «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности // Социологическое обозрение. 2022. Т. 21. № 3. С. 31.

[9] *Головнёв А. В.* Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) // Этнографическое обозрение. 2012. № 2. С. 3–12.

[10] *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019. С. 8.

[11] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 6.

учреждения культуры, музеи, трудовые коллективы, которые создавались с учетом культурных особенностей населения территорий, где они функционировали. И. Сталин называл такой подход «национальным по форме и социалистическим по содержанию»[12]. Именно они обеспечивали переход этнических сообществ из традиционного состояния в рамки советской модели модернизации. В данной работе такие социальные институты будут называться институтами нациестроительства. Таким образом, изучение практических мероприятий национальной политики 1920–1930-х годов в СССР и его отдельных территориях, их итоги и результативность могут объяснить суть советской национальной политики, обосновать границы ее применения, а также внести вклад в рассмотрение проблемы этничности в процессах модернизации.

Стоит отметить, что для исследователей национальной политики наибольший интерес, как правило, представляют межреспубликанские отношения внутри СССР, а также реализация национальной политики в т. н. национальных республиках РСФСР. В то же время условно «русские регионы» выпадают из поля исследований, хотя, по мнению автора, это не совсем верно. Ведь в национальных республиках поддержка и развитие этничности являлись важным фактором, определяющим внутриполитическое развитие, и стратегическим административным и экономическим ресурсом в общении с центральными правительственными органами. Национальная политика, таким образом, становилась частью политики в целом, и влияние этнического фактора в этой ситуации проследить сложно. По мнению автора, многие сущностные стороны советской национальной политики становятся очевидны именно при рассмотрении ситуации в регионах с преимущественно русским населением.

В рамках данной работы национальная политика рассмотрена на примере Урала 1920–1930-х годов. Опыт Урала позволяет осветить практически все аспекты национальной политики в РСФСР в территориях с преимущественно русским населением в ее региональном аспекте. В Уральской области, например, впервые реализовывались идеи национальных округов и районов для небольших по численности этнических групп[13]. Заслуживают внимания действия местных властей в отношении традиционно компактно проживавших на территории

---

[12] *Сталин И. В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП (б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. № 177.

[13] Первым в СССР был создан Коми-Пермяцкий национальный округ Уральской области. См.: *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940. Кудымкар, 2004. С. 33–44; *Пономарев С. И.* Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и ее роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437.

Урала народов (татары, башкиры, марийцы, удмурты, нагайбаки, казахи), кочевых народов Тобольского Севера. Кроме этого, в первые годы советской власти на Урале в силу разных миграционных процессов сформировались и этнодисперсные группы, среди которых – поляки, немцы, евреи, украинцы, белорусы, латыши, китайцы, корейцы. В результате общесоюзных переселенческих кампаний 1920-х годов на Урале появились компактные места проживания чувашей, белорусов, украинцев, отдельная политика велась в отношении цыганского населения[14]. В отношении каждого из этих этнических сообществ власти Уральской области выстраивали отдельную линейку мероприятий, учитывающих их этничность, хотя решение национального вопроса не было основной задачей хозяйственного развития Урала. Опыт реализации этих мероприятий будет изучен и проанализирован в рамках настоящей работы.

Актуальность данной темы не вызывает сомнений. Мероприятия национальной политики не только меняли жизнь этнических сообществ, но и влияли на становление новых советских идентичностей. Со временем созданные через институты нациестроительства культуры стали настолько самобытными, что вступили в противоречие с общесоветскими целями, ради которых создавались. А сохранение собственной культуры стало альтернативой советской вненациональной гражданственности. В одной из своих публикаций В. А. Тишков со ссылкой на советский опыт писал: «В обществе, где основополагающая роль отведена этническим различиям, начинают действовать особые практики, факторы, аргументы и эмоции. Здесь проявляются особые закономерности в поведении разных сообществ, их элит и отдельных личностей»[15]. По мнению целого ряда российских и зарубежных авторов, поддержка этничности в СССР стала одной из причин кризиса советской системы во второй половине XX века и ее дальнейшего распада. В этой связи опыт советского нациестроительства 1920-х годов сохраняет актуальность и для современной российской политики в сфере построения общегражданской идентичности, особенно на фоне дискуссий о целях и приоритетах новой Стратегии государственной национальной политики России.

Хронологические рамки исследования охватывают период с 1921 по 1938 год. На первом этапе реализация национальной политики

---

[14] *Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М.* Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 46–67.

[15] *Тишков В. А.* Откуда и куда пришла российская этнология: персональный взгляд в глобальной перспективе // Вестник Российской академии наук. 2021. Т. 91. № 3. С. 215–231.

неразрывно связана с деятельностью Народного комиссариата по делам национальностей (Наркомнаца) и ограничивается временем его существования (1918–1924)[16]. Несмотря на то, что Уральская область создана в 1923 году, начальной хронологической рамкой работы обозначен 1921 год, когда начались работы по районированию Урала и были предприняты существенные шаги в реализации национальной политики. Первый этап характеризуется активной поддержкой общественных движений, созданием бюро национальных меньшинств по всей стране, а также территориальными преобразованиями и созданием новых административных единиц с учетом этнической составляющей. На втором этапе, после 1924 года, страна вступила в принципиально новую эпоху развития, что и определило развитие национальной политики в новом направлении. Этот этап характеризуется реализацией политики коренизации, реформами алфавита, вовлечением национальных меньшинств в общегосударственные процессы, связанные с новой экономической политикой и переселенческим движением.

С начала 1930-х годов происходит т. н. русский поворот, когда советское правительство отказывается от риторики интернационализма и обращается к патриотическим образам прошлого[17]. В национальной политике в этот период происходят постепенное сворачивание общественной активности национальных меньшинств, отказ от коренизации и латинских алфавитов, ликвидация национальных районов, репрессии в отношении активистов национально-культурного движения. Крайней хронологической рамкой работы обозначен 1938 год, когда из состава Свердловской области была выделена отдельная Пермская область и Урал перестал администрироваться как единый регион. Кроме этого, 1938 год может считаться рубежным и для национальной политики в целом, поскольку в этот период принимаются решения об отмене преподавания национальных языков, о ликвидации национальных районов и др. Все явления и процессы, характеризующие национальную политику на уровне страны в 1921–1938 годах, нашли свое выражение на Урале.

В качестве географических (территориальных) рамок принята территория Урала в границах Уральской области образца 1923–1934 годов[18]. Однако период сложных административных преобразова-

---

[16] Хотя некоторые авторы первый этап политики ограничивают 1921 годом, то есть до принятия решений X съезда ВКП (б) по национальному вопросу.

[17] *Каменских М. С.* «Русский поворот» в национальной политике СССР начала 1930-х годов: оценки отечественной и зарубежной историографии // Вестник ПФИЦ. 2019. № 4. С. 93–97.

[18] Включая территорию районов Пермской области образца 1934 года в период их нахождения в составе Свердловской области в 1934–1938 годах.

ний требует уточнения территориальных рамок в отдельные периоды реализации национальной политики. В период 1921–1923 годов исследуются территории созданных после 1918 года четырех губерний – Тюменской (район Тобольского Севера), Пермской, Екатеринбургской и Челябинской. В период с 1923 по 1934 год в работе исследуются 15 округов (с 1925 года – 16) Уральской области, а после административной реформы 1934 года – территории Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской областей, ранее входившие в Уральскую область.

Различные аспекты национальной политики 1920–1930-х годов нашли отражение в отечественной и зарубежной историографической традиции[19].

Первые работы по оценке национальной политики в СССР стали издавать практически сразу после установления советской власти. Они, как правило, характеризовались обращением к марксистскому пониманию истории, теоретическому обоснованию национальной политики Советской России как прогрессивной и являющейся достижением нового строя[20]. Учитывая, что многие авторы того периода, такие как С. М. Диманштейн, Я. М. Лазерсон, И. П. Трайнин, сами непосредственно участвовали в реализации национальной политики, сегодня их труды представляют ценность скорее как источники[21].

---

[19] Большое количество издаваемой на эту темы литературы позволяло советским исследователям даже издавать отдельные монографии по историографии национальной политики. См., напр.: *Чугаев Д. А.* Вопросы историографии национально-государственного строительства в СССР // Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972. С. 17–34; Основные направления изучения национальных отношений в СССР. М., 1979; Национальная политика КПСС: очерк историографии. М., 1981. Отдельная публикация по историографии выполнена автором исследования. Из последних работ можно выделить исследование Н. П. Копосовой. См.: *Копосова Н. П.* Национально-государственное строительство в первые годы советской власти, 1917–1922 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. М., 2000. К историографии вопроса обращался и автор исследования. См.: *Каменских М. С.* Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. в современной отечественной и зарубежной историографии: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Серия «История». 2020. № 2. С. 57–66.

[20] *Плетнев Б. Д.* Национальная проблема в России и методы ее разрешения. Ярославль, 1922; *Кантор Е. Д.* Что дала советская власть народам России. М., 1923; *Гурвич Г. С.* Принципы автономизма и федерализма в советской системе. М., 1924; *Архипов К. А.* Советские автономные области и республики. М., 1925.

[21] Народный комиссариат по делам национальностей: Отчет о деятельности, 1 ноября 1917 – 20 июня 1918. М., 1918; Национальный вопрос и советская Россия. М., 1919; Политика Советского государства по национальным делам за три года (1917–1920). М., 1920; Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац: (Вместо отчета). М., 1924; *Лазерсон М. Я.* Национальность и государственный строй. Петроград, 1918; *Трайнин И. П.* Союз Советских Социалистических республик. М., 1923. Итоги разрешения национального вопроса в СССР. М., 1936.

С середины 1930-х годов вплоть до начала 1950-х годов исследования по национальной политике проводились в условиях идеологизации науки, предписывавшей догматизм в суждениях, активное использование работ И. Сталина как главного теоретика национального вопроса[22]. Именно в этот период, по словам В. Р. Филиппова, начала создаваться «теория этноса, ставшая на полвека фактически обязательной»[23]. Материалистическое понимание истории и этносов как «исторически сложившихся сообществ» заложило основы отечественной теоретической мысли в изучении этничности. В тот период начинали карьеру многие советские историки, внесшие вклад в изучение национальной политики. В трудах Э. Б. Генкиной, Е. И. Песикиной, С. И. Якубовской и других ученых проделана большая работа по кодификации источников, подняты первые научные проблемы в трактовке национальной политики. Так, Е. И. Песикиной обобщен большой источниковый материал по деятельности Наркомнаца, дана оценка его роли в реализации национальный политики[24], Э. Б. Генкиной рассмотрены функции Наркомнаца согласно положению ВЦИК от 27 июля 1922 года, функции Федземкома Наркомнаца[25], а С. И. Якубовской впервые был выдвинут тезис о тяготении народов России к объединительным процессам в рамках одного государства, национальная политика в данном контексте рассматривалась как инструмент государствообразования[26]. Работа С. И. Якубовской, по мнению исследователя А. П. Ненарокова, являлась «прекрасной иллюстрацией того, как даже в таких однозначных и заранее заданных решениях возможно было творческое начало, если исследователь с порога сам не отрицал своего права на размышления»[27].

В первой половине 1950-х годов в историографии советской национальной политики начались изменения[28]. В этот период наиболь-

---

[22] *Оборин А.* Национальный вопрос в СССР. М., 1931; *Равин С. М.* Дружба народов СССР. Л., 1937; *Намитоков Н.* Национальная политика и задачи советов. М., 1930; *Трайнин И.* Национальный вопрос в капиталистических странах и в СССР. М., 1931; *Акопов А.* Октябрь и успехи национального строительства. М., 1932.

[23] *Филиппов В. Р.* «Советская теория этноса». Историографический очерк. М., 2010. С. 7.

[24] *Песикина Е. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 гг. М., 1950.

[25] *Генкина Э. Б.* Образование СССР. М., 1948.

[26] *Якубовская С. И.* Объединительное движение за образование СССР (1917–1922). М., 1947.

[27] *Ненароков А. П.* К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924. М., 1991. С. 73.

[28] В работе Д. Л. Златопольского «Образование и развитие СССР как союзного государства», например, менялись формулировки в уже подготовленной к печати рукописи. *Ненароков А. П.* Указ. соч. С. 28–29.

ший вклад в развитие темы внесли исследователи В. В. Пентковская[29], П. И. Кушнер[30], продолжала работать С. И. Якубовская[31]. Учеными впервые разработаны подходы к периодизации национальный политики с 1917 до 1924 года, многие документы, недоступные для работы в 1920–1930-е годы (например, внутрипартийные дискуссии по национальному вопросу в середине 1920-х годов), были рассекречены и введены в научный оборот. Уже с научной точки зрения прорабатываются проблемы внутрипартийных дискуссий при решении вопроса об автономиях народов РСФСР, отношений центра с национальными республиками и т. п. Однако, как справедливо отметила исследователь В. Г. Чеботарева, несмотря на относительную свободу и доступ к большому количеству документов, принятая в тот период на официальном уровне концепция «торжества ленинской национальной политики» ограничивала рамки исследования и творческие поиски многих ученых[32].

Работы этого периода в основном посвящены деятельности Наркомнаца в первые годы существования[33], участию интернациональных воинских подразделений в Гражданской войне (особенно в 50-летнюю годовщину Революции и создания СССР). Доскональный анализ деятельности Наркомнаца, его роли в реализации национально-государственного строительства представила советский историк Г. П. Макарова в своей работе «Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. Исторический очерк»[34]. Книга красноречиво характеризует основные черты советской историографии национальной политики. Глубокий исторический анализ документов, богатый фактологический материал сопровождают тезисы о руководящей роли в реализации национальной политики Коммунистической партии и лично В. И. Ленина.

---

[29] *Пентковская В. В.* Роль В. И. Ленина в образовании СССР // Вопросы истории. 1956. № 3. С. 13–24.

[30] *Кушнер П. И.* Этнические территории и этнические границы. М., 1951.

[31] *Якубовская С. И.* Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 гг. М., 1972.

[32] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 16.

[33] См., напр.: *Калтахчан С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей. М., 1969; *Тадевосян Э. В.* В. И. Ленин о государственных формах решения национального вопроса в СССР. М., 1970; Торжество ленинской национальной политики. Чебоксары, 1972; Великий Октябрь и национальный вопрос. Ереван, 1977; Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС. М., 1975; *Федосеев П. Н., Жуков Е. М., Куличенко М. И., Семенов В. С.* Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях. М., 1972 и др.

[34] *Макарова Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР, 1917–1923 гг. Исторический очерк. М., 1987.

С 1960-х годов исследования советских историков выходят на новый теоретический уровень. В журналах «Советская этнография», «Вопросы философии», «Новая и новейшая история», «Народы Азии и Африки» появляются публикации по проблемам этноса, нации, этнопсихологии. Окончательно оформляется советская теория этноса. Национальная политика рассматривается как временная мера на пути строительства социалистического общества среди различных этносов. Эти вопросы освещены в трудах Ю. В. Бромлея, А. Г. Агаева, Д. А. Чугаева, М. И. Куличенко, В. П. Шерстобитова и др.[35] Их труды позволили научному сообществу сформировать новые теоретические основы изучения национальных отношений и, как следствие, национальной политики СССР. В 1960–1970-е годы появляются труды теоретического плана, формируются представления о народах СССР как некой «исторически сложившейся советской общности»[36]. Появление обобщающих работ дало толчок к развитию изучения национальной политики в отдельных регионах. В этот период выходят первые работы на материалах республик РСФСР[37].

В целом необходимо признать, что в советский период в исторических исследованиях по данной теме большую роль играла политическая составляющая, происходило искусственное «зауживание» исследовательской проблематики, а многие явления и процессы в сфере межнациональных отношений не изучались. Однако, как отмечают современные историографы национальной политики, в рамках советской историографии происходило «накопление фактов, вводились в оборот

---

[35] *Бромлей Ю. В.* К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская этнография. 1989. № 6. С. 105–129; *Агаев А. Г.* К вопросу о теории народности: закономерности развития народностей СССР. Махачкала, 1965; *Чугаев Д. А.* Образование Союза ССР (Историографический обзор) // Вопросы истории КПСС. 1962. № 6. С. 173–182; *Куличенко М. И.* Национальные отношения в СССР и тенденция их развития. М., 1972; История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978 / ред. В. П. Шерстобитов. М., 1979; *Джандильдин Н.* Коммунизм и развитие национальных отношений. М., 1964.

[36] Многонациональный советский народ – новая историческая общность людей. М., 1966; Советский народ – новая историческая общность людей. Волгоград, 1966; *Козлов В. И.* Национальности в СССР: этнодемографическое обозрение. М., 1977; *Шерстобитов В. П.* Советский народ – монолитная общность строителей коммунизма. М., 1976; *Ким М. П.* Советский народ – новая историческая общность. М., 1972; Советский народ – новая историческая общность людей. Становление и развитие / отв. ред. М. П. Ким, В. П. Шерстобитов. М., 1975; *Дробижева Л. М.* Духовная общность народов СССР: историко-социологический очерк межнациональных отношений. М., 1981; Этносоциология: цели, методы и некоторые результаты исследований. М., 1984.

[37] Подр. см.: *Матвеева Л. Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье (1917–1936 гг.): автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09. М.: МГУ, 2007. С. 8–9.

комплексы архивных документов, высказывались оригинальные идеи, обозначались новые методы исследования»[38]. Доминирующим тезисом советской историографии национальной политики было убеждение, что национальная политика представляла из себя комплекс мер по приближению отдельных народов к социализму, и мнение о «тяготении» советских народов к единому политическому образованию. Этнический фактор во взаимодействии с властью в рамках национальной политики практически не рассматривался.

Принципиально новый этап историографии начался в конце 1980-х – начале 1990-х годов. Появляются исследования по историографии национальной политики в СССР, критически осмысляется опыт исторических исследований, советской «теории этноса», открыто говорится о недостатках национальной политики[39]. В работах Т. Ю. Красовицкой, В. А. Тишкова, Т. П. Коржихиной, Т. Ю. Бурмистровой, К. В. Калининой, К. К. Хутыза 1990-х годов вводится в научный оборот большое количество источников, переосмысляются историографические концепции, формируются новые подходы в изучении национальной политики[40]. Большое значение имел выход в 1989 году в журнале «Советская этнография» статьи «О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений», где автор В. А. Тишков предложил новые подходы к пониманию этничности, в том числе с учетом советского опыта[41]. Он же одним из первых в отечественной науке стал рассматривать советскую национальную политику, используя инструментарий западной гуманитарной мысли и современные концепции понимания этничности[42].

Важным событием начала постсоветского периода стал выход коллективной монографии «Национальная политика России: история

---

[38] *Матвеева Л. Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье: 1917–1936 гг.: Автореф. дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09. М., 2007. С. 44.

[39] Подр. см.: *Бромлей Ю. В.* К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики // Советская этнография. 1989. № 6. С. 105–129.

[40] *Коржихина Т. П.* Советское государство и его учреждения: начало 1917 – декабрь 1991 г. М., 1994; *Бурмистрова Т. Ю.* Зерна и плевелы: национальная политика в СССР. 1917–1984. СПб., 1993; *Тишков В. А.* Концептуальная эволюция национальной политики в России. М., 1996; *Красовицкая Т. Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 гг. М., 1995; *Калинина К. В.* Национальные отношения в СССР: история и современность. М., 1991; *Хутыз К. К.* Национальные отношения в условиях тоталитаризма: опыт и уроки (1917–1940 гг.): дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.02. М., 1994.

[41] *Тишков В. А.* О новых подходах в теории и практике межнациональных отношений // Советская этнография. 1989. № 5. С. 3–14.

[42] *Тишков В. А.* Реквием по этносу. М., 2005.

и современность» под редакцией В. А. Михайлова. Авторами впервые представлен комплексный неидеологизированный взгляд на национальную политику, затронуты темы репрессий, положения и статуса русских в советской национальной политике[43]. Впервые озвучен тезис о неравномерности перераспределения ресурсов внутри СССР в пользу национальных республик. Авторы обратили внимание, что национальная политика была еще и чередой компромиссов, достигаемых центральными органами власти в диалоге с местными элитами при построении Советского государства. Идеи, заложенные в этой монографии, развивает в своих трудах В. Ю. Зорин, непосредственно занимающийся вопросами реализации государственной национальной политики в России XX века[44]. В одной из своих последних работ В. Ю. Зорин, характеризуя советскую национальную политику, делает акцент на взаимоотношениях центра и федеративных единиц, обращая внимание на негативное влияние политики «искусственной перекачки средств и ресурсов из Центра в национальные окраины» на развитие федеративных отношений. Эта политика в итоге сформировала у республик иждивенческие позиции, а не их экономическую самостоятельность. В качестве позитивного фактора В. Ю. Зорин отмечает, что интернационализм стал «реальным и важным фактором повседневной жизни советского общества»[45]. В. Ю. Зорину принадлежат и наиболее актуальные историографические очерки советской национальной политики в современной России.

В этот период формируются разные подходы к осмыслению советской национальной политики с использованием инструментария различных историографических концепций. Исследователи Н. Ф. Бугай и Д. Х. Мекулов в работе «Народы и власть: «социалистический эксперимент», следуя модернизационному подходу, рассмотрели советскую модель национальной политики как вариант исторически сложившейся федеративной формы славянских, тюркских, финно-угорских и кавказских народов[46]. Близкие к модернизационной парадигме трактовки сути национальной политики представляет в одной из своих монографий и Т. Ю. Красовицкая[47]. Она же, используя методы субъективной истории

---

[43] Национальная политика России: история и современность. М., 1997.

[44] *Зорин В. Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики. М., 2002; Он же. Национальная политика в России: история, проблемы, перспектива. М., 2002; Он же. Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века. М., 2018.

[45] *Зорин В. Ю.* Национальная политика российского государства... С. 179.

[46] *Бугай Н. Ф., Мекулов Д. Х.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы). Майкоп, 1994.

[47] *Красовицкая Т. Ю.* Модернизация России: Национально-культурная политика 20-х гг. М., 1998.

и изучив биографии отдельных активистов советского национально-культурного движения, дает собственные интерпретации движущим силам национальной политики, факторам, влияющим на принятие различных решений[48].

Эволюционные процессы в национальной политике СССР исследует в своих трудах А. И. Вдовин, один из крупнейших отечественных специалистов по этому вопросу[49]. Характеризуя советскую национальную политику, А. И. Вдовин отмечает, что она «определялась главным образом идеями популизма, созвучными народным ожиданиям (подчас неосуществимым) и вере в возможность скорейшего и справедливого разрешения национальных проблем, и прагматизмом, ориентированным на скорейшее достижение практически полезных результатов»[50]. Он также является одним из немногих ученых, разрабатывающих популярную на Западе тему статуса русских в СССР[51]. Позиция А. И. Вдовина в оценке национальной политики является наиболее скептической среди современных российских историков.

На рубеже 2010-х годов вновь фиксируется повышение интереса отечественных исследователей к теме национальной политики, выразившееся в целом ряде фундаментальных работ. Исследователи последних двух десятилетий отмечают противоречивость национальной политики, ее ситуативность и компромиссный характер на примере отдельных кейсов. Осмысление этничности в национальной политике России осуществлено в коллективной монографии Т. М. Мастюгиной, Л. С. Перепелкина и В. Г. Стельмах «Национальная политика в России: XVI – начало XXI века». Авторы структурировали историю отечественной национальной политики, дали общетеоретическое обоснование тем изменениям, которые произошли в ней в советский период[52]. Тема становления и развития национальных районов и сельсоветов в РСФСР раскрыта в диссертации О. К. Кайковой. Автор полагает,

---

[48] *Красовицкая Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.). Документы и материалы. М., 2007.

[49] *Вдовин А. И.* Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 // Вестн. Моск. ун-та. Сер. 8. История. 2002. № 3. С. 3–54; Он же. Революционное решение национального вопроса в России, 1917–1924 // Столетие Революции 1917 года в России (материалы научной конференции «Революция 1917 года в России», Москва, МГУ, 29–31 марта 2017 г.). С. 560–568; Он же. Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа. М., 2013.

[50] *Вдовин А. И.* Русские в XX веке... С. 15.

[51] *Вдовин А. И., Зорин В. Ю., Никонов А. В.* Русский народ в национальной политике. XX век. М., 1998.

[52] *Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие. М., 2013.

что решить проблему национальных меньшинств в РСФСР в 1920–1930-е годы целиком не удалось, а опыт реализации национальной политики «оказался противоречив и неоднозначен»[53].

Значимым событием в отечественной историографии по рассматриваемой теме последних лет стало издание трудов В. Г. Чеботаревой «Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг.» и «Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг.»[54]. Автор вводит в научный оборот большое количество новых документов, осмысляет и переосмысляет феномен национальный политики в первые десятилетия советской власти, касается темы этнически мотивированных репрессий как части политической жизни. По ее мнению, «легитимизация этнического принципа в качестве основополагающего в государственном устройстве Федерации привела к тому, что главным вектором в национальной политике правительства РСФСР стал не союз равноправных и суверенных народов, а выдвинутые волей истории титульные этносы»[55]. Монографии В. Г. Чеботаревой являются наиболее полными отечественными научными изданиями по рассматриваемой теме последних десятилетий. Важным событием в изучении советской национальной политики в современной отечественной историографии можно считать и выход сборника «Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы» по итогам VI Международной научной конференции 10–12 октября 2013 года (г. Киев). В издании представлены статьи современных российских и зарубежных исследователей, касающиеся самых разных аспектов национальной политики СССР. Сборник фиксирует рост интереса исследователей к теме этничности в политике и ее отдельных проявлений в регионах России и бывших республиках СССР[56].

Особенности национальной политики в части нациестроительства, факторы, влияющие на принятие управленческих решений, рассматриваются в работах Д. А. Аманжоловой. Она делает акцент на изучении советской модели федерализма и статуса национальных меньшинств

---

[53] *Кайкова О. К.* Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2007.

[54] *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. М., 2003; Она же. Национальная политика Российской Федерации 1925–1938 гг. М., 2008.

[55] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации... С. 790.

[56] Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014.

в СССР[57]. Совместно с Т. Ю. Красовицкой и В. А. Тишковым автор выпустила несколько работ по идеологии национального вопроса в СССР в первые два десятилетия советской власти[58]. Характеризуя советский опыт, Д. А. Аманжолова отмечает, что в рамках модели нациестроительства «руководство страны строило новую политическую систему, динамично адаптируя практические подходы к внешне невозможному совмещению советизации на классовой основе, интернационализма и политического самоопределения народов»[59]. Солидарный с ними отечественный исследователь С. В. Чешко по этому поводу отметил, что новая власть была «озабочена тем, чтобы отбиться от внешних и внутренних врагов, привлечь на свою сторону национальные движения, соединив их со своими политическими интересами»[60].

В последние годы, в свете юбилейных мероприятий российских республик и 100-летия СССР, интерес к теме национальной политики вновь повысился[61]. Это было обусловлено как «парадом юбилеев» 2018–2021 годов, когда многие республики РФ отметили 100-летие с момента создания, так и попытками переоценки «справедливости» принятых в 1920–1930-е годы решений. Обсуждаются как статусы и уровни автономий определенных территорий и населяющих их народов, так и объективность принадлежности определенных территорий субъектам федерации. Крупной работой последних лет можно считать и вышедшую в 2022 году монографию «Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика». Авторы, обобщая имеющийся историографический российский и зарубежный опыт, представили анализ наиболее значимых идеологических и управленческих, культурных и социальных практик, которые имели место в рамках советского

---

[57] *Аманжолова Д. А.* Формирование советскости. Национальные меньшинства в этнополитическом ландшафте СССР. 1920–1930-е гг. М., 2010.

[58] *Красовицкая Т. Ю.* Культурная сложность России: идеология и практики управления. 1917–1941 гг. М., 2020; Этнические элиты в национальной политике России. М.; СПб., 2018; Этнический и религиозный факторы в формировании и эволюции Российского государства. М., 2012.

[59] *Аманжолова Д. А.* Национальная элита – хождение во власть: к 100-летию образования СССР // Российские регионы: взгляд в будущее. 2022. Т. 9. № 2. С. 3.

[60] *Чешко С. В.* Распад СССР: этнополитический анализ. М., 2000. С. 182.

[61] *Рамазанова Д. Ш.* О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) // Этнографическое обозрение. 2016. № 5. С. 150–166; *Джантеева Д. С.* Нациестроительство на Северном Кавказе: коммуникативное измерение // Вестник российской нации. 2018. № 1 (59). С. 107–119; *Аманжолова Д. А.* Центр и регионы в условиях советского нациестроительства в 1920-е гг. // Вестник российской нации. 2019. № 2 (64). С. 34–44.

проекта национально-государственного устройства[62]. В вышедшей в 2022 году монографии «Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг.» рассмотрены проблемы формирования советской федерации в 1917–1941 годах, обеспечившей модернизационный скачок для всех народов СССР. Уделяется внимание специфике советского конструирования наций, политике отношений центра и регионов, критически осмыслен концепт «советский народ»[63]. Собственная концепция национальной политики в Северокавказском крае и Крымской АССР в 1920-х гг. на примере различных аспектов взаимодействия власти и полиэтничного общества представлена авторским коллективом в вышедшей в 2022 году монографии «Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества»[64].

Сегодня проблемы советской национальной политики обсуждаются и на страницах научных журналов. Крупнейшими периодическими научными журналами России, на страницах которых регулярно публикуются статьи по национальной политике, являются «Этнографическое обозрение»[65], «Вестник российской нации»[66]. Дискуссии о советском наследии национальной политики ведутся на страницах тематических выпусков журналов «Вестник РУДН. История»[67], «Журнал фронтирных исследований»[68], «Этнография» и «Ab Imperio»[69], где в последние годы вышло немало публикаций и тематических выпусков по советской национальной политике.

---

[62] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М., 2021.

[63] *Аманжолова Д. А., Дроздов К. С., Костырченко Г. В., Красовицкая Т. Ю.* Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. М., 2022.

[64] Национальная политика в Северо-Кавказском крае и Крымской АССР, 1920-е гг.: институциональный и коммуникационный аспекты взаимодействия власти и общества: монография / В. В. Касьянов, А. В. Баранов, А. В. Ишин, А. Ю. Рожков; Министерство науки и высшего образования Российской Федерации, Кубанский государственный университет. Краснодар, 2022.

[65] Этнографическое обозрение [Электронный ресурс]: «Этнографическое обозрение». URL: http://journal.iea.ras.ru/ (дата обращения: 30.09.2024).

[66] Архив журнала «Вестник российской нации» [Электронный ресурс]: Общероссийский союз общественных объединений содействия укреплению государственного единства «Российская нация». URL: http://rosnation.ru/?page_id=2282 (дата обращения: 30.08.2024).

[67] Вестник Российского университета дружбы народов [Электронный ресурс]. URL: https://journals.rudn.ru/russian-history/index/index/ru_RU (дата обращения: 30.08.2024).

[68] Journal of Frontier studies [Электронный ресурс]. URL: https://jfs.today/index.php/jfs (дата обращения: 30.08.2024).

[69] Ab Imperio [Электронный ресурс]: Ab Imperio. URL: https://abimperio.net/index.html (дата обращения: 30.08.2019).

В целом для современной российской историографии характерны отказ от ортодоксальности, ввод большого количества новых источников, ранее не позволявших дать объективную оценку национальной политики[70]. Советская национальная политика рассматривается с позиций различных теорий, изучается тезис о неравномерности распределения ресурсов как сути национальной «имперской политики» СССР, признается противоречивость этой политики, отмечают как ее неоднозначные достижения, так и безусловно важные для российской государственности результаты.

В зарубежной англоязычной историографии, начиная со второй половины XX века, авторы рассматривали советскую национальную политику с позиций теории империй и постколониального развития, а национальная политика в этом случае выступала как один из вариантов колониализма со своей спецификой[71]. Так, американский ученый Р. Пайпс, считающийся олицетворением т. н. школы тоталитаризма («totalitarian school»[72]) в западной историографии, весьма критически оценивал советскую национальную политику. Он же ввел в научный оборот понятие «Красная империя» («Red Empire») и на долгие годы заложил в историографии тезис о СССР как «тюрьме народов»[73]. В исследовании Х. К. дэ Энкуиз 1991 года СССР назывался «классической империей» с общей идеологией[74]. В этом же ключе выполнена известная работа А. Каппелера[75]. Одной из последних монографий, выполненных подобным образом, можно назвать книгу М. Ш. Дэвида-Фокса «Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе». Автор не только рассматривает СССР как преемника Российской империи, но и задается вопросами путей перехода советского

---

[70] Особенно важными в этом плане были 2013 и 2014 годы, когда вышел 75-летний срок хранения архивных документов и личных дел репрессированных в 1937–1938 годах.

[71] В исследовании D' Encausse СССР назывался «классической империей» с общей идеологией: См.: *D' Encausse H. C.* The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York, 1992. P. 235.

[72] Термин «totalitarian school», в частности, вводит американская исследовательница Ф. Хирш в своей монографии. См.: *Hirsch F.* Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union. Ithaca and London, 2005. P. 2.

[73] В книге «Россия под большевиками» («Russia under the Bolshevik Regime») 1995 года одна из глав так и называется «Красная империя». См.: *Пайпс Р.* Русская революция. Книга 3. Россия под большевиками 1918–1924 гг. / пер. М. Тименчик. М., 2005. См. также: *Pipes R.* The Formation of the Soviet Union: Communism and Nationalism, 1917–1923. Harvard University Press, 1954.

[74] *D' Encausse H. C.* The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations. New York: Basic books, 1992. P. 235.

[75] *Каппелер А.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад. М., 1997.

общества и культуры к модерну. По его мнению, в первые два десятилетия своего существования СССР вступил в состояние модерна, но с целым рядом специфических для России черт, не характерных для Запада[76]. Французская исследовательница Ж. Кадио вообще рассматривает национальную политику в России и роль в ней научных элит как непрерывный, преемственный процесс от середины XIX века до конца 1930-х годов, отмечая, что в России «национальность превратилась в элемент управления»[77]. В этих работах СССР и его политика рассматривается как закономерный преемник Российской империи.

Обращение к советской национальной политике и ее объяснению актуализировалось в период распада СССР и создания независимых государств из бывших республик СССР[78]. В трудах Б. Фоукса, С. Суни, Д. Смита советская национальная политика рассматривается в качестве одной из причин распада СССР, в том числе потому, что поддерживала развитие местных этнических культур и национализма[79]. Свое ставшее уже хрестоматийным объяснение модели советской национальной политики как явления предложил в 1988 году Ю. Слезкин, сравнивший СССР с «коммунальной квартирой», где каждая республика имела свою «комнату». Особенность национальной политики СССР он видел в привязке национальностей к территориям и формировании в них новых идентичностей. По мнению автора, поддерживаемая государством этническая обособленность («state sponsored ethnic particularism») привела к прекращению существования СССР[80]. По сей день работа Ю. Слезкина остается самой цитируемой за всю историю журнала Slavic review.

В 2000-е годы на фоне появления теорий постколониального развития в зарубежной историографии возникла тема межреспубликанских отношений и статуса русских в СССР. Впервые к ней обратился Т. Мартин. Рассматривая тезис о СССР как империи, он поднимает

---

[76] *Дэвид-Фокс М. Ш.* Пересекая границы: модерность, идеология и культура в России и Советском Союзе. 2020. С. 6.

[77] *Кадио Ж.* Лаборатория империи: Россия/СССР, 1860–1940. М., 2010. С. 5.

[78] Это событие стимулировало в западной историографии новую волну обращения к феномену этничности как таковому. Подр. см.: *Смит Э.* Национализм и модернизм. М., 2004. С. 13.

[79] См., напр.: *Suny S.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union. Stanford, 1993; *Fowkes B.* The disintegration of the Soviet Union: A study in the Rise and Triumph of Nationalism. New York, 1997; *Smith J.* The Bolsheviks and The National Question. 1917–1923. Houndmill, 1999; *Simon G.* Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union. Boulder, 1991.

[80] *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism // Slavic Review. 1994. № 2. P. 415. Статья Ю. Слезкина вызвала большой резонанс и по сей день является одной из наиболее цитируемых в отечественной и зарубежной историографии национальной политики.

вопрос об искусственной поддержке национальных республик за счет ресурсов РСФСР, называя СССР «империей положительной деятельности» («The affirmative nation Empire»)[81]. На сегодняшний день книга Т. Мартина «Империя положительной деятельности. Нации и национализм в СССР, 1923–1939» является одним из наиболее авторитетных фундаментальных зарубежных исследований советской национальной политики. Разделяя позицию Т. Мартина, советолог Джэффри Хоскинг в книге «Правители и жертвы: русские в Советском Союзе» также склоняется к идее о приниженном статусе русского народа в СССР. Дж. Хоскинг называет РСФСР «жалким гигантом среди советских республик»[82].

Еще один подход исследований советской национальной политики в зарубежной историографии неразрывно связан с теорией национализма и конструирования наций[83], которая исходит из трактовки понятия этничности как некого информационного продукта XX века. Авторы этого направления делают акцент на методах по формированию новых идентичностей в СССР, изучают процессы нациогенеза советских народов. Так, Г. Симон назвал советскую политику «собиранием новых наций из сырого этнического материала и наделения их собственными республиканскими институтами»[84].

Долгое время для зарубежной историографии было характерно восприятие советской национальной политики как навязываемой и реализуемой центральными властями, без учета местных особенностей. Лишь в последние два десятилетия исследователи соглашаются, что решения центральных властей «подстраивались» под сложившиеся местные условия и даже отменялись из-за них, а иногда и вовсе носили спонтанный характер[85]. Так, современный взгляд на советскую национальную политику как вынужденную политику компромиссов раскрыла в своей монографии американская исследовательница Ф. Хирш. Развивая тезис Ю. Слезкина, она приходит к выводу, что большевики

---

[81] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

[82] *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / пер. с англ. В. Артемова. М., 2012. С. 98.

[83] *Anderson B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism. London, 1983; *Anderson B., Silver B.* Equality, Efficiency and Politics in Soviet Bilingual Education Policy, 1934–1980 // The Soviet Nationality Reader: Disintegration in Context. 1984. PP. 371–372.

[84] *Simon G.* Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union. Boulder, Coly, 1991. P. 415.

[85] Подр. описание современной западной историографии см.: *Кадио Ж.* Указ. соч. С. 9.

на уровне государства поддерживали местный национализм («state sponsored nationalism») для того, чтобы сохранить и централизовать власть[86]. Частично вопрос о политике компромиссов между центром и местными элитами поднят в книге Дж. М. Истера «Советское государственное строительство», где автор делает акцент на роли регионов в политике большевиков[87]. В своем исследовании он показывает, что «неформальное сотрудничество и внутригосударственные конфликты были нормой, а не исключением в отношениях между центром и регионами»[88].

Сегодня тема национальной политики в СССР не так популярна среди западных историков. В наиболее авторитетном зарубежном научном журнале о России Slavic review за последние пять лет автором выявлена только одна статья российского исследователя, опосредованно касавшаяся вопросов национальной политики[89]. В других зарубежных журналах национально-государственное строительство в СССР 1920-х годов также представлено преимущественно на примере истории отдельных народов или мероприятий национальной политики в целом[90]. Характеризуя западную англоязычную историографию, можно констатировать, что ее развитие как в СССР, так и за рубежом долгое время осложнялось влиянием политических процессов на науку, закрытым доступом к источникам (особенно в советский период). Между тем на сегодняшний день созданы условия для проведения полноценных научных исследований, в том числе при участии российских и зарубежных ученых.

Советская национальная политика традиционно является предметом интереса исследователей из Китайской Народной Республики. Китайских ученых данная тема привлекает с точки зрения изучения

---

[86] *Hirsch F.* Empire of nations... P. 5.

[87] *Истер Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России. М., 2010. С. 25–26.

[88] Там же. С. 41.

[89] *Dobrenko E.* Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932. 2022. Vol. 81. Issue 4. PP. 869–891.

[90] См., напр.: *Dewhirst M.* Review of Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara (eds). The Vernaculars of Communism: Language, Ideology and Power in the Soviet Union and Eastern Europe // Canadian Slavonic paper. 2017. № 2. PP. 531–533; *Mogilner M.* The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power // Soviet and Post Soviet Review. 2019. 5 Feb. PP. 71–75; *Brandenberger D., Zelenov M.* V. Stalin's answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course // Slavic Review. 2014. № 4. PP. 859–880; *Sablin I., Sukhan D.* Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926 // Slavic Review. 2018. № 2. PP. 333–358; *Lenkart J.* Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press // Slavic Review. 2017. № 3. PP. 655–664; *Brinegar S.* The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan // Slavic Review. 2017. № 2. PP. 372–395.

истории китайцев в России, а также образования СССР как первого коммунистического государства. Сегодня в Китайской академии общественных наук (КАОН) сложилось несколько центров изучения российской истории. Исследования проводят Институт истории России, Восточной Европы и Центральной Азии КАОН (г. Пекин), а также Институт истории России, Восточной Европы и Центральной Азии Хэйлунцзянского отделения КАОН (г. Харбин). Отдельный центр исследования российской тематики сложился в Хэйхэском университете провинции Хэйлунцзян (г. Хэйхэ).

В китайской историографии также существует нарратив об эволюции советской национальной политики, приведшей в итоге к распаду СССР. Так, Ма Даньцзин на примере еврейского населения показывает эволюцию политики большевиков от периода поддержки национальных культур – до этнических репрессий[91]. Политика коренизации в СССР нашла отражение в трудах Лю Сяньчжуна. Он отмечает, что она способствовала поддержке культур, «однако эта политика вызвала появление децентрализаторских тенденций, усиление местного национализма и дискриминации «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик»[92]. В известной работе Ма Фэншу и Лю Юя «Переосмысление теории и практики сталинской национальной политики» авторы критически осмысляют подходы к реализации национальной политики. Они отмечают, что главная ошибка И. Сталина заключалась «в неспособности своевременно пересмотреть устаревшие теории и политику, что привело к долгосрочному закреплению дифференцированной национальной идентичности и национального сознания»[93]. Схожая оценка представлена в работе Цзо Фэнсуна «Национальная политика и распад Советского Союза». Автор указывает, что существовавшая практика этнотерриториального деления в СССР стала более значимой, чем концепт «советского народа», что привело в итоге к распаду СССР[94]. Ма Фэншу в статье «Уроки национальной

---

[91] *Ма Даньцзин* (马丹静). Исследование еврейского земледельческого движения в СССР в 1920–1930-е годы. (20 世纪20、30 年代. 苏联犹太农业垦殖运动研究). Диссертация на соискание степени доктора наук. Пекин. Китайская академия общественных наук, 2012. – 119 с.

[92] *Лю Сяньчжун* (刘显忠). Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы (20 世纪20 年代苏联"本土化"政策的利弊分析) // Русский журнал (俄罗斯学刊). 2013. № 1. С. 79–84.

[93] *Ма Фэншу* (马风书), *Лю Юй* (刘玉). Переосмысление теории и практики сталинской национальной политики (斯大林民族政策及其实践再思考) 当代世界社会主义问 // Социализм в современном мире (当代世界与社会主义). 2019. № 4. С. 84–94.

[94] *Цзо Фэнсун* (左凤荣). Национальная политика и распад Советского Союза (民族政策与苏联解体) // Социализм в современном мире (当代世界与社会主义). 2010. № 2. С. 142–146.

политики СССР» рассматривает слабые места и «фатальные ошибки» национальной политики (коренизация, этнофедерализм и др.)[95]. В целом для китайской историографии характерна критика советской национальной политики, попытки описать ее ошибки и причины неудачи, а не объяснить ее.

Характеризуя советскую, современную российскую и зарубежную историографию, можно отметить, что на сегодняшний день данная тема довольно полно изучена, большая часть основополагающих документов введена в научный оборот. Всего можно выделить несколько подходов к пониманию сути национальной политики СССР. Она рассматривается и как отдельный этап на пути модернизации России, и как вариант постимперского развития, и как политика поиска компромиссов, в том числе за счет неравноценного перераспределения ресурсов. Существуют все необходимые предпосылки для углубления изучения данной темы и поиска новых проблемных аспектов. На этот же факт, в частности, указывает в своей книге и В. Г. Чеботарева, говоря, что до настоящего времени в трудах отечественных историков не получили развития вопросы реализации национальной политики в областях, краях и автономных республиках РСФСР в 1920–1930-е годы[96]. На этом фоне одним из направлений развития историографии в последние годы становится появление исследований о регионах с преимущественно русским населением.

Из последних работ по данной тематике можно выделить монографию В. Л. Соскина «Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века», где рассмотрены предпосылки, причины, факторы и этапы разработки и досоветской, и советской национальной политики[97]. Политико-правовые основы национально-государственного строительства на примере отдельных регионов разрабатывают в своих трудах Е. А. Прокофьева, Т. А. Левченкова, М. М. Симонова[98]. Кроме этого, в последние пять лет защищено сразу несколько диссертаций по национальной политике вне национальных республик и автономий на примере юга России и Си-

---

[95] *Ма Фэншу* (马风书). Уроки национальной политики СССР (苏联民族政策的经验教训) // Социализм в современном мире (当代世界与社会主义). 2012. № 3. С. 73–88; *Ма Фэншу, Го Фэнли*. К переосмыслению национальной политики СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 487–502.

[96] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика... С. 28.

[97] Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века / В. Л. Соскин, А. А. Шадт и др. Новосибирск, 2005.

[98] *Прокофьева Е. А., Левченкова Т. А., Симонова М. М.* Национально-государственное строительство в Поволжье XX века (политико-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 59–65.

бири, что также подтверждает научную актуальность рассматриваемой тематики[99]. Предлагаемая работа также выполнена в данном ключе.

Таким образом, целью данной работы является анализ этнического фактора на примере мероприятий национальной политики в Уральской области в 1920–1930-е годы. В книге предпринята попытка решения следующих исследовательских задач:

– изучить систему управления национальной политикой в Уральской области (деятельность отдела нацменьшинств, проведение областных конференций нацмен), выяснить, как влияли на систему управления и принятия решений этнокультурные особенности населения;

– проанализировать процессы нациестроительства и их влияние при территориальном районировании Урала в 1920–1930-е годы;

– проанализировать влияние процессов нациестроительства на категоризацию этнического состава и проведение переписей населения на Урале;

– исследовать влияние этничности на политику в отношении отдельных групп народов, традиционно проживающих на территории Урала, определить значение и причины создания отдельных автономий и административных образований;

– определить, вырабатывали ли органы власти отдельные стратегии для разных групп народов, или политика носила унифицированный характер;

– выявить основные модели национальной политики на примере наиболее актуальных кейсов отдельных этнодисперсных групп (цыгане, китайцы, болгары, чуваши, белорусы, украинцы, немцы).

К подготовке исследования был привлечен обширный корпус источников, значительная часть которых впервые вводится в научный оборот. Неопубликованные письменные источники по теме выявлены и отобраны в 16 центральных, региональных и муниципальных архивах: Государственном архиве Российской Федерации (ГАРФ)[100],

---

[99] *Аверьянов А. В.* Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е годы: дисс. ... докт. ист. наук. Ростов, 2021; *Гильманова В. Н.* Территориальный вопрос в процессе национально-государственного строительства в Башкортостане в 1917–1934 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2013; *Дюпин А. А.* Реализация национальной политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в 1917–1991 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Красноярск, 2025; *Корженевский К. Б.* Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. Нижневартовск, 2022; *Прокофьева Е. А., Левченкова Т. А., Симонова М. М.* Национально-государственное строительство в Поволжье XX века (политико-правовой аспект) // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2018. № 2 (42). С. 59–65; *Филенкова О. А.* Реформы административно-территориального деления в РСФСР в 1917–1930-е гг. (на материалах Пензенского края): дисс. ... канд. ист. наук. Пенза, 2019.

[100] Ф. Р-1235 – ВЦИК РСФСР; Ф. Р-1318 – Наркомнац СНК РСФСР.

Российском государственном архиве социально-политической истории (РГАСПИ)[101], Российском государственном архиве экономики (РГАЭ)[102], Государственном архиве Свердловской области (ГАСО)[103], Государственном архиве административных органов Свердловской области (ГААОСО), Государственном архиве Пермского края (ГАПК)[104], Пермском государственном архиве социально-политической истории (ПермГАСПИ)[105], Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), Государственном архиве Красноярского края (ГАКК)[106], Государственном архиве Ямало-Ненецкого автономного округа (ГА ЯНАО)[107], Коми-Пермяцком окружном государственном архиве Пермского края (КПОГА)[108], Государственном Республиканском архиве Удмуртской Республики (ГРАУР)[109], Управлении по делам архивов города Сарапула Удмуртской Республики[110], Государственном архиве г. Красноуфимска[111], Муниципальном архиве г. Сургута Ханты-

---

[101] Ф. 17 – Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991).

[102] Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954.

[103] Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного Совета народных депутатов г. Свердловск (13.12.1923–21.10.1991); Ф. Р-7. Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, Губисполком г. Екатеринбург (15.07.1919–19.12.1923).

[104] Ф. Р-19. Исполнительный комитет Пермского губернского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-122. Исполнительный комитет Пермского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-354. Осинский уездный отдел народного образования Осинского уездного исполнительного комитета Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р-945 «Отдел Центрального комиссариата по еврейским национальным делам при исполнительном комитете Пермского губернского совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов».

[105] Ф. 2. Пермский окружной комитет ВКП (б), Уральская область; Ф. 156 – Верхне-Камский окружной комитет ВКП (б); Ф. 65 – Кунгурский окружной комитет ВКП (б), Уральская область; Ф. 557 – Пермский губком РКП (б), Пермская губерния; Ф. 820 – Усольский Уком РКП (б).

[106] Ф. Р-1845. Красноярский комитет Севера.

[107] Ф. 3. Ямало-Ненецкий окружной Совет депутатов трудящихся и его исполнительный комитет (04.03.1932–17.11.1993).

[108] Ф. Р-20. Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов; Ф. Р-29. Тараканов Ф. Г.

[109] Ф. Р-370. Исполнительный комитет Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Сарапул Сарапульского округа Уральской области (1923–1930 гг.).

[110] Ф. Р-20. Сарапульский окружной союз потребительских обществ «Окрпотребсоюз»; Ф. Р-203. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов; Ф. Р. 210. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО).

[111] Ф. Р-395. Отдел народного образования Красноуфимского уездного исполнительного комитета Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов.

Мансийского автономного округа – Югры[112], а также в Музее природы и человека Ханты-Мансийского автономного округа – Югры[113]. Особую значимость имели документы описи 5 Фонда № Р-88 ГАСО «Комитет содействия народам Севера», где содержится основной массив делопроизводственной документации о реализации национальной политики на Урале: переписки с окружными комитетами партии, докладные записки о ситуации на местах, переписка с центральными органами власти и т. д.[114] Важной группой делопроизводственной документации можно считать подготовленные отчеты райисполкомов Уральской области «О состоянии культурно-бытового обслуживания рабочих национальных меньшинств». Эти сведения облисполком запрашивал в 1934 году в рамках обсуждения Конституции СССР. Полученные из районов данные позволяют оценить итоги реализации национальной политики среди народов Урала. В отдельную группу выделены неопубликованные источники личного происхождения. В частности, в фондах КПОГА хранятся личные записи и мемуары Ф. Г. Тараканова, одного из основателей коми-пермяцкого национально-культурного движения в Прикамье в 1920-е годы. Рукописи Ф. Г. Тараканова содержат целый ряд важных фактов, личностных характеристик участников этого процесса[115].

Среди наиболее значимых опубликованных ранее источников использовались различные документы, декреты и резолюции советских органов власти[116], сочинения В. И. Ленина[117] и

---

[112] Ф. 1. «Исполнительный комитет Сургутского районного Совета депутатов трудящихся».

[113] Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ. Д. 277/91. Первый окружной съезд советов Остяко-Вогульского национального округа, Уральской области. 25 февраля – 3 марта 1932 г., г. Остяко-Вогульск.

[114] Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41, 56, 59, 66, 145, 169, 170.

[115] КПОГА. Ф. Р-29. Тараканов Ф. Г. Оп. 1. Д. 1. *Тараканов Ф. Г.* Автобиография. Машинопись; Д. 15. *Тараканов Ф. Г.* Коми-Пермяцкая трудовая коммуна. 1956 год; Д. 121. *Ф. Г. Тараканов* «О включении пермяков в автономную область Коми»; Д. 159. *Тараканов Ф. Г.* Борьба за возрождение коми и коми-пермяцкого народов. Кудымкар, 1972 г.

[116] Декреты Советской власти. Т. 2. 17 марта – 10 июля 1918 г. М., 1959. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. М., 1942; Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению. М., 1927; Тайна национальной политики ЦК РКП. Стенографический отчет секретного 4 совещания ЦК РУКП (б). М., 1992.

[117] Прекрасная подборка всех сочинений В. И. Ленина по национальному вопросу «В. И. Ленин. О национальном вопросе и национальной политике» представлена на сайте Leninism.su. При написании работы использовались следующие его труды: «Критические заметки по национальному вопросу», «К вопросу о национальной политике», «Революционный пролетариат и право наций на самоопределение», «К вопросу о национальностях или об «автономизации». См.: В. И. Ленин. О национальном вопросе и национальной политике [Электронный ресурс]: Leninism.su. URL: https://leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html?start=13 (дата обращения: 31.10.2024).

И. В. Сталина[118] по национальному вопросу, а также резолюции областных совещаний Уральской области и постановления окружкомов по вопросам регулирования национальной политики[119]. В фондах ГАСО выделено отдельное дело для опубликованных резолюций и постановлений облисполкома за 1920–1930-е годы[120]. Большое значение в этой группе имеет и изданный в 1994 году сборник документов «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера»[121]. Несмотря на издание в 1994 году, книга не утеряла своей ценности и сегодня. В качестве отдельной группы опубликованных источников в исследовании использовались статистические данные. В первую очередь, речь идет о переписях населения, материалы которых были использованы при написании работы, – 1920, 1923, 1926, 1939 годов[122]. Сведения о численности отдельных национальностей представлены в переписке Уралобкома с окружными комитетами Уральской области.

В отдельную группу выделены материалы периодической печати. В средствах массовой информации, в частности, публиковались и нормативные акты местного значения по национальному вопросу, описывались конкретные ситуации и происшествия в районах области. В работе использовались статьи журналов «Жизнь национальностей», «Пролетарская революция», «Революция и национальности», газет «Известия Уральского исполнительного комитета рабочих и крестьянских депутатов» («Известия Уральского облисполкома»), «Звезда», «Уральский рабочий», «Челябинский рабочий», «Национальное стро-

---

[118] *Сталин И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. Т. 2. М., 1946. С. 290–367; *Сталин И. В.* Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII Съезда партии по национальному вопросу: Доклад по второму пункту порядка дня IV совещания ЦК РКП (б) с ответственными работниками национальных республик и областей 10 июня 1923 г. // Сталин И. В. Сочинения. Т. 5. М., 1947. С. 313–326.

[119] ВКП (б). Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). Свердловск, 1927; ВКП (б). Уральская областная организация: Совещание партработников национальных меньшинств. Свердловск, 1927; Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала, 17–20 декабря 1927 г. Свердловск, 1928.

[120] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59.

[121] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.). Сборник документов. Тюмень, 1994.

[122] Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. // Труды ЦСУ. Т. 8. Вып. 5. М., 1924. С. 48, 50; Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1. Свердловск, 1925. С. 33; Труды ЦСУ СССР. Отдел демографии. Т. 20.4.4. М., 1927. С. 38–39; Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. IV // Труды центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Т. 20. Ч. 4. М., 1927; Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147; Всесоюзная перепись населения СССР: 1939: Уральский регион. Екатеринбург, 2002.

ительство», «Красный Север», «Северная Азия», «Советский Север», «Красное Прикамье», «Красное знамя», «Красная газета», «Вперед».

Материал для исследования собран автором во время многочисленных экспедиций, проводившихся с 2002 года. Полевые материалы, касающиеся советского нациестроительства, собраны автором в Куединском районе Пермского края среди чувашей и удмуртов (2001, 2002, 2017 годы), районах Коми-Пермяцкого округа Пермского края (2002, 2003, 2014–2021 годы), Афанасьевском районе Кировской области (2022), Ханты-Мансийском автономном округе – Югре (2021), Ямало-Ненецком автономном округе (2022).

Следование источнику в рамках данной работы обусловило необходимость использования ряда специальных терминов, применявшихся в делопроизводстве 1920–1930-х годов, в том числе «нацмен» (национальные меньшинства), «татаро-башкиры» или «татбаш» (татары и башкиры как единая общность), «великорусский шовинизм», «национальный район» (район, где официально зафиксировано проживание конкретной национальности). При описании этнических общностей в работе не используются принятые в рассматриваемый период, но устаревшие сегодня этнонимы («пермяки», «вотяки», «остяки», «вогулы», «черемисы» и т. д.), если это не продиктовано необходимостью следования источнику. Автор использует в работе термины «этническая общность», «народ», «этнодисперсные группы», «этнокультурные особенности», «традиционная культура» с учетом современных академических традиций, принятых и научной школой коллектива Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН.

Теоретико-методологическую основу данной работы составил модернизационный подход, рассматривающий в самом общем ключе модернизацию как процесс перехода от традиционного общества к индустриальному[123]. Использование инструментария модернизационной парадигмы применительно к национальной политике раскрывает важную теоретическую проблему – соотношение традиционной (народной) этнической культуры и официальной «национальной культуры», создаваемой в рамках институтов нациестроительства (например, оформление литературной нормы языка или стандартизация и музеефикация объектов материальной культуры), поскольку «стандартизация»

---

[123] См.: *Побережников И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. М., 2006; Он же. Модернизация: теоретико-методологические подходы // Экономическая история. Обозрение. Вып. 8. М., 2002. С. 146–168; Он же. Теории модернизации // Теория и методология истории. Волгоград, 2014. С. 134–144.

поликультурного общества является «одним из действующих средств модернизирующей державы»[124]. С одной стороны, традиция и модерность в этом контексте могут быть противопоставлены друг другу как разные качества общественного развития, с другой стороны – они генетически связаны между собой[125]. Особенностью исследования процессов модернизации «второй волны» периода 1970-х годов стал «пересмотр роли и места традиционного социокультурного и институционального контекста модернизации, придание ему большего значения»[126], т. е. традиция не противопоставляется модерну, а выступает в качестве ресурса модернизации, сохраняя свою суть в новом качестве[127]. Период 1920–1930-х годов – время активного создания официальных «национальных культур», которые знаменовали переход из традиционного общества в современное с опорой на их этничность, а национальная политика в данном случае выступает в качестве инструмента такого перехода, что будет продемонстрировано в данном исследовании.

Обращение к изучению мероприятий национальной политики, анализ этнической истории, моделей исторического взаимодействия этнических сообществ и власти, использование этнографического материала обусловили междисциплинарный характер исследования. В этой связи при написании работы также использован инструментарий различных методологических подходов: теория отношений центра и периферии[128], теории фронтира (переселенческие кампании, их этнокультурные последствия и влияние на политику)[129] и локальной истории (влияние этнических различий на повседневность)[130]. Вопросы этничности как средства власти или цели достижения политических дивидендов раскрываются в инструменталистском подходе, когда, по выражению

---

[124] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 308.

[125] На эту особенность этничности, которая конструируется сверху, но должна пониматься «снизу», обратил внимание еще Э. Хобсбаум. См. *Хобсбаум Э.* Нации и национализм после 1780 г. М., 1998. С. 20.

[126] *Побережников И. В.* Теории модернизации... С. 142.

[127] *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона; под ред. Б. С. Ерасова. М.: Аспект Пресс, 1999. С. 370; Он же. Новая парадигма модернизации. Распад ранней парадигмы модернизации и пересмотр соотношения между традицией и современностью // Б. С. Ерасов. Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. М., 1998. С. 472.

[128] См.: *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы. СПб., 2010.

[129] См.: *Тёрнер Ф. Дж.* Фронтир в американской истории. М., 2009.

[130] См.: *Пушкарева Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» // Этнографическое обозрение. 2004. № 5. С. 8; Теория и методология истории: учебник для вузов. Волгоград, 2014. С. 315.

В. А. Тишкова, «наблюдаемая в различных формах этническая мобилизация диктуется требованиями тех или иных материальных факторов, которые определяют социальное поведение»[131]. Концепция этничности и власти, раскрытая в работах Э. Смита, Э. Геллнера, отчасти Э. Хобсбаума[132], позволяет рассматривать советское нациестроительство не как «конструирование наций из сырого материала», а в качестве политической реальности, когда этническая идентичность воспринимается как данная, определенная заранее. Е. В. Перевалова определяет этот подход как анализ «действующих лиц, событий и сценариев взаимодействия этнических сообществ и власти на конкретном этнографическом материале в исторической динамике и современных проявлениях»[133]. Концепция этничности и власти также была важной для написания отдельных разделов работы.

В рамках работы осуществлено применение как общенаучных методов исследования, так и специальных методов, характерных для социально-культурной антропологии. В условиях широкого применения источников, многие из которых впервые введены в научный оборот, применен метод источниковедческого анализа. Автор исходит из необходимости критического осмысления источников досоветского и советского периодов, пересмотра некоторых устоявшихся положений в современной гуманитарной науке с учетом зарубежного опыта. Учитывая, что Уральская область включала 15 округов, в работе активно применялись методы сравнительно-исторического анализа. Разные способы поддержки этнических культур зависели от разных факторов и в сопоставимых условиях демонстрировали разные модели взаимодействия этничности и власти, в связи с чем в работе активно применялись методы компаративистики. Метод анализа статистических данных применялся при работе с итогами переписей населения как в отдельности по округам Уральской области, так и в хронологическом измерении (переписи 1926 и 1939 годов). Отсутствие данных по определенным территориям обусловило широкое применение метода исторической аналогии в тех случаях, где это было уместно. Историко-типологический метод применялся в рамках отнесения отдельных групп народов к разным категориям, что облегчает понимание подходов в нацио-

---

[131] *Тишков В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе // Вопросы социологии. 1993. № 1. С. 4.

[132] *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М., 1995. С. 41; *Хобсбаум Э.* Национализм и этничность // Национализм. (Взгляд из-за рубежа). М., 1995. С. 79–92; *Геллнер Э.* Нации и национализм / пер. с англ. И. И. Крупника. М., 1991.

[133] *Перевалова Е. В.* Обские угры... С. 6.

нальной политике. Историко-генетический метод использовался при описании процессов эволюции моделей взаимодействия этнических сообществ и власти, а также для объяснения появления некоторых управленческих феноменов. Среди инструментария исследования – полевые методы работы. Например, при анализе последствий переселенческих кампаний в Сарапульском округе 1920-х годов, а также колхозного строительства у цыган используются данные полевых материалов автора, собранные в 2001–2012 годах в Куединском районе Пермского края.

Несмотря на то, что именно на Урале национальная политика первых десятилетий советской власти представляет немалый научный интерес, ранее данная проблема в комплексе еще не рассматривалась. Это будет сделано в рамках данного исследования, что подчеркивает его новизну[134]. На сегодняшний день принято рассматривать отдельные регионы Урала в рамках отдельных территориальных рамок (Тобольский Север, Южный Урал), между тем схема администрирования была заложена именно в период 1920–1930-х годов и многие процессы могут быть поняты только с точки зрения общей политики Урала. Например, национально-административное устройство Тобольского Севера через создание округов не является уникальным для Урала способом реализации национальной политики. В работе доказано, что создание округов на Тобольском Севере – продолжение управленческой традиции, заложенной при образовании Коми-Пермяцкого национального округа. В исследовании на примере Урала впервые затронута проблема этнографических знаний и подходов к категоризации этнического состава населения. Кроме этого, впервые раскрыты такие важные аспекты национальной политики, как работа в крупных поликультурных городских пространствах, развитие системы здравоохранения на Урале, которое также впервые рассмотрено с точки зрения национальной политики. Большая часть архивных источников, использованных при подготовке исследования, впервые введена в научный оборот.

Предлагаемая работа имеет научно-практическую значимость. На фоне реализации Стратегии государственной национальной политики РФ, создания и унификации исполнительных органов федеральной и государственной власти, органов местного самоуправления, ответ-

---

[134] Выполненное в 2001 году диссертационное исследование Р. Т. Латыпова, несмотря на заголовок, посвящено преимущественно политике в сфере образования национальных меньшинств и охватывает другие хронологические рамки. Существенным недостатком работы является отсутствие разделов о национально-территориальном устройстве Уральской области, вовлечении национальных меньшинств в социалистические формы хозяйства. См.: *Латыпов Р. Т.* Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2001.

ственных за состояние сферы межнациональных отношений, внимание ученых, политиков и экспертов все больше привлекает опыт советской национальной политики, особенно в ее ранний период. В этой ситуации очень важно иметь четкие, неидеологизированные представления об инструментах национальной политики в советский период, ее механизмах и особенностях практической реализации, влиянии на современность. Актуальной представляется именно региональная специфика, так как в современной России многие регионы самостоятельно реализуют национальную политику, выстраивая на местном уровне собственные цели и приоритеты. Построение единого общества с понятными ценностями и ориентирами в условиях поликультурного и поликонфессионального состава имеет важное значение для укрепления государственности в современной России[135].

Поставленные цели и задачи нашли отражение в структуре работы. Работа включает две части. Первая часть посвящена анализу становления политики и управленческих механизмов, вторая – моделям взаимодействия отдельных народов с властью в рамках реализации национальной политики. Первая глава исследования полностью посвящена этнокультурному облику и особенностям расселения отдельных народов Урала накануне создания Уральской области. Во второй главе проведен анализ становления системы управления национальной политикой Урала: управление сферой образования, языковая политика, подходы к советскому строительству, а также основные мероприятия, нацеленные на взаимодействие со всеми народами Урала (областные съезды, смотры самодеятельности, курсы, советское строительство и т. д.). В отдельную главу выделен анализ влияния этничности при определении административных границ области и соседних регионов, поскольку в 1920–1930-е годы этнический состав населения определенных территорий, особенно приграничных, часто оказывался ключевым при администрировании и принятии решений об их отнесении к тем или иным областям или республикам.

Вторая часть исследования посвящена непосредственно народам Урала и анализу их участия в национальной политике. С точки зрения управленческих подходов они условно разделены на несколько групп, каждой из которых посвящена отдельная глава. Всего рассмотрено 12 кейсов национальной политики в отношении отдельных народов: коми-пермяки, народы Тобольского Севера, татары и башкиры, удмурты и марийцы, нагайбаки, казахи, цыгане, китайцы, болгары, чуваши, белорусы и украинцы, немцы. Рассмотрены этнодемографические

---

[135] *Тишков В. А.* Национальная идея России. М., 2021. С. 8–9.

особенности и особенности расселения народов, подходы органов власти к категоризации и их учету в переписях населения, их вовлечение в советское строительство и формы хозяйства (коренизация, кооперация, индустриализация и др.), развитие сферы образования и культуры. В четвертой главе речь идет о народах, для которых Урал являлся единственным местом компактного проживания, в связи с чем для них были учреждены собственные автономии (коми-пермяки, народы Тобольского Севера). Пятая глава посвящена анализу моделей взаимодействия органов власти Уральской области с народами, живущими на Урале, но имеющими основные места компактного проживания за его пределами, что естественным образом оказывало влияние на специфику взаимодействия с ними (башкиры, татары, казахи, удмурты, марийцы). В шестой главе разобраны основные примеры взаимодействия органов власти с народами, не являющимися традиционными для Урала, не имеющими мест компактного проживания (этнодисперсные группы). Несмотря на малочисленность, они вовлекались в мероприятия национальной политики (цыгане, чуваши, украинцы, белорусы, болгары, китайцы, немцы). Выбор именно этих этнодисперсных групп обусловлен спецификой их вовлечения в мероприятия национальной политики, раскрывающие особенности этнического фактора. Данная систематизация и подходы, по мнению автора, позволяют наиболее предметно рассмотреть особенности национальной политики на Урале.

Издание носит научный характер и адресовано специалистам по истории Урала и национальной политики в России. Автор выражает признательность коллегам и близким, принимавшим участие в подготовке и обсуждении исследования.

Часть первая

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА НА УРАЛЕ. ПОДХОДЫ К РЕАЛИЗАЦИИ И НАЦИЕСТРОИТЕЛЬСТВО

Глава первая.

НАРОДЫ УРАЛА НАКАНУНЕ СОЗДАНИЯ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

1.1. Этнокультурный облик Урала к началу 1920-х годов

В рамках данной главы будет рассмотрен этнокультурный облик Урала, сформировавшийся к началу 1920-х годов, с описанием происхождения этнических подгрупп, лингвокультурных характеристик этничности, особенностей расселения. Ранее различные аспекты этнической истории и национальной политики в регионе уже были раскрыты в трудах ряда историков[136]. Русская колонизация Урала в контексте модернизации раскрыта в статьях И. В. Побережникова и К. И. Зубкова[137]. Народы Тобольского Севера в период его нахождения в составе Уральской области представлены в целом ряде работ А. В. Головнёва[138], Е. В. Переваловой[139], Е. М. Главацкой[140], М. Е. Бударина[141],

---

[136] *Мосунова Т. Г.* Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): Дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988; *Пашкова И. А.* Отечественная историография национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 30-х гг. XX века: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 1993; *Корнилов Г. Е.* Этническая структура населения Урала в первой половине XX века // Каменный пояс на пороге III тысячелетия. Екатеринбург, 1997. С. 129–135; Он же. Национальный состав населения Урала в первой половине XX века // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. Оренбург, 1998. С. 42–45; *Павлова О. В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2004; *Латыпов Р. Т.* Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов: дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.02. Екатеринбург, 2001.

[137] *Зубков К. И., Побережников И. В.* Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики // Евразийский ежегодник. 2023. С. 134–144; *Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX в.) // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 157–170.

[138] *Golovnev A., Osherenko G.* Siberian survival. The Nenets and Their story. Cornell university, 1999; *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004; Он же. Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995; Он же. Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015.

[139] *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть. СПб., 2019.

[140] *Главацкая Е. М.* Уральская экспедиция на Обдорском Севере: приполярная перепись 1926–1927 гг. // История Ямала: дискуссии и научные решения. Салехард; Екатеринбург, 2006. С. 156–170.

[141] *Бударин М. Е.* Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири. Омск, 1952; Он же. Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму. Омск, 1968.

Л. В. Алексеевой[142] и др. Народы южной части Урала активно исследуют И. Р. Атнагулов[143] и А. А. Авдашкин[144].

Вклад в изучение этнической истории отдельных народов Урала на современном этапе вносит научный коллектив Института гуманитарных исследований ПФИЦ УрО РАН, которым подготовлен ряд монографий об этнической истории отдельных народов Урала[145], о национальной политике в этнической истории народов Прикамья[146], а также реализуется издательский проект «Народы Пермского края: история и этнография»[147].

Урал исторически формировался как поликультурная территория ввиду своего евразийского положения, нахождения на границе центральных областей Поволжья и Сибири, являясь одним из крупных добывающих и промышленных центров страны. Все это влияло на характер этнических и миграционных процессов на территории Урала[148]. К началу XX века эта территория сформировалась как многонациональный регион с преимущественным проживанием русского населения. Административно-территориальное управление Уралом

---

[142] *Алексеева Л. В.* Крайний Север в 1917–1934 гг.: по пути советизации (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа). Екатеринбург, 2005; Она же. Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1931 г. – июнь 1941 г.). Нижневартовск, 2011.

[143] *Атнагулов И. Р.* Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI века: становление и трансформация идентичностей. Челябинск, 2018.

[144] *Авдашкин А. А.* Китайцы на Южном Урале в 1920-е годы // Новейшая история России. 2020. Т. 10. № 1. С. 103–118; Он же. Эмиграционное движение уральских немцев в 1929–1930 гг. (опыт локального исследования) // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2019. № 1 (44). С. 129–135; Он же. Корё сарам на Южном Урале в 1989–2002 гг. (на материалах Челябинской области) // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Геоархеология. Этнология. Антропология. 2018. Т. 24. С. 106–117.

[145] Поляки в Пермском крае: Очерки истории и этнографии / колл. авт. СПб., 2009; *Черных А. В., Голева Т. Г., Шевырин С. А.* Эстонцы в Пермском крае: Очерки истории и этнографии. СПб., 2010; *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века. СПб., 2011; *Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И.* Марийцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; *Черных А. В., Голева Т. Г., Каменских М. С., Шевырин С. А.* Белорусы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; *Каменских М. С.* Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; *Черных А. В., Каменских М. С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014; Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, М. П. Кляус, М. С. Каменских [и др.] (под общ. ред. А. В. Черных, П. Христова). СПб., 2022.

[146] *Каменских М. С.* Национальная политика в Прикамье: региональный аспект. СПб., 2019; Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014.

[147] *Черных А. В.* Народы Пермского края. История и этнография. Пермь, 2007; Народы Пермского края. История и этнография. Т. 2. Пермь, 2014.

[148] *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 429.

было оформлено постановлением ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в жизнь положения об Уральской области». В Уральской области были представлены территории пяти бывших губерний (Пермской, Оренбургской, Тобольской, Уфимской и Вятской). Это был первый крупный макрорегион, созданный в СССР в рамках районирования. На 1 июля 1925 года созданная Уральская область занимала территорию 1660,7 тыс. кв. км с общим населением 6386,1 тыс. человек. К моменту создания область включала в себя 15 округов: Пермский, Свердловский, Челябинский, Верхнекамский (в 1925 году из него выделен Коми-Пермяцкий), Кунгурский, Тагильский, Златоустовский, Сарапульский, Ишимский, Тюменский, Тобольский, Ирбитский, Шадринский, Троицкий и Курганский. Округа в свою очередь включали в себя 206 районов и 3068 сельсоветов[149]. В логике того времени Уральская область была разделена на Предуралье (Прикамье), Горнозаводской Урал (Средний и Южный Урал) и Зауралье (Западная Сибирь). Окружная система была ликвидирована в 1930 году.

Основу этнического состава населения Урала составляли русские. Исторически можно выделить несколько этапов заселения русскими Урала, самый масштабный из которых пришелся на первую половину XVIII века и был связан с промышленным освоением региона и строительством горных заводов[150]. Уральские земли известны русским уже с XI века. Основу русского населения Прикамья на этом этапе заложили выходцы из районов Русского Севера[151]. Однако в этот период и на более позднем этапе, в XIV–XV веках, появление русских носило стихийный и эпизодический характер. Первоначально осваивались территории Верхнего Прикамья, Перми Великой, где уже в конце XV – начале XVI века начинает складываться очаг русского старожильческого населения. В XVII веке начинается процесс активного освоения южных районов Урала. В освоении южных районов наряду с выходцами Русского Севера принимали участие переселенцы с Вятки, нижней Камы и Поволжья. С середины XVII века Урал принял миграционную волну, связанную с расколом Русской церкви; переселение в регион старообрядческого населения продолжалось в течение двух веков. По числу старообрядческого населения Пермская губерния к концу XIX века занимала одно из первых мест в России.

В XVIII веке возникновение горной металлургии на Урале происходило при прямом участии местного населения, прежде всего русских

---

[149] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 37. Л. 26.
[150] История Урала в 2 т. Т. 1. Пермь, 1976. С. 79–87.
[151] *Головнёв А. В.* Феномен колонизации... С. 214–224.

крестьян[152]. Из них формировались кадры работных людей для заводов. Одновременно появление на Среднем Урале заводов и заводских поселений обусловило приток нового населения из центральных промышленных районов России. Многие формы костюма, праздничного фольклора складывались под влиянием городских традиций. Формирование русского населения в последующие периоды происходило в основном за счет внутренних миграций. Таким образом, составляя основу населения региона, по причине нескольких волн колонизации, русское население Урала не было однородным[153].

Русские составляли большинство населения области, однако они не были объектом национальной политики. Она как управленческий феномен была направлена, в первую очередь, на прочие нерусские народы, ареалы компактного проживания которых сложились в разных районах области.

1.1.1. Коми-пермяки и народы Тобольского Севера

Для нескольких групп народов Урал являлся единственным местом проживания. Эта особенность повлияла на то, что для них были созданы собственные автономные административно-территориальные образования. Одним из таких народов были коми-пермяки, проживавшие на территории северо-запада Пермской губернии в т. н. Пермяцком крае. Исследователи считают, что в единое этническое образование предки коми-пермяков стали складываться с V в. н. э. К прямым предкам коми-пермяков относят племена родановской археологической культуры IX–XV веков[154]. Большое значение в процессах интеграции Перми Великой в составе Русского государства играло принятие большинством коми-пермяков христианства в XIII–XV веках[155]. С предками коми-пермяков связана история государственного образования Пермь Великая, которое вошло в состав Московского государства в XV веке[156]. Процессы этнической консолидации коми-пермяцкого народа протекали вплоть до конца XVIII века. В переписи 1897 года

---

[152] *Зубков К. И., Побережников И. В., Шумкин Г. Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX в.) // Исторический курьер. 2019. № 6. С. 157–170.

[153] *Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М.* Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 47–49.

[154] *Чагин Г. Н., Черных А. В.* Народы Прикамья. Пермь, 2002. С. 17.

[155] *Чагин Г. Н.* Очерки по истории и этнографии коми-пермяков. Пермь, 2013. С. 77–81.

[156] *Оборин В. А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII в. Иркутск, 1990. С. 96–145.

наибольшее количество коми-пермяков зафиксировано в Белоевской, Верх-Иньвенской, Кудымкарской, Егвинской, Ошибской, Архангельской, Купросской, Тиминской и Кувинской волостях Соликамского уезда и Юксеевской, Косинской, Кочевской, Гайнинской, Верх-Язьвинской и Усть-Зулинской волостях Чердынского уезда[157]. Коми-пермяки проживали также в Вятской губернии. Причем административно территория их компактного проживания в этой губернии была разделена между двумя уездами: Глазовским и Орловским[158]. По итогам переписи 1920 года в Пермской губернии зафиксировано проживание 114 011 коми-пермяков, что составило рост по сравнению с 1897 годом на 21 370 человек, или 18,7% Наибольшее количество было переписано на территории Усольского[159] и Чердынского уездов. Коми-пермяки составляли 6,5% от общей численности населения этих территорий, в том числе в Усольском уезде – 30,5%. На тот момент 99,8% коми-пермяков проживало в сельской местности (см. таблицу 1.1).

Таблица 1.1

Численность коми-пермяцкого населения Пермской губернии по данным Всесоюзной переписи населения 1920 года*

Уезд	В городах	В поселениях городского типа	В сельских местностях	Всего
Кунгурский	–	–	–	–
Осинский	–	–	–	–
Оханский	–	–	60	60
Пермский	13	3	1	17
Сарапульский	–	–	–	–
Усольский	7	122	77 748	77 877
Чердынский	45	–	36 012	36 057
Всего по губернии	65	125	113 821	114 011

* *Составлено и подсчитано по*: Распределение населения (обоего пола) в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 года // Статистический сборник по 1923 году. Пермское губернское статистическое бюро, 1923. С. 38–39.

---

[157] Пермяки // Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи. СПб., 1895. С. 60.

[158] *Черных А. В.* Верхнекамские коми-пермяки: проблемы современного этнокультурного развития // Национальные языки России: региональный аспект: материалы междунар. науч.-практ. конф. Пермь, 2005. С. 277–281.

[159] С февраля 1918 года Соликамский уезд переименован в Усольский.

Еще одной этнически уникальной частью Уральской области был т. н. Тобольский Север. Под этим понятием в 1920-е годы понималась северная, лесотундровая часть Урала, включавшая территории современных Ханты-Мансийского и Ямало-Ненецкого автономных округов[160]. Занимаемая Тобольским Севером площадь превышала 1045 кв. км, составляя 2/3 площади всей Уральской области при населении чуть больше 50 тыс. человек, из которых 37 тыс. – оседлые, 1 тыс. – полуоседлые, 10 тыс. – кочевые.

Ханты и манси сложились еще в I тыс. н. э. на базе угорских племен, переселившихся с территории Западной Сибири. Основные группы расселения хантов сложились от низовий Оби на севере – до Барабинских степей на юге, на востоке – от Енисея по рекам Сосьва, Лапин, до рек Пелым и Конда на западе. Манси, включавшие несколько групп, селились по реке Сосьве, в верховьях Лозьвы и Пелыма. Отдельные группы проживали на Туре, Тавде, Вишере и Чусовой[161]. До включения этих территорий в состав Российского государства здесь существовало несколько крупных государственных образований, обусловивших этнокультурный облик и особенности языковых групп[162].

На территории среднего Приобья, в рамках кулайской археологической культуры шло формирование ненцев. В XVII веке они освоили северное Приуралье, север полуострова Ямал, вплоть до Енисея[163]. Крупным государственным образованием региона было Кодское ханство, которое в 1480 году признало власть Московского государства[164]. В XVI веке эти территории входили в состав Сибирского ханства, а с XVII века начинается их включение в институты российской государственности. К началу XX века насчитывалось 18 родов т. н. тундровых ненцев и шесть родов «лесных», общей численностью около 4,5 тыс. человек[165].

До 1917 года территория Тобольского Севера входила в состав Тобольской губернии. К началу XX века здесь сформировалось несколько народов, наиболее крупными из которых к моменту создания Уральской области были ханты (13,7 тысячи), манси (5,2 тысячи), ненцы (8,8 тысячи), коми-зыряне (5,4 тысячи)[166]. Учет этнического состава

---

[160] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. С. 5–6.

[161] Народы России: Атлас культур и религий. М., 2011. С. 193, 195.

[162] *Головнёв А. В.* Говорящие культуры: традиции самодийцев и угров. Екатеринбург, 1995. С. 85.

[163] Народы России: Атлас... С. 202.

[164] *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири... С. 58.

[165] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 5.

[166] *Слезкин Ю. Л.* Арктические зеркала: Россия и малые народы Севера. М., 2019.

населения на Тобольском Севере в досоветский период практически не проводился. Поэтому представления у органов власти до 1926 года были весьма обобщенными. «Границы административных районов на севере весьма условны, поэтому данные о территории районов севера не являются твердыми», в связи с чем «административная принадлежность населения к тому или иному тузсовету не могла во многих случаях быть выявлена... Особенностью северной части округа является его разноплеменность, нахождение здесь разных народностей, чрезвычайно эксплуатировавшихся в дореволюционных условиях и чрезвычайно отсталых в культурном и хозяйственном отношениях», – говорится в описании округа по итогам переписи населения 1926 года[167]. Дисперсное расселение северных народов, а также кочевой образ жизни населения на Ямале (остяки, зыряне) затрудняли взаимодействие и реализацию национальной политики.

1.1.2. Народы, имеющие места основного компактного проживания за пределами Уральской области

Юго-восточные, юго-западные и центральные районы Урала были местом проживания разных групп тюркского и финно-угорского населения. Появление тюркских народов на Урале вызвано масштабными миграциями из Азии в IV–V веках н. э. Тюркские народы заселяли Урал по рекам Сылве, Каме, Миасу, Исети, Туре, Тоболу, Иртышу и Оби[168]. Татары Урала представлены в основном волго-уральской группой, включающей несколько подгрупп (Прикамье, Средний Урал), и сибирскими татарами (Западная Сибирь). В XVI–XVIII веках тюркское население Урала пережило процесс этнического взаимодействия с пришлыми татарами-переселенцами из Среднего Поволжья[169]. В результате на Урале сформировалось несколько этнографических групп татар (волго-уральские татары), отличающихся некоторыми особенностями самосознания и отдельными чертами традиционной культуры. Особенностью волго-уральских татар в Прикамье (пермских татар) является тесное взаимодействие с местным финно-угорским населением.

Наиболее крупной группой можно считать татар, расселенных в бассейне рек Шаквы, Сылвы, Ирени (Пермский, Кунгурский и Красноуфимский уезды Пермской губернии). В 1897 году татарское

---

[167] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XI. Тагильский округ. Свердловск, 1928. С. 9.

[168] *Гурьев Н. А.* Национальные меньшинства Урала. М., 1930. С. 5.

[169] Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала и вопросы их формирования. Историко-этнографический атлас татарского народа. Казань, 2002. С. 79–81.

население этих уездов составляло примерно 25 тыс. человек[170]. В Красноуфимском уезде татарское население находилось в условиях постоянных межкультурных контактов с другими народами Поволжья (Азигуловская волость)[171]. Периферийная группа сылвенско-иренских татар – сарсинская – сформировалась в верховьях реки Сарс, притока реки Уфы. Эти ареалы обозначились уже в XVIII веке и на протяжении последующего времени не изменялись[172]. Отдельно специалистами выделяется муллинская группа татар (Кояново, Баш-Култаево, Янычи), этническое сознание которой оформилось в XIX веке, до этого местные татары учитывались как башкиры[173]. Отдельные группы татар проживали и в северных территориях области – бывших Соликамском и Верхотурском уездах Пермской губернии[174]. Сибирские татары, этничность которых формировалась в рамках Сибирского ханства, были расселены преимущественно на самом востоке Урала – в Тюменском, Ялуторовском и Ишимском уездах Тобольской губернии[175].

В южных районах Урала сложились места проживания башкир, имевших анклавное положение. Башкиры Урала также не были однородны и представляли несколько родовых объединений, преимущественно из северо-западной группы[176]. Отдельные роды башкир еще с XIII–XIV веков расселялись в бассейнах рек Буй, Тулва, Танып, верховьях реки Уфа. Их появление было вызвано проникновением в юго-западную Башкирию кипчаков[177]. В результате к началу XX века компактное проживание башкир Пермской губернии сложилось в Екатеринбургском уезде – в Кульмяковской, Саринской, Карабольской волостях; в Красноуфимском уезде – в Шокуровской, Азигуловской, Белянковской, Больше-Окинской, Ачитской и Укинской волостях; в Осинском уезде – в Елпачихинской, Ново-Артауловской (она не войдет в состав Уральской области), Бардымской и Больше-Гондырской волостях (родовые группы – *гайна*, *танып*, *уран*, *ун*, *балыксы*); в Шадринском уезде – в Аминевской, Буринской, Кызылбаевской,

---

[170] Первая Всеобщая перепись населения 1897 года... С. 3.

[171] Этнотерриториальные группы татар Поволжья и Урала... С. 80.

[172] Татары // Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие: научно-популярная энциклопедия. Пермь, 2010. С. 117–118.

[173] *Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М.* Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 50–52.

[174] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Уральская область. Отдел I. Народность. Родной язык. Возраст. Грамотность. Свердловск, 1928. С. 128–129, 132–133.

[175] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 59.

[176] Башкиры // Народы Пермского края: Истоки. Становление. Развитие: научно-популярная энциклопедия. Пермь, 2010. С. 79.

[177] *Кузеев Р. Г.* Происхождение башкирского народа. М., 1974. С. 346.

Тюляковской, Усть-Багарякской, Теченско-Башкирской волостях (группа *салжиут*). В Оренбургской губернии башкиры проживали в Троицком уезде – Байсакаловской, Мулдакаевской, Сызгинской, Тунгатаровской волостях; в Челябинском уезде – в Черлинской волости (группы *елан* и *катай*). Поселения башкир имелись и в Сарапульском уезде Вятской губернии[178]. По итогам переписи 1897 года в Пермской губернии проживало около 70 тысяч башкир[179], в Челябинском и Троицком уездах Оренбургской губернии – около 65 тысяч[180]. Отметим, что для башкирского населения Красноуфимского, Осинского и Сарапульского уездов Пермской губернии исторически была свойственна двойственность этнического сознания, что стало особенно заметно в XX веке и было предметом дискуссий об этнической принадлежности этих территорий[181].

Помимо татар и башкир в начале XX века среди тюркского населения выделялись группы мещеряков и тептярей. Среди последних С. И. Руденко выделил группу коренных башкир улу-катайцев, живших вместе с бала-катайцами в Екатеринбургском и Шадринском уездах Пермской губернии, местом проживания мещеряков были Красноуфимский и Шадринский (Теченско-Башкирская волость) уезды[182]. Этничность мещеряков и тептярей была практически полностью утрачена в XX веке.

На территории Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии, который также войдет в Уральскую область, проживало уникальное сообщество, вышедшее из крещеных татар-казаков – нагайбаки, насчитывавшие около 10 тысяч человек[183]. До 1920-х годов территории их проживания входили в Верхнеуральский и Троицкий уезды Оренбургской губернии (села Кассель, Остроленка, Фершампенуаз, Париж, Требия и Астафьевское)[184]. Всего исследователи выделяют три группы нагайбаков: центральную, северную и южную[185].

Запад и юго-запад области имели места компактного расселения татар, марийцев, удмуртов и других народов, в том числе на границах

---

[178] *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 7.

[179] Первая Всеобщая перепись населения 1897 года... С. 3.

[180] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 3.

[181] Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты / А. В. Черных [и др.]. Пермь, 2004.

[182] Там же. С. 4, 10.

[183] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск, 1928. С. 9.

[184] *Атнагулов И. Р.* Этническая история нагайбаков в XVIII – начале XXI века: становление и трансформация идентичностей. Челябинск, 2018. С. 7, 59–77.

[185] *Белоруссова С. Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI веках. Дисс. ... канд. ист. наук: 07.00.07. Екатеринбург, 2017.

с национальными республиками. По этой причине состав населения Кунгурского и Сарапульского округов был весьма пестрым. В материалах доклада уполномоченного среди национальных меньшинств при Президиуме Кунгурского окружного исполнительного комитета (окрика) за 1925 год сообщается, что национальные меньшинства составляют 11,6% населения[186]. При составлении Списка населенных пунктов Кунгурского округа по переписи 1926 года, например, авторы даже ввели отдельные графы для 4, 5 и 6 по численности национальностей в районах в связи со «сложным национальным составом» (обычно этих граф было три). Помимо выше упомянутых народов здесь имелись компактные места проживания цыган, белорусов и чувашей, немцев и эстонцев[187]. Здесь же находилось крупнейшее за весь период существования Уральской области этническое образование марийцев. Марийская группа Урала формировалась в результате миграций из Поволжья в XVI веке[188]. Начало массовой миграции марийцев в Приуралье, в том числе в районы Прикамья, приходится на вторую половину XVI века. Одним центром, из которого шло заселение, были верховья реки Сылвы. К концу XVII века в Кунгурском уезде уже имелось значительное марийское население, хотя его заселение марийцами продолжалось. Документы XVII – начала XVIII века отмечают деревни сылвенских марийцев, сохранившиеся и в настоящее время: Тебеняки, Красный Луг, Каменка[189]. Второй поток марийцев шел с низовьев Уфы, из северных районов Башкортостана. Во время продвижения на север они расселились только на юге Красноуфимского уезда (село Черемисское). Здесь марийцы вступали в активные контакты с башкирским населением[190].

Переселение удмуртов в бассейн реки Буй в основном шло из южных районов современной Удмуртии, из бассейнов рек Вала, Тойма, Умяк, Кильмезь, Иж[191]. В 1673 году жители удмуртских деревень Кирга, Гондырь, Барабан заключили договор о припуске с башкирами Уранской волости[192]. К началу 1920-х годов «буйские удмурты» компактно проживали в Осинском уезде Пермской губернии[193]. Кроме этого, в результате

---

[186] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 209.

[187] Список населенных пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ. Свердловск, 1928. С. 7.

[188] *Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии. Пермь, 2013. С. 51–52.

[189] Там же. С. 28.

[190] *Чагин Г. Н.* Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 249–250.

[191] *Атаманов М. Г.* Из истории расселения воршудно-родовых групп удмуртов // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 89–126.

[192] ГАПК. Ф. 177. Оп. 1. Д. 1944. Л. 171.

[193] *Черных А. В.* Буйские удмурты. Этнографический очерк. Пермь, 1995. С. 5.

административных реформ в состав Уральской области войдут группы удмуртов с территории компактного исторического проживания. Г. Н. Чагин называет их группой красноуфимских или верхнеуфимских удмуртов[194]. Отдельной группой удмуртов можно считать жителей Киясовского и Каракулинского районов, который вошел в Уральскую область из Вятской губернии, где удмурты исторически проживали.

Особенности национальной политики в отношении этих групп финно-угорских и тюркских народов, прежде всего из приграничья, были вызваны не только компактным характером их проживания, но и активным взаимодействием с ними национальных республик, выступавших от имени этих народов. Этот фактор властям создаваемой Уральской области также приходилось учитывать при планировании мероприятий национальной политики.

1.1.3. Этнодисперсные группы Уральской области

В результате промышленного развития крупных городов в XIX веке, политики ссылки и принудительного расселения разных народов в крупных городах области (Пермь, Екатеринбург, Челябинск, Курган, Тюмень) сложились сообщества немцев, поляков и евреев, которые принимали активное участие в культурной жизни регионов и были заметны в культурном пространстве Урала[195].

Евреи появляются на Урале в первой половине XIX века[196]. Формально еврейская община ведет свое начало от декабриста Григория (Гирша) Перетца, высланного в 1826 году в Пермь с семьей[197]. Однако первая массовая миграция евреев на Урал связана с принятием 26 августа 1827 года Указа Николая I «О введении для евреев воинской повинности»[198]. Согласно указу, правительству разрешалось набирать из еврейских общин «кантонистов» – мальчиков 8–12 лет для прохождения военной службы. Евреи-«кантонисты» служили в нескольких внутренних губерниях России, в том числе в Пермской губернии. На 16 августа 1850 года в пермских батальонах находилось 3314 канто-

---

[194] *Чагин Г. Н.* Народы и культуры Урала в XIX–XX вв. Екатеринбург, 2002. С. 236.

[195] *Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М.* Этническая история Пермского края // Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие. Словарь-справочник. СПб., 2014. С. 49–60.

[196] *Прощенок Т. В.* Еврейское население среднего Урала в XIX – начале XX в. // Первые Татищевские чтения: Тез. докл. и сообщ. Екатеринбург, 14–15 нояб. 1997 г. Екатеринбург, 1997. С. 199; *Мотревич В.* По своей и царской воле: Еврейская община на Урале // Родина. 2002. № 4/5. С. 122–123.

[197] ПМА. Кисельгоф Э. З., 1940 г. р. Пермь, 2012.

[198] О введении воинской повинности для евреев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Т. 3. 1828. СПб., 1830. С. 1228–1229.

нистов[199]. В середине XIX века в Перми возникло первое еврейское кладбище[200], сформировалась система еврейского образования[201], а 1881 году – построена первая синагога. По данным Первой всеобщей переписи населения 1897 года, в Пермской губернии проживал 1761 еврей[202]. К началу XX века среди купцов Урала было немало евреев, самые известные из которых – семьи Перетц, Анцелевич, Меклер, Халаймезер, Либерман. Евреи были заметны в медицине, банковском деле и в горной промышленности. В Екатеринбурге, Перми, Челябинске имелись собственные синагоги[203]. Значительный приток еврейского населения на Урал произошел в 1914–1915 годах в связи с Первой мировой войной. В этот период из западных и прибалтийских губерний прибыло несколько тысяч евреев[204]. В результате к началу 1920-х годов евреи являлись третьим по численности этническим сообществом в Перми, Свердловске и Челябинске – трех крупнейших городах Урала. В первые годы советской власти на Урале работало несколько еврейских организаций[205]. Крупнейшая на Урале еврейская община, насчитывавшая около четырех тысяч человек, была зафиксирована в Екатеринбурге (третье по численности этническое сообщество Свердловского округа). Евреи были весьма заметны в культурной жизни первой половины 1920-х годов, но в мероприятия национальной политики евреи и их объединения не включались.

Польская община на Урале начала формироваться после польских восстаний 1830–1831, 1863 годов. Именно тогда города Пермской губернии приняли ссыльных поляков. На Урал во второй половине XIX века переселялись поляки – учителя, врачи, инженеры, деятели культуры. К концу XIX века из-за стремительного развития системы железнодорожного транспорта в Пермь на работу приезжает большое количество польских инженеров[206]. Перепись 1897 года зафиксировала проживание 1316 поляков в Пермской губернии[207].

---

[199] *Каджая В.* Кантонисты: «Архипелаг» для еврейских детей» [Электронный ресурс]: Кантонисты – страницы трагедии. URL: http://jhist.org/russ/kanton_00.htm (дата обращения: 21.02.2025).

[200] *Гладышев В.* Перми старинное зерцало. История Перми в зеркале некрополя. Пермь, 2001. С. 21, 34.

[201] *Зурабян О.* История еврейского образования в Перми // Этническая культура и современная школа. Материалы областной научно-практической конференции 27–28 апреля 2006 г. Пермь, 2007. С. 24–25.

[202] Первая Всеобщая перепись населения 1897 года... С. 3.

[203] *Антропова И.* Из истории евреев Урала // Урал. 2004. № 11. С. 188–191.

[204] Там же. С. 193.

[205] *Каменских М. С.* Еврейский комиссариат и евреи в общественной жизни Пермской губернии 1918 года (по данным архивных материалов) // Вестник Пермского университета. История. 2018. 3 (42). С. 64–65.

[206] *Черных А. В.* Поляки Перми: история и культура. СПб., 2017. С. 18–19.

[207] Первая всеобщая перепись населения... С. 3.

Начиная с XVIII века во многих городах и заводах Урала сложились и крупные немецкие городские общины. Их формирование началось в конце XVIII века, когда по указу Екатерины II немцам разрешалось поселяться на российских землях. Немцы работали учителями, врачами, служащими в городах и заводских поселках, много немцев трудилось в системе управления железными дорогами[208]. К концу XIX века в Пермской губернии проживало 947 немцев[209], в Троицком и Челябинском уездах Оренбургской губернии – около 400[210]. Несмотря на то, что на Урале в разное время формировалось несколько сообществ немцев, в том числе городских, наиболее крупная группа сложилась на Южном Урале в результате крестьянской миграции XIX–XX веков. В этот период на территории Омской, Уфимской, Оренбургской и Пермской губерний появляются компактные места проживания немцев, переселившихся с территории центральных и западных губерний Российской империи. На территории Челябинского и Троицкого округов, в частности, расселилось около 2500 немцев. Районы расселения немцев сформировались и на юге Сарапульского уезда. За немцами, приехавшими в начале XX века на Урал, закрепился термин «колонисты», а создаваемые населенные пункты даже на уровне официального делопроизводства назывались «колониями»[211].

Кроме этого, в XIX – начале XX века этнокультурный состав Урала усложнился за счет крестьянской миграции из западных губерний Российской империи. Миграция охватила Осинский, Оханский, Верхотурский и Ирбитский уезды Пермской губернии, Ишимский уезд Тобольской губернии. Крупным центром размещения и оседания переселенцев стала территория Троицкого и Челябинского уездов Оренбургской губернии. Эти территории в начале XX века заселялись белорусами, украинцами, немцами, эстонцами и латышами[212]. Они были расселены преимущественно дисперсно, однако в некоторых районах создаваемой области переселенцы составляли большинство.

---

[208] *Вайман Д. И.* Немцы Перми: история и культура. СПб., 2015. С. 18–19.

[209] Первая всеобщая перепись населения... С. 3.

[210] Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Т. XXVIII. Оренбургская губерния. СПб., 1904. С. 3.

[211] *Каменских М. С.* Коллективизация и национальная политика конца 1920-х годов в немецкой деревне (на материалах Троицкого округа Уральской области) // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы второй региональной научно-практической конференции. Челябинск, 2019. С. 91–92.

[212] *Молощенков А. Н.* Миграция украинского населения на Южный Урал в первой четверти XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 30.

Источником миграции стала и Первая мировая война. Национальный состав губерний Урала в 1914 –1918 годах вновь усложнился за счет российских немцев, евреев, латышей, украинцев. Вместе с беженцами размещались военнопленные, армейские подразделения, формировавшиеся в районах с отличающимся этническим составом[213]. В Перми, в частности, квартировалось несколько рот украинцев[214].

Крупным этнодисперсным сообществом Урала были цыгане. В 1926 году на территории Уральской области было зафиксировано проживание 2516 цыган, что составляло примерно 6% цыган РСФСР. Самыми «цыганскими» были Челябинский (288), Шадринский (215) и Курганский (438) округа Уральской области, где проживало 37% цыган области. Цыгане Урала в рассматриваемый период представлены несколькими этническими группами, среди которых две наиболее значительные – русские цыгане (русска рома) и цыгане-кэлдэрары. В условиях социально-экономических модернизаций 1920–1930-х годов каждая группа имела свой опыт и особенности реализации социально-экономической деятельности[215].

На юге Троицкого уезда к началу 1920-х годов, на границе с Казахской ССР, находилось еще одно крупное этническое образование – «казаки» (совр. казахи). Они вели кочевой образ жизни в приграничной зоне. С 1933 года власти области начали вести политику по «содействию оседанию казаков (кочевников)»[216].

В силу влияния исторических причин на Урале в XX веке появились и народы Дальнего Востока. В годы Русско-японской войны Пермь была местом для водворения мирных японцев, китайцев и корейцев, оказавшихся в первые месяцы войны в зоне боевых действий[217]. В 1904 году при Кирилло-Мефодиевском училище города Перми даже были открыты курсы русского языка для корейцев[218]. После войны несколько корейских семей остались жить в Перми. Тысячи китайцев и корейцев стали приезжать на Урал с 1915 года. Их появление было вызвано дефицитом рабочих рук на промышленных предприятиях из-за

---

[213] *Черных А. В., Каменских М. С., Белавин А. М.* Этническая история... С. 68.

[214] *Каменских М. С., Черных А. В.* Украинцы Перми: история и культура. СПб., 2017. С. 18.

[215] *Черных А. В., Каменских М. С.* Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2020. Т. 19. № 4. С. 851–868.

[216] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 97.

[217] *Каменских М. С.* Китайцы, японцы и корейцы, водворенные в Пермскую губернию в годы Русско-японской войны // Уральский исторический вестник. 2009. № 3 (24) С. 49–53.

[218] *Каменских М. С.* Корейцы Пермского края: очерки истории и этнографии. СПб., 2014. С. 32–34.

Первой мировой войны[219]. Чтобы обеспечить работу промышленности, правительство Российской империи пошло на беспрецедентный для себя шаг – привлекло для работы на предприятиях военно-промышленного комплекса китайских рабочих. Управляющий Абамелек-Лазаревских заводов в Пермской губернии Н. Н. Курманов в письме губернатору М. А. Лозина-Лозинскому писал, что «лишь с помощью китайских рабочих можно надеяться исполнить наши обязательства по поставкам каменного угля, как казенным, так и частным учреждениям»[220]. Доля китайцев и корейцев в общей массе рабочих была невысокой, однако на некоторых промышленных объектах (Губахинские и Кизеловские копи, Алапаевский и Богословский заводы) они были весьма заметны, участвуя в общественной жизни. К концу 1917 года во многих районах современной центральной и северной части Пермской губернии (Кизел, Алапаевск, Надеждинск, Чусовой, Лысьва) проживало до 10 тысяч китайцев и корейцев[221].

Таким образом, к началу 1920-х годов Урал с точки зрения этнических культур представлял из себя регион с весьма сложным составом. Хотя основным населением и были русские, в некоторых территориях они составляли меньшинство. При создании административных границ часто исходили из этнических особенностей населения, но иногда абсолютно их не учитывали. Созданная в Уральской области окружная система подразумевала, что в каждой из территорий будут вестись самостоятельные мероприятия, с учетом особенностей национального состава. Исходя из этого, власти области выстраивали и управленческую схему национальной политики.

1.2. Общественные организации народов Урала

Принятое в 1917 году постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» позволило регистрировать общества, не имеющие целью извлечение прибыли[222]. На основании этого документа в городах Урала были зарегистрированы общества поляков, латышей, евреев, немцев, эстонцев, китайцев. К моменту прихода большевиков к власти практически все обозначенные выше сообщества уже вели разного рода общественную деятельность. Пермский округ,

---

[219] *Таняев А. П.* Уральский рабочий накануне и в годы империалистической войны // Рабочее движение в годы войны. Свердловск, 1927. С. 26–27.

[220] ГАПК. Ф. 65. Оп. 3. Д. 595. Л. 8.

[221] *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XX века. СПб., 2011. С. 48–56.

[222] Постановление Временного правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Вестник Временного правительства. 1917. 21 июля.

унаследовавший управленческую инфраструктуру Пермской губернии, был самым населенным в области, количество его жителей составляло 715 тысяч человек[223]. В этой связи наиболее актуальные процессы проходили именно на его территории.

Еще в декабре 1917 года в Перми было зарегистрировано Пермское латышское общество. Документы о создании общества были поданы 1 декабря 1917 года в регистрационный отдел Пермского окружного суда жителем Перми Андреем Михайловичем Грекером[224]. Поляки-беженцы создали Польский комитет помощи беженцам, который помогал соотечественникам, а в 1919 году в Перми был создан Польский военный комитет из бывших офицеров царской армии. По его инициативе в Перми проводились польские балы и даже рекрутировались бойцы для армии независимой Польши[225]. Известно о деятельности Союза китайских граждан на территории губернии[226]. Помощь беженцам евреям оказывал Еврейский общинный совет[227].

Большевистское правительство с первых дней после прихода к власти начало активно привлекать к сотрудничеству различные национальные союзы и объединения. Эта политика реализовывалась через институт Бюро национальных меньшинств («бюро нацмен»), создаваемые при губкомах. Бюро включали в себя секции национальных меньшинств, представлявшие активистов тех или иных национальностей. Кроме этого, свои отделы по всей стране открывал и созданный в советском правительстве Народный комиссариат по делам национальностей (Наркомнац)[228]. На местах национальные комитеты и отделы Наркомнаца имели разветвленную сеть при губернских, уездных и городских советах. К концу 1918 года в стране было создано уже более 100 отделов по делам национальностей в 20 губерниях[229]. С этого момента местные бюро нацмен и отделы Наркомнаца при исполкомах стали

---

[223] Всесоюзная перепись населения 1926 г. ... С. 122.

[224] ГАПК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 267. Л. 1.

[225] Поляки в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2009. С. 47–71.

[226] *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 114–115.

[227] *Каменских М. С.* Еврейский комиссариат и евреи в общественной жизни Пермской губернии 1918 года (по данным архивных материалов) // Вестник Пермского университета. История. 2018. 3 (42). С. 64–73.

[228] Статья № 529. Постановление Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об учреждении представительств Народного Комиссариата по Делам Национальностей в Автономных Республиках и автономных областях // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. М., 1943. С. 782.

[229] *Песикина Е. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность в 1917–1918 годах. М., 1950. С. 61–62.

единственными легитимными представителями этнических сообществ при советских органах власти. С 1918 года в структуре Пермского губкома существовал агитационно-пропагандистский отдел (агитпроп), в котором действовало Бюро нацменьшинств. На этот орган фактически возлагались функции по взаимодействию с нацмен[230].

В отношении созданных ранее общественных объединений политика была нацелена на их ликвидацию или включение в советскую систему. В 1920–1921 годах практически все общественные объединения под влиянием новой власти провели внутренние конференции и, сменив названия, стали подконтрольны агитпропотделу. В результате Союз польских граждан был переименован в Союз польских рабочих, Латышское общество г. Перми – в латышский Рабочий клуб «Циня», Союз китайских граждан – в Союз китайских рабочих, Еврейский общинный совет – в Пермский еврейский комитет. Под влиянием большевиков в Перми возникло местное отделение Корейского национального союза[231]. В дальнейшем деятельность этих организаций сосредоточилась вокруг «ячеек нацмен» при агитпропе Пермского губернского исполнительного комитета. Причиной создания Бюро нацмен могло быть и желание большевиков привлечь новых бойцов в Красную армию, и обеспечение влияния в отдельных этнических сообществах. Так, Вотская и Украинская секции создавались исключительно для выстраивания работы с военнослужащими, расквартированными в городах Урала[232]. Всего в составе агитпропотдела было создано несколько секций, объединяющих различные этнические группы, – Татбашбюро, немецкая, вотская, пермяцкая, украинская, латышская, венгерская, еврейская, польская и китайско-корейская секции[233]. Активизация деятельности той или иной секции начиналась в тот момент, когда Советская Россия поддерживала революционное движение или вела боевые действия на исторической родине этих народов (украинцы, латыши, эстонцы, по-

---

[230] Путеводитель по фондам Государственного архива новейшей истории и общественно-политических движений Пермской области. Пермь, 2001. С. 25.

[231] *Каменских М. С.* Национально-культурное общественное движение в Пермской губернии в 1917–1921 гг. // Ноябрьские историко-архивные чтения 2017 г. Материалы научной конференции «Россия в период революционных потрясений. К 100-летию Русской Революции 1917 г.». (ПермГАСПИ, 14–16 ноября 1917 г.) Пермь, 2018. С. 85.

[232] Известно, что создание национальных воинских формирований было одной из ключевых задач большевиков в национальной политике первых лет советской власти. См.: *Дмитриев Т.* «Это не армия»: национальное военное строительство в СССР в контексте советской культурной национальной политики // Время вперед! Культурная политика в СССР. М., 2013. С. 113.

[233] См.: *Каменских М. С.* Национальная политика в Прикамье... С. 33–69.

ляки). А Пермяцкая секция возникла в Прикамье только после того, как появилась необходимость конкуренции с созданным отделением Коми облревкома (см. раздел 1.3).

Бюро национальных меньшинств имели большой административный ресурс и информационную поддержку. Однако общие для всех секций «обязательные собрания» и регулярные перерегистрации свидетельствуют, что само население, с которым работали секции, не принимало активного участия в их деятельности. Деятельность секций носила искусственный характер, поскольку создавались они в большинстве своем не по инициативе самих представителей данной национальности, а по решению губкома, часто – в качестве альтернативы уже существующей организации. В этой связи судьба Бюро была предрешена. Как только большевики окончательно укрепили свою власть и отказались от идей экспорта революции, большинство секций перестали существовать[234].

1.3. Общественное движение марийцев, коми-пермяков и народов Севера

Общественные движения народов Урала в период до создания Уральской области были зафиксированы и за пределами губернских центров. В начале 1920-х годов в местах проживания марийцев велись дискуссии об объединении марийцев Урала и Башкирии и создании единой Урал-Марийской Республики. После установления советской власти именно Красноуфимск стал центром национально-культурного движения марийцев Урала. Однако практически все сведения о деятельности марийцев Урала отложились в центральных архивах Москвы. На тот момент марийское центральное бюро агитации и пропаганды существовало при обкоме Татреспублики, но предлагалось выделиться и создать собственное бюро. Предполагалось, что бюро должно обслуживать интересы марийского населения в ряде уездов соседних с Татреспубликой регионов, в том числе Сарапульского уезда Вятской губернии и Красноуфимского и Екатеринбургского уездов Екатеринбургской губернии[235]. После Первой Всероссийской конференции коммунистов мари в Казани 20–25 июля 1920 года во все укомы и обкомы страны были направлены отношения с просьбой предоставить информацию о количестве организаций мари[236].

Решение о создании марийского бюро на Урале было принято 25 октября 1920 года, когда в городе Красноуфимске состоялся Первый

---

[234] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 64.
[235] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 16. Л. 1–2.
[236] Там же. Д. 29. Л. 3.

съезд Урал мари с участием делегаций из Пермской и Екатеринбургской губерний и Башкирской Республики[237]. Красноуфимская организация уральских марийцев в начале 1920-х годов регулярно отчитывалась перед центральным Бюро марийцев, проводила митинги, партийные конференции, открывала новые ячейки, отправляла активистов на партийные курсы. Деятельность уральских марийцев получала высокую оценку Центрального бюро марийцев[238]. В марте 1921 года Центральным бюро мари проведено совещание с 10 работниками с мест, в том числе из Екатеринбургской и Вятской губерний. В протоколе сообщается, что практически никто из участников не направил нужную информацию, «однако наиболее исполнительной оказалась марийская секция при Красноуфимском Укоме». В документе подчеркивалось, что Красноуфимская секция несмотря на ее отдаленность от центра оказалась наиболее дисциплинированной, одна из первых связалась с Центральным бюро и присылала отчеты, проводила митинги, беспартийные конференции, создавала новые ячейки, отправила на партийные курсы 15 марийских активистов. Известно о работе марийской школы-коммуны в 19 верстах от Красноуфимска. «Школа эта действительно является культурным и политическим центром марийского населения», – сообщил в своем докладе руководитель местной секции Ефремов[239]. В дальнейшем Красноуфимское бюро еще несколько раз упоминалось в отчетах мари секции в Наркомнаце как наиболее организованное.

Проект автономии для уральских марийцев не был реализован из-за крайне смешанного состава населения территории, дисперсного расселения самих марийцев и отсутствия политической поддержки (на тот момент собственная республика для марийцев еще только проектировалась)[240]. К тому же у марийцев Красноуфимска возникли сложности во взаимоотношениях с уездным комитетом, о чем свидетельствует ряд косвенных фактов. Структуры изначально находились в разных сферах подчинения, но вели работу с одним и тем же населением. На заседании Красноуфимского укома 1 ноября 1922 года был рассмотрен вопрос о создании «экономокультурно-просветительского общества для поднятия культурного политуровня народности «МАРИ». По итогам рассмотрения власти решили «признать организацию общества параллельной организацией с органами Наркомпроса, неприемлемым»[241]. Это было

---

[237] Государственный архив в г. Красноуфимске. Ф. Р-395. Оп. 1. Д. 26. Л. 4–6 об.
[238] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 69. Л. 8, 25.
[239] Там же. Д. 29. Л. 8.
[240] *Каменских М. С.* Национальная политика в Прикамье... С. 65–67.
[241] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 61. Д. 41. Л. 25.

последнее из имевшихся упоминаний об общественной активности марийцев. После создания Уральской области о деятельности марийской секции в городе Красноуфимске практически ничего неизвестно.

Общественное движение активизировалось с 1921 года и в «Пермяцком крае» Пермской губернии. Сразу после I Всезырянского съезда, имевшего целью создание автономии для коми, Коми отдел Наркомнаца направил областному комитету Пермской губернии информацию о подготовке к созданию Автономной области Коми. В уезды с коми населением были направлены инструкторы[242]. Инструктором по Пермской губернии стал участник Гражданской войны, выходец из батрацкой семьи Федор Гаврилович Тараканов, 1900 года рождения. С 1916 года он начал сотрудничать с нелегальными социалистическими кружками, в октябре 1917 года поддержал большевиков, участвовал в ликвидации антисоветских мятежей в Кудымкаре весной 1918 года, был заведующим отделом Кудымкарского РайЧК[243]. В этой должности Ф. Г. Тараканов принимал участие в арестах и расстрелах. По его собственным словам, в сентябре 1918 года он расстрелял председателя РайЧК И. А. Распопова[244]. С 1920 года Тараканов работал в структурах Наркомнаца, проходил обучение по вопросам национально-государственного устройства, а 30 июля 1921 года был назначен на должность председателя созданного Пермского отделения Комиоблревкома[245].

С марта 1921 года Ф. Г. Тараканов с несколькими единомышленниками (братьями В. К. и Я. К. Пасютиными, Я. А. Кривощековым) начал вести культурную и просветительскую работу среди коми-пермяцкого населения. В деревнях они читали лекции на родном языке, проводили концерты коми песни «Коми рыттэз» («Коми вечера») для местного населения. Ф. Г. Тараканов позже напишет: «Помню, как в 1920 году я, вернувшись из рядов Красной Армии в Кудымкар, вместе с другими коммунистами и патриотами края стал вести работу по осуществлению давней мечты коми-пермяков, их мечты о самоопределении. Начал с чтения докладов о текущем моменте на родном языке, с проведения концертов коми песен»[246]. В своей агитации активисты делали акцент на существовавшее в то время несколько «приниженное» положение пермяков в «русской» губернии и на этнокультурную близость пер-

---

[242] История Коми с древнейших времен до наших дней... С. 276.

[243] *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ. Стихи и воспоминания. Кудымкар, 1990. С. 7.

[244] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

[245] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Учебное пособие. Кудымкар, 2004. С. 69–71.

[246] *Тараканов Ф. Г.* Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 17.

мяков и зырян. О том, какие тезисы включала в себя агитация, может свидетельствовать статья Ф. Г. Тараканова «О включении пермяков в автономную область Коми», опубликованная в журнале «Жизнь национальностей» в мае 1922 года: «Пермяки носят с зырянами одно наименование коми, так как они являются одним народом. Названия «пермяки» и «зыряне» даны им иностранцами»[247]. И далее: «Русификаторская политика царизма находила среди пермяков, кажется, наивысшее свое применение. С остервенением убивалось все пермяцкое и насаждалось все чуждое»[248]. Вероятней всего, такая риторика использовалась и на встречах с населением.

Движение по самоопределению пермяков поддерживалось властями создаваемой Автономной области Коми. В документах комиссии, образованной секретариатом ЦК ВКП (б) по вопросу о Пермяцком крае в 1925 году, указано на факты получения денежных средств от Комиоблревкома активистами – Ф. Г. Тараканом и его соратниками: «Работниками Коми давались директивы Я. Пасютину, последний помимо и через голову окружных организаций давал директивы на места в пермяцкие районы. На имя Пасютина посылались деньги до 1000 руб. за раз. Телеграфная переписка указывает, куда предназначались эти деньги последнего получения»[249]. Видя активность Комиоблревкома, Пермский губком также начал работу среди пермяков. В марте 1921 года была объявлена бессрочная регистрация в ежедневном режиме всех «пермяков-коммунистов», проживавших в Перми и Мотовилихе. Для тех, кто знал пермяцкий язык, явка была обязательной. Было объявлено предупреждение, что неявившиеся будут караться «согласно партийной дисциплине»[250]. Судя по всему, первоначальная оргработа не принесла результатов, поскольку 29 апреля 1921 года в «Звезде» повторно появилось сообщение об «объявлении регистрации» в Пермяцкое бюро при Губкоме РКП[251]. Параллельно, 1 августа 1921 года, в Перми открылось отделение Автономной области Коми, которое проводило регистрацию зырян и пермяков. Его возглавлял Ф. Г. Тараканов[252].

Первоначально пермяцкое население отнеслось к агитации Ф. Г. Тараканова и его соратников отрицательно. 21 апреля 1921 года делегаты Кудымкарской партийной конференции высказались против

---

[247] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1.
[248] Там же. Л. 2.
[249] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 17.
[250] Извещения // Звезда. 1921. 10 марта.
[251] Извещения // Звезда. 1921. 29 апр.
[252] Извещения // Звезда. 1921. 10 авг.

вхождения края в состав проектируемой Автономной области Коми[253]. Ситуация начала меняться после введения в 1921 году продналога. Судя по источникам, действия продотрядов в Пермяцком крае часто сопровождались грабежом и насилием, конфискацией имущества, что вызывало недовольство местного населения[254]. Эту позицию и использовали в своей агитации представители Автономной области Коми. В августе 1921 года коми отдел Наркомнаца распространил в Кудымкарском районе инструкцию, согласно которой продналог нужно было платить Усть-Сысольским властям[255]. Ф. Г. Тараканов и его сторонники на встречах с населением обещали снижение налогов и сборов со стороны органов власти Автономной области Коми. Видя, что начались какие-то изменения, крестьяне переставали платить продналог, что сильно повлияло на общие сборы по Чердынскому уезду. По этому поводу Верхнекамский окружком в 1924 году сообщал: «Как обрабатывалось общественное мнение пермяцких районов и насколько искажалась партийная линия Пасютиным, говорят те кулацко-эсеровские настроения, которые прорывались на крестьянских собраниях и крестьянской краевой конференции» (из служебной записки в адрес Уралобкома)[256].

В этот период идея выхода пермяцкого населения из Пермской губернии стала весьма популярной. На это, в частности, указывал в своем отчете в обком председатель Верхнекамского окружкома Писарев: «Проводившийся под руководством Пасютина [Я. К. Пасютин – авт.] плебисцит (через голову и без ведома областных и окружных центров) дал значительный крен в настроении крестьянских масс, ожидавших облегчение налоговых тягот и других льгот в случае присоединения к области коми-зырян». По его словам, в этот период «собираемость налогов по коми-пермяцким районам сократилась до 50%»[257].

С лета 1921 года власти Пермской губернии начали вести жесткую политику в отношении агитаторов. Она связана с именем Христофора Генриховича Гинтера, занимавшего пост военного комиссара Пермской губернии[258]. К периоду его руководства относится самое жесткое преследование пермяцких активистов. Ф. Г. Тараканов вспоминал: «...но в самый разгар этой творческой работы [агитации населения в сентябре – авт.], уездные и губернские власти, состоящие из русских, начали высказывать свое несочувствие. Съезды не разрешались... на места

---

[253] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... С. 33.
[254] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
[255] *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.
[256] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 17.
[257] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 2.
[258] Там же. Ф. 557. Оп. 6. Д. 293. Л. 1.

выезжали представители, открыто заявлявшие, что никакой работы по выделению в автономию не будет допущено... были случаи, когда предлагали не произносить слова «автономия Коми»[259].

С октября 1921 года Пермский губком потребовал прекратить проведение собраний. В декабре 1921 года один из пермяцких активистов, Е. Долдин, был задержан милицией при попытке распространить приказ № 1 Коми облревкома, но ему удалось сбежать, а 22 декабря 1921 года всех активистов коми-пермяцкого национально-культурного движения заставили сдать партийные билеты[260]. В газете «Пахарь» коми-пермяцкие активисты объявлялись кулаками и «остатками эсеровщины»[261]. В письме в адрес зырянского представительства Наркомнаца Ф. Г. Тараканов писал, что его и его товарищей уже точно исключат из партии. «Настаивайте перед ЦК об обязательном включении в состав Коми области. Иначе такое отношение пермских властей отбросит нас на 10 лет назад», – предупреждал он в декабре 1921 года[262]. В мае 1922 года член обкома партии Автономной области Коми М. И. Торлопов писал об этом времени: «Приехав в Кудымкар, я узнал, что некоторые коммунисты-пермяки преследуются за... ничем не обоснованную виновность, благодаря чему с каждым днем обостряется национальная ненависть. Некоторые коммунисты, работающие по выделению народа коми, теперь вынуждены быть в подполье...!»[263]. Когда в 1924 году в Пермяцком крае будет работать административная комиссия, по итогам ее деятельности председателю Уральского обкома М. М. Харитонову поступит письмо ВЦИК с указанием, что в 1921 году Верхнекамский окружком РКП (б) «применял репрессии к некоторым пермяцким работникам, поднимавшим вопрос о присоединении Пермяцкого края к Коми области. Этим самым, – говорилось в письме, – перед глазами масс обнаруживается разлад внутри Верхне-Камской партийной организации и резкое деление ее по национальной линии»[264]. А вот как описывает этот период Ф. Г. Тараканов: «Пермским работникам мерещились одни националисты и шовинисты, которые якобы будоражат массы пермяков ради своих карьеристских целей... Они твердо усвоили девиз председателя Пермского губисполкома Гинтера: «Ни в коем случае не давать коми-пермякам дробить Пермскую губернию»[265].

---

[259] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 123.
[260] Там же. Д. 69. Л. 4.
[261] Провокация кулаков и остатков эсеровщины // Пахарь. 1924. 8 окт.
[262] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 1.
[263] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 14. Л. 42.
[264] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 151.
[265] *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 22.

В этой политике С. Лаллукка даже усматривает черты дискриминации по национальному признаку в отношении коми-пермяков со стороны администрации Пермской губернии: «Можно предположить, что руководство в Перми просто хотело наказать те территории и их активистов, которые стремились отделиться от губернии... притеснение коми-пермяков получило черты национальной дискриминации»[266]. Подробно останавливается на политике репрессий со стороны Пермского губкома и исследователь К. И. Куликов[267].

Отметим при этом, что масштаб репрессий, возможно, был преувеличен, поскольку основывался на личных свидетельствах пермяцких и зырянских общественных лидеров. В разгар «репрессий» осенью 1921 года, например, продолжала работать губернская административная комиссия, в деятельности которой принимали участие Ф. Г. Тараканов и его сторонники, выступавшие в том числе с ультимативными требованиями. В письме в Уралобком отражена позиция Верхнекамского окружкома после начала разбирательства по преследованию коми-пермяков. По мнению автора письма, с 1921 года пермяцкое общественное движение «имело нездоровые корни, сопровождалось разжиганием национального антагонизма и эксцессами», которые препятствовали проведению продналоговой кампании: «Так называемые «гонения» действительно имели место по отношению к Пасютину и Баталову [общественные активисты Я. К. Пасютин и А. Баталов – авт.], иначе окружной комитет следовало распустить, чтобы не допускать антипартийных группировок, пьяных оргий, хулиганства, переходящего всякие границы... На последней Кудымкарской районной конференции ряд т. т. пермяков свидетельствовали, что Баталов, ссылаясь на свою психоневрастению, стращал убить, застрелить, в морду дать и за это не получить никакого наказания. Имел также случай, когда Баталов приходил в Райком и на столе т. Сыстерова оставил записку с угрозой убить или застрелить»[268]. В тексте письма приводится немало подобных фактов.

Не видя поддержки и желания идти на диалог со стороны властей губернии, лидеры общественного пермяцкого движения продолжили работу с местным населением. 22–24 декабря 1921 года в Кудымкаре вновь созывается районная партийная конференция. В этот раз она высказалась за выход из состава Пермской губернии. В резолюции говорилось: «Просить ВЦИК направить в край независимую комиссию для

---

[266] *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 66.

[267] *Куликов К. И.* Национально-государственное строительство восточно-финских народов в 1917–1937. Ижевск, 1993. С. 109–111.

[268] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 17.

расследования бесчинств пермских властей. Твердо настаивать перед ЦК об обязательном включении Пермяцкого края в состав Коми области»[269]. Однако когда вопрос стал рассматриваться административной комиссией ВЦИК, по нему было принято отрицательное решение. Создание Уральской области и Верхнекамского округа, как и разногласия между Автономной областью Коми и коми-пермяцкими активистами о будущем коми-пермяцкого народа, стали причиной постепенного «сворачивания» общественного движения в Пермяцком крае в конце 1922 года. Общественное движение коми-пермяков продолжится в рамках Уральской области и в итоге приведет к созданию первого в СССР национального округа (см. главу 4).

В 1921–1922 годах общественная активность была характерна и для народов Тобольского Севера, являвшегося на тот момент частью Тюменской губернии. Большую роль в их консолидации сыграл П. И. Сосунов, автор первого проекта автономии для народов Севера. В феврале 1922 года в Обдорске была организована конференция – Съезд ватажных старшин кочевого и оседлого населения, которая отметила «настойчивое требование инородцев об образовании национального управления, исходя из тяжелых уроков, обрушившихся за годы войны и революции на инородческое население»[270]. Протокол был скреплен тамгой Василия Тайшина, представителя рода, который исторически представлял народы Тобольского Севера в общении с царским правительством.

В марте 1922 года при его участии в Наркомнаце был создан подотдел по управлению и охране туземных племен Севера, который и возглавил П. И. Сосунов. После этого в июле 1922 года в селе Самаровском состоялась Конференция представителей северных народов. Делегаты высказались за выделение административной единицы для народов Севера «на началах восстановления национального аппарата в масштабе краевого исполкома, подведомственного Тюменскому губисполкому, под непременным руководством и наблюдением народного комиссариата по делам национальностей»[271]. Проектом П. И. Сосунова предлагалось создать Полярную федерацию народов Севера, на территории от Мурманска до Таймыра[272]. Однако, как и в Перм-

---

[269] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... С. 37.

[270] Из протокола Съезда ватажных старшин кочевого и оседлого населения Обдорского района Березовского уезда Тюменской губернии – о местном национальном самоуправлении // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 71.

[271] Из постановления конференции «туземных племен Полярного севера» – об организации административного управления, судопроизводства, хозяйственного строительства на Севере Тюменской губернии // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 73.

[272] В ответе за медицину и образование // Полярный круг. 2022. 25 авг.

ской губернии ранее, Тюменский губисполком выразился категорически против «остяцко-зырянской и самоедской республики», а П. И. Сосунова стал преследовать местный отдел ГПУ. В 1922–1923 годах П. И. Сосунов жил и работал в Москве, участвовал в создании Комитета Севера после ликвидации Наркомнаца. Вернувшись на малую родину в 1925 году, он разработал Положение о туземных родовых советах, легшее в основу управления данной территорией в 1920-е годы, с 1926 по 1929 год возглавлял Тобольский Комитет Севера, участвовал в создании национальных округов[273]. Роль П. И. Сосунова в истории автономии народов Тобольского Севера еще требует дополнительного осмысления и исследований. Идея автономии в виде республики утратила свою актуальность после ликвидации Тюменской области и отнесения Березовского и Сургутского уездов к Уральской области.

Таким образом, началу 1920-х годов в результате продолжительных миграций на Урале многие этнические сообщества были расселены дисперсно практически по всей территории проектируемой области, имелись и места компактного проживания. В первые годы советской власти большевикам на Урале не удалось наладить работу с национальными меньшинствами через институт Бюро национальных меньшинств. В этот период национальной политики как таковой на уровне страны еще не велось, взаимодействие власти с общественным движением отдельных народов ограничивалось мерами контроля и общими принципами работы с общественными институтами, когда государство через создаваемые безальтернативные и подконтрольные структуры реализует собственную политику среди населения. Общественные движения за самоопределение марийцев Урала и коми-пермяков также не нашли понимания у местных органов власти. Идущая «снизу» общественная инициатива не находила поддержки у местных властей, и даже пресекалась. Эти же принципы управления будут применяться и в Уральской области начиная с 1923 года.

---

[273] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. Тюмень, 1994. С. 11–12.

Глава вторая.

УПРАВЛЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКОЙ НА УРАЛЕ

Основные мероприятия национальной политики Уральской области, как и формирование управленческой структуры, зависели от политики центральных властей. В марте 1921 года решение национальных вопросов в стране актуализировалось в связи с проведением X съезда РКП (б), на котором был заслушан доклад И. В. Сталина «Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП (б), утвержденные ЦК партии». Документ обозначил основные цели партии в национальном вопросе. В нем, в частности, говорилось, что Съезд считает нужным указать на особую опасность «великодержавности» и «колонизаторства»: «Съезд считает поэтому, что ликвидация националистических и, в первую голову, колонизаторских шатаний в коммунизме, является одной из важнейших задач партии на окраинах»[274]. По итогам съезда была принята резолюция «Об очередных задачах партии в национальном вопросе», согласно которой партия обязывалась «помочь трудовым массам невеликорусских народов догнать ушедшую вперед Центральную Россию, помочь им: а) развить и укрепить у себя советскую государственность в формах, соответствующих национально-бытовым условиям этих народов; б) развить и укрепить у себя действующие на родном языке суд, администрацию, органы хозяйства, органы власти, составленные из людей местных, знающих быт и психологию местного населения; в) развить у себя прессу, школу, театр, клубное дело и вообще культурно-просветительные учреждения на родном языке; г) поставить и развить широкую сеть курсов и школ как общеобразовательного, так и профессионально-технического характера на родном языке... для ускоренной подготовки из туземных кадров квалифицированных рабочих и советско-партийного аппарата»[275].

Такое у большевиков было видение решения национального вопроса в начале 1920-х годов. В первые три года политика Уральской области характеризовалась увеличением ассигнований из бюджета на хозяйственные и культурные нужды, на расширение сети культурных и медицинских

---

[274] *Сталин И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: Тезисы к X съезду РКП (б), утвержденные ЦК партии [Электронный ресурс]: Marxists Internet Archive. URL: https://www.marxists.org/russkij/stalin/t5/immediate_tasks.htm (дата обращения: 11.09.2024).

[275] Об очередных задачах партии в национальном вопросе // Протоколы X Съезда РКП (б). М., 1933. С. 573–582.

учреждений, на разукрупнение сети сельсоветов и образование национальных административных единиц, а также на переподготовку кадров через советские курсы.

2.1. Структура управления национальной политикой в Уральской области. Институт уполномоченных по работе с нацмен

В 1920-е годы на территории РСФСР была реализована масштабная реформа, полностью изменившая административно-территориальную структуру страны и принципы управления ею. За этой реформой закрепился термин «районирование». По всей стране комиссия ЦИК по районированию из созданных после 1917 года губерний образовала 9 областей, включавших в себя 53 округа, 706 районов и 9307 сельсоветов[276]. Базовой административной единицей стал округ, который называли «увеличенным в 2 раза уездом или уменьшенной в 2 раза губернией»[277]. Первой из областей на основании постановления ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в жизнь положения об Уральской области»[278] была создана Уральская.

Для реализации в области национальной политики 15 декабря 1923 года был образован Уральский Областной Совет национальных меньшинств, штат которого был утвержден в количестве пяти человек и одного технического работника. Совет включал в себя представителей окружных Бюро нацмен, созданных в разное время в округах области. Для руководства политикой при облисполкоме учреждена должность уполномоченного по работе среди национальных меньшинств. Первым эту должность занял член Президиума облисполкома А. И. Плешков. Им было разработано Положение об уполномоченном нацмен[279]. Согласно этому документу, в каждом округе должны были быть открыты окружные отделы по работе с национальными меньшинствами с подчинением отделу при облисполкоме в городе Свердловске[280]. А для обсуждения ситуации с народами Тобольского Севера при облисполкоме с 1925 года было открыто уральское отделение Комитета содействия народностям

---

[276] ГАРФ. Ф. 6892. Оп. 1. Д. 37. Л. 1.

[277] Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 76.

[278] Постановление ВЦИК от 3 ноября 1923 года «О введении в действие Положения об Уральской области» [Электронный ресурс]: КонсультантПлюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=17300#0550592639252756 (дата обращения: 30.08.2024).

[279] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 185.

[280] Районирование Урала / Урал. обл. ком. Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов. Свердловск, 1924. С. 8.

северных окраин с местонахождением в Тобольске (Уральский Комитет Севера)[281]. Отдельно при Обдорском райисполкоме существовал инородческий подотдел, являвшийся «связующим звеном между инородцем-кочевником и административными органами власти»[282].

В 1927 году в шести из 15 округов работали «уполномоченные по работе среди нацмен» – Сарапульском, Тюменском, Тобольском, Кунгурском, Челябинском и Троицком[283]. К 1930 году уполномоченные (или инспектора) были назначены в 11 округах[284]. Естественно, инспектора в округах не в состоянии были обслужить всю массу учреждений, работающих с этническими сообществами в Уральской области. Их работа носила инспекционный характер и проводилась точечно, в зависимости от текущей ситуации. Очень часто занимаемая должность просто совмещалась с какой-то еще. В Пермском округе, например, этой работой занимался на общественных началах бывший уполномоченный губернского отдела народного образования Р. И. Кадыров, который в то время занимал должность заведующего татаро-башкирским детским домом[285].

Решением Малого Президиума Уральского облисполкома было рекомендовано во всех райисполкомах назначить работников, ответственных за хозяйственно-культурное обслуживание нацмен со следующим функционалом: «организация работы среди нацмен; систематический учет хода и результатов работы; своевременная и систематическая проверка выполнения директив и заданий по работе среди нацмен; систематическое изучение соответствующей отрасли социалистического развития национальных меньшинств»[286]. Выделенный работник должен был быть тесно связан с комиссией по делам национальностей при Президиуме облисполкома. В территориях, где количество разных народов было значительным, ответственность за направление работы возлагалась на весь Президиум райисполкома. В списке таких районов были обозначены: Кизеловский, Сивинский, Пермско-Сергинский, Юго-Осокинский, Ординский, Суксунский, Уинский, Куединский, Бардымский, Надеждинский, Калатинский, Ачитский, Артинский, Бисерский, Свердловский, Асбестовский, Михайловский, Карабаш-

---

[281] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 30.

[282] Из доклада Обдорского райисполкома за 1924 г. – о работе инородческого подотдела // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 84.

[283] *Плешков В. А.* Мероприятия облисполкома по обслуживанию нужд нацменьшинств // Известия Уральского обкома РКК и КД. 1927. № 9–10. С. 11–13.

[284] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 299; Уральский рабочий. 1925. 22 марта.

[285] *Латыпов Р. Т.* Национальная политика на Урале... С. 110–111.

[286] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 30.

ский, Златоустовский, Сеткинский, Мехонский, Нижне-Тавдинский, Ярковский, Тюменский, Ялуторовский, Аромашевский, Усть-Уйский, Чудиновский, Каракульский, Кочкарский, Уйский, Верхнеуральский, Варненский, Магнитогорский, Березовский, Красноуфимский, Троицкий, Щучьеозерский, Тавдинский, Таборинский районы[287].

Анализируя делопроизводственную документацию, можно констатировать, что на протяжении рассматриваемого периода национальный вопрос дважды стоял на повестке дня всей Уральской области: в 1927 году – после проведения Всесоюзной переписи населения и Уральского совещания уполномоченных среди нацмен; в 1934–1935 годах – в период обсуждения и принятия новой редакции Конституции СССР. Во всяком случае, только в эти два периода областные власти запрашивали в округах и районах области отчеты о состоянии работы и деятельности местных органов власти в отношении нацмен. Этим во многом объясняется подбор источников, который позволяет только сравнить ситуацию в 1927 и 1934 годах.

В 1927 году на Пленуме Уральского облисполкома был представлен Отчет «О работе среди национальных меньшинств в Уральской области за 1926–1927 год»[288]. На пленуме были провозглашены следующие «очередные задачи в реализации национальной политики» на Урале, среди которых:

– дополнительное кредитование нацмен;

– вовлечение нацмен в кооперативное движение;

– вовлечение нацмен в систему советского управления, особенно в выборные органы;

– признать целесообразным создание Коми-Пермяцкого округа в составе Уральской области;

– создавать условия для общения на русском и местных языках в равной пропорции;

– развивать сеть национальных школ 1-й и 2-й ступени, техникумов;

– содействовать изданию букварей и учебников, завести шрифты на национальных языках в местных типографиях;

– создать при Президиуме облисполкома комиссию по делам нацмен, а в округах со значительным количеством нацмен создать аналогичные комиссии, в остальных округах ограничиться введением должности инструктора по делам нацмен при орготделах;

– активней работать в отношении антирелигиозной пропаганды и не допускать «отправления религиозных обрядов отдельными членами

---

[287] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 30.
[288] Там же.

ВКП (б) и ВЛКСМ»[289], при этом разработать методические указания дифференцированно для каждой национальности; не допускать сборов и регистрации актов гражданского состояния со стороны мусульманского духовенства;

– посылать научные, медицинские и киноэкспедиции для изучения корней религиозности среди северных народностей с целью борьбы с невежеством;

– разъяснять бедноте контрреволюционную сущность деятельности мулл по организации работы населения в мутавалитах, лишать права голоса председателей советов мечети[290].

Для достижения задач было принято сразу несколько резолюций. В резолюции «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале» говорилось, что в дело социалистического строительства должны быть втянуты разнообразные слои рабочего класса, в том числе и «наиболее отсталые, в том числе из национальных меньшинств»[291]. Среди недостатков работы партийных органов отмечено, что работа сводится к «узко-культурническому» содержанию, без классового воспитания трудящихся нацмен[292]. Предлагалось активней вести пропаганду на национальных языках, создавать секции в национальных сельсоветах, проводить интернациональные вечера и беседы с рабочими, организуя «решительный отпор конкретным проявлениям национализма, великорусского шовинизма, антисемитизма как явлений, чуждых идеологии пролетариата»[293].

От инструкторов нацмен требовали не только массовой работы, но и классового воспитания трудящихся, а работа с «узко-культурническим содержанием» считалась недостатком[294]. Среди основных трудностей в работе среди национальных меньшинств назывались их «экономическая, культурная и политическая отсталость», в частности рабочих; острый недостаток подготовленного актива, знающего быт и язык местного населения; отсутствие женского актива; территориальная разбросанность по разным районам; языковые особенности, отсутствие письменности у некоторых народов; отсутствие массовой популярной литературы для тех народов, у которых есть письменность; исключительно сильное влияние духовенства и живучесть религиоз-

---

[289] Такая формулировка, в первую очередь, свидетельствует о том, что данные прецеденты имели место.
[290] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 4 об. – 6.
[291] Там же. Л. 8.
[292] Там же. Л. 8–8 об.
[293] Там же. Л. 6.
[294] Там же. Л. 9.

ных и бытовых предрассудков, особенно среди женщин и подсобных рабочих и крестьян[295].

В документе также предлагалось усилить работу среди тех народов, у которых не было собственных административных районов. Среди таких назывались чуваши, марийцы, зыряне, белорусы. Для этого создавались секции в национальных селениях[296]. Кроме этого, отсталость предполагалось преодолевать «путем действительной и длительной помощи русского пролетариата отсталым нацмен СССР в деле их хозяйственного и культурного преуспеяния»[297]. Также в резолюции сообщалось о «случаях шовинизма, антисемитизма и национализма даже со стороны коммунистов и комсомольцев»[298].

После завершения создания управленческой сети в виде уполномоченных нацмен в округах и курирующего их отдела в структуре облисполкома власти в рамках подготовки «Всероссийского совещания нацмен» организовали в Свердловске Первое областное совещание работников нацмен[299]. Совещание состоялось 17 декабря 1927 года и было приурочено к 10-летию советской власти. Участие в нем приняли работники райисполкомов и сельсоветов, где имелись места компактного проживания разных национальностей. Всего было 28 участников от девяти округов, татары – 10, башкиры – 1, бухарцы – 1, нагайбаки – 1, удмурты – 2, марийцы – 2, пермяки – 3, зыряне – 1, при этом 21 – в возрасте до 35 лет[300]. Целью совещания объявлялось «подведение общих итогов советской работы среди национальных меньшинств за последние годы, а также коллективная проработка практических мероприятий по отдельным отраслям хозяйственного и культурного строительства на ближайший период времени»[301].

На заседании были заслушаны доклады, которые показывают те основные направления работы, которые имелись в национальной политике Урала: «Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале» (с содокладами представителей Челябинского и Троицкого округов), «О проведении революционной законности и судоустройства

---

[295] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 8 об.
[296] Там же. Л. 9.
[297] Там же. Л. 11.
[298] Там же. Л. 12.
[299] Президиум ВЦИК циркулярной радиограммой от 24.02.1927 предложил всем краевым, областным и губернским исполкомам использовать предстоящие съезды советов для организации местных совещаний среди национальных меньшинств. См.: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 138.
[300] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 47.
[301] Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала 17–20 декабря 1927 года. Свердловск, 1928. С. 1.

среди национальных меньшинств области», «О состоянии и задачах просвещения», «О кооперативном строительстве среди нацмен», «О состоянии и перспективах развития сельского хозяйства в национальных районах». В прениях было 53 выступления, из них 40 – работников с мест[302].

«Это первое областное совещание прошло в исключительно деловой обстановке и показало рост и активность нацменовских работников, которые в обсуждении стоящих на совещании вопросов принимали самое активное участие», – говорилось в отчете облисполкома по итогам работы в 1927 году[303]. Итоги заседания нацмен были приняты 2 января 1928 г. облисполкомом к сведению, а окружным исполкомам рекомендовано в своих планах и отчетах отражать работу по обслуживанию культурно-хозяйственных нужд национальных меньшинств[304].

После этого совещания обсуждение национального вопроса все реже встречается в деловой повестке советских органов Урала. К концу 1920-х годов национальная политика практически перестает обсуждаться, за исключением вопросов, связанных с языковой политикой и районированием.

2.2. Изменения в национальной политике в 1930-е годы

К началу 1930-х годов советская национальная политика, названная И. Сталиным «национальной по форме, социалистической по содержанию»[305], выражалась в поддержке и развитии образования на родных языках, политике коренизации, вовлечении различных этнических сообществ в советские формы хозяйства.

Во второй половине 1930-х годов происходят изменения в фундаментальных подходах к национальной политике, фактически приведшие к ее сворачиванию и пересмотру.

Начало «поворота» связывается с тостом И. Сталина за русский народ, произнесенным 6 июля 1933 года во время посещения его дачи делегацией художников, когда он сказал: «...самый лучший народ – русский народ, самая советская нация. Выпьем за советскую нацию и прекрасный русский народ»[306]. Яркими примерами, демонстрирующими завершение процесса смены официального курса национальной политики, стали статья в газете «Правда» от 1 февраля 1936 года, где

---

[302] Резолюции 1-го областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала. С. 3–11.

[303] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 47 об.

[304] Там же. Л. 87.

[305] *Сталин И.* Политический отчет Центрального Комитета XVI съезду ВКП (б), 27 июня 1930 года // Правда. 1930. 29 июня. № 177.

[306] РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1117. Л. 9–10.

русский народ был назван «первым среди равных»[307], а также знаменитое выступление И. Сталина 7 ноября 1938 года, где он сказал, что «среди равных наций и государств и стран в СССР самая советская, самая революционная это – русская нация»[308].

На уровне государственной политики ценности интернационализма уступили место идеям государственности, державности. Роль русского народа в прошлом и настоящем советского общества была переосмыслена. А. И. Вдовин в своей монографии приводит сразу несколько издательских и пропагандистских проектов, развивавших концепцию русского народа как «старшего брата» в семье советских народов[309]. Формально этот процесс смены приоритетов национальной политики завершился к середине второй половины 1930-х годов. Все произошедшие изменения так или иначе были связаны с русским языком, историей и культурой русского народа как основы государства. В этой связи в историографии и публицистике, особенно за рубежом, появилось немало мнений о «русификаторской политике» советского режима 1930-х годов. Этот тон был задан еще в коллективном труде «Национальная политика в России: история и современность». «В западной историографии стало уже традиционным утверждение о 30-х годах как о периоде реанимации идей русского национализма... думается, что в данном подходе есть большие натяжки», – пишут авторы[310]. Начались дискуссии о том, имеют ли эти изменения чисто внешний характер, не затрагивающий фундаментальных основ национальной политики, либо можно говорить о ее кардинальных переменах. Дж. Хоскинг связывает причины изменений в национальной политике с неизбежностью именно такого подхода в условиях русскоязычного большинства: «...для всех русских, как самого многочисленного из советских народов, требовалась социальная память, легенды о достижениях и народные празднества, чтоб затянуть образовавшиеся трещины и укрепить фундамент нового общества»[311]. По мнению ученого, интенсивный научно-технический прогресс имел «скрытый характер русификации», поскольку вся официальная литература, инструкции, приказы, продукция – все издавалось на русском языке. Дж. Хоскинг отмечает рост национализма в начале

---

[307] Правда. 1936. 1 фев.

[308] Запись выступления Сталина И. В. 07.11.1938 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 168. Документ размещен на сайте: URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=51223;tab=img/.

[309] *Вдовин А. И.* Русские в XX веке... С. 135–137.

[310] Национальная политика в России: история и современность. М., 1997. С. 304.

[311] *Хоскинг Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе. М., 2012. С. 166–167.

1930-х годов и боязнь советского руководства потерять собственные территории. На примере Украинской ССР начала 1930-х годов он фиксирует наличие «кризиса коренизации», когда местные языки уже начинали вытеснять русский. По его мнению, этот неожиданный факт беспокоил советских лидеров и также подтолкнул их к смене приоритетов[312].

Процесс эволюции национальной политики детально рассматривает и Т. Мартин, который видит истоки смены приоритетов еще в постановлениях Политбюро от декабря 1932 года, раскритиковавших ход украинизации. Создание «русского пространства РСФСР», по его мнению, стало результатом осознанно проводившейся стратегии национальной консолидации и «институциональной русификации». Последовавшее в 1937 году упразднение национальных районов в РСФСР ученый называет «административной русификацией», подчеркивая, что «русские региональные руководители ощущали, что у них нет своей республики и республиканской партии, которая защищала бы их интересы», а «реабилитация русского национального самовыражения не повлекла за собой перехода от национального строительства к русификации»[313]. Во второй половине 1930-х годов в ходе смены приоритетов в национальной политике и поддержка национальных школ в «русских» регионах перестала быть обязательной. Как показал в своей работе Т. Мартин, принятые в декабре 1937 года постановления ликвидировали в СССР все школы «зарубежных» национальностей (немцев, поляков, финнов, латышей и др.). Между тем это же постановление использовалось для закрытия «нерусских школ в русских районах», что означало закрытие 4598 «школ нацмен» в регионах с преимущественно русским населением[314].

В целом историки сходятся во мнении, что в начале 1930-х годов страна находилась в состоянии некого кризиса и переосмысления приоритетов во внутренней политике: население в большинстве не понимало целесообразность бурных социальных перемен и переставало их поддерживать. Смена приоритетов в национальной политике, если она была, стала одной из попыток выйти из этого кризиса. Но суть произошедших изменений и их интерпретация видятся по-разному: от идеологического кризиса и поиска новых идей – до безальтернативности в выборе русских как опоры режима[315]. Можно предположить, что для регионов с преимущественно русским населением вся эта ситуация и смена приоритетов

---

[312] Хоскинг Д. Правители и жертвы... С. 167.
[313] Там же.
[314] *Мартин Т.* Империя положительной деятельности... С. 562–563.
[315] *Каменских М. С.* «Русский поворот» в национальной политике СССР начала 1930-х годов: оценки отечественной и зарубежной историографии // Вестник ПФИЦ УрО РАН. 2019. № 4. С. 93–97.

выглядели несколько иначе. Вряд ли можно говорить о каком-то идейном кризисе начала 1930-х годов на уровне, например, Уральского облисполкома. Скорее, ориентация на русскую культуру давала дополнительные рычаги влияния. Можно согласиться с Т. Мартином, который предположил, что ответственные работники промышленности и профсоюзов, в большинстве своем русские, всегда крайне враждебно относились к советской национальной политике. «Теперь же они просто перестали ее выполнять в русских регионах РСФСР», – заключает в своем исследовании Т. Мартин[316]. С ним солидарна и В. Г. Чеботарева, отметившая следующую особенность: «...среди работников центрального государственного аппарата были сторонники великодержавно-шовинистического подхода к вопросам управления многонациональной страной... Были открытые попытки ограничить суверенные права союзных республик, которые пресекались Политбюро ЦК ВКП (б)... в контексте известного ограничения суверенитета союзных республик – УССР, БССР, ЗФССР, права автономных республик чиновники-великодержавники намеренно не принимали во внимание»[317]. Так, например, без особых осложнений все национальные районы Урала были ликвидированы после 1934 года[318]. В этот период, как справедливо отметила В. Г. Чеботарева, национальная политика и органы власти, ее реализовывавшие, получают все меньше возможностей для принятия собственных решений. К середине 1930-х годов, по ее словам, «на смену государственной национальной политике пришла безраздельная диктатура Политбюро ЦК ВКП (б) во главе с И. В. Сталиным»[319]. Как поясняет Ю. Слезкин, во второй половине 1930-х годов правительство окончательно решило, «что оно больше не хочет управлять 192 языками и 192 аппаратами... полностью бюрократизированная командная экономика и недавно централизованная система народного образования нуждались в рациональных и управляемых коммуникационных каналах»[320].

Первым значимым событием в национальной политике области после ликвидации окружной системы стал Всеуральский смотр работы национальных культурно-просветительских учреждений, который прошел с января по июль 1931 года[321]. В штаб смотра вошли уполномоченный

---

[316] *Мартин Т.* Указ. соч. С. 558.

[317] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации... С. 40.

[318] В источниках не отражено дискуссий или каких-то конфликтных ситуаций, связанных с ликвидацией национальных районов.

[319] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации... С. 805.

[320] *Slezkine Y.* The USSR as a Communal Apartment... P. 467.

[321] Постановление Малого Президиума Уральского областного исполнительного комитета от 02.01.1931 № 121 «О проведении по области смотра работы культурно-просветительских учреждений среди национальных меньшинств».

по работе нацмен Карышев, а также представители Уралпрофсовета, УралОНО, Облсовнархоза, Уралоблсоюза, Радиоцентра, Облздравотдела, Комитета Севера, Облзу, Обкома, редакции газеты «Социализм Юлы» («Путь социализма»)[322], Свердловского татаро-башкирского педтехникума, Обкома Нового тюркского алфавита, Союза воинствующих безбожников, Областного штаба культурэстафеты при УралОНО, ФЗК Уралмашинстроя, Уральского отделения Центроиздата и Уралколхозсоюза. В этот период всем районам, имеющим «население нацмен», было рекомендовано провести конференции, посвященные делу просвещения и культурного обслуживания национальных меньшинств. Награждены денежными премиями по итогам смотра были: Нагайбакский район, Коми-Пермяцкий округ, Тюменский район, Чермозский район, Большегондырская ШКМ (Куединский район), Челябинский район, Свердловский татаро-башкирский клуб, Ялуторовский район, Березовский район, Уйский район. В 1935 году власти Свердловской области в рамках обсуждения «Сталинской Конституции» направили запросы в районы области о том, какая работа проводится на местах. Был составлен специальный опросный лист, включавший в себя следующие пункты, характеризующие представления о национальной политике середины 1930-х годов:

– количество занятых нацмен-рабочих на производстве;

– на каких работах работают нацмен-рабочие (на квалифицированных, неквалифицированных);

– как поставлена работа по выдвижению рабочих с низших квалификаций на более высшие;

– постановка технической учебы: сколько человек обучалось в 1935 году, как окончили учебу, количество человек, обучающихся в текущем году, сколько окончили и учится в техникуме;

– рост стахановцев из нацмен-рабочих. Количество стахановцев в июле, октябре. Какая помощь оказывается стахановцам со стороны административно-технического персонала;

– жилищно-бытовые условия стахановцев, ударников и рабочих;

– количество неграмотных и малограмотных; среди них организовано школ, охвачено учебой на родном языке и на русском языке, если не охвачено, то указать причины (указав подробно);

– работа среди женщин и молодежи, втягивание женщин в производственную работу, воспитательная работа и выдвижения;

– сеть дошкольных учреждений: детские ясли, сады и охват ими детей;

---

[322] Крупнейшая областная газета, издававшаяся на татарском языке.

– состояние работы библиотек-передвижек, клуба и красных уголков, культурное обслуживание стахановцев, ударников и рабочих, самодеятельность;

– обсуждение проекта Конституции, проведено собраний среди нацмен на родном языке, охват нацмен-рабочих общими собраниями, внесено предложений;

– работа депутатских групп, где работают нацмен-депутаты. Работа отдельных депутатов;

– состояние интернационального воспитания среди рабочих и борьба с проявлениями великодержавного шовинизма и местного национализма в отношении к нацмен-рабочим;

– как обеспечивается втягивание рабочих-нацмен в общезаводские мероприятия (клубная работа, физкультура, военная работа);

– сколько человек нацмен в агитколлективах (агитаторов, читчиков)[323].

Полученные с мест отчеты «О состоянии культурно-бытового обслуживания рабочих национальных меньшинств» представляют важный источник для характеристики национальной политики Урала во второй половине 1930-х годов, они будут рассмотрены в последующих главах.

Во второй половине 1930-х годов институт уполномоченных нацмен, как и национальные районы внутри области, были ликвидированы. В сентябре 1932 года было организовано последнее из известных совещаний инструкторов по работе среди нацменьшинств[324]. Целью совещания были постановка интернационального воспитания, борьбы с уклоном в национальном вопросе с великорусским шовинизмом и местным национализмом, опыт партийно-массовой работы среди нацмен на родном языке, вербовка нацмен в партию, пропаганда классовой сущности ленинской национальной политики, роль национальной печати. В резолюциях совещания отмечено, что «работа среди нацмен» в округах поставлена крайне слабо, нужных мер не предпринимается ни со стороны ответственных уполномоченных, ни со стороны органов власти.

С ликвидацией окружной системы в 1930 году реализация национальной политики продолжилась на уровне Свердловской, Челябинской и Омской областей. Национальная политика, судя по отчетам, выражалась в материальном улучшении жизни населения районов, считавшихся «нацменовскими», поддержке развития родных языков

---

[323] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 143.
[324] ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 1. Д. 14. Л. 17.

и латинизации, а также дальнейшей коллективизации и коренизации. Выявленные комплексы делопроизводственной документации о национальной политике на Урале заканчиваются 1936–1937 годами.

Еще одной важной кампанией первой половины 1930-х годов стала политика подготовки промышленных кадров из среды нацмен (см. раздел 2.8). Она была в первую очередь направлена на работу с крупными предприятиями. Судя по документам, руководство этих предприятий не придавало существенного значения деятельности в этом направлении. Со второй половины 1930-х годов практически отсутствует информация о деятельности, связанной с национальной политикой.

2.3. Этнографические знания и организация переписей населения. Деятельность КИПС

Изучение национального состава населения, как и подходы к его категоризации, являются важным признаком модернизирующегося общества. Современные отечественные исследователи сходятся во мнении, что именно в 1920-е годы «наиболее интенсивно создавались и внедрялись в социальную практику механизмы и институты категоризации этничности»[325]. В этой связи чрезвычайно актуализировалась проблема этнографических знаний. Следует признать, что у большевиков после прихода к власти не было большого количества специалистов, имеющих представления об особенностях и культурных отличиях всего населения СССР. Характеризуя политику учета населения 1920-х годов, американский исследователь Д. Р. Ширер отмечал, что на тот момент «отчетность носила хаотичный и противоречивый характер, причем различные учреждения одной области докладывали совершенно разные статистические данные»[326]. Эта проблема была характерна и для центральных органов власти, и для регионов. На Урале представления местного руководства о населении области были весьма общими. Об этом, например, свидетельствует Отчет о деятельности Пермского губкома перед ЦК за 1919–1920 годы, где говорится, что «мелких национальностей в Пермской губернии 343 000 человек, из них татаро-башкир 180 000, вотяков – 40 000, пермяков – 73 000, зырян – 45 000 (в действительности было значительно меньшее), мари – 5000»[327].

---

[325] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 308.

[326] *Ширер Дэвид Р.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953. М., 2014. С. 200.

[327] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1340. Л. 20.

Округленные цифры в отчете свидетельствуют о весьма приблизительных представлениях большевиков Урала об этническом составе региона. Интересен и случай с коми-зырянами, который произошел в мае 1924 года. ВЦИК со ссылкой на доклад Наркомнаца написал в Уральский облисполком письмо с пометкой «секретно», где указал, что в Пермском округе проживает 175 тысяч зырян, а «со стороны местной, Пермской власти наблюдается полное игнорирование культурных и материальных нужд этого народа»[328]. В августе, сентябре и октябре письмо дублировалось, поскольку облисполком на него не отвечал. В результате 20 ноября 1924 года Пермский окружком сообщил облисполкому, что на территории Пермского округа «самостоятельных населенных пунктов Зырянской национальности не имеется, за исключением некоторых местностей всего 144 человека. Ввиду малочисленности граждан упомянутой национальности со стороны президиума никаких специальных мер по улучшению их быта не предпринималось»[329].

Для получения информации о народах, как известно, большевики пошли по пути сотрудничества с учеными дореволюционного периода, создав Комиссию по изучению племенного состава населения России (КИПС)[330]. Работая в регионах, члены комиссии обладали огромной властью, ведь в конечном итоге от увиденного ими во многом зависело решение о создании тех или иных новых административных образований в СССР. На Урале КИПС работала в начале 1920-х годов. Известно, что при организации работы член КИПС С. И. Руденко обращался к известному на тот момент пермскому ученому и этнографу А. Ф. Теплоухову с просьбой о содействии в получении информации о коми-пермяках: «Составляю сейчас по поручению Академии наук этнографическую (племенную) карту Пермской губернии. Очень интересно иметь точные данные о расселении пермяков и их количестве. Не сможете ли мне сообщить эти данные или указать, где я смогу добыть»[331]. Помимо С. И. Руденко, южные районы Урала исследовал Ф. А. Фиельструп. Результаты работы КИПС на Урале – фактически первое полное описание этнической ситуации на Урале советского периода[332]. В дальнейшем материалы КИПС учитывались при работе

---

[328] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 60.

[329] Там же. Л. 61, 72, 76.

[330] *Псянчин А. В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнографии к переписи населения. Уфа, 2010. С. 5.

[331] Цит. по: *Черных А. В.* История коми-пермяцкой этнографии // Коми-пермяцкий этнографический сборник / под ред. А. В. Черных, А. С. Лобановой (Труды Инст-та языка, ист. и трад. к-ры коми-перм. народа. Вып. X). СПб., 2014. С. 29.

[332] См.: *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926.

советских органов власти, а также легли в основу разработки первых переписей населения.

К 1925 году подходы к категоризации народов, судя по источникам, значительно усложнились. Согласно предварительным данным о национальном составе, зачитанным на пленуме Уральского обкома в 1925 году в докладе «О повседневной партийной работе среди нацмен», из 6 млн населения Урала «невеликоруссы» составляли 10%, при этом были перечислены следующие национальности: башкиры, татары, пермяки, марийцы, украинцы, белорусы, остяки, поляки, евреи, немцы, вотяки, самоеды, зыряне, вогулы, киргизы, мещеряки. Однако уже в следующем предложении, где речь идет о наиболее развитых народах, упоминаются еще латыши и литовцы. Помимо украинцев, белорусов, поляков, евреев, немцев, латышей и литовцев, уровень развития которых «стоит выше или наравне с великорусами», оставшиеся 500 тыс. человек, или 8% населения, официально признавались «чрезвычайно отсталыми в культурном и экономическом отношении»[333]. В числе «наиболее отсталых» народностей в официальных документах, как правило, назывались киргизы, китайцы и народы Тобольского Севера (остяки, вогулы, самоеды)[334]. В дальнейшем риторика с перечислением «основных» народов Урала, среди которых есть наиболее и наименее «развитые», будет присутствовать в официальном делопроизводстве до конца 1930-х годов, отражаясь в конкретных мероприятиях национальной политики.

Большевики одними из первых в мире реализовали практику системного учета этнического состава населения. С 25 июля 1918 года существовало Центральное статистическое управление (ЦСУ), а 3 сентября 1918 года было утверждено «Положение о местных статистических управлениях»[335]. Эти органы занимались учетом населения в стране. В условиях функционирования командной экономики данные статистического учета населения принимались за основу бюджетного планирования. Учет этнического состава населения в СССР имел большую важность, особенно для властей на местах: более сложный этнический состав или наличие мест компактного проживания отдельных народов в условиях 1920-х годов означало возможность получения дополнительных средств поддержки.

В дальнейшем знания накапливались в результате проведения переписей населения, являвшихся значимым инструментом в конструиро-

---

[333] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 7.
[334] Там же. Л. 12.
[335] Положение о местных статистических управлениях // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. 1918. № 55. Ст. 611.

вании новых идентичностей и определении административных границ. Ф. Хирш называет организацию переписей вместе с картографированием и музейным делом – важнейшими факторами формирования этнической идентичности советских народов[336]. С ней солидарен академик В. А. Тишков, который в своей монографии «Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии» писал, «что именно с переписи населения 1926 года началась групповая категоризация населения по эксклюзивному этническому признаку и была затверждена этнонациональность как всеобщий атрибут личности»[337]. Безусловно, отражение в материалах переписи этнического состава населения выражало взгляды большевиков на этнические процессы и являлось неотъемлемой частью национальной политики. Кроме этого, переписи населения – это важный источник для анализа этнических процессов в СССР. В рассматриваемый период на территории страны, и Урала в частности, прошло две полномасштабные переписи населения – в 1926 и 1939 годах. Кроме этого, на протяжении 1920-х годов проводилось немало локальных мероприятий по учету этнического состава населения. Подготовка к первой советской переписи началась в 1919 году, ее организацию в 1920 году предполагалось совместить с циклом переписей населения, планируемых в западных странах. 25 марта 1920 году ЦСУ разослало губернским статотделам телеграмму с инструкцией по проведению переписи. В третьем параграфе опросного листа был пункт «Национальность (подданство)», таким образом, советские власти впервые приступили к учету этнического состава населения через самоопределение, а не язык, а национальность была закреплена в качестве важного атрибута советской модели этнофедерализма[338].

Первые сведения об этническом составе населения стали известны только к 1923 году, когда были опубликованы данные переписи 1920 года. Но она охватила не все население области. На пленуме Уралобкома в июне 1925 года отмечалось, что «до сих пор нет достаточного изучения условий быта, культуры, хозяйственного, экономического и социального устройства» национальностей, что объявлялось «серьезным препятствием» в удовлетворении их культурных и экономических потребностей[339].

---

[336] *Hirsch F.* Empire of nations... P. 13.

[337] *Тишков В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии. М., 2003. С. 183.

[338] Ранее в переписи учитывали только язык и религию. См.: История переписей населения в России. М., 2013. С. 168–170.

[339] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 8.

После завершения районирования Урала в 1923–1924 годах началась подготовка к первой Всесоюзной переписи населения, которая с учетом ошибок и недоработок прошлых переписей должна была стать первым полным описанием населения СССР. Острые дискуссии развернулись вокруг термина «Национальность», о введении вопроса о родном языке и т. д. В разработке материалов первоначально была принята формулировка «Народность», с помощью которой один из идеологов переписи В. Г. Михайловский ожидал получить ответ «о племенном происхождении», а не о самоопределении[340]. Этот вопрос даже обсуждался на заседании Политбюро, где было решено оставить понятие «Национальность», то есть была поддержана идея учитывать население «в том числе, как оно складывается в результате послереволюционного самоопределения национальностей Союза». В личный листок поставлено два вопроса – о народности и родном языке: «...заполнение бланков производится на языке той национальности, которая опрашивается», – сообщало ЦСУ отделу национальностей в ответ на запрос от 26 июля 1926 года[341]. Уже 3 сентября ЦИК и СНК СССР приняли постановление «О производстве в 1926 г. Всесоюзной переписи населения»[342], ее было поручено провести в декабре 1926 года. При учете национальностей было принято решение составить список народов, которые проживают в СССР, чтоб избежать разночтений. В вопросе о национальности переписчик сверял ответ со списком и если не находил нужного параграфа, имел право задавать уточняющие вопросы о национальности и самостоятельно отнести опрашиваемого к одной из них. Вопрос о народности и родном языке был включен в перечень основных 15 вопросов Личного листка.

После принятия 27 сентября 1926 года Постановления ВЦИК и СНК РСФСР «О мерах содействия успешному проведению Всесоюзной переписи населения» Президиум Уральского облисполкома 25 октября 1926 года рассмотрел вопрос о проведении переписи населения в Уральской области. Для ее организации и проведения были сформированы окружные Комиссии содействия переписи в составе представителей президиума окрисполкомов, представителей окрпрофбюро и зав Окрстатбюро[343]. Наибольшую озабоченность вызывала

---

[340] *Воробьев Н. Я.* Всесоюзная перепись населения 1926 г. М., 1957. С. 27.

[341] Цит. по: *Воробьев Н. Я.* Всесоюзная перепись населения 17 декабря 1926 г. Краткий обзор организации и производства. М., 1938. С. 31.

[342] Собрание законов и распоряжений Рабоче-крестьянского правительства СССР. 1926. № 59. Ст. 438.

[343] ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 848. Материалы о проведении Всесоюзной переписи населения на территории Свердловской области. Л. 1.

организация переписи в районах Тобольского округа, где население было рассредоточено на большой территории и вело кочевой образ жизни, а также в Ильинском и Сивинском районах Пермского округа, которые, по информации облисполкома, «сплошь состоят из хуторов и заимок по 5–6 дворов»[344].

Уральская область по итогам переписи была признана регионом с преимущественно русским населением. «Общий характер области носит ярко выраженный великорусский характер», – говорилось в «Предварительных итогах Всесоюзной переписи населения 1926 года»[345]. Процент русского населения по округам по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года распределился следующим образом: Шадринский – 99%; Курганский – 98%; Свердловский – 96%; Пермский – 96%; Верхнекамский – 95%, Ирбитский – 95%; Ишимский – 95%; Златоустовский – 95%; Тагильский – 94%; Тюменский – 93%; Сарапульский – 90%; Челябинский – 87%, Кунгурский – 87%; Троицкий – 83%; Тобольский – 77%; Коми-Пермяцкий – 22%. «Невеликорусское население» области составляло около 9%, в том числе татары и башкиры – 193 тыс. (3,64%); пермяки – 118 тыс. (2,35%), украинцы – 43 тыс. (0,82%), белорусы – 23 тыс. (0,4%), марийцы – 17 тыс. (0,3%), нагайбаки – 10 тыс. (0,2%), удмурты – 10 тыс. (0,2%), другие народы – менее 0,1%[346]. Помимо одного национального округа в Уральской области к 1926 году было создано 11 национальных районов и 217 национальных сельсоветов[347]. Свыше 5% по округам среди нерусских народов были представлены только: коми-пермяки в Коми-Пермяцком округе – 77%, татары и башкиры в Тобольском округе – 20%, украинцы в Троицком округе – 5%. Только в 12 районах из 205 нерусское население составляло свыше 25%. От 50 до 75% нерусского населения было зафиксировано в следующих округах: Ирбитский округ – 1 (белорусы), Челябинский округ – 3 (украинцы, татары и башкиры), Сарапульский округ – 2 (татары и башкиры), Свердловский округ – 2 (татары и башкиры)[348].

---

[344] ГАСО. Ф. Р-7. Оп. 1. Д. 848. Л. 21.

[345] Предварительные итоги Всесоюзной переписи населения 1926 года по Уральской области. Свердловск, 1927. С. 6.

[346] Там же.

[347] В 1932 году количество национальных сельсоветов вырастет до 273. См.: Доклад председателя Уральского комитета Севера тов. Парамонова о работе Уральского областного исполнительного комитета // Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: Сборник материалов. Екатеринбург, 2011. С. 20.

[348] Предварительные итоги... С. 8.

Таблица 2.1

Население округов Уральской области на 1926 год*

№	Округ	Площадь (тыс. кв. км)	Население	Плотность населения (чел. на кв. км)	Процентное соотношение русского и нерусского населения (рус.: нерус.)	Наиболее крупные национальности (свыше 1000 чел.)
1	2	3	4	5	5	6
1	Верхнекамский	70,1	203 181	2,9	95: 5	Русские, татары, пермяки
2	Златоустовский	16,6	239 472	14,4	95: 5	Русские, татары, башкиры
3	Ирбитский	64,1	278 764	4,3	95: 5	Русские, татары
4	Ишимский	46,2	440 795	9,5	95: 5	Русские, украинцы, белорусы, татары, мордва, чуваши
5	Коми-Пермяцкий	22, 3	152 491	6,8	23: 77	Пермяки, русские
6	Кунгурский	25,8	479 519	16,3	88: 12	Русские, татары, марийцы, башкиры
7	Курганский	32,8	493 458	15,0	98: 2	Русские, украинцы, казаки
8	Пермский	38,1	715 988	18,8	95: 5	Русские, пермяки, татары, белорусы, евреи, башкиры
9	Сарапульский	23,1	539 746	23,7	90: 10	Башкиры, вотяки, русские, татары, марийцы

Продолжение таблицы 2.1

1	2	3	4	5	6	7
10	Свердловский	35,2	595 711	16,9	96: 4	Русские, евреи, татары, башкиры
11	Тагильский	106,1	437 653	4,1	95: 5	Русские, татары, белорусы, зыряне, украинцы
12	Тобольский	1121,3	192 121	0,1	67: 33	Русские, татары, самоеды, остяки, зыряне, вогулы
13	Троицкий	43,0	312 564	7,2	82: 18	Русские, татары, украинцы, нагайбаки, казаки, немцы, мордва, башкиры
14	Тюменский	45,7	504 626	11,0	92: 8	Русские, татары, зыряне, чуваши
15	Челябинский	28,2	496 380	17,6	88: 12	Русские, татары, башкиры, украинцы, чуваши белорусы, немцы
16	Шадринский	25,0	678 089	27,1	99: 1	Русские, татары

* *Составлено и подсчитано по*: Список населенных пунктов Уральской области. Т. 1. Верхнекамский округ. Свердловск, 1928. С. 8–12; Список населенных пунктов Уральской области. Т. VI. Кунгурский округ, 1928. С. 9; Список населенных пунктов Уральской области. Т. V. Коми-пермяцкий округ. Свердловск, 1928. С. 9–10; Список населенных пунктов Уральской области. Т. IX. Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 9–10; Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 107–126.

Результаты переписи были опубликованы в 1928 году и на десятилетие определили характер принимаемых решений с учетом этнического состава населения. Бурные социально-экономические изменения, вызвавшие огромные передвижения населения в конце 1920-х – начале 1930-х годов, затрудняли организацию и проведение новой переписи населения. С 1933 по 1936 год советское правительство трижды переносило дату проведения переписи населения, планировавшейся изначально в 1933 году[349]. Ее организации советские власти уделили большое внимание. Только за апрель – декабрь 1936 года вышло 15 постановлений и распоряжений правительства по вопросу проведения переписи. Перепись должна была не только показать реальную картину населения страны, но и доказать преимущества социализма. С момента принятия курса на построение социализма в одной отдельно взятой стране в общественной жизни РСФСР начались унификационные процессы. В национальной политике, кроме отказа от политики поддержки национальных районов, был взят курс и на сокращение количества национальностей (при этом наиболее многочисленные продолжали существовать и развиваться), с одной стороны, и тотальный учет этнической принадлежности граждан – с другой[350]. Вновь необходимым представляется подчеркнуть, что эти процессы касались не только национальных отношений, – они были характерны для всех сфер общественной жизни.

С 1935 года была внедрена новая система учета кадров, включавшая т. н. пятый пункт – графу о национальности, в 1937–1938 годах сведения о национальности стали обязательным требованием при характеристике состава заключенных и арестованных в структурах НКВД. С апреля 1938 года был установлен новый порядок указания национальности в паспортах, в свидетельствах о рождении и других официальных документах. Если ранее человек сам определял свою национальность, то теперь он мог это сделать, только выбирая из национальностей своих родителей. «К концу 30-х гг. каждый советский ребенок наследовал национальность при рождении: личная этничность превратилась в биологическую категорию, независимую от культурных, языковых и географических факторов», – пишет Ю. Слезкин[351]. Ф. Хирш в своей монографии приводит целую серию отложившихся в архивах обращений нерусских по происхождению советских граждан, безуспешно добивавшихся признания их русскими по национальности[352].

---

[349] История переписей населения в России. М., 2013. С. 212.
[350] Там же. С. 466.
[351] Там же. С. 217.
[352] *Hirsch F.* Empire of nations... P. 297–302.

Красноречиво характеризует национальную политику и подготовка к очередной Всесоюзной переписи населения второй половины 1930-х годов. В этот период подход к этничности реализовывался с позиций упрощения состава. Изначально планировалось провести перепись в 1937 году. При подготовке к переписи был опубликован перечень из 192 национальностей, однако в окончательном списке их количество было сокращено до 107[353]. Как известно, перепись была проведена в один день, 6 января 1937 года. Однако ее данные так и не были обработаны и опубликованы, а результаты позже признаны недействительными[354]. Практически сразу же советское правительство приступило к подготовке к проведению новой переписи. 26 июля 1938 года СНК принял постановление «О Всесоюзной переписи населения 1939 года», согласно которому перепись должна была проводиться в течение недели после 17 января 1939 года. В переписном листе вопросы 7, 8, 10 касались национальности, родного языка и подданства опрашиваемого соответственно, в республиках СССР текст переписи был переведен на языки народов[355], 9 января 1939 года ЦК ВКП (б) и СНК СССР опубликовали на страницах газеты «Правда» специальное обращение ко всем партийным и советским организациям о том, что «перепись населения должна быть проведена организованно, без единого пропуска, без ошибок»[356]. Как и в 1926 году, национальный состав страны формировался на основании составлявшегося Словаря национальностей. Непопадание в него автоматически означало отнесение одного народа к другому. В Перечне национальностей и народностей, составленном для переписи, значилось 100 этнических групп, но в итоговую таблицу по СССР вошли только 57 групп (те, кто насчитывал свыше 20 тыс. человек)[357]. В итогах переписи народы «пермяки» уже учтены как «коми» (сюда отнесены и «зыряне»), «вотяки» – «удмуртами», остяки – хантами, вогулы – манси, самоеды – ненцами, «эсты» – «эстонцами». Перепись не учла нагайбаков как отдельное сообщество. Следует отметить и тот факт, что сегодня к итогам переписи 1939 года, ввиду особенностей ее организации и проведения, существует довольно критическое отношение. Однако авторы одного из последних исследований по истории переписей населения в России отмечают, что «несмотря на несомненные

---

[353] *Гранде Б.* Список народностей СССР // Революция и национальности. 1936. № 4. С. 74–85.

[354] История переписей населения в России... С. 225–228.

[355] Там же. С. 234–236.

[356] Правда. 1939. 9 янв.

[357] Так, например, коми-пермяки и коми-зыряне объединены в одну общность «коми». См.: *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»... С. 56.

неточности в оценке численности населения, ее материалы активно использовались органами власти всех уровней»[358].

На Урале в 1930-е годы произошли изменения в административно-территориальной системе, что также повлияло на изменение численности и состава населения. В 1930 году окружная система была ликвидирована, рассматриваемые в исследовании территории вошли в состав Свердловской, Челябинской и Обско-Иртышской (на момент переписи Омской) областей[359]. На особенности этнического состава повлияли переселенческие кампании в СССР 1928–1930-х годов, политика раскулачивания и принудительного выселения, а также общий рост населения Урала, в первую очередь промышленных центров, в которые съезжались трудовые мигранты со всей страны (Березники, Магнитогорск, Нижний Тагил, Свердловск, Челябинск). В целом все население выросло в 1,5–2 раза, что коррелирует с общедемографическими показателями естественного прироста населения того периода (см. таблицу 2.2).

Таблица 2.2

Национальный состав населения Пермской, Свердловской, Челябинской и Омской областей по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года[360]*

Народ	Свердловская область	Пермская область	Челябинская область	Омская область (ХМАО, ЯНАО, Тюменский округ)	Итого (%)	По отн. к Уральской области 1926 года
1	2	3	4	5	6	7
Все население	**2 511 309**	**2 087 518**	**2 801 853**	**2 378 410**	**9 779 090**	**1,4**
Русские (%)	2 294 569 (91%)	1 768 386 (85%)	2 443 646 (87%)	1 889 907 (80%)	8 396 508 (86%)	1,4
Татары	80 983	80 727	119 527	91 876	373 113	1,9
Украинцы	43 242	27 420	82 846	158 500	312 008	6,6

[358] История переписей населения... С. 246.

[359] Часть Сарапульского округа отошла к созданной в 1934 году Удмуртской ССР, территория Красноуфимского уезда к востоку от Уральских гор была отнесена к Свердловской области.

[360] В таблицу включены сравнительные данные о народах, численность которых хотя бы в одной из областей превышала 1000 человек. Группы народов расположены в порядке убывания от большего к меньшему в целом по Уралу.

Продолжение таблицы 2.2

1	2	3	4	5	6	7
Коми	4518	122 464	540	14 934	142 456	1,9
Башкиры	8165	28 952	70 358	497	107 972	1,8
Мордовцы	10 755	2333	18 895	77 675	109 658	18,3
Казахи	2180	616	28 731	51 891	83 418	8,8
Немцы	3542	2672	6019	59 832	72 065	11,4
Белорусы	15 284	13 354	8806	15 356	52 800	2,1
Чуваши	4824	8821	3280	10 823	27 748	5,1
Евреи	10 515	4909	5455	6722	27 601	2,2
Марийцы	15 605	3923	770	519	20 817	1,1
Удмурты	7684	9781	814	482	18 761	1,4
Ханты	1	–	–	17 931	17 932	1,3
Ненцы	55	1	2	14 496	14 554	1,6
Поляки	1866	1796	1942	7217	12 821	1,9
Эстонцы	862	1120	1152	7837	10 971	5,1
Латыши и латгальцы	724	826	757	7405	9712	4,9
Манси	358	3	5	5862	6228	1,1
Цыгане	1077	685	1961	1238	4961	2
Финны	197	562	224	1340	2323	11,6

* *Составлено и подсчитано по:* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Административные изменения второй половины 1930-х годов и отсутствие опубликованных данных затрудняют проведение корректного сравнительного анализа, поскольку на момент переписи вместе с Тюменским округом учтены 11 южных районов Омской области, где еще до революции сложились места компактного проживания разных народов (казахи, мордва, немцы, башкиры). Применительно к Омской области корректно сравнивать только народы бывшего Тобольского Севера (ханты, манси, ненцы), динамику по остальным группам можно увидеть при сравнении ситуации по Свердловской, Пермской и Челябинской областям в отдельности. Анализ показывает значительный прирост по отдельным группам народов. Особенностями этнического состава этого периода на Урале, безусловно, можно считать резкое увеличение количества украинцев (по Пермской области – в 36 раз, по Свердловской области – в 13 раз), белорусов (по Челябинской области – в 6 раз), чувашей (в Пермской области – в 12 раз), мордвы (в Свердловской области – в 53 раза). Прирост объясняется не только политикой раскулачивания и высылкой населения из центральных районов вглубь страны, но и переселенческими кампаниями второй половины 1920-х годов, о которых будет сказано ниже.

В целом к концу 1930-х годов национальная политика в регионах свелась к поддержке и развитию культуры ограниченного круга национальностей, территорией традиционного проживания которых была РСФСР, не имевших родины за пределами страны. Принадлежность к таким группам обреталась с рождения и официально фиксировалась в документах, как за 20 лет до этого фиксировалось социальное происхождение. Опираясь на свой исследовательский опыт, А. Н. Вдовин отмечает, что с 1930-х годов графа «Национальность» стала играть «не меньшую, а часто и большую роль, чем графа о социальном происхождении»[361]. Можно относиться критически к материалам переписи населения и методике учета как таковой, но нужно признать, что переписи населения влияли на категоризацию этнического состава, став одним из инструментов нациеобразования и формирования идентичностей в советском обществе, на них опирались представители органов власти при принятии отдельных решений, связанных с учетом этничности.

2.4. Политика коренизации аппарата у народов Урала

Отдельное направление работы – это вовлечение представителей разных народов в советские органы, известное как политика коренизации. Повышение количества «нацмен» в органах власти на местах

[361] *Вдовин А. Н.* Указ. соч. С. 167.

было одним из критериев эффективной работы, а их отсутствие было поводом для критики органов власти, «уклоняющихся» от целей национальной политики.

В отчете облисполкома за 1926–1927 годы говорится, что количество нацмен в сельсоветах выражалось: 1923 год – 8,3%, 1926 год – 8,5%, 1927 год – 8,8%. Внутри этой группы выделялись «украинско-белорусская группа» (11,7%), татарско-башкирская группа (43,5%), группа народов ближнего и среднего Севера (33,3%), народности Дальнего Севера (6,1%), прочие – 5%, в численном выражении: татаро-башкир – 1959, пермяков – 1200, украинцев – 338, белорусов – 226, остяков – 207, марийцев – 163, вотяков – 112, зырян – 112, нагайбаков – 95, самоедов – 51, киргизов – 43, вогулов – 34. Меньше всего нацмен, 3–5%, было среди работников суда, следствия и прокуратуры[362].

Главная сложность коренизации заключалась в подготовке управленческих кадров. Так, о ситуации в Бардымском районе на 1927 год сообщалось: «Состав технических работников в нацменовских сельсоветах и в Бардымском райисполкоме – смешанный, преобладающее большинство русские. Это является одним из недостатков в работе нацменовских сельсоветов, устранить каковой недостаток в настоящее время не представляется возможным»[363]. О ситуации в Катайском районе Челябинского округа: «Технический персонал в низовом советском аппарате среди нацмен в большинстве из русских, которые не привыкли работать среди нацмен, что усложняет работу среди нацменовского населения»[364].

Существовало четкое убеждение, что причина неудач коренизации кроется в «отсталости» населения нацмен. В 1927 году в своем отчете Уральский облисполком указывал: «Причины этих недостатков различны: экономическая и культурная отсталость нацменовского населения, недостаточность подготовленных к работе среди нацменьшинств работников, большая текучесть среди них, распыленность отдельных народностей»[365]. Коренизация аппарата в районах со смешанных национальным составом порождала у властей наибольшие трудности. Большой резонанс вызвала статья «Под знаком самокритики», вышедшая на второй странице газеты «Правда». В тексте автор В. Сагалатов рассказывал о ситуации в Манчажском районе и о работе марийских колхозов «Ужара» и «Уральский партизан». В статье перечислялись за-

---

[362] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 32.
[363] Там же. Л. 33.
[364] Там же. Л. 34.
[365] Там же. Л. 45.

слуги колхоза перед государством и то, какое недостаточное внимание обращает на нужды района область. Населению района не оказывалось медицинское обслуживание. Критиковались облздравотдел, отдел образования и отдел национальностей при областном исполкоме, который не обеспечил работу в советах на «национальных языках»[366]. По итогам выхода статьи было организовано отдельное заседание Свердловского облисполкома, завершившееся принятием Постановления № 259 от 7 февраля 1935 года. В тексте говорилось, что «важнейшее решение Президиума облисполкома от 29 марта 1932 года «О коренизации аппарата национальных районов и советов», как отделом национальных меньшинств, так и Манчажским райисполкомом не выполнено»[367]. Все эти примеры свидетельствуют, что цели коренизации аппарата на местах были далеки от достижения.

Итоги коренизации аппарата советских органов Уральской области зафиксированы постановлением Малого Президиума Уральского облисполкома № 2106 от 29 марта 1932 года, где были отмечены «значительные успехи в деле развития и укрепления советского аппарата в формах, соответствующих национально-бытовым условиям нацменьшинств». Однако в постановлении не приводится никаких цифр, и указан ряд районов, а также УралОНО, Уралколхозсоюз и Облсоюз, которые «не приняли решительных мер к проведению коренизации нацрайонов и подготовке кадров»[368]. В документе отмечено, что коренизация аппарата не может считаться завершенной, пока на руководящие должности не будут поставлены женщины: «Слабо идет выдвижение женщин на руководящую работу – это объясняется вероятно тем, что сельсовет и РИК не вели нужной работы среди женщин нацменок и сильно был укоренившийся порядок в практике работы продвижения мужчин»[369]. На тот момент во всей области только в Старобухаровском сельсовете Нижнесергинского района на должности председателя работала «марийка» Мария Ухова, единственная «женщина нацменка» из 17 председателей сельсоветов в районе[370]. Для решения этой проблемы райисполкомом был организован женский тракторный отряд, который вышел на работы вместе с мужчинами. Только к середине 1930-х годов властям в целом удалось коренизировать аппарат, и только

---

[366] Под знаком самокритики // Правда. 1934. 22 дек.
[367] ГАСО. Ф. Р- 88. Оп. 5. Д. 59. Л. 157.
[368] Там же. Л. 25.
[369] Там же. Оп. 1. Д. 4410. Л. 33.
[370] Там же.

преимущественно в местах компактного проживания. Особую гордость представлял Бардымский национальный район. С точки зрения коренизации отмечено, что «районный аппарат коренизирован на 75%, а сельсоветы – на 100%»[371].

В целом можно признать, что политика коренизации аппарата не была доведена до конца. «Коренизировать» аппарат хотя бы наполовину удалось только в районах компактного проживания отдельных народов. Но даже там органы следствия, суда и прокуратуры, например, были «коренизированы» очень слабо. В 1937 году, например, в докладной записке зав. Отделом национальных меньшинств «О работе среди нацмен. Н.-Сергинский район» говорится, что в президиуме райисполкома имелись большие трудности при разборе жалоб, написанных «по-нацменовски», или «когда в президиум обращался нацмен, не умеющий говорить по-русски, некому было перевести»[372]. А когда приоритеты национальной политики стали меняться, задачи коренизации аппарата перед властями уже не ставились. Подробно изучающий эту тему китайский ученый Лю Сяньчжун видит в коренизации противоречие, которое дало о себе знать к началу 1930-х годов. Он отмечает, что она способствовала поддержке культур, «однако эта политика вызвала появление децентрализаторских тенденций, усиление местного национализма, дискриминации «неместного» населения (в том числе и русских) на территориях республик»[373].

2.5. Коллективизация и кооперирование у народов Урала

Важной составляющей национальной политики было и «вовлечение нацмен в советские формы хозяйства», такие как колхозы, совхозы и кооперативы. Национальная политика в этом вопросе также ограничивалась лишь вовлечением населения разных национальностей в кооперативное и колхозное движение с целью демонстрации преимуществ нового советского строя над предыдущим царским, а также над странами Запада[374]. При этом приветствовалось создание кооперативов или артелей по национальному признаку, а вовлечение «отсталых на-

---

[371] ГАСО. Ф. Р- 88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 4.

[372] Там же. Д. 4410. Л. 33.

[373] Лю Сяньчжун (刘显忠). Плюсы и минусы политики «коренизации» СССР в 1920-е годы (20 世纪20 年代苏联本土化"政策的利弊分析) // Россиеведческий журнал (俄罗斯学刊). 2013. № 1. С. 79–84.

[374] *Мастюгина Т. М., Перепелкин Л. С., Стельмах В. Г.* Национальная политика в России: XVI... С. 168–169.

родов» в передовые формы хозяйства повсеместно провозглашалось одной из важнейших задач национальной политики[375].

На Урале такие коллективы приобретали статус «национальных», как правило, если находились в местах компактного проживания каких-то этнических сообществ. Кроме этого, иногда в условиях крупных городов создавались специальные кооперативы, объединенные рамками одного этнического сообщества (например, артель «Китайский рабочий» в Свердловске). Показатели коллективизации коррелировали с показателями в целом по области и реализовывались в рамках общей политики коллективизации. Однако низкие темпы коллективизации в национальных районах могли стать поводом для критики районных властей с позиции целей национальной политики. Тем не менее, из-за более архаических форм хозяйствования, сложностей в коммуникации и отсутствия нужного количества подготовленных работников, вовлечение представителей национальных меньшинств в кооперативное и колхозное движение шло более медленными темпами. Власти некоторых округов, например, объясняя низкие темпы кооперации, часто ссылались на специфику этнического состава своих территорий. «Слабое развитие землеустроительных работ башкир Бардымского района объясняется маломощностью хозяйств, его экстенсивностью и большим, сравнительно, земельным обеспечением», – сообщалось в отчете Сарапульского окрика за 1926 год[376]. Также обращалось внимание, что «национальные» колхозы численно меньше, и меньшее количество хозяйств охвачено колхозами, если сравнивать с русскими[377]. Президиум ВЦИК 20 июня 1927 года направил всем коопсоветам страны телеграмму следующего содержания: «Одной из очередных задач советской кооперации является вовлечение в кооперативное строительство трудящихся масс отсталых в культурном отношении национальных меньшинств». Отдельно отмечалось, что «в условиях быта и культуры нацменьшинств, в особенности у национальностей, подвергнутых восточной культуре, роль женской части населения и молодежи в кооперативном строительстве приобретает сугубо революционное значение»[378]. Все эти документы косвенно свидетельствуют, что кооперирование двигалось медленней, чем ожидалось. Меры по преодолению отставания, отразившиеся в многочисленных резолюциях окружкомов и обкома, сводились, как и не у «нацменовских

---

[375] Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). Свердловск, 1927. С. 18.

[376] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 74.

[377] Там же. Д. 69. Л. 17.

[378] Там же. Д. 60. Л. 158.

хозяйств», к усилению руководства и контроля со стороны местных органов, опоре на бедняцкие хозяйства, выдвижению женщин и молодежи на руководящие должности, повышению грамотности населения на родных языках, обучению прогрессивным социалистическим формам хозяйствования[379].

Сохранность документации и система отчетности не позволяют реконструировать полностью процесс коллективизации. В отчетах о кооперировании по округам, например, отсутствует графа о кооперативах национальных меньшинств, а в отчетах уполномоченных сведения отрывочны и часто противоречивы. Однако в ряде годовых отчетов облисполкома общие цифры по области присутствуют. На Первом областном совещании работников среди нацмен в декабре 1927 года, например, было объявлено, что на Урале сельхозкооперацией охвачено 13 074 хозяйства национальных меньшинств, а потребительской кооперацией – 39 110 хозяйств[380]. К 1928 году кооперацией был охвачен 41% крестьянских хозяйств, деятельность которых координировал созданный в 1929 году Окрпотребсоюз[381]. При этом не было представлено никаких сведений о территориях и национальностях, о которых шла речь, что дает основания для критического отношения к данной статистике. Статистической работой в этом направлении занимался Уралколхозсоюз. В отчете ведомства за 1929 год говорится, что производственные формы кооперирования и коллективизации «прививались в нацменовской среде чрезвычайно слабо»[382]. Первые обобщенные данные были собраны по итогам 1928 года. По данным Уралколхозсоюза на 1929 год, имеется следующее количество кооперативов (количество участников): Коми-Пермяцкий округ – 61 (663), Пермский округ – 2 (18), Кунгурский – 35 (292), Сарапульский – 11 (137), Свердловский 2 (20), Тобольский – 10 (96), Тюменский – 9 (111), Шадринский – 2 (29), Ишимский – 5 (65), Челябинский – 44 (353), Троицкий – 23 (246), итого – 204 (2030). Обращалось внимание, что численно национальные колхозы меньше и меньшее количество хозяйств охвачено колхозами, если сравнивать их с русскими (см. таблицы 2.3, 2.4)[383].

---

[379] См., напр.: Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. 20. Оп. 1. Д. 168. Л. 60–61, 68–69.

[380] Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале и по содокладам уполномоченных по Челябинскому и Троицкому округам // Резолюции Первого областного совещания... С. 7.

[381] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа. Т. 2... С. 48.

[382] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 7.

[383] Там же. Л. 17.

Таблица 2.3

Из справки Уралколхозсоюза «Состояние колхозного движения среди национальных меньшинств Уральской области», на 01.01.1929*

Округ	Всего нацмен колхозов	В них хозяйств	% нацмен колхозов	% нацмен крестьянских хозяйств
Коми-Пермяцкий	61	663	88,1	85,9
Тобольский	10	95	5,9	4,7
Троицкий	23	246	14,6	12,8
Сарапульский	11	137	10,5	8,1
Кунгурский	35	292	13,9	12,7
Тюменский	9	111	4,8	4,2
Челябинский	44	353	13,3	13,0
Златоустовский				
Ишимский	5	65	3,5	3,3
Пермский	2	18	2,5	1,4
Верхнекамский	–	–	–	–
Тагильский	–	–	–	–
Свердловский	2	20	2,8	2,1
Курганский	–	–	–	–
Ирбитский	–	–	–	–
Шадринский	2	29	0,9	0,7
Всего	204	2030	9,5	8,1

* *Составлено и подсчитано по:* ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 17.

Таблица 2.4

Колхозы Уральской области в разрезе на национальности*

Округ	Татары	Черемисы	Евреи	Чуваши	Мордва	Белорусы	Украинцы	Нагайбаки	Немцы	Эстонцы	Смеш.	Пермяки
Коми-Пермяцкий												61
Тобольский												
Троицкий	5		1		2	1	5	9				
Сарапульский	5	6										
Кунгурский												
Тюменский												
Челябинский			1					1	1	1	40	
Златоустовский												
Ишимский												
Пермский											2	
Верхнекамский												
Тагильский												
Свердловский	1	1										
Курганский											35	
Ирбитский												
Шадринский	2											
Всего	13	7	2	2	2	1	6	9	1	1	80	61

* *Составлено и подсчитано по:* ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 17.

Сохранились единичные сведения об отдельных колхозах. Так, довольно подробная информация имеется в отчетах Кунгурского окружкома о деятельности марийских колхозов. Всего такие хозяйства существовали в следующих районах: Суксунский – 3, Манчажский – 12, Щучье-Озёрский – 1, Нижне-Сергинский – 2, Артинский – 10, Ачитский – 6, Кишертский («Боц Марий») – 1, Красноуфимский – 1. Итого 36 колхозов, объединивших примерно 20 тыс. марийцев[384]. Огромный колхоз имени Сталина был создан в Бардымском районе. Он охватил 14 сельсоветов и 450 хозяйств Бардымского и Осинского районов[385]. Нельзя исключать, что все хозяйства были записаны в колхоз автоматически, без изменения сложившихся отношений. Ситуация с колхозным строительством на начало 1929 года отражена в докладе «О состоянии организационно-массовой работы советов в среде национальных меньшинств Кунгурского округа Уральской области». В документе сообщается, что Кунгурским окружным земельным управлением в 1928 году организовано 19 колхозов национальных меньшинств без указаний национальностей, при планируемых 12, в том числе: коммуна «Пуртык»; артели «Уйлыш», «Иганче»; совхозы «Мари», «Кэнтэуш», «Уралмарий», «Сабан», «Азал», «Кзыл тан», «Кызым-Ул», «Кызыл кыч», «Хурият», «Габитово», «Красная звезда», «Батырь», «Шадур», «У-жара» – всего 1039 человек на 259 дворов[386].

Вовлечение национальных меньшинств в кооперацию и создание коллективных хозяйств неизменно значилось одной из задач национальной политики органов советской власти. Вероятней всего, в число «национальных» попадали кооперативы или колхозы, которые создавались в общем порядке, но в местах компактного проживания отдельных этнических групп. При этом в силу разных причин в среде национальных меньшинств или в районах компактного проживания нерусского населения показатели вовлечения населения в кооперацию и коллективизацию были стабильно ниже и объяснялись как раз сложностью работы с национальными меньшинствами. Сведения о создаваемых обществах или колхозах были отрывочны и, вероятно, не всегда точны, что затрудняет работу по оценке и анализу их деятельности.

2.6. Деятельность Уральского Комитета нового алфавита

Одним из ключевых направлений национальной политики конца 1920-х – начала 1930-х годов стало проведение реформы языка через

---

[384] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 170. Л. 16.
[385] Там же. Д. 69. Л. 96–96 об.
[386] Там же. Л. 113.

унификацию графики и создание новых алфавитов. В идеологии большевиков переход на новый алфавит символизировал начало новой прогрессивной эпохи и разрыв со старыми традициями[387]. Еще 25 сентября 1922 года Оргбюро ЦК РКП (б) по докладу И. В. Сталина «О латинском шрифте в мусульманской письменности» признало желательным оказать поддержку начинаниям Азербайджанского ЦИК по введению латинского шрифта в мусульманской письменности. Президиуму ВЦИК предлагалось оказать необходимую поддержку[388]. В 1923 году создана комиссия северокавказских, угро-финских и тюркских народностей России при Наркомпросе РСФСР.

Выступая на заседании XII съезда РКП (б), И. Сталин сказал свою знаменитую фразу о том, что «для того, чтобы советская власть стала и для инонационального крестьянства родной, необходимо, чтобы она была понятна для него, чтобы она функционировала на родном языке, чтобы школы и органы власти строились из людей местных, знающих язык, нравы, обычаи, быт»[389]. Резолюция XII съезда РКП (б) по национальному вопросу рекомендовала коммунистам настойчиво добиваться того, чтобы были «созданы специальные законы, обеспечивающие употребление родного языка во всех государственных органах и во всех учреждениях, обслуживающих местное инонациональное население и национальные меньшинства, – законы, преследующие и карающие со всей революционной суровостью всех нарушителей национальных прав, и в особенности прав национальных меньшинств»[390]. После XII съезда ВКП (б) 1923 года по всей стране началась работа по созданию новых алфавитов для всех крупных народов РСФСР, имеющих свои автономии. Координацией работы занимался специально созданный для этого Комитет нового тюркского алфавита[391], отделения которого открывались во всех областях и даже округах, где имелись районы компактного проживания разных национальностей. Для научной проработки вопроса широко использовались материалы о культурном уровне народов Средне-Волжского и Приуральского районов, собранные членами КИПС. В результате для 89 народов СССР были созданы и унифицированы новые алфавиты, впервые письменность на родном языке получили более 50 народов

---

[387] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»... С. 282.

[388] *Мусаева Т. А.* Революция и народное образование в Азербайджане. Баку, 1979. С. 60.

[389] Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 г. М., 1968. С. 482.

[390] См. *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР: (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1979. С. 193–195.

[391] АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239. Л. 1.

страны[392]. В советской историографии подчеркивалась большая работа, проделанная государством для создания алфавитов бесписьменных языков, а также поддержка преподавания на этих языках. Это считалось одним из главных достижений национальной политики СССР[393]. У современных исследователей политика в сфере языка получает неоднозначные оценки. Ученые М. Н. Губогло и Ф. Г. Сафин в книге «Принудительный лингвицизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы» пришли к выводу, что «языковое строительство обернулось не расцветом и развитием национальных языков и культур, а их последующим удушением»[394]. Финский исследователь С. Лаллукка, напротив, отмечает: «Тот факт, что образование предоставлялось на родном языке, сам по себе являлся свидетельством готовности советской власти сохранять определенное этнолингвистическое разнообразие в стране»[395]. Эстонский историк И. Яатс полагает, что для небольших этнических групп статус автономии в советском государстве являлся вопросом «сохранения культурного и языкового разнообразия»[396].

Сложность и противоречивость советской политики в сфере языка наиболее объективно отражена в работе С. В. Чешко. «С одной стороны, государство прилагало большие усилия и тратило значительные средства на создание письменности для ранее бесписьменных языков, издания учебников, книг, периодических изданий на нерусских языках. С другой стороны, оно предпринимало действия, которые, можно сказать, искусственно способствовали углублению дифференциации социальной роли языков, предоставлению некоторым из них определенных преимуществ», – писал он[397]. Переход на латинизацию сильно дискутировался. И если тюркские народы в целом были готовы переходить на латинскую графику, а в отношении славянских народов этот процесс был прекращен в конце 1920-х годов, то у финно-угорских народов внедрение латиницы

---

[392] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации... С. 791.

[393] См.: *Дешериев Ю. Д., Протченко И. Ф.* Развитие языков народов СССР в советскую эпоху. М., 1968; *Исаев М. И.* Языковое строительство в СССР: (Процессы создания письменностей народов СССР). М., 1970; Он же. Сто тридцать равноправных (о языках народов СССР). М., 1979.

[394] *Губогло М. Н., Сафин Ф. Г.* Принудительный лингвицизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы. М., 2000. С. 298–299.

[395] *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 207.

[396] *Jääts I.* "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s. // Nationalities Papers. 2 (40). С. 241.

[397] *Чешко С. В.* **Указ. соч.** С. 166.

происходило наиболее сложно. Т. Мартин подчеркивает, что «апогеем кампании по латинизации явилась попытка перевести с кириллицы на латиницу финно-угорские и чувашский языки»[398]. Латинизация языков финно-угорских народов, таким образом, представляется наиболее интересным, а с другой стороны – наиболее малоизученным процессом языковой политики в СССР 1930-х годов. Однако уже в 1938–1940 годах латинские алфавиты были заменены кириллическими, многие из которых используются по сей день[399]. Таким образом, народы РСФСР в течение 1920–1930-х годов несколько раз переживали смену письменности.

Работа по внедрению новых алфавитов коснулась и народов Урала. Судя по документам, уже с 1925 года на Урале началось внедрение нового алфавита. На пленуме Уралобкома 1925 года, например, в резолюции по итогам доклада «О задачах массовой работы среди рабочих и работниц нацмен на Урале и о работе советов среди национальных меньшинств» прямо указывалось, что в целях приближения советов к нуждам и запросам нацмен населения необходимо «в кратчайший срок в национальных советах и райисполкомах перевести делопроизводство на язык соответствующего национального меньшинства»[400]. Литература и газеты также должны были печататься на новом латинизированном алфавите. В п. 28 указывалось, что необходимо возобновить издание журнала «Шапа-агат», причем на латинизированном алфавите, ожидалось, что журнал смогут читать не только татары и башкиры, но и нагайбаки и удмурты[401]. Ситуация с развитием национальных языков на уровне местного делопроизводства отражена в «Общей сводке о работе уполномоченного нацмен Уральской области» за 1926 год. В документе сообщается, что на начало 1926 года в Уральской области «нет судебного делопроизводства, но есть судебное делоговорение на участках, где судьи знают язык нацмен», в Прикамье таких участков было открыто пять, и все в Коми-Пермяцком округе[402]. На Первом областном совещании работников нацмен в декабре 1927 года Сарапульскому окрисполкому было рекомендовано принять меры к переводу делопроизводства на

---

[398] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности»... С. 282.

[399] Процесс перехода на кириллицу не был централизованным и длился почти четыре года. Подр. см.: *Сайфутдинова Г. Б., Менеш А. Б., Шаронова А. А.* Особенности трансформации алфавита в СССР (на материалах Республики Татарстан) // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 1. С. 317–319; Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.: сборник документов. Тюмень, 1994.

[400] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.

[401] Там же. Л. 10 об.

[402] ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 60. Л. 1.

родной язык в Бардымском сельсовете[403]. В документе было отмечено, что «стремление к постановке делопроизводства в судах на языке национальных меньшинств упирается в чрезвычайно большие затруднения, главнейшим из которых является отсутствие подготовленных работников из числа национальных меньшинств»[404].

Вышеприведенные источники позволяют заключить, что реальных мер по внедрению нового алфавита на Урале до 1928 года не было. Все имеющиеся постановления и резолюции носили рекомендательный характер и указывали на необходимость ведения такой работы. Сами работы по внедрению новых алфавитов начались в 1928 году. Перевод письменности на родные языки в части делопроизводства с разной степенью успешности реализовывался в отношении татар и башкир, коми-пермяков (комизация), а также марийцев и удмуртов, о чем будет сказано ниже. К концу 1931 года Президиум Уральского облисполкома планировал полностью завершить перевод письменности на латиницу[405]. В 1933 году в письме всем окрисполкомам и руководителям национальных районов области пленум Комитета нового алфавита при облисполкоме констатировал, что несмотря на важность вопроса и принятые решения «на местах для реализации этих решений совершенно ничего не делается, городские, поселковые, районные и окружные комитеты нового алфавита, а также уполномоченные по новому алфавиту бездействуют». Комитет обращался с просьбой к местным органам власти как можно внимательней следить за ходом внедрения алфавита[406].

Во второй половине 1930-х гг., вследствие изменения национальной политики государства, произошел перевод национальной письменности с латинской графической системы на русскую. Начало данному процессу положило Постановление Президиума Совета национальностей ЦИК СССР «О переводе латинизированной письменности народов Севера на алфавит на основе алфавита русской письменности» от 1937 года[407]. В делопроизводстве акцент стал делаться на изучение русского языка, а национальные алфавиты в 1937–1939 годах были переведены с латинской на кириллическую графику. Успешность и масштабы языковой политики были разными в каждом конкретном случае (см. главы 4–6).

---

[403] Советское строительство среди национальных меньшинств на Урале и по содокладам уполномоченных по Челябинскому и Троицкому округам // Резолюции Первого областного совещания... С. 9.

[404] Там же. С. 12.

[405] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 4.

[406] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 135.

[407] *Бибикова В. В.* Создание модели северной национальной школы в 20-е гг. XX в. // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: сборник статей. М., 2019. С. 702–703.

2.7. Политика в сфере образования и ликвидации безграмотности

Как известно, одной из наиболее масштабных кампаний большевиков после прихода их к власти была политика по ликвидации безграмотности. Как и прочие мероприятия, называемые «национальной политикой», действия областных органов власти в сфере образования являлись частью общесоветских мероприятий, среди которых – борьба с неграмотностью (для национальных меньшинств это означало организацию обучения на родных языках), открытие сети школ (или национальных школ), использование в образовании идеологического воспитания в духе идей социализма.

В условиях политики коренизации вопрос об организации национальных школ был поднят уже в первые годы советской власти. Так, 31 октября 1918 года Народный комиссариат просвещения РСФСР (НКП РСФСР) принял Постановление «О школах национальных меньшинств», согласно которому данные школы объявлялись государственными и на них распространялось «Положение об единой трудовой школе». Одним из важнейших принципов данного постановления было требование обучения учащихся на их родном языке. 23 сентября 1919 года вопрос об организации просвещения национальных меньшинств рассмотрен комиссией Наркомпроса. Было принято Положение об организации просвещения народов нерусского языка и образован Отдел просвещения национальных меньшинств с созданием подотделов в губерниях. Вскоре после этого был принят декрет Совнаркома «О ликвидации безграмотности среди населения РСФСР» от 26 декабря 1919 года, по которому «все население от 8 до 50 лет обязано было обучаться грамоте на родном или русском языке, по желанию», а за препятствие к посещению школ устанавливалась уголовная ответственность. При Народном комиссариате просвещения (Наркомпрос) была создана Всероссийская Чрезвычайная комиссия по ликвидации безграмотности (грамчека)[408]. В районах компактного проживания нерусского населения параллельно началась работа по развитию образования на родном языке.

Развитие системы образования на территориях со сложным этническим составом населения за период существования Уральской области заслуживает отдельного большого исследования. Так, в диссертации Т. Г. Мосуновой, например, уже представлены периодизация развития

---

[408] Декрет Совета Народных Комиссаров. О ликвидации безграмотности среди населения Р.С.Ф.С.Р. // Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1919 г. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1943. С. 845–846.

системы образования национальных меньшинств на Урале, подходы в работе органов образования, особенности реализации политики в отдельных районах, анализ просчетов коренизации[409]. В данном разделе будет представлена общая характеристика системы национального образования, информация о которой имеется в отчетах советских органов образования Уральской области. В первые годы советской власти политику «в сфере образования нацмен» в области курировали отделы национальных меньшинств при местных советских органах власти. С 1926 года, после введения института уполномоченных по работе среди национальных меньшинств, при областном отделе народного образования был организован Совет по просвещению национальных меньшинств, который в 1929 году преобразован в Комитет по просвещению национальных меньшинств[410].

В 1923/1924 учебном году на Урале функционировало 357 национальных школ 1-й ступени, или 9% всех школ области, где обучалось 19 035 человек, или в среднем по 53 ученика на школу, в целом по области этот показатель составлял 65,2. Но эти данные говорят лишь о наполняемости существующих школ. Большое количество населения по-прежнему не имело доступа к образованию (см. таблицу 2.5).

В советской историографии при характеристике национального образования часто делался упор на непропорциональный охват русских и нерусских народов, который удалось преодолеть только после прихода к власти большевиков[411]. В отчетах УралОНО сохранились сведения о преподавании родных языков на момент создания Уральской области. Лучше всего положение обстояло в среде татарского и башкирского населения, где «во всех группах школ 1 ступени преподавание ведется на родном языке, а русский язык как предмет введен со 2 года обучения...». В марийских и удмуртских школах «преподавание ведется на родном и русском языках», а среди северных народов «ведется исключительно на русском языке»[412]. С 24 февраля по 4 марта 1924 года по всей стране состоялась «Всероссийская неделя просвещения национальных меньшинств». На территории Уральской области это мероприятие из-за незавершенности районирования проходило с 15 по 22 марта.

---

[409] *Мосунова Т. Г.* Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Свердловск, 1988.

[410] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 101–103; *Чуфаров В. Г.* Деятельность партийных организаций Урала... Свердловск, 1970. С. 27.

[411] *Хасанкаев С.* Национальная политика Октября и просвещение нацмен // Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 10.

[412] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 302.

Таблица 2.5

Сведения о населении и социалистическом воспитании в Уральской области

Наименование	В области	тат-баш	пермяки	марийцы	удмурты	евреи	немцы	Всего	% от общ.
%	100	5,03	0,8	0,5	0,14	0,1	0,15		10,69
Население	6 354 387	319 872	113 934	28 766	9282	6742	10 096	488 692	
Школ 1-й ступени	3941	249	62	17	3	1	–	332	9,06
Педагогов	7345	395	113	22	7	3	–	540	7,8
Клиентура	257 272	12 794	2972	1059	326	73	–	17 224	7,39
Детдомов	335	22	–	–	–	1	–	23	6,9
Воспитателей	1158	88	–	–	–	2	–	90	7,8
Детсадов	40	4	1	–	–	–	–	5	12,5
Воспитателей	81	7	3	–	–	–	–	10	10,9
Клиентура	1873	146	40	–	–	–	–	186	9,9
Школ-семилеток	111	5	–	–	–	–	–	5	6,3
Педагогов	782	41	–	–	–	–	–	41	6,6
Клиентура	18 754	701	–	–	–	–	–	701	5,1
Школ 2-й ступени	54	–	2	–	–	–	–	2	3,7
Педагогов	744	–	19	–	–	–	–	19	2,6
Клиентура	15 712	–	279	–	–	–	–	279	1,8
Воспитанников	21 427	1196	–	–	–	27	–	1223	5,7

* *Составлено и подсчитано по*: Сведения о населении и сети по социалистическому воспитанию. ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 299 об.

Для проведения этой недели была создана комиссия в составе заведующего УралОНО, председателя совнацменов и его зама, а также представителей обкома РКП (б), обкома РКСМ, ВЦСПС и др. Комиссия была разделена на три подкомиссии: материально-хозяйственную, культурно-организационную и художественно-пропагандистскую. На страницах областной татаро-башкирской газеты «Коммунист» и газеты «Уральский рабочий» были напечатаны план проведения «Недели совнацмена» и разъяснения к нему. Каждая подкомиссия (согласно плану) разработала основные мероприятия в период проведения «Недели совнацмена»[413]. Между тем необходимо отметить, что в источниках сохранились сведения только о подготовке недели, но нет данных и отчетов о ее проведении.

После 1923/1924 учебного года началась активная работа по созданию системы образования в районах проживания всех национальных меньшинств, в том числе с внедрением образования на родных языках. Развитие образования двигалось по пути создания школ 1-й ступени, изб-читален и национальных школ коммунистической молодежи (см. таблицу 2.6). В течение 1924–1926 годов произошло значительное увеличение коми-пермяцких школ (с 60 до 116), татарских и башкирских (с 222 до 280), марийских (с 11 до 25), удмуртских (с 3 до 8)[414]. В конце 1920-х годов в Большеусинском районе Уральской области [совр. Куединский район – авт.] после масштабной миграции чувашей появились чувашские школы[415].

Таблица 2.6

Создание сети национальных школ на Урале в 1925–1928 годах

	1925/1926	1926/1927	1927/1928	Динамика прироста
Школ 1-й ступени	465	560	680	1,5
Изб-читален смеш. типа	146	77	218	1,5
Чисто «нацмен изб-читален»	88	94	124	1,4
Нац. ШКМ	4	6	7	1,7

* *Составлено и подсчитано по:* ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.

[413] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 67. Л. 156–158.
[414] Там же. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 49. Л. 112.
[415] *Чепкасов Л. И.* Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.

В конце 1924 года отдел народного образования Уральского облисполкома провел обследование школ области, в том числе и национальных. Данные позволяют оценить ситуацию с национальными школами в целом по области. Охват детей среди русских, например, в 1925/1926 был 47,2%, в 1928/1929 – 67, у национальных меньшинств в 1925/1926 – 35,9, в 1928/1929 – 59%. На одну школу приходилось русских 880 человек, представителей национальных меньшинств – 1055 человек. Охват девочек среди русских – 43%, среди национальных меньшинств – 24%. Второгодничество – 22% в школах у национальных меньшинств против 15 в русских школах[416]. В целом с 1923 по 1927 год общий рост всех школ 1-й ступени по области составил 15%, тогда как школ национальных меньшинств – 29%. Если в 1925/1926 учебном году преподавателей национальных школ в области насчитывалось 718, то уже в 1927/1928 учебном году – 923, то есть увеличение составило 28,5%. В целом по области этот показатель составил 20%. Если в 1925/1926 учебном году на одну национальную школу по области приходилось 1380 учащихся, то в 1927/1928 учебном году – 1967[417]. Система образования с 1923/1924 по 1926/1927 год изменилась следующим образом: прирост школ 1-й ступени – с 354 до 590 (296 – татарско-башкирские, 100 – коми-пермяцкие), школ-семилеток – с 4 до 11, школ крестьянской молодежи – 5, школ 2-й ступени – с 0 до 2, дошкольных учреждений – с 4 до 8, профтехнических – с 2 до 4[418]. В разрезе на национальности показатели развития системы образования распределились следующим образом. Охват детей школами первой ступени по области в целом оценивался в 52%, в районах проживания нацмен – 42,5% (см. таблицу 2.7).

Сеть национальных школ была более развита в местах компактного проживания пермяцкого населения: 60 школ и 11 947 учеников, или 19 и 40,3% соответственно от общей численности по Уралу[419]. Техникумов и училищ для национальных меньшинств в 1923 году в Прикамье не было, образование после школы татары и башкиры могли получать в Екатеринбургском или Троицком татаро-башкирских педтехникумах, Татаро-башкирское отделение работало при Тюменском педтехникуме[420]. Марийское население обучалось в Урал-Марийском педтехникуме с местонахождением в городе Красноуфимске на базе местного техникума[421].

---

[416] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 249. Л. 1.
[417] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 121–122.
[418] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 74, 76.
[419] Там же. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 169. Л. 65.
[420] Там же. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 301.
[421] Там же. Д. 170. Л. 16.

Таблица 2.7

Распространение образования в 1926–1927 годах по Уральской области в разрезе на национальности*

Нацио-нальность	Всего населения	Дети в возрасте 8–11 лет	% охвата детей школами 1-й ступени	Кол-во учащ. в школе нач. обр.	В том числе в возрасте 8–11 лет
Татаро-башкиры	251 889	22 667	47,2	20 601	10 713
Пермяки	111 522	10 663	43	6656	4570
Белорусы	27 109	2440	41	1648	1000
Украинцы	50 912	4582	39	2978	1787
Марийцы	17 697	1592	35	852	552
Удмурты	9998	900	53	677	477
Прочие (кроме Севера)	51 943	4675	23	1994	1100
Итого	519 943	47 525	42,5	35 407	20 199
В целом по области вместе с нацмен	6 727 749	540 492	52,2	392 563	281 822

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 75.

Для повышения квалификации преподавательского состава национальных школ в течение 1924/1925 учебного года были организованы курсы для учителей национальных меньшинств: для татаро-башкирских педагогов было проведено 45 часов, марийских – 32 часа, коми-пермяцких – 31 час[422]. Для подготовки преподавательских кадров в пяти техникумах были открыты подготовительные отделения: при Троицком, Марийском (город Красноуфимск), Тобольском (для народностей Севера) педагогических, Красноуфимском сельскохозяйственном и Тюменском медицинском техникумах, материальная база учреждений

[422] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 123.

продолжала оставаться недостаточной. Всего обучалось 771 студентов, из них 641 – в нацментехникумах (татары – 375, мари – 133, евреи – 108, пермяки – 38, башкиры – 34, остяки – 14, зыряне – 13, прочие – 37)[423].

Существенные изменения в развитии образования области произошли после начала реализации на местах декрета ВЦИК и СНК РСФСР от 31 августа 1925 года «О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети» (Всевобуч)[424]. В июне 1927 года вышло постановление секретариата обкома партии, а 28 октября 1928 года – решение Уралоблисполкома о просвещении национальных меньшинств. Среди задач в документе были обозначены «преодоление культурной отсталости нерусских национальностей, развитие школьного образования, ликвидация неграмотности среди этих народов (особенно среди женщин) более быстрыми темпами, чем в среднем по области». По итогам VIII Уральской областной партийной конференции окружные и районные комитеты партии должны были усилить контроль за работой местных советов по подготовке и осуществлению всеобщего обязательного начального обучения[425]. В результате введения программы Всевобуча на территории округа грамотность населения, особенно детского возраста, существенно возросла. По данным УралОНО, если в 1927/1928 годах охват обучением детей школьного возраста составлял 52,3%, то в 1931/1932 – уже 92,6%. Увеличение количества обучающихся в округе в два раза за пять лет позволило почти полностью охватить образованием детей школьного возраста[426]. Опережающий рост количества национальных школ приводил к проблемам с их обеспечением. Так, обследование УралОНО показало, что школы обеспечены учебными пособиями всего лишь на 40–50%, а порой и меньше. Если на одного ученика в обычных школах приходилось по 1,08 кв. м классной площади (по нормам Наркомпроса – 1,5 кв. м), то в национальных школах было меньше 0,8 кв. м[427]. Наглядными и учебными пособиями национальные школы Урала были снабжены только на 25–30%. В Кунгурском округе обеспеченность учебниками татаро-

---

[423] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 74, 76.

[424] О введении в РСФСР всеобщего начального обучения и построении школьной сети (Пост. ВЦИК и СНК РСФСР от 31/VIII 1925 г.) [Электронный ресурс]: Электронная библиотека исторических документов. URL: http://docs.historyrussia.org/ru/nodes/136571-o-vvedenii-v-rsfsr-vseobschego-nachalnogo-obucheniya-i-postroenii-shkolnoy-seti-post-vtsik-i-snk-rsfsr-ot-31-viii-1925-g (дата обращения: 23.09.2024).

[425] *Латыпов. Р. Т.* Указ. соч. С. 147.

[426] *Гатауллин А.* Как растут и крепнут национальные районы и советы // Хозяйство Урала. 1933. № 4. С. 42.

[427] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 113.

башкирских школ составила 20%, марийских – 5%. При этом 70–80% учебников были «устаревшими», выпущенными в дореволюционное время[428]. Конкретно в Красноярском районе Сарапульского округа (совр. Бардымский район) на одного ученика национальной школы приходилось 20 рублей 30 копеек, в Манчажском районе Кунгурского округа – 19 рублей 50 копеек, тогда как в общих школах округа – 23 рубля 8 копеек[429]. Из докладной записки председателя Красноярского райисполкома Сарапульского округа Гатауллина следует, что многие школы «помещаются в частных домах, приспособленных для жилья, в обыкновенных избушках» без какого-либо оборудования[430]. В докладной записке Омского облплана об образовании на Ямале в 1935 году отмечается, что «из 24 школ в районах 11 размещены в промысловых избушках, бараках, одной-двух комнатах, отведенных в зданиях риков. Помещения тесные, часто холодные»[431]. Таким образом, материальная база школ, открытых в рамках мероприятий национальной политики, была очень низкой. Существовала и проблема преподавательских кадров. В 1920-е годы значительную часть учителей в национальных школах составляли русские. В отчете Сарапульского округа за 1927 год сообщалось, что в некоторых селениях Усинского района живет до 20% чувашей. «Чуваши просвещением интересуются гораздо больше, чем русское население... но беда в том, что зачастую дети совершенно не понимают учителя. А учитель не понимает по-чувашски. Да и вообще-то учителей из чувашей почти не встречается»[432], – говорилось в документе. В отчете Осинского отдела народного образования отмечается, что на 1 апреля 1924 года в районе открыто «19 школ на договорных началах с 18 работниками, из них функционируют 2 за неимением педагогов... жалование учителей государственных школ выдается по голодному прожиточному минимуму, по 10–11 и 12 разрядам. Положение учителей общественных школ еще хуже: при цене хлеба 10–11 руб. за пуд, получают хлебом от 5 до 10 пудов»[433]. В отчетах в УралОНО приводится и несколько фактов неуважительного отношения к учителям национальных школ. Так, например, учителей татарской деревни Средний Бугалыш Кунгурского округа местные власти заставляли

---

[428] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 49. Л. 104.
[429] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 130.
[430] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-203. Оп. 1. Д. 81. Л. 8.
[431] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 251.
[432] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 160.
[433] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 12. Д. 286. Л. 6 об.

в часы школьных занятий в течение девяти дней проводить ревизию кредитного товарищества. В марийском селе Сарс того же округа местных учителей принудили ходить по домам, собирать сведения о планируемых посадках у местного населения (эту работу должны были исполнять агроуполномоченные)[434]. Таким образом, существующие школы сталкивались с проблемами материального обеспечения, нехватки кадров, а могли и просто не функционировать. Можно смело предположить, что аналогичная ситуация возникала и в национальных школах других округов.

Когда система национального образования в целом была сформирована, власти Уральской области решили провести «Смотр работы национальной школы». Он был организован в период с 1 июня по 1 июля 1932 года, соответствующее решение было утверждено Постановлением Малого Президиума Уральского облисполкома № 2627 от 1 июня 1932 года. К смотру были привлечены практически все крупные организации, органы власти и СМИ, учреждения образования Урала[435]. У руководства области даже были планы открыть педагогические техникумы: татарский – в Тюмени, белорусский – в Таборинске, украинский – в Троицке, остяко-вогульский – в Самарово и башкирский – в Сарапуле, а национальное отделение в Тюменском медтехникуме – перепрофилировать в самостоятельный медтехникум для татарских народностей, в Пермском и Свердловском мединститутах организовать с осени 1932 года национальные отделения на 100 человек в каждом[436].

Еще одно направление, характерное для политики большевиков – открытие библиотек и изб-читален в каждом населенном пункте. Нерусское население было преимущественно сельским, поэтому в национальной политике это направление было очень важным, хотя избы-читальни и библиотеки открывались во всех районах. «Массовая деревенская и городская политпросветработа среди нацмен должна быть концентрирована в деревнях в избах-читальнях, в городах – в красных уголках при общих клубах», – говорится в резолюции «О состоянии и задачах просвещения среди национальных меньшинств Урала» Первого областного совещания работников среди национальных меньшинств Урала 1927 года[437].

---

[434] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 70.
[435] Там же. Д. 59. Л. 37.
[436] Там же. Л. 25 об.
[437] О состоянии и задачах просвещения среди национальных меньшинств Урала // Первое областное совещание работников среди национальных меньшинств Урала 1927 года. Свердловск, 1928. С. 17.

Таблица 2.8

Распространение изб-читален по Уральской области*

Национальность	1923/1924	1924/1925	1925/1926	1926/1927	На 1 избу-читальню приходится чел.
Татаро-башкиры	70	98	92	141	1787
Пермяки	17	28	30	43	2593
Белорусы	–	–	–	5	5420
Украинцы	–	–	5	6	8485
Марийцы	–	–	9	10	1769
Вотяки	–	–	–	4	2499
Прочие (кроме Севера)	3	3	6	18	2885
Итого	90	109	142	227	2320
В целом по области вместе с нацмен	1506	1978	3382	3520	24 850

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 73.

Последние документы, касающиеся национального образования, относятся к началу – середине 1930-х годов. К началу 1930-х годов на Урале работали школы первой ступени для башкир и татар, коми-пермяков, марийцев и удмуртов, немцев и др. В 1930 году работало семь школ-семилеток, шесть татаро-башкирских и одна пермяцкая, 13 школ крестьянской молодежи, среди которых шесть татаро-башкирских, три коми-пермяцких, по одной – марийская, удмуртская, украинская, нагайбакская, а также три школы второй ступени (две – у коми-пермяков, одна – у татаро-башкир). Власти области планировали существенно расширить сеть национального образования[438]. Президиум Свердлов-

[438] *Гурьев Н. А.* Национальные меньшинства Урала. М., 1930. С. 10.

ского облисполкома в специальном Постановлении от 9 мая 1936 года № 4289 «Об улучшении дела просвещения национальных меньшинств области» планировал: открыть дополнительные классы и охватить школьным обучением в Бардымском районе, обеспечить новыми пособиями учебные заведения. Такую же работу предлагалось провести в Уинском, Манчажском, Красноуфимском, Суксунском, Пермском, Ачитском, Ординском, Березовском, Березниковском, Артинском, Куединском, Чернушинском, Пермско-Сергинском, Чусовском, Усинском, Нижне-Сергинском, Щучье-Озерском районах[439]. Большая часть этих школ была открыта, однако после 1937 года, когда национальная политика фактически перестала реализовываться отдельно, они перешли в подведомственное подчинение органам народного образования.

Характеризуя систему просвещения для национальных меньшинств на Урале в 1920-е годы, необходимо признать, что создание новых школ и различных образовательных пунктов в районах компактного проживания разных национальностей осуществлялось в рамках общей политики советской власти по развитию сети школ, причем национальные школы строились не так активно, как школы общего типа, что в принципе соответствует аналогичным процессам досоветского периода. И если в национальных республиках создание национальной школы по факту приравнивалось к созданию всех школ, то для регионов, где большинство населения было русским, создание учебных заведений с этнокомпонентом (преподаванием некоторых предметов на родных языках, как и преподавание родных языков) требовало от органов власти дополнительных усилий. Обеспечение их работы натыкалось на различные трудности, а образовательный процесс не был стабильным, особенно в районах со смешанным населением. Р. Т. Латыпов в своем исследовании отмечает, что в сельской местности «некоторые школы были созданы на одном энтузиазме крестьян, порой без ведома отдела народного образования, вскоре закрывались, хотя еще продолжали числиться как действующие»[440]. Между тем именно в этот период были заложены основы системы образования на родных языках, подготовки кадров, созданы условия для сохранения и даже развития языков разных народов, проживающих отдаленно от мест традиционного расселения. Созданная на Урале в 1920-е годы система национального образования и просвещения сохранилась и с незначительными изменениями продолжает функционировать до сих пор.

---

[439] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4410. Л. 16–18.
[440] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 101.

2.8. Национальная политика в городах Урала

Деятельность по работе среди нацмен велась преимущественно в сельских районах, где существовали места компактного проживания, а численность населения была незначительной. Уполномоченные по работе среди нацмен в округах могли выстроить работу в сельских местностях с моноэтничным составом, но там где проживало несколько народов и численность населения была высока, реализовать национальную политику было сложнее. В логике национальной политики основу городского населения составлял пролетариат, который по умолчанию уже освободился от своих «узконациональных интересов» и не нуждался в отдельной поддержке. Однако отчетность о достижении результатов национальной политики в городах также собиралась. При этом ответственные по работе среди нацмен в крупных городах не назначались, вся работа велась на общественных началах, что значительно влияло на сохранность и системность делопроизводственной документации.

Возможно, с этим связано и отсутствие источниковой базы по еврейскому населению. В Уральской области проживало 12 685 евреев, из которых 12 275, или 97%, проживали в городах, а конкретно в Перми, Свердловске, Челябинске и Тюмени – 8784 (70%)[441]. Это было одно из крупнейших этнических сообществ Урала[442]. Наиболее влиятельной еврейской негосударственной организацией второй половины 1920-х годов был Общинный совет, сведения о котором отложились в фондах ГАПК. Известно, что в структуре находились еврейская школа, библиотека, детдом и еврейская профшкола[443]. В 1924 году в Перми Общинным советом были открыты Учебно-показательные мастерские (ул. Луначарского, 75). В «Положении об учебно-показательных мастерских Пермского еврейского общинного совета» от 13 октября 1924 года говорится: «В целях содействия наиболее успешному развитию профессионального образования среди еврейского юношества и подготовки квалифицированных рабочих при пермском еврейском общинном совете открываются учебно-показательные мастерские. Мастерские находятся в ведении общинного совета и содержатся на его средства. Обучение в мастерских бесплатное»[444]. В учебный план мастерских, помимо профессиональной подготовки, входили следующие предметы: родной язык, математика, черчение, обществоведение, тех-

---

[441] Всесоюзная перепись населения 1926 г... С. 106–123.

[442] Это было больше, чем, например, немцев, мордвы или нагайбаков.

[443] Из «Отчета о работе среди еврейской молодежи с октября 1924 по 1925 г.» // ПермГАНИ. Ф. 2. Оп. 3. Д. 205. Л. 6.

[444] ГАПК. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 306. Л. 1.

нология, физика, рисование, физкультура. Мастерские были открыты 25 января 1925 года[445]. В 1926 году Совет было решено преобразовать в Еврейское культурно-благотворительное общество «для удовлетворения национально-культурных и просветительских запросов и разрешения вопросов материальной помощи нуждающимся евреям»[446]. 27 января 1927 года общество было официально зарегистрировано в Пермском окружном административном отделе. При нем были созданы комиссии: культурная, экономическая, финансовая, «Гмилус Хесед». Однако 1 сентября общество было закрыто[447]. На его месте 6 октября 1926 года было создано отделение «Общества содействия землеустройству евреев-трудящихся»[448]. Кроме этого, известно о работе в городах еврейских библиотек[449] и школы первой ступени[450], о евреях в составе горкомов и горисполкомов партии. Однако конкретного делопроизводства или сведений о работе среди евреев в источниках не отражено. Это может быть связано как с тем, что евреи уже не вписывались в логику национальной политики, то есть не нуждались в культурном подъеме, так и с их проживанием преимущественно в крупных городах.

Как правило, именно городские исполкомы в отчетных документах отмечаются как наименее компетентные в части национальной политики. «Отмечая ряд случаев великодержавного шовинизма и местного национализма (Карабаш, Магнитогорск, Кизел) и слабую подготовку интернационального воспитания, предложить райисполкомам, городским и поселковым советам организовать систематическую массовую работу по разъяснению ленинской национальной политики и повести решительную борьбу с проявлениями всякого рода уклонов в национальном вопросе», – говорится в Постановлении № 783 Малого Президиума Уралоблисполкома[451]. В постановлении облисполком требовал от местных властей усилить политико-культурную и воспитательную работу среди национальных меньшинств, выделить помещение в ДК для кружковой работы, назначить в горсовете ответственного работника по взаимодействию с нацмен[452]. В отчете о мероприятиях, зафиксированных в постановлении Малого Президиума Уралоблисполкома от 04.07.1931 «Об итогах смотра культурно-просветительских учреждений

---

[445] ГАПК. Ф. Р-118. Оп. 1. Д. 350. Л. 55.
[446] Там же. Ф. Р-115. Оп. 1. Д. 146. Л. 2.
[447] Там же. Л. 175.
[448] *Бартгейл А.* История еврейской общины Перми. Пермь, 2000. С. 68–69.
[449] Отделение с еврейскими книгами стало вновь функционировать при Пермской центральной библиотеке // Звезда. 1933. 7 мая.
[450] Организуется комбинат нацменбиблиотек // Звезда. 1933. 5 дек.
[451] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 4 об.
[452] Там же. Оп. 1. Д. 4409. Л. 28–28 об.

по обслуживанию национальных меньшинств», сказано, что в городах Кизеле, Надеждинске, Перми Смотр самодеятельности национальных меньшинств не был организован по вине местных горсоветов[453].

В делопроизводственной документации отражено несколько кейсов реализации национальной политики в городах по результатам отдельных проверок. Наиболее сложно было организовать обследование состояния работы среди нацмен в городе Свердловске. В Докладной записке горсовета в адрес облисполкома говорилось, что в горсовете точных цифр о наличии нацмен нет, общее количество нацмен «приблизительно составляет 20 000 человек», среди национальностей названы татары, башкиры, чуваши, казаки, ассирийцы, марийцы, украинцы. «Депутатов нацмен» было 13 человек, общественной работы, за исключением обсуждения конституции, инициированного рабочими на родном языке, не проводилось. «Нет вовлеченцев актива нацмен в работу советов как мужчин, так и женщин... даже в самом аппарате горсовета нет работника из нацмен», – говорится в документе[454]. Известно, что в Свердловске работал Татарский педагогический техникум, издавалась газета на татарском языке «Социализм Юлы», при Доме просвещения нацмен работал Татарский рабочий театр на 17 человек[455]. В городе работала неполная татарская средняя школа, было открыто несколько классов для нацмен при школах предприятий, «но нет учета детей нацмен школьного возраста... по территориальности дети нацменов охвачены в общих садах»[456]. В июле 1932 года в Свердловске были организованы курсы для подготовки советских работников окружных и районных аппаратов Севера[457], здесь же регулярно проводились мероприятия областного уровня. Об образовании в городе сказано следующее: «...обучение неграмотных и малограмотных нацменов – работы нет, неизвестно сколько обучается, не знают, где существуют ликпункты, и т. д. нет учета педкадров, неизвестно, обеспечены учебниками и учебными пособиями»[458]. В проверке облисполкомом работы горкомов Свердловской области 1932 года говорится, что обследование работы Свердловского горсовета «проходило в разрезе беседы с завами и инструкторами отделов, для более детальной проверки нет материалов, характеризующих работу

---

[453] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 4.
[454] Там же. Оп. 1. Д. 4413. Л. 50.
[455] Там же. Л. 79.
[456] Там же. Л. 50.
[457] Постановление Президиума Уральского облисполкома от 14.02.1932 «О хозяйственном и культурном строительстве в северных национальных округах Уральской области». ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 14.
[458] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 50.

среди нацмен»[459]. О «депутатах нацмен» Свердловского горсовета сказано, что ими «плановой работы не ведется, из них большая часть в общественной жизни города участвуют крайне недостаточно. Им даются отдельные поручения от случая к случаю вообще, среди нацмен они работы не ведут»[460]. В целом работы как таковой на уровне города в Свердловске не велось.

Город Пермь в 1920–1930-е годы оставался одним из крупнейших городов Урала, хотя и утерял свое административное и экономическое значение. Между тем он сохранял статус крупного культурного и научного центра. Инструктор облисполкома Ф. И. Казанцев в 1936 году обследовал состояние решения национального вопроса в Перми. По его оценкам, национальных меньшинств в городе было 11–12 тыс. человек, из них примерно половина трудилась на предприятиях, остальные – служащие и работники сельского хозяйства, примерно 2–3% населения. Среди народов названы: татары, башкиры, белорусы, украинцы, евреи, марийцы, коми-пермяки, латыши, эстонцы, поляки и немцы[461]. В Перми в 1930-е годы работала одна «нацмен школа». В сводке о ее деятельности за 1931–1932 год говорится, что в школе всего четыре группы на 84 ученика, «школа охватывает всех городских нацмен учеников по расстоянии от школы до ихнего дома от 3 до 4 верст... в настоящее время 20 учеников не охвачено школой, причина к этому за неимением обуви и одежды и из-за нежелания родителей»[462]. В школе работало четыре учителя. Относительно учебной базы в сводке сказано: «Школы тетрадями, карандашами обеспечена. На родном языке книг не хватает, вторая группа совсем без книг по яналифу, поэтому у нас хотя имеется договор с Гизом, но до сего времени ничего не сделано»[463]. О работе пермской нацмен-библиотеки на начало 1932 года сказано, что она имеет 1061 экземпляр литературы, но посещает библиотеку 95 человек, «из них все почти можно сказать дети ходят, взрослых очень мало ходит»[464]. О состоянии работ по ликбезу в Перми организатор ФЗК нацмен Вахитов честно написал, что «в цехах нет ни одного руководителя, поэтому организовать группы не можем. Вот вам краткое сведение о состоянии ликбеза»[465]. В резолюции Пермского горкома ВКП (б) «О состоянии работы среди нацмен» от

---

[459] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 50.
[460] Там же. Д. 4410. Л. 34 об.
[461] Там же. Л. 15.
[462] ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 14. Д. 17. Л. 16.
[463] Там же.
[464] Там же. Л. 17.
[465] Там же. Л. 18.

26 февраля 1932 года говорится: «Несмотря на наличие в Молотове 11 национальностей, однако работа среди последних поставлена неудовлетворительно. Нет актива из каждой национальности, на который бы можно было опираться в практической работе. Городской совет Перми ни разу не ставил вопрос о работе среди нацмен и не знает культурно-бытовые условия»[466]. В 1932 году Татаро-башкирская секция Пермского горкома констатировала следующее состояние решения национального вопроса на уровне города: «...плохо поставлена работа с нацмен цех. организаторами, неграмотные и малограмотные учебной не охвачены, техучебы нет, плохо распространяется нацменлитература, интернациональное воспитание отсутствует, нет никакой работы с профгрупоргами, интернациональные вечера не проводятся и т. д... работа поставлена на самотек»[467]. Нацмен газета завода им. Молотова «Ударник» имела подписчиков 112 человек на 1000 издаваемых экземпляров. При этом обращалось внимание, что нацмен-рабочие используются не на квалифицированных работах, а условия для закрепления на производстве постоянных кадровых рабочих не созданы[468]. О состоянии работы на Чусовском заводе свидетельствует докладная записка «О состоянии политико-воспитательной и культурно-массовой работы среди рабочих нацмен Чусовского завода» от 7 мая 1937 года. Работа была оценена как недостаточная по следующим причинам: «Политико-воспитательная и агитационная работа среди рабочих нацмен на своем родном языке не ведется. Нигде не организованы кружки по изучению Сталинской Конституции, докладов тов. Сталина о новой Конституции... Громкие читки ни в красных уголках, ни в клубе, ни в общежитиях, ни в библиотеке не проводится... При клубе организован только один драмкружок из молодежи нацмен, им никто не руководит»[469]. Кроме этого, в городе Чусовом работала татарская неполная средняя школа на 209 учащихся[470]. О работе Чусовского райисполкома сообщается: «В городе Чусовой есть хорошо оборудованный клуб Татбаш, в котором ежедневно чего-нибудь да проводится: кино, постановки, коллективные читки, проработка Постановлений Партии и Правительства с домохозяйками. При клубе имеется хороший драматический кружок, струнный оркестр, хорошая библиотека, с достаточным выбором книг»[471].

---

[466] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 20.
[467] ПермГАСПИ. Ф. 620. Оп. 14. Д. 17. Л. 7.
[468] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 15.
[469] Там же. Д. 4410. Л. 34.
[470] Там же.
[471] Там же. Л. 44.

На контроле областных властей была ситуация в Надеждинске (совр. Серов, с 1934 года переименован в Кабаковск в честь первого секретаря Свердловского обкома). На заседании Надеждинского горсовета 3 мая 1937 года был рассмотрен вопрос «О результатах проверки выполнения постановления Облисполкома о состоянии нацмен-работы в Надеждинском районе». Документ констатировал, что на предприятиях Надеждинска «не уделяется достаточного внимания к удовлетворению культурно-бытовых запросов трудящихся нацмен, слабо развита культурно-политическая просветительская работа», а «организованная секция при Дворце культуры ни в коем случае не удовлетворяет и не обслуживает культурных запросов нацмен»[472]. О рабочих Кабаковска в августе 1936 года говорилось, что «наряду с ростом национальных кадров... политико-воспитательная работа среди рабочих нацмен Кабаковска и их культурно-бытовое обслуживание находятся в явно неудовлетворительном состоянии» в результате «недооценки политической важности работы среди рабочих нацмен и крайне невнимательного и бюрократического к ней отношения со стоны Президиума Кабаковского горсовета и руководителей хозяйственных организаций». Среди перегибов названы преподавание не на родном языке в национальных школах, закрытие нацменклубов, отсутствие условий для клубной работы, малый охват обучением, «безобразные» жилищные условия у «стахановцев нацмен»[473].

В 1932 году решением бюро обкома были открыты нацменотделения при ФЗУ с целью обучения рабочих на родных языках, но реализовать на практике это решение также не удалось: «Решение бюро обкома об открытии нацменотделений при ФЗУ, рабфаках и техникумах выполнено формально за исключением Магнитогорска и Асбеста. Во всех нацотделениях преподавание ведется на русском языке, несмотря на то, что имелась полная возможность ряд предметов (родной язык, обществоведение, математика) преподавать на родном языке, особенно в таких районах как Надеждинский, Кизел, Челябинск, Алапаевск и др.»[474].

Таким образом, советская власть, очевидно, не отказывалась от работы по национальному вопросу и в городах. Главными особенностями в этих условиях были сложный этнический состав, большая по сравнению с сельской местностью численность населения, отсутствие ответственных уполномоченных. Все это влияло на качество и систем-

---

[472] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4410. Л. 37.
[473] Там же. Д. 4409. Л. 28.
[474] Там же. Оп. 5. Д. 46. Л. 176.

ность отчетности. Эффективной работу горисполкомов с точки зрения приоритетов национальной политики назвать сложно. Как правило, она была направлена на башкирское и татарское население, численность которого в городах была относительно большой. Однако учреждения образования и культуры, в том числе в среде нацмен, были размещены именно в крупных городах.

2.9. Медико-санитарное обслуживание в национальной политике

Особенности хозяйства и культурных традиций ряда народов часто становились причинами разных видов заболеваний, что требовало от областных властей усилий по развитию здравоохранения или привлечению специалистов в определенных районах. В источниках отражено немало информации о состоянии здоровья населения разных национальностей. В отчете об инспекционной поездке 1935 года в марийские деревни Красноуфимского района говорится: «Вообще в быту марийцы живут средне, кушают вместе со всей семьей из одного блюда, и также еще мало принято применение отдельных полотенец для каждого человека, отчего в большинстве распространяется болезнь – трахома»[475].

Компактно разные народы, согласно облздравотделу, проживали в Манчажском, Богородском, Алмазском, Ачитском и Березовском районах. «Бытовыми особенностями нацмен до сих пор продолжают оставаться антисанитарные условия жизни (особенно у мари и удмуртов), тесные грязные жилища, в которых зимой находится скот... примерно 60–70% мари поражены трахомой... Развито суеверие, знахарство, которые вместе взятые калечат и уродуют людей нацмен», – говорится в отчете Уралоблисполкома[476]. О ситуации в Коми-Пермяцком округе на конец 1920-х годов говорится, что на его территории распространены водные инфекции брюшного тифа и дизентерии. «Причина этого заключается в источниках водоснабжения, которые по своему оборудованию и пользованию не отвечает правилам санитарии и гигиены, а потому вопрос об улучшении водоснабжения является насущным и требует материальных средств для своего разрешения. Неблагополучен округ и в отношении эпидемиологическом: инфекционные заболевания, как скарлатина, коклюш, грипп и др. имеют место почти круглый год и достигают в определенные месяцы значительных цифр. Такие социально-бытовые болезни, как венерические, трахома, чесотка, туберкулез,

---

[475] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 4.
[476] Там же. Оп. 5. Д. 69. Л. 107.

еще более развиты и охватывают порой целые селения», – говорится в отчете по итогам инспекционной поездки облздравотдела[477].

Улучшение жизни населения как часть политики строительства социализма дало основания для еще одного направления работы – медико-санитарного обслуживания. Вопрос о том, являлось ли развитие системы здравоохранения частью национальной политики, можно считать дискуссионным. Однако в логике идеологии 1920–1930-х годов это было безусловно. Во всяком случае, в архивных учреждениях сохранились комплексы делопроизводственной документации с отчетами о деятельности органов власти по «медико-санитарному обслуживанию населения нацмен».

По итогам Областного совещания работников среди нацмен в декабре 1927 года окружным исполкомам в своих планах и отчетах было поручено отражать работу по «обслуживанию культурно-хозяйственных нужд национальных меньшинств»[478]. Большая часть работы в этом направлении пришлась на первую половину 1930-х годов.

А на основании решения Президиума облисполкома от 9 мая 1936 года № 4288 «Об улучшении медико-санитарного обслуживания национальных меньшинств области» облздравотдел должен был уделить «особое внимание повседневной практической работе по медико-санитарному обслуживанию национальных меньшинств в области»[479].

По итогам проведенной работы было поручено открыть новые фельдшерские пункты в Таборинском районе (Корольковский сельсовет), Щучье-Озерском районе (село Басино) и в Чердынском районе (Тиминовский и Антипинский сельсоветы), а также открыть 12 роддомов вместимостью три койки «в разных районах проживания нацмен»[480]. Кроме этого, были открыты более 10 детских яслей на 25 мест (Бардымский, Артинский Березовский, Красноуфимский, Куединский, Суксунский районы), организованы курсы медсестер, открыто шесть трахоматозных пунктов и направлены в деревни «глазные отряды» для пропаганды профилактических мероприятий по борьбе с трахомой. Об их деятельности в источниках также хранится немало информации. 28 августа 1936 года облздравотдел отчитался, что в Бардымском районе работал глазной отряд в течение двух месяцев, было открыто семь трахоматозных сестринских пунктов, подготовлены трахоматозные сестры. Посланы на постоянную работу четыре врача и два фельдшера;

---

[477] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 79.
[478] Там же. Л. 87.
[479] Там же. Оп. 1. Д. 4407. Л. 4 об.
[480] Там же. Л. 3.

в Суксунском районе два месяца работал глазной отряд, в Манчажском районе открыты три трахоматозных сестринских пункта; в Пермско-Сергинском районе два месяца работал глазной отряд. В районы компактного проживания разных национальностей было послано свыше 20 врачей[481]. В 1935 и 1936 годах облздравотдел обращался в Народный комиссариат здравоохранения с просьбой предоставить дополнительно врачей для национальных районов области – Куединского, Бардымского, Манчажского[482].

Развитие системы здравоохранения осуществлялось и на Тобольском Севере. По решению Второго окружного съезда Советов Ямальского (Ненецкого) округа было обращено внимание, что несмотря на рост больниц и медпунктов с шести в 1932-м до 24 в 1934 году, их количество продолжает оставаться недостаточным. Съезд постановил «в 1935 году закончить строительство и пустить в эксплуатацию все медицинские учреждения, начатые с прошлых лет... выдвинуто дополнительно строительство не менее 12 врач-амбулаторий с установлением стационарного лечения не менее чем на 5 коек»[483].

К середине 1930-х годов система здравоохранения была налажена практически во всех районах области, а серьезные «местные» инфекционные и прочие заболевания в основном удалось локализовать. Но работа шла медленнее плана. В январе 1937 года в постановлении Свердловского облисполкома от 08.01.1937 № 35 указано, что из намеченных к открытию 30 родильных домов открыто только 12, фельдшерских пунктов – четыре вместо восьми. В документе отмечено, что отдел национальных меньшинств «не установил систематического контроля» за выполнением облздравотделом каждого из мероприятий, предусмотренных предыдущим постановлением. Предлагалось разработать новый план практических мероприятий на 1937 год по улучшению обслуживания нацменьшинств в Уральской области[484]. Однако после 1937 года документов, которые бы касались развития здравоохранения именно в части национальной политики, уже не встречается.

В целом медико-санитарное обслуживание, развитие системы здравоохранения с учетом специфики разных районов и культур, безусловно, может рассматриваться как часть национальной полити-

---

[481] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4407. Л. 5.
[482] Там же. Л. 10.
[483] Постановление по отчетному докладу т. Давыдова о работе Ямальского окрисполкома // Второй Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 13–18 декабря 1934 года: материалы съезда. Екатеринбург, 2020. С. 69.
[484] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4410. Л. 13.

ки. Качественная медицина и доступ к медицинским знаниям были важным преимуществом советской власти и советского устройства, а открытие отдельных пунктов иногда имело более политический характер, рациональный. Но тем не менее развитие системы здравоохранения в 1930-е годы значительно улучшило жизнь многих народов Урала, способствовало их интеграции в единое культурное пространство.

Формально национальная политика не прекращалась, но как и многие инициативы 1920-х годов, она перестает фиксироваться в документах со второй половины 1930-х годов во всех областях Урала, за исключением территорий трех национальных округов. Политика по переводу языков с латинской графики на кириллическую, ликвидация национальных районов и сельсоветов – все это свидетельствует о ее постепенном сворачивании. При этом сами мероприятия, особенно в сфере просвещения, здравоохранения и организации хозяйства, не прекращаются, просто меняется их подведомственность. В Докладной записке об отделе национальных меньшинств от 5 августа 1936 года, подготовленной заведующим отделом Г. Г. Гатауллиным, предлагается ликвидировать отдел национальных меньшинств, исходя из той логики, что отдельная структура уже не нужна, но при этом в каждом отделе облисполкома необходимо иметь специальных работников по национальным вопросам. «В целях дальнейшего улучшения работы по обслуживанию национальных меньшинств области, необходимо, чтоб каждый отдел облисполкома был ответственен перед Президиумом облисполкома по своей отрасли работы по обслуживанию нацменьшинств и отвечал за состояние работы среди них», – говорится в документе[485].

Таким образом, национальная политика представляла из себя систему мероприятий, реализующихся в русле советской модернизации, но направленных на этнические сообщества. Период наиболее активной реализации национальной политики на Урале пришелся на 1923–1937 годы. В это время шло активное районирование и создание разного рода автономий внутри области, выстраивалась система национального образования, создавались новые языки и идентичности, через институты нациестроительства (учреждения культуры и образования, СМИ) и научные учреждения формировались условия для сохранения этнических культур в рамках советской модернизации. Отдельным направлением работы было и медико-санитарное обслуживание «населения нацмен».

---

[485] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4410. Л. 1.

Советские национальные культуры, создаваемые на базе традиционной культуры этнических сообществ Урала, были антирелигиозны, ориентированы на языковую и территориальную идентичность. Развитие и поддержка традиционных видов хозяйств также стали одной из основ национальной политики. Этнокультурный облик Урала, включая подходы к категоризации этнического состава, также сформировался в этот период. Многие из принятых в то время решений и инициатив оказались исторически устойчивыми и оказали существенное влияние на сохранение культуры народов Урала. Между тем коммуникация с этническими сообществами в разных территориях создала разные модели взаимодействия общества и власти, и как следствие – разные схемы управления для каждой группы народов.

Глава третья.

ЭТНИЧЕСКИЙ ФАКТОР В АДМИНИСТРАТИВНО-ТЕРРИТОРИАЛЬНОМ УСТРОЙСТВЕ УРАЛЬСКОЙ ОБЛАСТИ

Одной из особенностей национальной политики первых десятилетий советской власти было активное национально-территориальное устройство. В логике советской модернизации каждая национальность должна была иметь собственную территорию, в связи с чем по всей стране создавались этнотерриториальные автономии разных уровней. Принималось большое количество решений о принадлежности той или иной территории к определенным административным образованиям, исходя исключительно из культурных и языковых особенностей населения. Отметим, что в этот период шло не только создание этнотерриториальных автономий, активно перекраивалась вся карта нового государства в рамках политики т. н. районирования. Естественно, определение этнических территориальных границ вылилось в дискуссии и приграничные споры между субъектами, решать которые приходилось только на уровне центральных властей. Обсуждая негативные или позитивные последствия политики «положительных действий», ученые создали нарратив о преимущественном положении нерусских народов и автономий в СССР в 1920-е годы. Распространенным и весьма аргументированным в историографии является тезис о преимуществах и уступках в рамках национальной политики т. н. национальным территориям – административно-территориальным единицам, сформированным по этническому признаку[486]. Р. Г. Суни охарактеризовал советский опыт как «экстремальный вариант нерусской национализации»[487].

Занимая приграничное положение с Татарской, Башкирской, Казакской, Удмуртской и Коми автономными республиками, Уральская область была одним из крупнейших в стране «русских регионов», имевших несколько этнических анклавов как на границах (Пермяцкий край, Тобольский Север и др.), так и внутри области (Аргаяшский кантон,

---

[486] *Мартин Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939. М., 2011.

[487] *Суни Р. Г.* Советское и национальное: единство противоречий // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Междунар. науч. конф., Киев, 10–12 октября 2013 г. М., 2014. С. 28.

Таборинский и Бардымский районы). По этой причине власти области в 1920–1930-х годах столкнулись с большим количеством приграничных споров, которые влияли и на текущие экономические задачи области. Все это требовало регулярно решать вопросы национальной политики, которые не были для них приоритетными в обеспечении социально-экономического развития. Существование этой проблемы для руководства области демонстрирует высказывание председателя Уралоблисполкома Д. Е. Сулимова во вступлении к изданию «Урал после районирования» 1926 года: «Национальный принцип, на основе которого организованы Казакстан и Башреспублика, отрицательно отразился на цельности и правильности экономической границы Уральской области с этими соседями. Совершенно экономически необоснованными являются претензии автономной Вотской области... В местах экономического тяготения к Уралу фактически образуется двойная подведомственность: по линии общественно-административной – башцентрам, по линии хозяйственной – уральским центрам. Создается весьма тяжелое положение, которое очень невыгодно отражается на работе всего аппарата... Агряшский кантон вклинивается в центральную часть Урала, этим пограничным спором затрагиваются интересы 25 000 русского безземельного и малоземельного крестьянского населения»[488].

В докладе председателя Уралплана С. Немчинова «Об итогах районирования Урала» от 23 июня 1926 года говорится о необходимости «неизбежного некоторого пересмотра сетки районов Госплана, при котором должны быть приняты во внимание национальный момент и территориальная конфигурация современных экономических связей»[489]. А уполномоченный по делам нацмен Уралобкома С. Х. Хасанкеев в Докладной записке по национальному вопросу в Уралобком в сентябре 1924 года сообщал, что «нужен тщательный учет и изучение итогов районирования в направлении исправления в будущем ввиду согласования их границ с языковой принадлежностью населения районов»[490].

В рамках данного раздела на примере Уральской области будет рассмотрено несколько кейсов территориальных споров, которые показывают механизмы принятия решений об этнических и территориальных границах в РСФСР рассматриваемого периода.

---

[488] Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 8–10.
[489] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 37.
[490] Там же. Д. 40. Л. 340–341.

3.1. Этнический фактор при формировании границ Уральской области и Автономной Республики Коми

3.1.1. Дискуссии об автономии для коми-пермяков

Одним из первых территориальных конфликтов стали отношения Уральской области с Автономной областью Коми. Как было показано в предыдущем разделе, предыстория этой ситуации уходит корнями в 1917 год, когда после прихода к власти большевиков актуализировался вопрос о территориальной принадлежности *пермяцкого* населения Пермской губернии. В 1918 году Кудымкарский партийный комитет большевиков обратился к пермскому губкому с предложением организовать единый Пермяцкий уезд. Однако губком «в виду трудных условий» ходатайство отклонил[491].

Надо отметить, что это была часть большого проекта по объединению всех народов общности коми в единую республику. Главным идеологом этого проекта был Дмитрий Александрович Батиев, возглавлявший с 1920 года зырянский отдел Наркомнаца. По его мнению, в состав новой республики должны были войти земли Прикамья, нижней Печоры (Архангельская и Вологодская губернии), остров Шпицберген. Применительно к Пермской губернии речь в проекте шла о таких территориях: Усольский уезд – Верх-Иньвенская, Юсьвинская, Кудымкарская, Егвинская, Ошибская, Архангельская, Верх-Юсьвинская, Питеевская, Кувинская, Отевская, Тиминская, Купросская, Крохалевская волости, часть Майкорской волости с коми-пермяцким населением (Онькова и Азов), коми население Нердвинской волости; Чердынский уезд: Кочевская, Гайнская, Косинская, Юксеевская, Больше-Кочинская, Троице-Печерская, Усть-Шугортская и Савино-Борская волости. Упоминались также Юрлинская, Юмская, Усть-Зулинская, Чураковская и Аннинская волости с населявшими их «обрусевшими пермяками». Нескольким волостям со смешанным пермяцко-русским населением Оханского уезда предлагалось рассмотреть вопрос о вхождении в область только после волеизъявления народа[492].

Эта идея была обнародована 8 января 1921 года на I Всезырянском съезде РКП, прошедшем в городе Усть-Сысольске. Лидеры общественного мнения зырян относились неоднозначно к идее автономии, а тем более – к ее возможному расширению за счет соседних губерний. Проект Д. А. Батиева вызвал дискуссии, особенно в органах исполнительной власти. Многие указывали на недостаточный управленческий опыт,

---

[491] *Савельев А. С., Коньшин А. Е.* // Коми-пермяки и финно-угорский мир... С. 24.
[492] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.

слабость кадрового потенциала и разобщенность проживания народов коми[493]. Однако большинством голосов Съезд все же высказался за создание автономной области. На съезде присутствовала делегация от Пермяцкого края Пермской губернии в составе местных большевиков П. Е. Колыхматова, И. М. Томилина и Ф. И. Бычкова. Руководивший делегацией Петр Евлампьевич Колыхматов (1896 г. р.) был участником Первой мировой войны, а с 1918 года он служил старшим милиционером Кудымкарского районного отдела ЧК[494]. По итогам съезда П. Е. Колыхматов и И. М. Томилин были избраны в обком создававшейся автономной области[495]. Характерно, что среди членов делегации не было представителей руководства партийных организаций Пермской губернии (С. А. Вольхина, С. Ф. Давыдова и А. Ф. Караваева). Это решение и послужило причиной начавшегося в 1921 году общественного движения коми-пермяков, описанного в прошлой главе.

Действия властей Автономной области Коми и ее представителей не могли остаться незамеченными в губернском центре. Уже 19 августа 1921 года Пермский губисполком рассмотрел вопрос о вмешательстве Уполномоченного Ревкома области Коми и срыве продовольственной работы в Кудымкарском районе[496]. Не отрицая этническую близость зырян и пермяков, на словах не возражая против объединения, оппоненты идеи делали акцент на экономическом факторе, обращая внимание на то, что выход Пермяцкого края из состава губернии разрушит сложившиеся экономические связи, а также приведет к срыву продналоговой кампании. Для подтверждения своей позиции власти Пермской губернии привлекли видного пермского ученого А. Г. Генкеля. Участвуя в заседаниях и выступая со страниц изданий, он последовательно отстаивал идею экономической нецелесообразности отделения пермяцких волостей от Пермской губернии[497]. Ф. Г. Тараканов писал, что «возражения Генкеля были буквально великодержавного характера»[498].

В сентябре 1921 года в Перми была создана административная комиссия при губкоме, которой поручили разобраться в вопросе возможного отчуждения пермяцких земель. Первоначально комиссия при-

---

[493] История Коми с древнейших времен до современности. Т. 2. Сыктывкар, 2011. С. 274–275.

[494] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг. Кудымкар, 2004. С. 73–74.

[495] *Савельев А. С., Коньшин А. Е.* // Коми-пермяки и финно-угорский мир... С. 24.

[496] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 2.

[497] См., напр.: *Генкель А. Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением // Экономика. 1923. № 6. С. 57–59.

[498] *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 31.

знала необходимость и правомерность передачи 27 волостей Пермской губернии в подчинение создаваемой Автономной области Коми[499]. На следующем этапе решение комиссии должен был утвердить Президиум губисполкома. На заседании 10 сентября 1921 года доклад комиссии подвергся критике, что отражено в протоколе заседания: «...вопрос о выделении волостей рассмотрен лишь с национальной точки зрения. При вынесении постановления не принято во внимание экономическое тяготение волостей к Пермской губернии»[500]. Президиум постановил снять вопрос с обсуждения и предложить адмкомиссии с 1 октября всесторонне рассмотреть вопрос, учитывая главным образом экономическое положение волостей. После этого административная комиссия собралась 6 октября. Ее заседание проходило в бурных дискуссиях между властями Пермской губернии и Комиоблревкомом. В протоколе значится пометка следующего содержания: «По просьбе представителей области Коми вносится в настоящий протокол следующее их заявление... продолжить работу по выделению в тесном контакте с губисполкомом, отделение облревкома продолжает свою работу до тех пор, пока не получит определенных указаний от Коми представительства при Наркомнаце»[501].

Продналоговая кампания вкупе с агитацией Автономной области Коми буквально за полгода сделала весьма популярной идею выхода Пермяцкого края из подчинения губернии. Уже 8 ноября 1921 года Уполномоченный от Автономной области Коми Коканин писал в пермский губком, что пермяцкое население Чердынского и Усольского уездов «настоятельно требует выделения указанных волостей от Пермской губернии и присоединения их к автономной области Коми»[502]. 28 ноября 1921 года вопрос о пермяках впервые был вынесен на рассмотрение административной комиссией при ВЦИК. Но заседание не состоялось из-за отсутствия представителя Пермского губисполкома[503]. Позже, 15 декабря 1921 года, административная комиссия Пермского губисполкома вновь рассмотрела вопрос «О выделении Чердынского и Усольского уездов Пермской губернии во вновь образуемую АО Коми (зырян)»[504]. На этом заседании, как следует из протокола, Ф. Г. Тараканов, называвшийся уполномоченным от области Коми, настаивал на необходимости выделения волостей Чердынского и Усольского уездов

---

499 ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 4.
500 Там же. Л. 5.
501 Там же. Л. 6.
502 Там же. Д. 342. Л. 4.
503 КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 4.
504 *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР... С. 180.

в Автономную область Коми, мотивируя это грядущим «объединением культурных сил народов коми и хозяйственным сотрудничеством пермяков и зырян»[505]. Присутствовавшие председатели пермских губпрофсовета, губкомтруда, губземотдела, опасаясь срыва продналоговой кампании, высказались категорически против. В протоколе заседания административная комиссия постановила в целом не возражать против выделения пермяков в автономную область, но считать это несвоевременным из-за продналоговой кампании и землеустройства[506]. Также подчеркивалось, что «в области хозяйственной культуры Пермская губерния выше, и это лучше для коми-пермяцкого населения»[507]. В свою очередь, для Автономной области Коми появление новых территорий будет означать только «прирост отдаленных от больших ненаселенных территорий (которых у нее и так уже достаточно) без всякой надежды в ближайшем времени их использовать иначе как только при помощи того же Урала»[508]. В постановлении губисполкома № 165 данный проект для пермяцкого населения объявлялся «шагом назад как в культурном, так и в экономическом отношении»[509]. Один из сторонников автономии, будущий первый секретарь Коми-Пермяцкого окружкома А. Ф. Караваев в своих воспоминаниях отметил: «Казалось бы, вопрос о предоставлении территориальной автономии коми-пермякам в духе программы партии должны были поднять свои руководители уезда и губернии. Однако... решение этого вопроса произошло помимо их воли и лишь после ликвидации уездов и губерний и создания вместо них округов и областей»[510].

К концу 1921 года вопрос остался нерешенным. Несмотря на то, что административная комиссия Наркомнаца одобрила выделение Пермяцкого края из состава губернии, пермские власти не стали выполнять это решение, объясняя свой отказ соображениями экономической целесообразности. Руководители Автономной области Коми, стремясь создать огромный субъект с финно-угорским населением на севере РСФСР, не жалели средств и использовали связи в Наркомнаце для решения вопроса в свою пользу. Они даже задействовали в агитационных целях критику продналоговой кампании, чтобы повысить популярность своей инициативы. Власти же Пермской губернии вели политику преследования агитаторов, фактически не выполняя решения

---

[505] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 7.
[506] ГАРФ. Ф. 5677. Оп. 2. Д. 222. Л. 99.
[507] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 6.
[508] Там же. Л. 24.
[509] Там же. Л. 31.
[510] *Мешавкин В.* От революции до автономии // Новь Коми края. Пермь, 1985. С. 41.

и рекомендации центральных органов власти. Это объяснялось их понятным желанием сохранить «свои» территории, игнорируя позицию центра. А формально аргументы были таковы: действия Автономной области Коми незаконны, так как они не согласованы с руководством губернии[511] и, по сути, направлены против действующей местной власти.

В начале 1922 года, используя свое влияние в Наркомнаце, власти Автономной области Коми решили закрепить свой проект позицией административной комиссии ВЦИК. Коллегия Наркомнаца 6 января 1922 года вновь постановила считать присоединение целесообразным, а 11 марта 1922 года уже административная комиссия ВЦИК приняла решение присовокупить к Автономной области Коми 25 волостей Пермской губернии[512]. В мае 1922 года находящийся в Москве Ф. Г. Тараканов опубликовал в журнале «Жизнь национальностей» статью «О включении пермяков в Автономную область Коми». Автор критиковал пермские власти за «несочувствие» к его инициативе и чинимые препятствия к объединению народа: «Пермяки протестуют против поведения Пермского губисполкома и настаивают на своем объединении для экономического и духовного сотрудничества с родными по крови зырянами. Это необходимо сделать, включив их в автономную область Коми»[513].

В этот период значительная часть будущего Верхнекамского округа в действительности могла быть отторжена от Пермской губернии. Однако проект не был реализован в силу ряда факторов. Примерно тогда же начинаются споры о будущей автономии между Ф. Г. Тараканом и Комиоблревкомом – высшим органом власти Автономной области Коми. В историографии по истории создания Коми-Пермяцкого округа, как правило, утверждается, что пермяки постепенно сами осознали преимущества собственной автономии[514]. Однако это могло стать и следствием разногласий между сторонниками Ф. Г. Тараканова и руководством Автономной области Коми. Источников, указывающих на это, нет, но о своем конфликте с руководителем зырянотдела В. И. Чуистовым писал сам Ф. Г. Тараканов после своего прибытия в Москву летом 1922 года: «На мое замечание, что он в своей доклад-

---

[511] На отсутствие такого согласования указывает в своей статье И. Яатс. См.: *Jääts I.* «The Permiak question»: Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s // Nationalities Papers. 2012. Vol. 40. Issue 2. P. 257.

[512] *Чеботарева В. Г.* Наркомнац РСФСР... С. 181.

[513] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 121. Л. 1–4.

[514] *Пономарев С. И.* Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и ее роль в социалистических преобразованиях края // Труды Московского историко-архивного института. 1970. Т. 28. С. 420–437.

ной записке неправильно оперирует иностранными словами, прося ВЦИК не в пользу нашего объединения, а наоборот, Чуистов ответил грубостью»[515]. В книге «Коми-пермяцкая коммуна» Ф. Г. Тараканов критиковал представителя Комиоблревкома В. И. Дерябина в бездействии и молчании, хотя, по его мнению, можно было поставить вопрос о других формах самоопределения, «но куда там, Дерябин промолчал, когда надо было говорить. Коми (зырянам) и вовсе было наплевать на Коми-пермяцкое самоопределение в иной форме»[516]. Из Москвы в Пермь Ф. Г. Тараканов вернулся уже с идеей создания собственной административной единицы для пермяцкого населения. По его инициативе в течение 1922 года обсуждалась идея создания коми-пермяцкой коммуны, по образцу уже существовавшей тогда карельской[517]. С этого времени Ф. Г. Тараканов и его сторонники пытаются добиться какой угодно формы автономии для Пермяцкого края[518]. Уже без поддержки зырянотдела Ф. Г. Тараканов занялся работой по созыву Всепермяцкой конференции, которая должна была высказаться за новый статус пермяцкого населения. По плану Ф. Г. Тараканова в создаваемую коммуну, помимо пермяцких районов, должны были войти также населенные пункты Зюздино и Койгородок Вятской губернии, где также проживало пермяцкое население. Состоявшаяся 21 июля 1922 года партийная конференция высказалась за желательность «выделения коми-пермяков в одну административно-хозяйственную единицу в виде трудовой всепермяцкой коммуны из пермяков, разбросанных на территории Пермской и Вятской губерний» с центром в селе Кудымкар[519]. Партконференция зафиксировала разрыв в отношениях с Комиоблревкомом. В ее резолюции, например, есть такие слова: «Теперь виднее и легче судить, чья колокольня, Кудымкарская или Усольская, оказалась выше и дальновиднее, крыть наши карты им нечем»[520]. В решении конференции отражена целесообразность создания Всепермяцкого обкома, который объединил бы все пермяцкое население Верхокамья. Таким образом, с середины 1922 года коми-пермяцкие активисты начали вести собствен-

---

[515] *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 55.

[516] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 15. Л. 1.

[517] *Тараканов Ф. Г.* Путь к свету. В буднях великих строек // Воспоминания строителей социализма. Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. С. 234.

[518] Хотя Ю. П. Шабаев и К. В. Истомин пишут, что вплоть до 1924 года население округа «продолжало требовать признания и защиты своих культурных прав и языковых прав через присоединение к области Коми». См.: *Шабаев Ю. П., Истомин К. В.* Территориальность, этничность, административные и культурные границы: коми-ижемцы (изьватас) и коми-пермяки как «другие» коми // Этнографическое обозрение. 2017. № 4. С. 108.

[519] ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1. Д. 24. Л. 9.

[520] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 28. Л. 6.

ную работу по поиску варианта существования автономии. Сложно согласиться с Р. Т. Латыповым, который утверждал, что коми-пермяки сами не участвовали в этой работе, а «образование Коми-Пермяцкого национального округа было ответной реакцией руководства Уралобласти на пресечение притязаний Коми АО на эти территории»[521].

Власти Пермской губернии, видя отсутствие поддержки центра, высказались против инициативы автономии для пермяков. Эта идея была резко раскритикована 27 июля на расширенном заседании Уральского укома, посвященного обсуждению документов Всепермяцкой конференции[522]. А через неделю после партийной конференции, 28 июля 1922 года, Ф. Г. Тараканов был исключен из партии решением Соликамского уездного комитета[523]. По его воспоминаниям, ему предложили тогда возглавить Губернский партийно-советский клуб и бросить «свои коми-пермяцкие дела», но он на это не пошел[524]. 5 сентября 1922 года вновь состоялось заседание Президиума губкома РКП (б) с участием представителей губисполкома, губпрофсовета, губотдела и губпродкомиссара. Участники заседания постановили: «...не отрицая в будущем возможности выделения Пермяцкого края в особую административно-хозяйственную единицу по соображениям хозяйственной целесообразности, при данном экономическом состоянии губернии выделение признать преждевременным и дальнейшее разрешение этого вопроса передать в административную комиссию при губисполкоме на общих основаниях»[525].

3.1.2. Коми-пермяки в Верхнекамском округе Уральской области

В 1922 году вопрос о коми-пермяках и их статусе также остался нерешенным, но уже в начале 1923 года дискуссии о пермяцких волостях Пермской губернии возобновились с новой силой. В этот момент власти уральских губерний уже начали работу по районированию будущей Уральской области. И Ф. Г. Тараканов начал масштабную работу по утверждению автономии пермяков в составе будущей Уральской области. 25–27 марта 1923 года был созван I Общепермяцкий съезд, где Ф. Г. Тараканов выступил с докладом о коми-пермяках. «На нем [съезде – авт.] я был основным докладчиком, рассказал об истории коми-пермяков,

---

[521] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 83.
[522] Подр. см.: Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки. Пермь, 1977. С. 107–109.
[523] ПермГАСПИ. Ф. 820. Оп. 1. Д. 24. Л. 94.
[524] КПОГА. Ф. Р. 29. Оп. 1. Д. 15. Л. 7.
[525] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 40.

о том, что мы понимаем под культурно-национальным возрождением, и о том, какие задачи стоят перед коми интеллигенцией», – отмечал он позже в своих воспоминаниях[526]. После этого Тараканов отправился в Москву, надеясь добиться нужных решений через ВЦИК.

В мае 1923 года Наркомнац вновь ходатайствовал перед Президиумом ВЦИК рассмотреть вопрос о границах Автономной области Коми. Одним из участников решения этого вопроса был нарком внутренних дел РСФСР Александр Георгиевич Белобородов, уроженец Александровского завода Соликамского уезда, ранее (с января 1918 года) занимавший должность председателя Екатеринбургского губисполкома. Характеризуя взгляды А. Г. Белобородова, В. Г. Чеботарева отмечала, что он был единственным противником расширения полномочий субъектов РСФСР на сессии ВЦИК 12-го созыва[527]. Являясь уроженцем Прикамья, он не мог не знать о пермяках и ситуации в Пермской губернии. Уже 5 июля 1923 года административная комиссия ВЦИК (ее председателем и был А. Г. Белобородов) постановила проверить статистику соотношения пермяцкого и русского населения в районах Пермяцкого края и выяснить тяготение населения к области Коми. 3 августа комиссия признала необходимым присоединить Пермяцкий край к Автономной области Коми. На 15 августа было назначено заседание Президиума ВЦИК, на котором это решение могло быть утверждено. После заседания административной комиссии А. Г. Белобородов сообщил в Пермь срочной телеграммой следующее: «Если имеете возражения, представьте мотивированную записку к означенному сроку или пришлите представителя»[528]. После получения телеграммы от Белобородова комиссия по районированию Пермской губернии провела срочное совещание, в протоколе по итогам которого фиксировалось: проделана большая работа по районированию Верхнекамского округа, и если «отнять для создания округа 147 802 человека, то Верхнекамский округ придется перепланировать» [параллельно с этим документом телеграмма о решении ВЦИК была направлена в Уральское экономическое совещание – авт.][529]. Основные аргументы комиссии сводились к тому, что передача Пермяцкого края нарушит сложившиеся экономические связи, что, кроме «национальных границ», нет оснований для территориальных изменений. С этими аргументами на заседание Президиума ВЦИК был направлен представитель губкома А.

---

[526] *Тараканов Ф. Г.* Как это было // Наш край. 1986. № 6. С. 19.

[527] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 40.

[528] ГАПК. Ф. Р-19. Оп. 1. Д. 341. Л. 23.

[529] Там же. Л. 24.

М. Плешков. Он взял с собой карты Пермской губернии и Автономной области Коми, чтобы наглядно продемонстрировать отдаленное положение пермяцкого населения и его экономическое тяготение к Перми. 18 августа 1923 года Ф. Г. Тараканов выступил на заседании ВЦИК с докладом о статусе пермяцкого населения, в том числе с критикой пермских властей. Изначально ВЦИК принял решение не менять статус территории проживания пермяцкого населения, однако Ф. Г. Тараканов, после длительного и эмоционального доклада, смог переубедить большинство членов президиума. В результате было решено создать специальную комиссию ВЦИК по данному вопросу[530].

Наконец, 5 сентября 1923 года Президиум Пермского губисполкома вновь заслушал доклад представителей коми-пермяков Ф. Г. Тараканова и Я. А. Кривощекова о признании политической и экономической целесообразности и необходимости образования административного управления для пермяцкого населения Чердынского, Усольского и Оханского уездов. Комиссия в целом поддержала инициативу, но признала ее несвоевременной по причине готовящегося нового районирования Уральской области[531]. Выписка из протокола 98-го заседания Президиума губкома за 6 сентября 1923 года гласит: «Доклад представителей коми края о выделении в самостоятельную административно-хозяйственную единицу (Тараканов и Кривощеков): принимая во внимание намеченное новое районирование... признать настоящее выделение преждевременным и нецелесообразным. Представителя в Москву не делегировать, но не возражать, если поедет за свой счет. Обратить внимание на экономическую и культурную помощь»[532].

В ноябре 1923 года была образована Уральская область. Территории проживания пермяцкого населения в ее составе были отнесены к Верхнекамскому округу[533]. В руководящем составе Верхнекамского окрисполкома не было ни одного представителя коми-пермяков. Только после протеста Ф. Г. Тараканова и проведения нового заседания в состав окрисполкома вошли «шесть человек от пермяков»[534]. Поскольку центр принятия решений в этот период был уже в Свердловске, Ф. Г. Тараканов вступил в дискуссию с Уральским облисполкомом. Источники сохранили упоминания о переговорах Ф. Г. Тараканова с председателем Уральского облисполкома Д. Е. Сулимовым. «Сулимов заявил мне, что

---

[530] *Тараканов Ф. Г.* Как это было... С. 20; КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 69. Л. 13.
[531] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 22.
[532] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 5.
[533] Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчет губисполкома за 1922–1923 хозяйственный год. Пермь, 1923. С. 16–17.
[534] *Тараканов Ф. Г.* Как это было... С. 20.

ввиду крайней бедности края и отсутствия людей, способных руководить будущим округом, об организации последнего не может быть и речи», – сообщал в 1955 году Ф. Г. Тараканов в рамках следственных действий по реабилитации[535]. По его словам, Д. Е. Сулимов не только не поддержал идею отдельного округа для пермяков в составе Уральской области, но и даже выгнал Тараканова из своего кабинета[536].

15 октября 1923 года Верх-Иньвенский и Кудымкарский волостные съезды приняли решение о поддержке идеи создания внутри Уральской области национального округа с центром в селе Кудымкаре. Областные власти эту идею вновь не поддержали. На начало 1924 года условий для создания отдельного округа для коми-пермяков уже не существовало: отсутствовала поддержка Наркомнаца, прекратившего работу, не было консенсуса с властями автономной области Коми. Вопрос о создании автономии, даже в пределах Уральской области, был закрыт.

3.1.3. Создание Коми-Пермяцкого национального округа

В 1924 году дискуссии об автономии для коми-пермяков возобновились. Это было связано с созданием в июне 1924 года Комитета содействия народностям северных окраин при Президиуме ВЦИК (Комитет Севера). Именно этот комитет с 1924 по 1935 год занимался созданием и организацией деятельности всех национальных округов РСФСР. Пермяцкий край нельзя было отнести к «северным окраинам» РСФСР, но специалисты Комитета Севера начали свою работу именно с него, поскольку этот вопрос стоял еще на повестке Наркомнаца, ликвидированного в апреле 1924 года. Кроме этого, Комитет Севера получил политическую поддержку со стороны высших органов власти в вопросе о пермяцком населении. В мемуарах Ф. Г. Тараканова приведен один факт, который на сегодняшний день, к сожалению, не подтверждается источниками. Он ссылается на председателя Коми облисполкома Е. М. Мишарина, который якобы присутствовал при встрече председателя Уралплана Л. Е. Гольдича и И. В. Сталина. Гольдич доказывал нецелесообразность создания округа, на что Сталин ответил: «Вы там затеяли мышиную возню с коми-пермяками, избили и разогнали национальные кадры вместо того, чтобы их энергию направить на культурно-хозяйственное возрождение своего края. Верните немедленно разогнанные вами кадры на работу и организуйте округ»[537]. Известно, что еще при жизни В. И. Ленина уральские коммунисты, в том числе

---

[535] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 88. Л. 51.
[536] *Тараканов Ф. Г.* Борьба за округ... С. 33.
[537] Там же. С. 44.

Л. Е. Гольдич, М. М. Харитонов, Д. Е. Сулимов, были сторонниками Л. Д. Троцкого[538]. После того как И. В. Сталин начал устранять своих оппонентов, он вполне мог использовать ситуацию с пермяцким населением как повод для критики руководства Уральской области. Сегодня нет источников, подтверждающих эти слова И. В. Сталина, однако именно после XI Съезда советов вопрос об автономии для пермяцкого населения начинает решаться довольно быстро, причем под прямым контролем уже отказавшегося ранее от этой идеи Президиума ВЦИК, несмотря на позицию руководства Уральской области. Техническую и организационную работу возглавил созданный Комитет Севера.

Через год после закрытия вопроса об округе для коми-пермяков, в августе 1924 года, была создана административная комиссия ВЦИК под руководством Н. К. Козлова, куда вошли представители Уральской области, Автономной области Коми и Пермяцкого края. Перед комиссией были поставлены задачи проанализировать ситуацию в Пермяцком крае и выработать рекомендации или по поводу его присоединения к Автономной области Коми, или по решению пермяцкого вопроса в рамках Уральской области[539]. Комиссия работала на территории Верхнекамского округа. Источники сохранили немало сведений о том, что в период ее работы с 13 по 16 сентября в округе организовывались собрания коммунистов, сельские сходы, на которых население высказывалось за объединение с зырянами[540]. Итоговое заседание комиссии прошло 17 сентября 1924 года в Перми. На нем было решено рекомендовать ВЦИК создать «специальное территориально-хозяйственное образование» в составе Уральской области[541]. Уже 21 октября 1924 года результаты работы были рассмотрены на заседании Президиума ВЦИК. Члены комиссии высказались за создание Коми-Пермяцкого округа в составе Уральской области. Позже, 5 ноября 1924 года, результаты работы комиссии были обсуждены на заседании Президиума ВЦИК, а 24 ноября 1924 года секретарь Уральского обкома М. М. Харитонов получил от ВЦИК письмо, где указывалось «на недостаточность внимания к нему [коми-пермяцкому народу – авт.] со стороны уральских советских и партийных органов и отсутствие обслуживания с их стороны национальных и культурных нужд пермяцкого населения... Этим

---

[538] История Урала с древнейших времен до наших дней / колл. авт. под общ. ред. И. С. Ожеговой, Н. Н. Попова. Екатеринбург, 2006. С. 322–324.

[539] Коми-Пермяцкий округ: XX век. С. 23.

[540] *Коньшин А., Митушова Н.* Объединенная Республика Коми // Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития. М., 2000. С. 121.

[541] *Коньшин А. Е.* Пути и судьбы коми-пермяцкого народа... С. 78.

самым, – делался вывод, – обнаруживается разлад внутри Верхне-Камской партийной организации и резкое деление ее по национальной линии»[542]. По воспоминаниям А. Ф. Караваева, в конце 1924 года он был приглашен в Уралплан, где они «вместе с председателем облплана по картам области определили границы будущего национального округа и подготовили текст решения облисполкома»[543].

15 января 1925 года состоялось заседание комиссии, выделенной секретариатом ЦК ВКП (б) по вопросу о Пермяцком крае. Политика Уральской области в отношении пермяцкого населения на нем была подвергнута резкой критике. Комиссия отметила, что «Пермяцкий край неразрывно связан с Уралом, и всякие попытки направить экономическое развитие в других направлениях нежелательны и даже нереальны»; было рекомендовано «выделить Коми край в отдельный национальный округ в составе Уральской области». 26 февраля 1925 года Президиум ВЦИК принял соответствующее решение: «...считать целесообразным выделить Пермяцкий край в особый национальный округ со специальными сокращенными штатами, подчинив этот округ непосредственно Уральскому исполкому и обязав его одновременно поддерживать связь по всей работе с Верхне-Камским окружным исполкомом»[544].

Позже вопрос «Об организации Пермяцкого округа» был включен в повестку сельских сходов округа в марте 1925 года[545]. Состоявшаяся 1–2 апреля 1925 года Первая окружная конференция коммунистов высказалась за создание округа. Ответственным секретарем окружкома был первый председатель Совета крестьянских и солдатских депутатов Иньвенского края Антон Федорович Караваев. Уже 3–5 апреля 1925 года учредительный Окружной Съезд советов отметил своевременность создания округа, определил границу, структуру, бюджет, штатное расписание, наметил пути социально-экономического развития[546]. Таким образом, официально был создан первый в СССР национальный округ. В дальнейшем в отчетной документации власти Уральской области представляли опыт создания округа как наиболее удачный. В отчете «О работе среди национальных меньшинств Уральской области в 1926–1927 годах» говорится, что Коми-Пермяцкий округ создавался «по соображениям национальной политики»[547]. В тезисах к заседанию

---

[542] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 151.

[543] *Мешавкин В.* От революции до автономии // Новь Коми края. Пермь, 1985. С. 42.

[544] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 17.

[545] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 17. Л. 7.

[546] Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки... С. 123–127.

[547] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 30а.

по итогам районирования Урала Госплана представитель Уралплана С. Немчинов отметил 23 июня 1926 года, что «районированный Урал обеспечил национальное самоопределение целой коми-пермяцкой национальности, выделенной в самостоятельный округ»[548].

Часть пермяцкого населения Пермской и Вятской губерний осталась вне административных границ созданного округа. В частности, Нердвинский район, находящийся на границе с округом, где было пермяцкое население, даже обращался в облисполком с предложением о включении в состав Коми-Пермяцкого округа, однако такое решение не было принято. В «Известиях Уральского облисполкома» была опубликована статья, где автор писал, что «нердвинские районные работники всячески препятствуют стремлению пермяцкого народа и части приграничного обрусевшего населения перейти в Коми-Пермяцкий округ»[549].

Характеризуя процесс создания округа, К. И. Куликов обратил внимание на то, что «пермские власти вели усиленную работу по выдвижению в органы власти округа тех людей, которые всецело поддерживали их линию, и устранению, перемещению, исключению из партии тех, кто стоял за объединение коми народов»[550]. Между тем идея общности народов коми продолжала оставаться популярной. Так, Окружной съезд 3–5 апреля 1925 года высказался за переименование Пермяцкого округа в Коми-Пермяцкий, а 16 апреля 1925 года Президиум облисполкома, ссылаясь на решение съезда, обратился в Президиум ВЦИК с просьбой добавить к слову «Пермяцкий» приставку «Коми» и именовать округ «Коми-Пермяцким». Эта инициатива была поддержана[551]. Следует добавить, что власти Автономной области Коми, со своей стороны, до конца 1930-х годов постоянно предпринимали попытки пересмотра решения в пользу включения Коми-Пермяцкого округа в состав своей территории[552]. В 1929 году руководство Коми официально обратилось к администрации Коми-Пермяцкого округа с предложением об объединении. В округе даже был проведен опрос, но население высказалось против. В начале 1937 года власти республики вновь обратились с предложением об объединении, но им вновь ответили отказом[553].

---

[548] ГАРФ. Ф. 6982. Оп. 1. Д. 50. Л. 73.
[549] Там же. Ф. 5677. Оп. 7. Д. 212. Л. 6.
[550] *Куликов К. И.* Указ. соч. С. 111.
[551] ГАРФ. Ф. Р-1318. Оп. 1. Д. 1247. Л. 6–7.
[552] *Дмитриев М. П.* Административно-территориальное устройство Коми АССР в 20–30-е годы // Из истории национально-государственного устройства, национальных отношений и социально-экономического развития Коми АССР. Труды Института языка, литературы и истории. Вып. 44. Сыктывкар, 1989. С. 34–35.
[553] Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития. М., 2000. С. 7.

Подводя итог, отметим, что дискуссии о пермяках и их автономии длились более пяти лет, решения принимались и отменялись под влиянием разных политических факторов. Языковые и культурные особенности населения округа были главным аргументом в принятии решения об автономии. В итоге появление округа выглядит цепью событий, сложившихся максимально благоприятно для коми-пермяков как отдельного народа. Вхождение Пермяцкого края в автономную область Коми, равно как и отсутствие автономии в составе Верхнекамского округа, могло грозить большей интенсивностью ассимиляционных процессов, а также процессами консолидации в единую коми этническую общность. На этом опыте власти РСФСР впервые опробовали новую форму административного устройства для небольших по численности народов – национальный округ. Как особая административная единица округ давал возможности для формирования институтов по сохранению и развитию этнической культуры. Позже этот опыт ляжет в основу деятельности Комитета Севера по созданию еще 12 национальных округов на разных территориях страны. Эти формы собственной автономии предоставят условия для сохранения и развития национальной культуры многих народов РСФСР, не имевших достаточного потенциала для создания собственных национальных республик.

3.2. Этнический фактор при формировании границ Уральской области и Башкирской АССР

К середине 1920-х годов Башкирская АССР и Уральская область (создана в 1923 году) имели обширную общую границу и довольно высокий статус в системе федеративных отношений РСФСР. И Башкирская АССР, и Уральская область внесли существенный вклад в победу большевиков, за что местные руководители получили политические, территориальные и экономические преференции. Так, важным событием Гражданской войны на Восточном фронте стал переход башкирской армии З. Валиди в феврале 1919 года на сторону большевиков[554]. В главном идеологическом труде 1920-х годов по национальному вопросу «СССР и национальная проблема» И. П. Трайнина, в разделе, посвященном Башкирии, особо отмечается, что она «проделала большую работу по формированию башкирских военных частей, которые с честью выполнили свой долг защитников революции и подчас имели даже решающее значение, как это было под Ленинградом»[555]. А 14 июня

---

[554] Башкиры. М., 2015. С. 109.

[555] *Трайнин И. П.* СССР и национальная проблема (по национальным республикам и областям Советского Союза). М., 1924. С. 74.

1922 года декретом ВЦИК созданная в 1919 году т. н. Малая Башкирия была расширена за счет включения в нее территорий Уфимской, Пермской, Оренбургской и Самарской губерний[556]. Таким образом, центральное правительство РСФСР удовлетворило практически все территориальные притязания своих союзников, реализовав проект т. н. Большой Башкирии. Комментируя территориальные уступки Башкирии, И. П. Трайнин отмечал, что «в основу объединения всегда клался признак преобладающего или коренного состава населения»[557]. Однако население Башкирии было весьма пестрым в силу исторического характера формирования данной территории. Член Комиссии по изучению племенного состава Ф. А. Фиельструп писал, что «меры разжижения гущи башкирского населения, принимавшиеся правительством, совокупно с естественной колонизацией, принесли плоды, и сейчас мы уже редко находим такие административные единицы, как волость, в которой население было бы сплошь башкирским»[558]. Таким образом, за помощь советской власти Башкирская АССР получила максимальные территориальные уступки от центральных властей в рамках РСФСР.

С другой стороны, Уральская область с центром в Свердловске была одним из опорных пунктов новой власти, а население уральских заводов – одной из важнейших социальных баз нового режима. Уральская область и Башкирская АССР имели длинную границу, что создавало почву для конфликтов. Особое положение на юге области занимал Златоустовский округ. После упразднения Уфимской губернии Златоустовский уезд в течение года находился в составе Автономной Башкирской Советской Социалистической Республики, с августа 1922 года – в составе созданной Челябинской губернии. Златоустовский округ почти полностью был окружен границами Башкирской АССР, а на востоке соприкасался с Аргаяшским кантоном – анклавом внутри южной части Уральской области[559]. Власти Уральской области регулярно сталкивались с попытками пересмотра границы со стороны Башкирской АССР и сами неоднократно пытались ее изменить.

Анализ приграничных споров Башкирской АССР и Уральской области показывает, насколько этнический фактор был значимым при принятии решений о границах административных образований РСФСР.

---

[556] О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики [Электронный ресурс]: декрет ВЦИК от 14.06.1922. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=29214#f2pI6CTjpN4VSdR9 (дата обращения: 30.06.2024).

[557] *Трайнин И. П.* СССР и национальная проблема... С. 43.

[558] *Фиельструп Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья. Л., 1926. С. 7.

[559] Список населенных пунктов Уральской области. Т. II. Златоустовский округ. Свердловск, 1928. С. 19.

В 1926 году после завершения районирования Урала председатель Уральского облисполкома Д. Е. Сулимов писал: «Требует срочного урегулирования внешняя граница с Казакстаном и Башреспубликой. Национальный принцип, на основе которого организованы Казакстан и Башреспублика, отрицательно отразился на цельности и правильности экономической границы Уралобласти с этими ее соседями»[560].

Похожая мысль с критикой властей Башреспублики изложена и в материалах Уралплана к докладу на Всесоюзном совещании работников по районированию, которое состоялось 12 мая 1926 года: «В отношении внешних границ по независящим от Урала причинам, национальный принцип сыграл несомненно отрицательную роль. В силу главенства национального принципа экономически неправильно проведена граница в районе Белорецкого округа Башреспублики в районе Тогузако-Федоровского района Казакстана (около Троицка) и в районе тяготения Казанбургской железой дороги. В силу этой же причины крайне ненормально организован Златоустовский округ. Кроме того, в середине Урала (между Свердловском, Челябинском и Шадринском) вкраплен Аргаяшский район Башреспублики, что тоже по многим соображениям нецелесообразно»[561].

Таким образом, Уральская область и соседняя Башреспублика имели немало противоречий относительно границ, в которых именно этничность населения была одним из решающих аргументов.

3.2.1. Предыстория дискуссий

Почва для противоречий с Башреспубликой была заложена в досоветский период[562]. Естественными и административными границами между Казанской, Уфимской, Вятской и Пермской губерниями были реки Кама и Белая. Территория излучины рек к югу от Камы и к северу от реки Белой в составе Касевской [с 1921 года – Сакловской. – авт.] волости Уфимской губернии принадлежала башкирским землевладельцам, которые на протяжении нескольких десятилетий сдавали ее в аренду русским крестьянам. В результате на территории к югу от Камы появился целый ряд деревень с преимущественно русским населением: Саклово с починком Ленинским, Козловка, Новосёловка и Мейляш с населением 2826 человек[563]. На западе эта часть волости граничила с Мензелинским районом Татарской АССР. Жители деревень были

---

[560] Урал после районирования. Свердловск, 1926. С. 7–8.

[561] РГАЭ. Ф. 6982. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

[562] *Каменских М. С.* Факторы этничности при территориальном размежевании Уральской области и Башкирской Республики в 1920-е годы // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 3 (58). С. 48–57.

[563] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 49.

выходцами из Каракулинской волости Вятской губернии (с 1923 года – Каракулинский район) и имели связи с местом исхода. Запрет частного землевладения отменил право башкирских собственников на данные земли, однако формально они относились к Башкирии и рассматривались Башисполкомом как часть собственной исторической территории.

Споры из-за арендовавшейся до 1917 года земли в приграничной зоне Уральской области и Башкирской АССР возникали повсеместно. В отчете Уралоблисполкома о работе среди национальных меньшинств за 1927 год говорится: «После размежевания земель в 1898 году никакого землеустройства в нацменрайонах не проводилось и в землепользовании наблюдалась большая запутанность. Основная причина этого – самовольное переселение в нацменовские районы крестьянского зажиточного элемента, арендовавшего до революции земли у татаро-башкирского населения, чему содействовало и последнее»[564]. Первоначально территория была включена в состав Башкирской АССР, в связи с чем возникла проблема использования сенокосных угодий. 25 июля 1918 года и 24 июня 1919 года проходило их распределение, в результате чего одни и те же угодья переходили в собственность сначала Каракулинскому району, а затем Бирскому и Мензелинскому кантонам, с чем жители Каракулино были не согласны[565]. Конфликт начался, когда «в 1921 году с ликвидацией гослугфонда Мензелинским КЗУ часть участков возвращена селениям, получившим их в 1919 году, а часть возвращена по неизвестным обстоятельствам бывшим владельцам башкирам»[566]. Дополнительные детали этой ситуации представлены в письме жителя села Новосёлова БАССР Федора Павловича Личидова. По его сведениям, в 1918 году их село решением Сакловского волисполкома получило луг в 244 десятины на границе с селом Каракулино. Этим лугом граждане пользовались до 1921 года. Когда начался раздел луга, жители Каракулино тоже попытались получить долю, в результате чего возник конфликт. Власти Каракулино даже арестовали нескольких жителей Козловки, но позже они были отпущены[567]. Ежегодно с началом сенокоса конфликт повторялся.

Представитель Уралоблисполкома Б. В. Дидковский, характеризуя ситуацию в Каракулино, писал, что «эти недоразумения в огромном большинстве своем продолжаются уже несколько лет... повторяясь неизбежно ежегодно и нередко с применением физической силы»[568].

---

[564] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 60.
[565] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 35–36.
[566] Там же. Л. 41.
[567] Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 24.
[568] Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 18.

Если верить источнику, были даже вооруженные столкновения. Так, в коллективном заявлении граждан Каракулинского района говорится: «...когда же граждане Арзамасцевской волости, коим был указан означенный луг для костьбы, приехали на костьбу, то граждане Мензелинского уезда, вооруженные, их прогнали, о чем имеются дела в суде»[569]. Конфликт не был межнациональным, поскольку за право использовать луга спорили две русские деревни, оказавшиеся в 1921 году в разных административных образованиях. Но сам факт противостояния спровоцировал инициативы по пересмотру территориальных границ между Пермской губернией и Башреспубликой.

В 1921 году постановлением ЦИК РСФСР город Сарапул с большей частью Сарапульского уезда бывшей Вятской губернии был присоединен к Пермской губернии. В мае 1922 года власти губернии создали собственную комиссию, которая передала села Новосёлово, Козловку и Мейляш бывшей Сакловской волости с их надельными землями в Сарапульский уезд «без согласия и даже ведома органов власти бывшей Уфимской губернии». С другой стороны, в Мензелинске 1 июня 1922 года собралась комиссия, на которой власти Башреспублики, а также Татреспубики признали решения комиссии от 21 мая незаконными[570].

Уже для разбора сложившейся ситуации 11 марта 1923 года собралась межведомственная комиссия с участием исполкомов Татарской и Башкирской республик (всего четыре человека с правом голоса) и Пермской губернии (четыре человека). В материалах заседания сообщалось о «продолжавшихся с давних времен спорах о лугах, а затем и открытых столкновениях в 1918–1922 годах граждан Сакловской волости Бирского кантона с гражданами Сарапульского уезда»[571]. В протоколе заседания отражено, что уже несколько раз до этого созывались комиссии земорганов, но каждый раз они отменялись из-за отсутствия тех или иных представителей. Документ отражает и «внепорядковые прения присутствующих»: в течение двух дней заседаний голосование разделялось поровну между представителями БашЦИКа и ТатЦИКа и Пермской губернии. В результате, как следует из протокола, стороны «во время хода прений ни к какому единодушному решению не пришли, потому постановили: заседание комиссии закрыть»[572]. Таким образом, компромисса не было достигнуто. В июле 1923 года жители Каракулинского района самовольно выкосили луга, а представители

---

[569] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 50, 57.
[570] Там же. Л. 8.
[571] Там же. Л. 6.
[572] Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6, 11.

ТатЦИКа арестовали сено до особого решения[573]. Очевидно, что компромиссное решение могло быть достигнуто только на самом высоком управленческом уровне. В 1923 году в результате слияния этой территории Сарапульского с частью Осинского уезда Пермской губернии образца 1921 года был создан Сарапульский округ Уральской области. Этнический состав округа также был весьма пестрым, на его территории располагались места компактного проживания татар, башкир, марийцев и удмуртов[574]. И на эти территории в равной степени претендовали и БАССР, и Уральская область.

3.2.2. Дискуссии между Башреспубликой и Уральской областью

На случай возникновения территориальных споров в РСФСР 8 октября 1923 года была принята специальная Инструкция ВЦИК и СНК, пункт 3 которой рекомендовал создавать при райисполкомах районов со спорными территориями Согласительные комиссии с участием заинтересованных сторон, которые перераспределяли территории и население приграничных районов. Эти комиссии принимали итоговое решение, изучая национальный состав, экономическое развитие и административное тяготение населения спорных территорий. После создания Уральской области Уралоблисполком вышел с инициативой создания Согласительной комиссии с Башреспубликой по урегулированию вопроса о принадлежности спорных территорий, учитывая, что население в них русское, а значит, должно входить в Уральскую область.

Учредительное собрание комиссии состоялось 27 июля 1924 года в городе Уфе. Участие в нем приняли представитель административной комиссии БашЦИКа Бишиев, от Уральской области – Б. В. Дидковский, присутствовал член административной комиссии при ВЦИК РСФСР Даутов, а также представители БашЦИКа. Вначале Б. В. Дидковский предложил урегулировать конфликт и договориться об установлении «твердых границ» между Уралобластью и Башреспубликой, «основываясь на национальном, экономическом и административном тяготении и учитывая мнение трудовых масс населения»[575]. В случае возникновения противоречий Дидковский предлагал обращаться за решением во ВЦИК. Предложение было одобрено большинством. Обращая внимание на то, что «земли трудового Башкирского населения, им самим обраба-

---

[573] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 64.
[574] Список населенных пунктов Уральской области. Т. 9. Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 9.
[575] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 286. Л. 16.

тываемые и используемые, не должны быть задеты», Б. В. Дидковский тем не менее предлагал «долевое исправление приграничной полосы на основе наиболее целесообразного использования совокупности национальных признаков и экономического и административного тяготения рабочих и трудовых крестьянских масс[576]. Решить вопросы о принадлежности этих территорий должна была отдельная согласительная комиссия с выездом на место. Позже аналогичные комиссии были созданы при Куединском, Каракулинском и Камбарском районах Сарапульского округа, Красноуфимском районе Кунгурского округа. Все они занимались урегулированием границ с Башреспубликой.

Первое заседание созданной после совещания в Уфе окружно-кантонной Комиссии по выяснению границ между Сарапульским округом и Бирским кантоном состоялось в городе Сарапуле 16 сентября 1924 года, в нем приняли участие заместитель председателя земуправления Бирского кантона Л. М. Овчинников и секретарь Ш. С. Гайнулин. От Сарапульского округа участвовали ответственный секретарь окрисполкома И. П. Павлов, зав. секцией нацмен С. Г. Хисмивич, землемер-ревизор Сарапульского окружного земуправления И. В. Дмитриев. Однако голосование уже по первому вопросу показало непримиримость сторон, поскольку у комиссии, согласно протоколу, было выбрано два председателя и два секретаря – от Сарапульского округа и Башреспублики соответственно. Комиссия должна была выехать на места и решить вопрос о национальном и экономическом тяготении населения бывшей Сакловской волости Башреспублики к Уральской области. В каждой деревне планировалось проводить встречи на уровне сельсоветов с участием представителей волисполкомов, на которых следовало обсудить вопрос о том, желают ли жители перейти в Каракулинский район Сарапульского округа. Особо отмечалось, что в случае перехода селений в Каракулинский район «спорность о лугах в областном масштабе отпадает сама по себе»[577].

Опросы населения проводились до 18–20 сентября 1924 года. Встречавший комиссию секретарь волисполкома Р. Мунасимов сразу же заявил, что население против перехода в Сарапульский округ, прибывшие представители деревень также высказались за то, чтобы остаться в составе Башреспублики[578]. Казалось бы, работу комиссии можно было завершать, но, по мнению делегации Сарапульского округа, представители деревень находились под давлением властей Башреспублики.

---

[576] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 19.
[577] Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 19.
[578] Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 44.

«Волость населяет большинство русских и часть марийцев, и совсем нет татаро-башкир, так что во всех отношениях тяготеет вся волость к нам», – говорится в отчете членов комиссии от Сарапульского округа. Позиция властей Бирского кантона была расценена как «надевание узды на голос населения» и «узурпаторские стремления»[579]. В качестве аргумента в докладной записке представителя Каракулинского района А. К. Башкова от 23 сентября 1924 года приведено поведение представителя БашЦИКа, члена комиссии Ш. С. Гайнулина, который вел себя как «ярый националист, изображая из себя хозяина положения, чем вызвал сильный протест». В отчете комиссии говорится, что Гайнулин на опросах населения «одних урезывал в показаниях или их извращал в негодную для них сторону, а других наталкивал на более выгодные для них показания... даже позволял себе высказываться, как бы умышленно создавая споры»[580]. По словам А. К. Башкова, Ш. С. Гайнулин давил на представителей деревни Мейляш, в результате чего они давали сбивчивые показания, а позже отказывались от многих своих слов[581].

Отказавшись верить собранным представителям деревень, делегаты Уральской области потребовали на месте созвать съезд с участием всего населения сельсоветов, что противоречило изначальному плану работы. Когда об этом стало известно, пришла телеграмма из БашЦИКа об отказе в проведении таких съездов. В следующей волости представителю БашЦИКа также пришла телефонограмма от председателя кантонного исполкома, в которой было сказано: «Утверждается, о передаче территорий Сарапульскому округу не может быть речи», в результате чего «съезд был сорван, и крестьяне недовольные разъехались по домам, потеряв день страдной работы»[582]. Протоколом от 22 сентября 1924 года рабочая группа по выявлению пограничных споров Уральской области и Башреспублики постановила, что решение данного вопроса возможно только путем разрешения земельных споров. В разделе «Разное» комиссия выразила протест против действий уполномоченного БашЦИКа Ш. С. Гайнулина, который «своими поступками дает повод думать о пристрастном его поведении к делу за одну сторону, т. е. граждан Бирского уезда»[583].

Повторно вопрос был рассмотрен 23–24 сентября 1924 года. Как следует из акта окружно-кантонной комиссии, присутствовавший представитель Бирского кантона сообщил, что «кантон запрещает

---

[579] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 12. Л. 47.
[580] Там же. Л. 29–30.
[581] Там же. Л. 37–38.
[582] Там же. Л. 39.
[583] Там же. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 29–30.

разговаривать о переходе в Сарапульский округ, и он отказывается на этом съезде обсуждать данный вопрос и... с повестки дня вопрос снял». Для такого решения он получил служебную телеграмму от исполкома кантона[584]. В результате встречи с населением не состоялись.

Комиссия работала также в Камбарском районе, где еще в начале XX века были самовольные заселения русскими крестьянами из Пермской губернии южного берега реки Буй, хотя граница Пермской и Уфимской губерний в этом районе шла по данной реке. Там было предложено «в целях сохранения существующей естественной границы и хозяйственно-целесообразного использования этих земель» закрепить земли за переселенцами «с причислением переселенцев в административном отношении к Уральской области»[585]. С соответствующим обращением вышли жители деревень Кармановой, Урдяковой, Касак-Каиновой, Кумовой, Кизильяр, Краснояр, Бедряж и станицы Артауловой Байгузинской волости Бирского кантона. Но, как отмечено в протоколе, между просителями и руководством Бирского кантона «возникли разногласия, требующие разрешения этого вопроса в установленном законом порядке»[586].

Представитель Уралплана С. Немчинов 23 июня 1926 года представил в Госплан тезисы «Об итогах районирования Урала», где были внесены предложения по решению приграничных споров. «Имеющиеся в практике недоразумения и осложнения вызваны тягостностью затянувшегося переходного периода. Урал полагает, что рассеять видимость внутреннего противоречия между этими двумя принципами [национальным и экономическим – авт.] может ускорение неизбежного некоторого пересмотра сетки районов Госплана, при котором должны быть приняты во внимание национальный момент и территориальная конфигурация современных экономических связей», – говорится в документе[587].

В результате вопрос решался на самом высоком уровне через административную комиссию ВЦИК. В июне 1925 года Президиумом ВЦИК была создана комиссия «для всестороннего обследования на месте вопроса об установлении границ между Башреспубликой и Уральской областью». После обсуждения всех деталей специальным постановлением ВЦИК от 26 октября 1925 года было принято решение о передаче «русских» деревень Мейляш, Новосёловка и Козловка Башреспублики в состав Сарапульского округа Уральской области. Итоговые решения отражены в протоколе заседания Сарапульской окружной административной комиссии по районированию при Сарапульском окрисполкоме

---

[584] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 39.
[585] Там же. Ф. Р-107. Оп. 1. Д. 16. Л. 28 об.
[586] Там же. Л. 27.
[587] РГАЭ. Ф. 6982. Оп. 1. Д. 50. Л. 73.

от 8 сентября 1926 года[588]. Большинство жителей этих населенных пунктов в источниках значились русскими по национальности[589]. После этого представитель БАССР Салимьянов отметил в протоколе особое мнение: «Селения неразрывно связаны экономически с БАССР, и считаю необходимым переосмыслить этот вопрос в Президиуме ВЦИК»[590].

В августе 1926 года согласительная комиссия в составе представителей Уральской области и БашЦИКа приняла еще одно решение: удмуртские населенные пункты Новый Калмияр и Вотские Чикаши, башкирское Аксаитово были переданы из Верхнетатышлинской волости Бирского кантона в Куединский район Сарапульского округа, а выселки Ново-Троицкий, Ново-Петровский, Ново-Вознесенский и Первомайский были переданы Куединским районом в Верхне-Татышлинскую волость Бирского кантона[591]. Также Уральской области из Башреспублики были переданы населенные татарами Манып, Бадашка и Солодовка. Это решение не устроило власти Сарапульского округа в связи с «протестами русского населения». В Докладной записке в Уралсовет власти Сарапульского округа сообщали, что жители этих территорий «выселились из Дубовогорского земельного общества Куединского района на излишние земли башкир деревни Аксаитово, участки этих земель отведены им по социалистическому землеустройству» и что при передаче территорий Уральской области споры с выделением этих «выселков с русским населением окончательно прекратятся»[592]. После этого Президиум Сарапульского окрисполкома ходатайствовал об оставлении выселков Ново-Троицкий, Ново-Петровский, Ново-Вознесенский и Первомайский в составе Уральской области. При этом окрисполком не возражал против передачи в Сарапульский округ Большого Калмияра и Вотских Чикашей ввиду того, что «данные селения населены в большем количестве вотяками (517 человек) и татаро-башкирами (206 человек), тогда как русского населения в них числится всего лишь 32 человека»[593]. Это предложение было поддержано, а территории возвращены Уральской области отдельным решением[594].

В 1926 году по постановлению облисполкома в Кунгурский округ был передан Артя-Шигиринский сельсовет из Белокатайского района Башреспублики, поскольку «земля у башкир забирается из-за

---

[588] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 100–100 об.

[589] Список населенных пунктов Уральской области. Т. 9. Сарапульский округ. Свердловск, 1928. С. 120–134.

[590] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 108.

[591] Государственный республиканский архив Удмуртской Республики (ГРАУР). Ф. Р-370. Оп. 1. Д. 86. Л. 34–36.

[592] Там же.

[593] Там же.

[594] Там же. Л. 3.

отсутствия договоров и неумелого использования». В результате «Шокуровским и Арсалановским обществами выносятся постановления о переходе на территорию Башреспублики, мотивируя это тем, что район и районные аппараты работают на русском языке, а мы мол не знаем хорошо русский язык, отсюда и затруднения»[595]. Работа административной согласительной комиссии продолжалась до сентября 1926 года. Последнее заседание, прошедшее 8 сентября 1926 года, зафиксировало следующие изменения. Из Башреспублики в Уральскую область было принято 52 населенных пункта численностью 13 398 человек, в том числе русских – 12 722, татар – 145, марийцев – 169, вотяков – 67, прочих национальностей – 295, при этом Башкирии передано 24 населенных пункта с 10 276 башкирского населения[596].

Вызывала споры и территориальная принадлежность Белорецкого «русского» района Башрепублики. В книге 1926 года «Урал после районирования» власти области отмечали, что «Споры Уралобласти с Башреспубликой о Белорецком округе, как об этом свидетельствуют материалы Облисполкома, открываются в 1918 году телеграммой из Белорецка от 4 Съезда Южного Урала с протестом против присоединения к Башкирии. Уральский областной совет рабочих депутатов (г. Екатеринбург) в 1917 году охватывал между прочим и Белорецк»[597], и решение о присоединении округа к Башреспублике власти Уральской области считали несправедливым. Приграничные споры и дискуссии продолжались до середины 1930-х годов. В 1926 году Председатель Уральского облисполкома Д. Е. Сулимов писал: «В настоящее время согласование с Башреспубликой внешних границ, несмотря на то, что от начала районирования области истекло уже более двух лет, идет весьма медленно и туго»[598].

Таким образом, несмотря на общую большевистскую солидарность, при распределении ресурсов местные власти и в Уральской области, и в Башреспублике бескомпромиссно отстаивали право на земли, используя любые методы, включая давление и агитацию. Фактически получив земли в управление, они воспринимали их «своими» и отказывались рассматривать любую возможность пересмотра границ даже на уровне переговоров. При этом каждая из сторон делала акцент на «национальность» или «экономическое тяготение» территорий в зависимости от ситуации. Но итоговое решение принимала административная комиссия ВЦИК. Источники показывают, что решения принимались в равной мере и в пользу Башреспублики, и в пользу Уральской области.

---

[595] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 175а.
[596] Там же. Л. 100.
[597] Урал после районирования. Свердловск, 1928. С. 8.
[598] Там же.

3.3. Уральская область и Удмуртская АССР

Еще одной конфликтной для Урала зоной можно отчасти считать граничащие с созданной в 1920 году Вотской автономной областью (ВАО) территории. В планах активистов удмуртского национально-культурного движения 1918–1919 годов для создания собственной области изначально значились Глазовский, Елабужский, Малмыжский и Сарапульский уезды Вятской губернии, часть Бирского уезда Уфимской губернии и Осинского уезда Пермской губернии, где имелись места компактного проживания удмуртов. По словам современных историков Удмуртской Республики, создание отдельной области на этих территориях «учитывало бы особенности расселения народов и отвечало бы требованиям экономической целесообразности»[599]. Следует отметить, что город Сарапул еще до создания Вотской области был одной из столиц удмуртского национально-культурного движения. Так, Удмуртский комиссариат, партийная школа и редакция издательства «Гудыри» в 1920 году размещались именно в Сарапуле, куда они переехали из Елабуги. При этом руководство Сарапульского уезда было категорически против не только вхождения в состав Вотской области, но и против вообще создания административной единицы для удмуртов[600]. Дискуссии вокруг этих территорий начались с середины 1920-х годов и сопровождались недовольством властей Уральской области. Даже после утверждения границ Вотской автономной и Уральской областей власти первой не оставляли идей расширить собственные территории за счет близлежащих регионов с компактными районами проживания удмуртского населения. В 1925 году Уралобком называл эти притязания на территорию Сарапульского округа «совершенно экономически необоснованными»[601].

Во второй половине 1920-х годов – начале 1930-х годов Вотская автономная область пребывала в состоянии внутренних противоречий между представителями «рабочей» партии и активистами удмуртского национально-культурного движения. Кроме того, с 1929 по 1934 год область находилась в составе Нижегородского (с 1932 года – Горьковского) края, а с 1934 по 1936 год – выделенного из него Кировского края. Поэтому дискуссии о принадлежности Сарапульского округа в этот период прекратились, в источниках довольно мало документов о каких-то конфликтных ситуациях между Уральской областью и Вотской автономной областью в эти годы. Однако после ликвидации Уральской области Сарапульский округ был упразднен, а в 1937 году территории

---

[599] История Удмуртии: XX век. Ижевск, 2005. С. 100.
[600] Там же. С. 99.
[601] Урал после районирования. Свердловск, 1928. С. 8.

юго-запада бывшего Сарапульского округа в составе Воткинского, Камбарского, Сарапульского, Каракулинского и Киясовского районов Кировского края были переданы создаваемой Удмуртской АССР исходя из «экономических соображений»[602].

Таким образом, земли с русским и башкирским населением, за которые в 1920-е годы вели борьбу органы власти Уральской области и Башреспублики и разделенные в итоге по этническому признаку, были переданы Удмуртской АССР. Это решение в очередной раз доказывает противоречивость и ситуативность советского национально-государственного строительства, которое осуществлялось с учетом текущей политической ситуации, опираясь в разное время как на экономические, так и этнические критерии и принципы.

3.4. Этнический фактор в создании районов и сельсоветов

За время существования Уральской области было создано несколько административных образований районного уровня. Как уже говорилось выше, одним из направлений советской национальной политики было создание «национальных» районов и сельсоветов. Согласно источникам известно о существовании 11 национальных районов[603] и 217 национальных сельсоветов в Уральской области. Как правило, именно эта цифра фигурировала в делопроизводственной документации[604]. Создание национальных районов внутри области также является отражением влияния этнического фактора на территориальное устройство. Главная сложность в районировании была связана со смешанным составом населения области. «Распыленность нерусского населения среди основной массы русского, а также многочисленность народностей Урала при сравнительно небольшой общей численности их в связи с рядом неизжитых бытовых особенностей, культурной отсталостью и экономической слабостью большей части нерусского населения и вообще территориальная разбросанность нацмен – являются теми основными препятствиями, с которыми приходится встречаться при организации административно-хозяйственных единиц среди нацмен», – говорится в Отчете о работе среди национальных меньшинств Уральской области за 1926–1927 годы[605].

---

[602] О разделении Горьковского края. Постановление ВЦИК от 07.12.1934 [Электронный ресурс]: Документы советской эпохи. URL: http://sssr.regnews.org/doc/nw/70.htm (дата обращения: 01.09.2024).

[603] Кудымкарский, Косинский, Юсьвинский, Катайский, Яланский, Бардымский, Березовский, Кондинский, Обдорский, Самаровский, Таборинский. Велись дискуссии об образовании Нагайбакского национального района, но эта работа не была завершена. См.: РГАЭ. Ф. 6982. Оп. 1. Д. 50. Л. 39.

[604] Предварительные итоги... С. 8.

[605] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 31–32.

Тем не менее несколько «национальных территорий» внутри Уральской области были созданы. Основную часть составили районы внутри округов в местах проживания коми-пермяков и народов Тобольского Севера, их границы неоднократно пересматривались вплоть до конца 1930-х годов (см. главу 4).

Но было и несколько районов, созданных анклавно внутри области. Так, почти сразу после образования Уральской области началась работа по планированию Бардымского района, где «преобладание нацменовского населения вызвало необходимость образования нацменовского района». Сегодня Бардымский район с 90% татарского и башкирского населения считается первым в России по плотности татарского и башкирского населения, но так получилось не только вследствие уникального характера расселения, но и в результате политики районирования, когда из бывшего Красноярского района Сарапульского округа были исключены шесть «русских сельсоветов», а центр района перенесен в Барду. Из оставшихся 17 сельсоветов в 1925 году был образован «татаро-башкирский нацменовский район», где планировалось провести башкиризацию, поскольку население на тот момент считалось башкирским[606]. Районирование позволило проводить целенаправленную культурную и языковую политику, в результате чего Бардымский национальный район часто попадал в отчеты как некий эталон работы местных органов власти.

Основную сложность работы с Бардымским районом вызывал языковой состав населения. Исторически сложилось, что местное башкирское население общалось преимущественно на татарском языке, поскольку система образования в районе развивалась вне языкового строительства в Башкирской АССР. Здесь также давала о себе знать проблема этнографических знаний, поскольку население в разных отчетах называется то татарским, то башкирским, или просто «нацменовским». В июле 1936 года в рамках подготовки к татарской лингвистической конференции в Казани в Бардымский район была направлена лингвистическая группа сроком на один месяц с целью «изучения местных особенностей языкового строительства татарского населения и собирания фольклора». В составе комиссии были секретарь Областного комитета Нового Алфавита Ш. Р. Абашев, научный работник облпедлаборатории Ш. Г. Абайдуллина и преподаватель Бардымской средней школы С. Рафиков[607]. 10 ноября 1936 года отчет о работе рассмотрен на заседании Областного комитета Нового Алфавита. Работа признана неудовлетворительной. Отмечалось, что «башкиров превратили в татар»,

---

[606] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 31.

[607] Там же. Оп. 1. Д. 4409. Л. 41.

а протоколы, «написанные на татарском языке, непонятны не только нам, но самим кто писал», и сделан вывод, что «командировка была бесцельна»[608]. Проблема соотношения башкирской и татарской идентичностей для местного населения сохранялась на протяжении всего XX века и до сих пор является предметом дискуссий ученых.

В 1927 году был создан Нагайбакский район. Формально он не был национальным. Территория была названа по этнониму «нагайбаков» – группы крещеных татар и башкир, переселенных в XVIII веке для охраны границы. И. Р. Атнагулов отмечает, что создание района наряду с появлением понятия «нагайбак» в качестве этнонима в переписи 1926 года стало важнейшим актом со стороны государства в деле формирования нагайбакской идентичности в XX веке. «Сохранение национальной административной единицы стало значимым в истории народа событием, внесшим существенный вклад в создание фундамента современной нагайбакской идентичности», – пишет автор[609]. Однако попытки придать району статус «национального» были. В 1927 году Троицкий окрисполком сообщал Уралобкому, что в качестве национального «нагайбакский район выделить не удалось из-за отсутствия финансов»[610]. Район регулярно упоминается в отчетной документации Троицкого округа о деятельности среди национальных меньшинств.

В 1930 году был создан Ялано-Катайский район (совр. Альменевский и Сафакулевский районы Курганской области). Он создавался в рамках политики по ликвидации округов, до 1934 года входил в состав Уральской области, с 1934 по 1940 год входил в Челябинскую область. Население района было преимущественно башкирским, территория формировалась на месте существования Яланского и Катайского кантонов. В этой территории выделяется даже отдельная группа «катайских» или «курганских» башкир[611]. При этом, как и в Бардымском районе, население общалось на татарском языке. В районе выпускалась газета на татарском языке «Колхозчелар тауше». В Постановлении Малого Президиума Уральского облисполкома № 1206 от 29 марта 1932 года «О коренизации аппарата национальных районов и советов» говорится, что «особенно яркое проявление татарского шовинизма к башкирам имело место в Ялано-Катайском районе»[612].

Еще одной спорной территорией, статус и территориальная принадлежность которой несколько раз менялись, стал Аргаяшский район

---

[608] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 12.

[609] *Атнагулов И. Р.* Структура нагайбакских идентичностей: история и факторы формирования // Уральский исторический вестник. 2015. № 2 (47). С. 141.

[610] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 134.

[611] *Алтынбаев Р. Р.* Этническая история башкир-катайцев и песенный фольклор // Социально-гуманитарные знания. 2013. № 10. С. 151.

[612] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 25.

(совр. Аргаяшский и Кунашакский районы Челябинской области). По «Соглашению центральной советской власти с Башкирским правительством о советской Автономной Башкирии» от 20 марта 1920 года в числе 13 кантонов был обозначен также Аргаяшский кантон[613]. После создания Уральской области кантон оказался анклавом внутри Златоустовского округа, что вызывало много споров и дискуссий в сторону пересмотра границ, но власти Уральской области вновь смогли отстоять свои интересы на уровне административной комиссии ВЦИК. Власти Уральской области в 1926 году писали, что кантон «вклинивается в центральную часть Урала», что затрагивает «интересы 25 000 русского безземельного и малоземельного крестьянского населения Свердловского и Шадринского округов»[614]. В 1930 году Аргаяшский район получил статус национального округа, который был ликвидирован уже через полгода. А с 1934 года территория кантона была разбита на два района и включена в состав созданной Челябинской области. В 1931 году для компактных районов проживания белорусов в Ирбитском округе был выделен Таборинский национальный район (см. главу 7). Он создавался за счет разукрупнения сельсовета, но даже в оставшихся районах численность белорусов едва превышала 50%[615]. Помимо этого, на более низовом уровне в области были выделены «нацменовские сельсоветы»: три сельсовета в Мехонском районе Шадринского округа, 28 сельсоветов в Тюменском округе. Всего в результате разукрупнения сельсоветов по области создано свыше 80 «нацменовских» сельсоветов. Отдельно в Тобольском округе было создано 12 тузсоветов. В ходе землеустройства часто возникали конфликты. На них указано в Отчете о деятельности Уралоблисполкома по работе среди нацмен в 1926–1927 годах. В Троицком округе «земельные споры редки и отмечаются в единичных случаях между русскими и украинцами при расширении землепользования последних между русскими и киргизами из-за потрав»[616].

Нужно отметить, что сведения о деятельности органов власти «национальных районов» в источниках отражаются крайне редко, ввиду отсутствия делопроизводственной традиции и кратковременности их существования. Основной массив источников – отчеты уровня области, где проблемы конкретных районов практически не рассматриваются. Все это затрудняет анализ и оценку происходивших в этот период на

---

[613] Декрет Совета Народных Комиссаров. Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. 2019. № 63. 23 марта.

[614] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-211. Оп. 1. Д. 100. Л. 100.

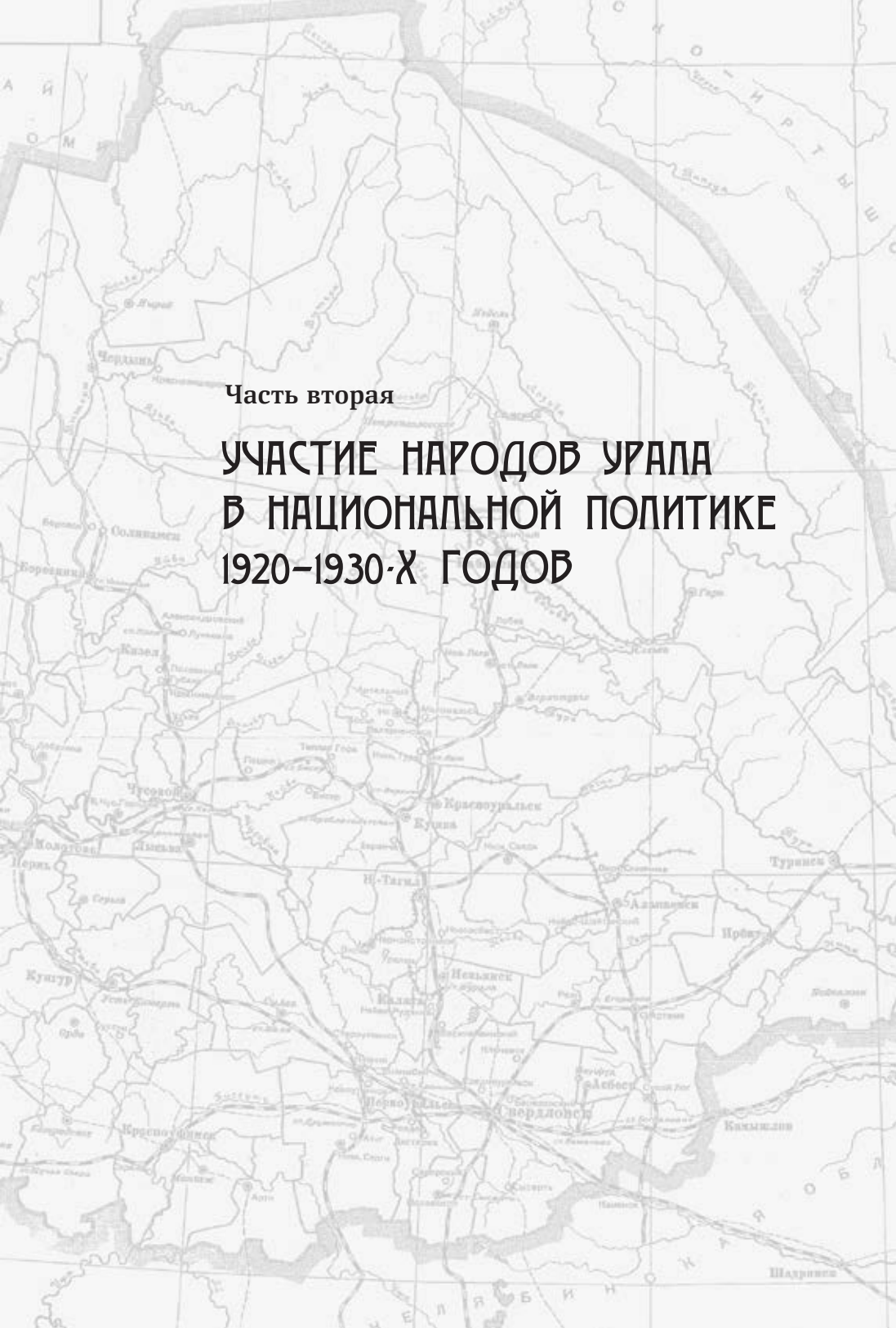
[615] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 31а.

[616] Там же. Д. 56. Л. 31.

данных территориях процессов. Несмотря на то, что все административные образования создавались с целью выделить компактные места расселения в отдельные районы, после 1937 года и ликвидации национальных районов данные территориальные образования продолжили свое существование просто в качестве административных районов, что позволило в значительной степени сохранить культурную самобытность и уникальность данных территорий вплоть до XXI века.

Приведенные выше факты о конфликтных ситуациях на границе Уральской области, Коми АССР, БАССР и ТАССР, Удмуртской АССР красноречиво свидетельствуют, насколько этничность населения была важным аргументом для органов власти в областях и республиках при решении вопросов о внутренних границах. Власти Башреспублики, например, вели агитацию среди русского населения и отправляли «удобных» представителей для выражения общего мнения, а Комиоблревком поддерживал местных общественных лидеров, спекулируя на непопулярности продналога. Представители Уральской области, не принимая во внимание никакие доводы, в случае с Автономной областью Коми исходили из экономических соображений, а в прениях с Башреспубликой указывали на национальную принадлежность населения. В результате центральные власти часто были вынуждены проводить границы в строгом соответствии с национальным составом, даже создавая пограничную чересполосицу. Стоит отметить также, что в рассмотренных конфликтах принимаемые административной комиссией ВЦИК решения во многом соответствовали требованиям Уральской области. В первом случае принимались доводы руководства области об экономических связях с Коми-Пермяцким округом. Во втором – они были этнически мотивированными, в пользу условно «русского» региона. Этот и ряд других фактов подтверждают тезис о сложном и противоречивом характере административно-территориальной политики в РСФСР в первые годы советской власти, отнюдь не руководствовавшейся только преференциями для национальных республик.

А привязка территорий к национальностям через создание автономий и картографирование, закрепление национальностей через переписи населения стали важной чертой национальной политики 1920–1930-х годов, отличавшей советский подход к модернизации поликультурного общества.



Часть вторая

УЧАСТИЕ НАРОДОВ УРАЛА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ 1920–1930-Х ГОДОВ

Глава четвертая.

КОМИ-ПЕРМЯКИ И НАРОДЫ ТОБОЛЬСКОГО СЕВЕРА В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УРАЛА 1920–1930-Х ГОДОВ

4.1. Коми-пермяки в национальной политике Уральской области

В национальной политике Урала коми-пермякам принадлежит особая роль. Уральская область была единственным местом их компактного проживания. В отличие от татарского, башкирского, казахского, удмуртского или марийского населения, коми-пермяки не зависели культурно от политики соседних республик, что налагало на власти области особую ответственность за сохранение, а во многом и за конструирование коми-пермяцкой идентичности в рамках советского модернизационного проекта. Коми-пермяцкая идентичность, основывающаяся на пермяцкой культуре Пермской губернии, сформировалась уже во второй половине 1920-х годов, причем этнические границы не совпали с административными, и за пределами округа осталось несколько групп, сохранивших пермяцкую идентичность[617]. В данном разделе будет показано, как поддержка культуры через систему образования, языковую политику, СМИ и учреждения культуры заложила основу для появления идентичности в ее советском варианте.

4.1.1. Коми-пермяки Уральской области в переписях населения

Как было показано выше, даже в Пермской губернии представления новых властей о пермяцком населении были весьма общими, а в Уральской области с центром в Свердловске уровень этнографических знаний был еще ниже. Поэтому одними из первых мероприятий в сфере учета населения и его культурных особенностей были попытки новой власти разобраться с численностью коми-пермяков, учитывая, что область была их единственным местом проживания.

После переписи 1920 года наиболее полные данные о численности и характере расселения коми-пермяцкого населения представлены в материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года. Всего в 1926 году в СССР проживал 149 621 коми-пермяк, из них в РСФСР –

---

[617] *Каменских М. С., Черных А. В., Вайман Д. И.* Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности // Этнография. 2024. № 4. С. 140–161.

149 581 (99,9%)[618]. Коми-пермяки сохранили компактный ареал проживания (северо-западные районы Прикамья) и характер расселения в сельской местности. На территории собственно Урала в 1926 году проживало 126 685 коми-пермяков. Городское население составляло менее одного процента. На территории Коми-Пермяцкого округа проживало 117 429 пермяков, или 93,4% от общей численности. Пермяки проживали также в Пермском (5244, или 4,2%), Верхнекамском (3076, или 2,5%), Тагильском (661, менее 1%) округах. В Троицком и Шадринском округах перепись вообще не зафиксировала пермяцкого населения. В городских поселениях проживало 1178 коми-пермяков, что составляло менее 1% от всех коми-пермяков.

Таблица 4.1

Численность коми-пермяков на Урале в 1926 году*

Округ	Всего населения			Родной язык			Грамотность	
	Муж.	Жен.	Общ.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Проч. (жен.)	Всего (жен.)	В том числе на языке своего народа (жен.)
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Верхнекамский	1794	1282	3076	1711 (1188)	83 (94)	–	822 (133)	–
Златоустовский	6	–	6	5	1	–	3	–
Ирбитский	18	18	36	12 (8)	14 (10)	11 (1)	–	–
Ишимский	4	3	7	6 (3)	1	–	2	– –
Коми-Пермяцкий	54 503	62 926	117 429	52 978 (61 246)	1524 (1675)	1 (5)	22 329 (8441)	–
Кунгурский	–	1	1	–	– (1)	–	–	

[618] Оставшиеся 40 человек проживали: в Белорусской АССР – 3 человека, в Украинской АССР – 36 человек, в Закавказской СФСР – 1 человек. На территории РСФСР помимо Уральской области пермяцкое население отмечено также в Вятской губернии, Северо-Кавказском крае, Казакской АССР, Сибирском крае и др.

Продолжение таблицы 4.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Курган-ский	5	2	7	7 (2)	–	–	1	
Пермский	2604	2640	5244	2562 (2600)	42 (40)	–	966 (135)	–
Сарапуль-ский	–	3	3	– (2)	– (1)	–	–	–
Свердлов-ский	4	–	4	3	1	–	4	–
Тагиль-ский	334	327	661	624 (320)	17 (7)	–	184 (41)	–
Тоболь-ский	11	8	19	18 (8)	1	–	2	
Троицкий	–	–	–	–	–	–	–	–
Тюмен-ский	86	104	190	152 (90)	38 (14)	–	12 (1)	–
Челябин-ский	2	–	2	2	–	–	2	–
Шадрин-ский	–	–	–	–	–	–	–	–
Всего	59 371	67 314	126 685	123 317 (65 468)	3542 (1841)	12 (6)	33 047 (8752)	–

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–147.

На коми-пермяцком языке как на родном разговаривало 123 317 коми-пермяков, или 92,7%, на русском в качестве родного разговаривали 3542, или 2,8% соответственно. Следует отметить рост грамотности коми-пермяков в данный период. Всего грамотными были записаны 32 826 человек, или 26,1%, среди них мужчины составляли 73,5%, а

женщины – 26,5%. Этот уровень был значительно выше, чем в начале XX века (6%), и выше, чем в среднем по Прикамью (21,8%). Доля грамотных женщин у пермяков за 26 лет также выросла на 10,5%. Рост грамотности может быть связан с просветительской политикой советской власти в отношении национальных меньшинств и политикой ликвидации безграмотности[619].

Создание Коми-Пермяцкого округа в 1925 году запустило процессы формирования этнотерриториальной идентичности пермяцкого населения. Ко второй половине 1930-х годов номинация «коми-пермяки» как этноним для населения округа уже прочно вошла в обиход[620].

Дальнейшее развитие ситуации с коми-пермяками демонстрируют данные Всесоюзной переписи населения 1939 года. В первой версии документа коми-зыряне, включающие этнонимы «колвинцы», «коми», «коми-зыряне», были записаны под шифром 63, а коми-пермяки (также «комиморт») – 64[621]. Но в итоговой версии Словаря национальностей 1939 года, который после редактирования И. В. Сталиным был сокращен на треть, группа «коми» имела уже один шифр и включала в себя этнонимы «коми-морт», «коми-зыряне» и «коми-пермяки»[622]. Таким образом, в 1939 году коми-пермяки и коми-зыряне были учтены в переписи как просто народ *коми*, что затрудняет оценку численности коми-пермяцкого населения в конце 1930-х годов.

По итогам Всесоюзной переписи 1939 года на Урале проживало 142 456 коми, или 1,5% от всего населения[623]. Население Коми-Пермяцкого национального округа на тот момент составляло 162 130 человек, в том числе группа коми 75,5%. Это был самый крупный по численности населения округ РСФСР из созданных. Следует также отметить, что в целом по РСФСР было учтено 415 173 коми, из них коми-пермяцкое население с соблюдением пропорций должно было составлять не менее 28%[624]. Вторая крупная группа коми на Урале проживала в Ямальском (Ненецком) национальном округе (коми-зыряне).

---

[619] *Кривощеков А. М.* Школа на новом этапе // Наш край. 1986. № 6. С. 70.

[620] *Черных А. В.* От пермяков и коми к коми-пермякам // Вестник Пермского университета. История. 2025. № 2. С. 159–173.

[621] Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. М.: Редакционно-Издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЕТ», 1937. С. 16.

[622] Всесоюзная перепись 1939 г. Словарь национальностей [Электронный словарь]: Демоскоп weekly. URL: http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/alfavit/nacionaln_1939.html#01 (дата обращения: 14.09.2024).

[623] 0,8% от 122 464 составляет 790, 122 464 – 790 = 121 484.

[624] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 133.

В Пермской области *коми* оставались вторым по численности народом. Доля городского населения у коми по-прежнему не была высокой, в городах проживало 12 031 коми, или 9,8%, но это почти в 10 раз больше, чем в 1926 году. Таким образом, урбанизационные процессы, характерные для Урала в этот период, коснулись и коми-пермяков. Родным для себя язык «коми» назвали в 1939 году 116 903 человека, или 93,9% коми населения области. Причем у городского населения родной язык сохранялся хуже, 9833 горожанина Пермской области (81,7% от населения коми) назвали язык коми родным, а в сельской местности – 107 070 человек, или 96,9% (см. таблицу 4.2). К 1939 году изменилась плотность расселения коми. В Перми в 1939 году проживало 1447 коми (0,6% от населения города), более 2% населения коми составляли в Ворошиловском районе, рабочих поселках Ивака, Луньевка. Если в 1926 году пермяки были на 99% сельским населением, то в 1939 году в Свердловской и Челябинской областях городское и сельское коми население были примерно равны. Но коми-пермяки все равно оставались преимущественно сельскими жителями (90%). Уровень сохранения языка и характер расселения коми в Пермской области в 1939 году свидетельствуют о сохранении компактности расселения и низкой социальной мобильности этнической группы.

Таблица 4.2

Сведения о родном языке коми населения Пермской, Свердловской, Омской и Челябинской областей по итогам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

Категория населения	Всего	Мужчины	Женщины
1	2	3	4
Пермская область	122 464	54 473	67 991
В том числе сельское население (%)	110 443 (90%)	48 552 (89%)	61 881 (91%)
В том числе Коми-Пермяцкий округ	111 678	48 889	62 789
В том числе сельское население округа (%)	104 411 (93%)	45 529 (93%)	58 882 (94%)
Свердловская область	4518	2371	2147
В том числе сельское население (%)	2504 (55%)	1215 (51%)	1289 (60%)
Челябинская область	540	319	221

Продолжение таблицы 4.2

1	2	3	4
В том числе сельское население (%)	239 (44%)	161 (50%)	78 (35%)
Омская область	14 934	6952	7982
В том числе сельское население (%)	14 934 (100%)	6952 (100%)	7982 (100%)
Итого по Уралу	142 456	64 115	78 341
В том числе сельское население (%)	128 120 (90%)	56 880 (89%)	71 230 (91%)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 133.

Материалами переписи также зафиксирован прирост грамотного населения за период с 1926 по 1939 год. Всего грамотными в возрасте старше девяти лет[625] были 64 612 коми, или 68,3% населения (по сравнению с 1926 годом рост составил 41,8%). При этом в среднем по области грамотность составляла 79,5%. Среди мужчин у коми грамотность составляла 84,3%, среди женщин – 56,1%, что тоже было ниже, чем в среднем по области – 90% и 70,8% соответственно. Доля грамотных среди городского населения у коми составляла 83,4%, а среди сельского – 66,5%, аналогичные показатели по области были также выше – 89,3% и 72,8% соответственно. Если анализировать ситуацию по возрастным категориям, то более всего грамотность была распространена в возрастной категории от 9 до 19 лет – 95,7%, в возрастной категории 20–49 лет она составляла 67,6%, а в категории 50 лет и старше – 17,9%. В целом рост грамотности у коми за период с 1926 по 1939 год составил 40,1%, причем прирост происходил, в первую очередь, за счет подрастающего поколения, но уровень грамотности у коми населения Прикамья был ниже, чем в среднем по области.

Что касается групп пермяков, оставшихся за пределами округа, их развитие продолжилось без организованной поддержки, в результате чего процессы ассимиляции у них протекали значительно интенсивнее,

[625] В материалах переписи не представлены сведения о грамотности населения в возрасте младше девяти лет.

и к середине XX века пермяцкая идентичность местным населением была практически утеряна[626].

В целом этнодемографическое развитие коми-пермяцкого народа в 1920–1930-е годы проходило в русле обозначившихся тенденций советской модернизации, среди которых – постепенный рост городского населения, рост грамотности, распространение русского языка и постепенное «размывание» этнической культуры. При этом коми-пермяки оставались крупнейшим компактно расселенным этническим образованием Уральской области, в связи с чем создание отдельной автономии для них, даже в рамках области, было важным механизмом для поддержания и развития культуры в современных условиях.

4.1.2. Коренизация аппарата и внедрение социалистических форм хозяйства

Политика коренизации аппарата, получившая в округе название «комизация», была нацелена на распространение грамотности на родном языке среди населения округа, а также на вовлечение в деятельность органов власти представителей коми-пермяцкой национальности. В начале 1924 года сначала на уровне обкома, а затем окружкомов был принят доклад «Очередные задачи партийного строительства», где говорилось о необходимости «в корне пресекать невнимательное отношение к нацменьшинствам в профессиональных и советских органах, особенно со стороны спецов и старых служащих... не оставляя места антагонизму»[627]. Далее в апреле 1925 года в окружкомы было разослано постановление Пленума обкома, где говорилось о «всемерном усилении работы партии среди нацмен, населяющих область» путем «выдвижения из среды нацмен на руководящую работу в партийных, профсоюзных, советских, и кооперативных организациях»[628].

В течение последующих 10 лет в округе шла работа по формированию управленческих аппаратов из местного населения. Ротация аппарата в пользу коми-пермяков отражена в докладе «О советском строительстве в Коми-Пермяцком округе» за 1935 год. В документе отмечается, что если в 1925 году только 25% всех работников окружного аппарата были коми-пермяками, то в 1931 году этот показатель составил уже 42%, а в 1934 году – 62%, на уровне сельских советов – 70% и 78,6%

---

[626] *Каменских М. С.* Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века. СПб., 2021. С. 53–54.

[627] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 61.

[628] Там же. Л. 88.

соответственно[629]. К 1933 году, по подсчетам Р. Т. Латыпова, штаты Коми-Пермяцкого окрисполкома (собес, суд, отдел труда, страхкасса, сберкасса) были полностью укомплектованы коми-пермяками. Среди ответственных работников исполкома коми-пермяков было 71%, в окрадмотделе – 81%, в прокуратуре – 75%. В составе ответственных работников райисполкомов коми-пермяков было 78,1%, в сельсоветах – 92,5%[630]. Таким образом, к началу второй половины 1930-х годов задача построения аппарата управления, укомплектованного коми-пермяками, была практически полностью решена. Это было сделать проще всего, ведь большую часть населения округа к концу 1930-х годов по-прежнему составляли коми-пермяки.

Помимо внедрения новой формы административного управления территориями, существенные перемены происходили и в экономике: создавались новые модели экономических отношений и новые формы народного хозяйства. В первой половине 1920-х годов активно внедрялись различные формы кооперации, после 1927 года – коллективные хозяйства. На территории Коми-Пермяцкого национального округа первый кооператив «Смычка» был зарегистрирован в 1923 году[631]. Первый съезд Советов округа в 1925 году поддержал идею кооперации крестьянских хозяйств. Сведения о ходе кооперирования фрагментарны и противоречивы. Всего в архивах отложились упоминания о существовании в Уральской области 255 пермяцких кооперативов. Степень кооперирования оценивалась в 51,5% (для сравнения: Пермский округ – 40,7%, Сарапульский округ – 30,15%)[632].

В целом кооперация как форма хозяйствования имела перспективы, но не получила распространения в связи с переходом на курс коллективизации (см. таблицу 4.3).

В ноябре 1929 года Пленум ЦК ВКП (б) провозгласил путь на сплошную коллективизацию. Если говорить о колхозном движении в Коми-Пермяцком округе, то здесь источники также не дают исчерпывающей информации, хотя она отражена более детализированно. В январе 1929 года Уралколхозсоюз представил Уралоблисполкому промежуточные данные о коллективизации национальных меньшинств Урала на 01.01.1929, согласно которым в Коми-Пермяцком национальном округе существовал 61 коми-пермяцкий колхоз, «нацмен колхозов» было 88% (см. таблицу 4.4).

---

[629] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 248–250.
[630] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4058. Л. 45.
[631] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа. Т. 2. С. 49.
[632] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 6–7 об.

Таблица 4.3

Кооперативы Коми-Пермяцкого национального округа на 1929 год по виду деятельности (число кооперативов / число членов)*

Округ	Кредитн.	Семен.	Льновод.	Животновод.	Мелиор.	Маслод.	Машин.	Птиц.	Проч.	Итого
Коми-Пермяцкий	2/7182	5/247	1/12	5/84	1/24	3/613	84/1092	1/82	136/–	255/9256

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 7 об.

Таблица 4.4

Справка Уралколхозсоюза «Состояние колхозного движения среди национальных меньшинств Уральской области», на 01.01.1929

Округ	Всего «нацмен» колхозов	В них кр. хоз.	На 1 колх. среди «нацмен»	На 1 колх. по округу	% «нацмен» колхозов	% «нацмен» колл. кр. хозяйств
Коми-Пермяцкий	61	663	11	13	88,1	85,9
Всего по области	204	2030	10	16	9,5	8,1

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 7 об.

Имея в целом неудовлетворительные показатели, Уралобком поручил округу к весне 1930 года увеличить количество колхозов округа с имеющихся 8% до 32%. В деревни были направлены политические комиссары для организации принудительной коллективизации. А. Е. Коньшин приводит немало источников, подтверждающих, что колхозы создавались в административном порядке, в том числе с заключением под арест крестьян до тех пор, пока те согласятся вступить в колхоз. Перед вступлением в колхозы люди массово забивали скот, что позже сказалось на общем уровне социально-экономического благополучия населения округа. Многие из колхозов распадались, не проработав и полгода. В результате к марту 1930 года коллективизация в округе составила 77,4% при 70,8% в целом по области. После снижения темпов коллективизации в 1931–1932 годах, эта политика продолжилась, к середине 1935 года достигнув уровня 81% хозяйств[633]. К 1937 году 90% хозяйств с 26 тыс. крестьянских дворов были коллективизированы[634].

Таким образом, политика вовлечения нацмен в кооперативное и колхозное движение нашла свое выражение и на территории округа. Поскольку в этот период округ был единственной «национальной» территорией Уральской области, он часто попадал в статистические отчеты, а все реально существующие хозяйства автоматически записывались в «национальные». Отсутствие системы учета и отчетности повлияло на сложность анализа последствий кооперации и коллективизации, поскольку имеющиеся источники представляют трудно сопоставимые, неполные и часто противоречивые данные. Имеющиеся сведения позволяют заключить, что перестройка традиционного хозяйства осуществлялась при административном давлении и в короткие сроки. И если кооперативы еще позволяли сохранить уклад хозяйства, то сплошная коллективизация стала причиной коренной перестройки способов организации труда и ведения традиционного хозяйства у коми-пермяков. Все эти процессы существенно отражались на социально-экономическом и демографическом развитии округа.

4.1.3. Поддержка и развитие коми-пермяцкой культуры

К началу советского периода у коми-пермяков не было собственной письменности и норм литературного языка, однако предпосылки для этого существовали. Начало театрального искусства в округе относится к 1920 году, когда П. И. Субботин-Пермяк организовал в Кудымкаре художественно-промышленные мастерские и драматический

---

[633] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 42.
[634] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа... Ч. 2. С. 57–59.

кружок при них. Однако они работали на русском языке. Важным мероприятием в 1921 году в Кудымкаре стало открытие национального музея. Он создавался на базе уже существовавших районного сельскохозяйственного музея и музея художественно-промышленных мастерских Строгановской конторы, в здании которой и расположилось новое учреждение. Большую роль в комплектовании коллекций музея сыграли Ф. Г. Тараканов, П. И. Субботин-Пермяк, В. В. Тютюкова, Е. И. Субботина, О. Ф. Логачева. Благодаря активной деятельности П. И. Субботина-Пермяка музей уже в 1921 году получил финансирование рабочих ставок из государственного бюджета[635].

Еще до формального создания округа активисты коми-пермяцкого общественного движения созывали Съезды культурных сил коми-пермяцкого края в 1923 году и в январе 1925 года. Уже тогда интеллигенцией обсуждались вопросы культурного строительства в округе: создание национальной литературы, литературного языка и письменности, ликвидация неграмотности, организация краеведческой работы и преподавание родного языка[636]. Ситуацию в округе после его создания красноречиво демонстрирует письмо Уралобкома в отдел национальностей ВЦИК от 19 декабря 1925 года. Согласно документу, развитие округа на тот момент характеризовали «крайняя маломощность бюджетов за отсутствием в последнем промышленности, слабое развитие кустарной промышленности, почти полное отсутствие торговли, и низкий уровень сельского хозяйства»[637]. Сообщалось, что народным образованием охвачено только 30% детей, а для решения насущных задач развития округа Уралсовету требовалось «ежегодно свыше 1 000 000 рублей в течение пяти лет»[638]. В этих непростых экономических условиях приобретенный статус национального округа позволил местной власти начать последовательную работу по поддержке и развитию культуры и языка коми-пермяцкого народа.

Развитие сети школ и борьба с безграмотностью. Становление системы образования в Коми-Пермяцком округе – одна из важнейших страниц в истории данной территории. Эта тема неоднократно освещалась в историографии, наиболее полно она представлена в монографии А. Ф. Кривощековой[639], а также раскрыта в трудах А. Е. Коньшина[640],

---

[635] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков.... С. 167, 262.
[636] Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки... С. 155–156.
[637] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 205.
[638] ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 1.
[639] *Кривощекова А. Ф.* Очерки истории коми-пермяцкой школы. Пермь, 1956.
[640] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг.: учебное пособие. Кудымкар, 2004.

Ф. М. Вилесова[641] и др. Авторами описаны основные периоды истории народного образования, события и факты, освещающие процесс его становления. Опыт Коми-Пермяцкого округа во многом раскрывает и общие вопросы реализации политики в сфере образования первых десятилетий советской власти. В 1923/1924 учебном году на территории округа функционировало 62 школы первой ступени (охват – 0,0005 на человека, у русских, для примера – 0,0006), в которых трудилось 113 педагогов, работал один детский сад с тремя воспитателями, школ второй ступени было две с 19 педагогами. Всего в них насчитывалось 11 947 учеников, или 40,3% всех учеников «нацмен» Урала[642]. Преподавание родного языка до 1923 года велось не на высоком уровне. Национальные школы области были в среднем бедней в материальном плане и по педагогическому составу. Из отчета уездного исполкома: «В пермяцких школах преподавание ведется исключительно на русском языке, родной язык употребляется как подсобный, причина – незнание пермяцкого языка 50% школьных работников и отсутствие учебников на родном языке. Среди пермяцкой интеллигенции имеется тенденция введения преподавания в пермяцких школах на родном языке, но само население на это смотрит отрицательно. Разрешение этого вопроса требует осторожного подхода, так как отсутствие учебников, работников и отношение самого населения к родному языку затрудняет введение пермяцкого языка в школах»[643].

Развитие системы образования в округе на Съезде культурных сил описал Ф. Г. Тараканов: «Школа была чужда пермякам, на нее смотрели как на казенное учреждение, куда предпочитали не попадать. Учились в школах преимущественно дети русских служащих и зажиточных слоев населения: купцов, попов и других мироедов. Из пермяков, кончавших школу, еле могли написать свою фамилию. Только единицы, освоив русский язык, русскую грамматику, продолжали свое образование, превращаясь в своего рода интеллигентов, навсегда порвавших связь с деревней, игнорирующих нравы, обычаи и прочие национальные особенности своего народа... Население, в свою очередь, смотрело на выучившихся выскочек, как на господ, и притом не признавало их своими людьми»[644].

Таким образом, к моменту создания Уральской области в 1923 году на территории Пермяцкого края уже существовала система образова-

---

[641] *Вилесов Ф. М.* Механизаторские кадры в коми-пермяцкой деревне // Наш край. 1967. Вып. 2. С. 82–92.

[642] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 163. Л. 65.

[643] Там же. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 302.

[644] КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 10. Л. 40.

ния, но она остро нуждалась в материальной поддержке и оснащении педагогическими кадрами, особенно в части преподавания родного языка. Система образования незначительно уступала по охвату населения русским районам, при этом была на довольно высоком уровне по сравнению с другими национальностями.

С 1924 года, уже в рамках Уральской области, в округе велась активная работа по созданию системы образования, в том числе с внедрением преподавания на родных языках. Развитие образования двигалось по пути создания школ 1-й ступени, изб-читален и национальных школ коммунистической молодежи. В течение 1924–1926 годов произошло увеличение коми-пермяцких школ до 116, т. е. почти в два раза[645]. Для повышения квалификации преподавательского состава национальных школ в течение 1924/1925 учебного года были организованы курсы для учителей коми-пермяцких национальных школ[646]. Начала издаваться учебная литература. В 1921–1925 годах издано восемь учебников тиражом 23 тыс. экз., в 1926 году – пять наименований тиражом 22,5 тыс. экз., за 1927 год издано уже 12 учебников тиражом 16 тыс. экз.[647] В 1924/1925 учебном году коми-пермяцкие школы 1-й ступени получили 4200 единиц учебной литературы и 75 политпросветительской литературы[648].

Свою роль в развитии образования сыграло создание окружных ячеек общества «Долой неграмотность». К январю 1926 года было открыто 43 его ячейки. Активное участие в деятельности общества принимали учителя, государственные служащие и учащиеся старших классов. За успешную работу по ликвидации неграмотности округ был удостоен областного Красного знамени[649]. Население в целом отнеслось с интересом к открытию новых школ и кружков по ликвидации неграмотности. Известен факт, когда коми-пермяки Кудымкарского района направили делегацию в окрисполком с просьбой следующего содержания: «...разрешите только открыть избу-читальню. У нас есть уже газеты и помещения. Но избач обязательно должен знать пермяцкий язык, а то население не доверяет не знающим пермяцкого языка...»[650].

Результаты деятельности советских органов по ликвидации безграмотности в округе отчасти видны по данным переписей населения 1920 и 1926 годов. Если в области грамотность поднялась с 28,9% до 40%, то у коми-пермяков – с 15,9 до 26,1%, что несколько ниже, но сопостави-

---

[645] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 49. Л. 112.
[646] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 123.
[647] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 166.
[648] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 163. Л. 204.
[649] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 183.
[650] ГАСО. Ф. Р-233. Оп. 1. Д. 257. Л. 21.

мо со средними показателями. При этом темпы развития образования в Коми-Пермяцком округе к концу 1920-х годов были самыми высокими среди других нерусских национальностей области. Это может быть связано именно со статусом территории их проживания как национального округа с соответствующими мерами поддержки.

За 1920–1930-е годы в Коми-Пермяцком округе произошел существенный сдвиг в распространении грамотности среди населения. Согласно данным Уралоблисполкома, у учащихся в возрасте от 9 до 49 лет в округе она поднялась до 81,2%. Как отметил Р. Т. Латыпов, «определенные успехи в развитии национальной школьной сети за 1923–1927 гг. создали базу для перехода к начальному обучению всех детей школьного возраста»[651]. На 1 января 1941 года в округе насчитывалось 252 школы, из них 13 средних, всего с 1925 по 1940 год в округе было построено 47 новых зданий для школ. Количество учащихся выросло с 5842 в 1925/1926 учебном году до 25,7 тысячи в 1937/1938 году (коми-пермяки составляли около 80% учащихся). Считалось, что у коми-пермяков был седьмой показатель роста грамотности среди народов РСФСР, что активно транслировалось в органах пропаганды как достижение советского строя[652].

Таблица 4.5

Развитие системы образования в Коми-Пермяцком национальном округе в 1920–1930-е годы

Показатель	1925/1926	1927/1928	1929/1930	1931/1932	1933/1934	1934/1935	1937/1938
Всего школ	85	125	140	240	200	189	187
Национальных школ	69	103	120	208	168	161	
Учащихся	5842	9316	11 705	20 089	23 740	19 620	25 755
В т. ч. коми-пермяков	60%	64%	75%	80%	73%	79%	

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. 4. Оп. 9. Д. 1017. Л. 87.

В 1920–1930-е годы было сделано немало и для развития среднего специального образования в округе. На первом этапе в связи с нехваткой

---

[651] *Латыпов Р. Т.* Указ. соч. С. 147.
[652] Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки... С. 158.

педагогических кадров осуществлялась подготовка учителей через краткосрочные педагогические курсы. Продолжительность обучения для представителей нерусских национальностей была в основном от восьми месяцев до одного года. Через курсы в 1930 году прошли 142 человека, что значительно улучшило ситуацию с преподаванием родного языка в Коми-Пермяцком округе[653]. Статус национального округа позволил открыть два педагогических техникума для подготовки специалистов по преподаванию родного языка – в селе Косе и городе Кудымкаре[654]. На протяжении 1930-х годов фиксировался постоянный рост количества студентов. В Кудымкарском педагогическом техникуме в 1929/1930 учебном году обучалось 108 человек, в 1931/1932 учебном году – 215, в 1933/1934 учебном году – 244, а в 1934/1935 учебном году – 294. В Косинском педагогическом техникуме в 1931/1932 учебном году обучалось 99 человек, в 1933/1934 учебном году – 192, в 1934/1935 учебном году – 125[655]. По подсчетам руководителя отдела национальностей облисполкома Р. Гатауллина, контингент учащихся в национальных педагогических техникумах у коми-пермяков с 1925 по 1930 год вырос со 120 до 527 студентов[656]. Таким образом, несмотря на все сложности, на протяжении 1920–1930-х годов были заложены основы системы образования на родных языках, подготовки педагогических кадров, созданы условия для сохранения и даже развития коми-пермяцкого языка. В таком виде система образования просуществовала до середины 1930-х годов и с незначительными изменениями продолжает функционировать до сих пор.

Издательство и СМИ. Средства массовой информации, особенно в «национальных территориях», получили большое развитие в первое десятилетие советской власти. В Коми-Пермяцком национальном округе СМИ были одним из источников укрепления новой коми-пермяцкой идентичности для населения округа, являясь важным инструментом в модернизационных процессах.

С 1926 года в округе, после открытия в городе Кудымкаре типографии, начала издаваться газета «Горись» («Пахарь»). Организация работы проходила при поддержке Верхнекамской окружной газеты «Смычка». Первый номер газеты «Горись» вышел 7 ноября 1926 года, к девятой годовщине Октябрьской революции[657]. В течение 1920-х годов

---

[653] *Мосунова Т. Г.* Указ. соч. С. 95.

[654] *Сыстеров И. А.* Учебно-методический центр в округе // Наш край. 1986. № 6. С. 74–75.

[655] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 167. Л. 144.

[656] *Гатауллин А.* Как растут и крепнут национальные районы и советы... С. 43.

[657] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 279.

газета меняла название на «За ленинскую национальную политику», «Коми-пермяцкий колхозник» и др.[658] А со 2 ноября 1931 года переименована в «Ленин туй вылэт» («По ленинскому пути»). До 1936 года она выходила на коми-пермяцком языке, затем – на русском и коми-пермяцком. В 1930-е годы свои газеты появились в районах округа: «По социалистическому пути» (Косинский район, 1932 год), «Бригадир» (Юсьвинский район, 1932), «Путь к коммунизму» (Юрлинский район, 1932), «Колхозник» (Кочевский район, 1933), «Коллективист» (Гайнский район, 1937)[659]. Они издавались на русском языке. С 1930 года в округе издавался детский журнал «Дзульзян кай» («Певчая птичка»), который с 1932 года носил название «Бичирок»[660]. До 1934 года печатался журнал для молодежи «Том ударник» («Молодой ударник»), а с 1930-х годов – детский журнал «Силькан».

Окружное Коми-Пермяцкое издательство начало работу в 1930 году[661]. До 1932 года литература на коми-пермяцком языке издавалась Центральным издательством народов СССР, в 1932–1935 годах – Учпедгизом, Сельзогизом и др.[662] Серьезная модернизация издательского дела происходит в 1935 году. Издание национальных учебников и литературы в соответствии с постановлением СНК РСФСР № 384 от 5 мая 1935 года было полностью передано Коми-Пермяцкому издательству. Согласно постановлению Свердловского облисполкома от 29 мая 1935 года № 1236 «Об организации в городе Кудымкаре Коми-Пермяцкой окружной издательской типографии, о средствах на ее дооборудование и об оборотных средствах издательства» типография города Кудымкара вместе с подчиненными ей районными типографиями передавалась из ведения Полиграфтреста в ведение Книжного издательства при Коми-Пермяцком окружном исполкоме. Из средств СНК РСФСР на дооборудование было выделено 105 тыс. рублей и на увеличение оборотных средств 200 тыс. рублей[663]. Реформа издательского дела была возможна в округе с учетом его статуса. В результате выпуск литературы на коми-пермяцком языке возрос в 1939 году по сравнению с 1925 годом по количеству изданий 4,6 раза, а по тиражам – в 23 раза[664]. Многие книги неоднократно переиздавались. Так, вышедший в 1933 году букварь А. Т. Мошеговой выдержал 22 переиздания и использовался вплоть до

---

[658] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 205.
[659] Там же. С. 207.
[660] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 281.
[661] Там же. С. 235.
[662] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 24–25.
[663] КПОГА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 312. Л. 90.
[664] *Хаснакаев С.* Национальная политика Октября и просвещение нацмен // Просвещение на Урале. 1927. № 2. С. 110.

1990-х годов[665]. На коми-пермяцкий язык к 1 мая 1934 года полностью была переведена газета «По Ленинскому пути», частично газеты «Том большевик» и «Кочевская районная газета», остальные газеты из Косинского и Юсьвинского районов издавались на русском языке. А для русского населения издавалась газета «За Ленинскую национальную политику» на русском языке. Радиовещание появилось в Кудымкаре в конце 1920-х годов. В этот период в округе начинают работать первые радиоустановки (1925), открыт радиоузел (1928), кинотеатр «Пролетарий» (1933). К концу 1930-х годов в округе работало 27 киноустановок и три звуковые передвижки[666].

Статус округа позволил областным властям открыть в округе драматический театр. В 1932 году на базе драматической студии, созданной еще П. И. Субботиным-Пермяком, начал работать окружной театр колхозной молодежи (ТКОМ), который выступал на коми-пермяцком языке, но не был профессиональным. С 1932 года его артисты проходили практику и обучение в Москве. В 1934–1935 годах ТКОМовцы поставили «Расколотый мир» Д. Щеглова и «Поднятую целину» М. Шолохова на коми-пермяцком языке[667]. Значительную помощь в профессиональной подготовке актеров сыграла Вторая ленинградская студия, где готовили актеров национальных театров. Получив в 1935 году дипломы артистов, 36 ТКОМовцев создали первый трудовой коллектив театра. С 15 мая 1935 года работа Кудымкарского русского драмтеатра была закончена, а деятельность Кудымкарского театра колхозной молодежи перенесена в национальный театр Коми-Пермяцкого национального округа[668]. В 1935–1941 годах театр представил зрителям 54 постановки, из них 18 – на коми-пермяцком языке[669]. Одной из самых успешных довоенных постановок театра стал спектакль «Караванный бунт» по одноименной пьесе Н. Свечкова 1940 года.

В советский период большое развитие получила творческая самодеятельность округа. Этому способствовал статус территории в составе Уральской области. Поддержку самодеятельным коллективам оказывали регулярные смотры и декады коми-пермяцкой культуры на уровне области. Их история берет свое начало в 1937 году, когда в городе Свердловске с 3 по 7 июля прошла Пятидневка коми-пермяц-

---

[665] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 236.
[666] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 11.
[667] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 241.
[668] Постановление № 845 Президиума Свердловского областного исполнительного комитета от 13 апреля 1935 г. «О состоянии художественного обслуживания трудящихся национального Коми-Пермяцкого округа». ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 147.
[669] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 167.

кого искусства. Участие в смотре приняли 124 человека, в том числе коллективы национального театра, районные хоры, учащиеся школ. Открытие мероприятий прошло на базе Театра им. Луначарского в виде смотра творческих достижений. Свои номера представили сводный хор А. А. Бурдина («Песня о Сталине»), хоры Нагорского, Верх-Юсьвинского и Архангельского колхозов, драматический театр показал несколько пьес на русском и коми-пермяцком языках («Аристократы» Погодина и др.)[670].

В 1930-е годы начинается история Окружного ансамбля песни и пляски. В 1925 году композитор А. А. Бурдин организовал народный хор, исполнявший песни на его музыку. В 1932 году хор принимал участие во Всесоюзной олимпиаде самодеятельного искусства в Москве, в июне 1937 года – в смотре коми-пермяцкого искусства в Свердловске. На этом смотре солисты А. Н. Зубов и А. Е. Щербинина запомнились яркими выступлениями, показав высокий уровень вокальной подготовки. После этого А. Е. Щербининой было предложено создать в округе профессиональный ансамбль с целью популяризации самобытного народного вокального творчества коми-пермяков[671]. Через два года работы согласно Постановлению окрисполкома от 3 ноября 1939 года был создан Коми-пермяцкий ансамбль песни и пляски в составе 17 человек[672].

Первые годы существования округа обеспечили и профессионализацию народной литературы коми-пермяков. Основоположниками коми-пермяцкой литературы считаются Андрей Зубов и Михаил Лихачев. В 1923 году вокруг них в Кудымкаре сформировался литературный кружок, куда вошли Ф. Е. Зубов, В. И. Дерябин, Ф. Г. Тараканов, Ф. А. Тупицын, А. Г. Тупицына, Ф. А. Сыстеров и др.[673] «На собраниях нашего кружка мы не только обсуждали будущее коми-пермяцкой литературы, но и знакомили товарищей со своими первыми стихами и песнями, много пели. Все шире и глубже становился интерес к собиранию народных песен, частушек, прибауток, сказок. Когда у нас накопилось порядочно стихов и песен, мы решили выйти в массы. Начали устраивать концерты «Коми рыттэз» – так описывает начало деятельности кружка Ф. Г. Тараканов[674]. Первоначально труды литераторов издавались в Усть-Сысольске на коми-пермяцком языке: 1923 год – сборник «Горадзуль» («Звонкий шар»), 1925 год – «Лымдорчача» («Подснеж-

---

[670] Пятидневка коми-пермяцкого искусства // Уральский рабочий. 1937. 5 июня.

[671] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 215.

[672] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 368. Л. 142.

[673] *Савельев А. С., Коньшин А. Е.* Коми-пермяки: история и современность... С. 31.

[674] *Тараканов Ф. Г.* Как это было... С. 18.

ник»)[675]. Всего в 1921–1925 годах было издано восемь учебников по литературе общим тиражом 23 тысячи экземпляров[676]. Все эти меры способствовали укреплению нормы литературного коми-пермяцкого языка. В начале 1920-х годов встал вопрос о создании литературной нормы коми-пермяцкого языка. Ее оформление завершилось в конце 1920-х годов на базе кудымкарско-иньвенского диалекта[677].

Таким образом, статус округа позволил создать дополнительные меры поддержки языка и культуры через СМИ, отдельные издательские проекты, театр, художественные самодеятельные и профессиональные коллективы. Большую роль в этом сыграло открытие Коми-Пермяцкого окружного издательства, Коми-Пермяцкого национального драматического театра, Ансамбля песни и пляски, которые в дальнейшем будут играть важную роль как значимый институт воспроизводства этнической культуры коми-пермяков.

4.1.4. Языковая политика и латинизация коми-пермяцкого языка

Одним из наиболее сложных процессов трансформации традиционных культур в рамках советской модернизации стали языковая политика и создание новых алфавитов, сначала латинизированных, затем – кириллических. Этот процесс очень хорошо виден на примере коми-пермяцкого языка. Применительно к коми-пермяцкому языку изучение латинизации актуализируется и обнаружением в Архиве РАН (АРАН) в 2019 году новых источников, в частности труда Г. Нечаева «Латинизация у коми-пермяков» 1933 года[678].

В 1920-е годы письменность на коми-пермяцком языке только начала оформляться. Коми-пермяцкий язык существовал преимущественно в сфере устного общения, а для системы образования и в делопроизводстве использовался письменный русский язык. В первые годы советской власти для языков народов коми был разработан т. н. молодцовский алфавит, который поддерживали власти Автономной области Коми, но его внедрение проходило с активными дискуссиями в учительской среде, а также требовало разработки специальных шрифтов. На молодцовском алфавите работали первые коми-пермяцкие писатели[679]. Оценку ситуации с делопроизводством на родном

---

[675] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 166.
[676] Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки... С. 159.
[677] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 177.
[678] *Киселев М. Ю.* Латинизация алфавита у коми-пермяков Уральской области в исследовании Г. Нечаева // Вестник УдГУ. Серия История и филология. 2020. Т. 30. Вып. 6. С. 988–992.
[679] *Каменских М. С.* Язык и языковая политика у коми-пермяков в 1920–1930-е гг. // Журнал фронтирных исследований. 2021. Т. 6. № 4 (24). С. 76–77.

языке в Коми-Пермяцком округе через полгода после его создания дал первый председатель окрисполкома С. Ф. Давыдов: «Исключительно зырянское[680] население округа, должно вызвать его дальнейшую «зырянизацию», но отсутствие письменности у зырян очень тормозило эту работу. Пока зырянизация существует только в «устном виде», винить советских работников в этом нельзя. Культура, делопроизводство же, и отчетность ведутся на русском, зырян в школах стали приучать к русскому языку»[681]. Его слова подтверждаются «Общей сводкой о работе уполномоченного нацмен Уральской области» за 1926 год. В документе сообщается, что на начало 1926 года в Уральской области «нет судебного делопроизводства, но есть судебное делоговорение на участках, где судьи знают язык нацмен». Таких участков было открыто пять, и все в Коми-Пермяцком округе[682].

С 1927 года вступило в силу «Положение по введению коми языка в государственные и общественные предприятия и организации Коми-Пермяцкого округа». Документ объявлял коми и русский язык равными в пределах округа. На всех официальных мероприятиях при необходимости перевода на русский язык для нерусскоговорящих участников организаторам надлежало его делать. С посетителями учреждений коми сотрудники должны были разговаривать на их родном языке или приглашать переводчика. Вывески и официальные названия предлагалось делать также на коми языке. «Для проведения в жизнь вышеуказанных пунктов все госорганы, под ответственностью их руководителей, должны стремиться к наибольшему привлечению в свои учреждения лиц из коми», – говорилось в документе[683]. Однако постановление не имело должного эффекта. В 1929 году оно было выпущено повторно, поскольку «в процессе работы районные комиссии и институт уполномоченных по комизации при учреждениях и организациях округа оказались не жизненными, решением окрисполкома они распущены»[684]. Внедрение латинизированного алфавита «повлекло за собой снижение успеваемости, недовольство со стороны родителей учащихся, подорвало основы преподавания родного языка в школе», – писали в 2000 году авторы исследования «Коми-Пермяцкий автономный округ: проблемы социально-экономического и национального развития»[685].

---

[680] С. Ф. Давыдов был русским и, вероятно, поэтому в первые несколько месяцев называл коми-пермяков зырянами.

[681] Уральский рабочий. 1925. 28 окт.

[682] ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 60. Л. 1.

[683] Положение по введению коми-языка в государственные и общественные предприятия и организации Коми-Пермяцкого округа // Горись. 1929. 8 фев.

[684] КПОГА. Ф. 292. Оп. 1. Д. 1. Л. 3.

[685] *Шабаев Ю. П.* Коми-пермяки: тенденции этнокультурного развития... С. 68.

Пик работы по латинизации в округе пришелся на начало 1930-х годов. После решения о латинизации всех языков финно-угорских народов решением Коми-Пермяцкого окрисполкома от 26 июля 1930 года был утвержден «План перевода на коми письменность делопроизводства сельсоветов, судебно-следственных, административных, хозяйственных, земельных и кооперативных органов» во всех районах, за исключением Юрлинского, где большей частью населения были русские. Работу планировалось завершить к 1 января 1932 года. В октябре 1930 года решение о латинизации коми-алфавита было поддержано на Съезде культурных сил округа[686]. Для разработки нового алфавита была создана специальная комиссия в составе лингвистов и педагогов В. И. Якимова, А. Т. Мошеговой, А. М. Споровой, проект был согласован с Министерством просвещения РСФСР[687]. В 1931 году был создан окружной Комитет нового алфавита, который должен был обеспечить полиграфическую базу нового языка, содействовать издательской и просветительской деятельности. В работе комиссии учитывался опыт коми-зырян, уже перешедших на латиницу в 1930 году[688].

За первый год не было сделано ничего: 2–3 ноября 1931 года Коми-Пермяцкий окрисполком принял похожее постановление о мероприятиях по переводу низового советского аппарата на коми-письменность. В документе, в частности, сообщалось о мероприятиях по началу «технического руководства хода подготовки перевода организаций округа на коми-письменность». Постановление подтверждало ранее установленные сроки о переводе письменности (к 1 января 1932 года, т. е. за полтора месяца с момента заседания) и обязывало местные органы власти создать комиссии по переводу алфавита при всех райисполкомах округа. Крупные организации были обязаны направить в комиссию образцы новых бланков на новом алфавите, а ОкрОНО и райисполкомы «провести во всех районах... курсы по подготовке работников сельсоветов РИКов, потребительских и других хозяйственных организаций к переходу на коми-письменность», а также «оживить работу кружков по ликвидации коми-неграмотности во всех райцентрах и сельсоветах»[689]. С января 1932 года начала выходить газета «Велэтчан газета» («Учебная газета») на латинизированном алфавите, которая

---

[686] Архив Российской Академии наук (АРАН). Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239. Л. 5.

[687] Коми-Пермяцкий округ: век XX... С. 183.

[688] Из истории коми-пермяцкого языка [Электронный ресурс]: Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/index.php?page=iz-istorii-komi-permyatskogo-alfavita (дата обращения: 04.12.2024).

[689] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 1–1 об.

«давала методические указания и уроки обучения новому алфавиту»[690]. Однако за установленный короткий срок перевод всего делопроизводства на другой алфавит был невозможен. По источникам известно, что в 1929/1930 году один участок нарсуда перешел на коми-письменность, но «этот участок скоро был ликвидирован, а в других участках судопроизводство ведется на русском языке»[691].

С начала 1932 года местные органы власти вновь активизировались. В постановлении Коми-Пермяцкого окрисполкома от 2 марта 1932 года «О ходе подготовительных мероприятий к переходу на новый алфавит» вина за отсутствие результатов была возложена на райисполкомы и сельсоветы, которыми «до сих пор не обращено достаточно внимания на проведение работы среди трудящихся округа по внедрению нового алфавита». А 29 марта 1932 года окружным комитетом партии принято постановление № 2106 «О коренизации аппарата национальных районов и советов», в котором сообщалось, что Коми-Пермяцкий окрисполком не выполнил директив о полном переводе на родной язык делопроизводства. Документ обозначал новый срок – к 1 января 1933 года полностью закончить переход на латинизированный алфавит[692]. В качестве мер для «решительного перелома» предполагалось создать сельские отделения комитета нового алфавита при каждом сельсовете, а также начать пропагандистскую работу через «Велэтчан газету», выпуская не реже одного раза в месяц по 2000 экземпляров, а с 1 апреля по 1 мая 1932 года провести Месячник латинизации алфавита. В сфере образования предлагалось проводить уроки в школах 1-й ступени по изучению нового алфавита, а с сентября 1932 года полностью перейти на новый алфавит в системе образования округа[693].

По инициативе Уралобкома 3 апреля 1932 года была проведена Окружная конференция угро-финских национальностей, приуроченная к 7-летию создания округа. На конференции, в частности, обсуждались предварительные итоги введения нового алфавита и утвержден план введения нового алфавита на 1932 год[694]. По итогам конференции 23 апреля 1932 года облисполком направил в Коми-Пермяцкий окрсовет «Положение практического введения делопроизводства в национальных советах на их родном языке». Этот документ планировалось обсудить к 15 мая и направить свои предложения с отчетом о проделанной работе. В Положении, в частности, говорилось, что организации округа

---

[690] АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239. Л. 5.
[691] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 73. Л. 88.
[692] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 232. Л. 31.
[693] Там же. Л. 35.
[694] Там же. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 3.

переписку между собой должны вести «исключительно на коми-пермяцком языке»[695]. Но и в 1932 году коренного перелома добиться не удалось: даже вся дальнейшая переписка о мероприятиях по переходу на новый алфавит после истечения установленного срока велась на русском языке. Во всем делопроизводстве по данному вопросу в архивах Коми-Пермяцкого округа отложился только один документ на новом алфавите: написанное от руки постановление окрисполкома от 14 марта 1932 года о переводе делопроизводства на латинизированный алфавит[696]. Также сохранилось несколько протоколов заседаний комитета.

На очередном совещании руководителей окружных организаций при Президиуме Коми-Пермяцкого окрисполкома по вопросам коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность, состоявшемся 23 апреля 1933 года, было признано «отсутствие сдвига в вопросах коренизации аппарата и перехода на коми-пермяцкую письменность учреждений и организаций Окрцентра». Совещание приняло решение о мерах для «решительного перелома», среди которых, в частности, была поставлена задача для всех руководящих работников округа ликвидировать «коми-неграмотность и малограмотность в один месяц, а также создать комиссию для руководства за ходом коми-неграмотности и проведения проверки»[697]. Отдельным пунктом вводилось обязательство по переобучению для русских работников из руководящего состава. Был составлен подробный план по всем учреждениям с указанием количества человек, которых нужно заменить или переобучить. План работы был принят на 1933 год по направлениям оргработы, образования и издательской деятельности со сметой в 117 000 рублей, из которых большую часть должен был предоставить Комитет нового алфавита[698]. Ко всем не исполняющим данный план предлагалось принимать «жесткие меры вплоть до снятия с работы». Контроль за исполнением взял на себя лично председатель окружкома Я. Е. Ярков[699]. Однако добиться каких-то серьезных успехов в освоении населением латинизированного письменного языка было весьма сложно, поскольку эта работа еще только начиналась, не хватало кадров и специальных технических средств.

В течение 1933 года в округе прошел ряд мероприятий, нацеленных на популяризацию родного языка среди населения: 26 мая окрисполком проводил для всех районов «испытание комиграмотности», когда со-

---

[695] КПОГА. Ф. 1. Оп. 1. Д. 232. Л. 16–17.
[696] Там же. Л. 37.
[697] Там же. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 85.
[698] Там же. Л. 84–100.
[699] Там же. Л. 72.

трудники государственных учреждений должны были явиться в здание окрика и пройти ряд заданий на знание коми-пермяцкого языка[700], а 25–27 июля в Кудымкаре прошла орфографическая конференция по вопросам внедрения нового алфавита. Там же была впервые утверждена литературная норма коми-пермяцкого языка. В окружном архиве отложились рабочие документы конференции и резолюции. Участники мероприятия отметили, что перед Коми-Пермяцким округом стоит задача разработки нового корпуса терминологии, составления терминологических словарей, принятия общественно-политической терминологии, терминологии по грамматике, физике, математике, делопроизводству и сельскому хозяйству. Были заслушаны доклады «Общие принципы составления коми терминологии», «Литературный коми язык и орфография» и «Коми орфография»[701].

Однако проводимые мероприятия не приводили к желаемому результату. Неисполнение резолюций зависело не только от нежелания населения учить новую графику, но и от слабой материальной базы. Так, 3 января 1933 года орготдел коми-пермяцкого окрисполкома даже запрашивал в комитете по делам печати облисполкома дополнительно 50 тонн писчей бумаги «в связи с переводом делопроизводства учреждений и организаций округа на латинизированную коми-пермяцкую письменность»[702]. В апреле 1933 года проводились курсы машинисток на «коми-машинках», при этом комитет мог позволить себе обучить только по одному человеку от каждого района, а на курсы специалисты должны были добираться сами[703]. Эти курсы не состоялись, так как вовремя не был составлен коми шрифт, а также возникли проблемы с финансированием (одна печатная машинка, изготовленная Татснабсбытом, стоила 5000 рублей)[704]. Кроме этого, стало известно, что средства, выделяемые на закупку печатных машин с национальными шрифтами, ушли на приобретение машин с русским шрифтом. Дело дошло до того, что в 1934 году Комитет нового алфавита специальным решением запретил Татснабсбыту заключать договоры на изготовление печатных машин с русским шрифтом, а местные организации получили отдельное письмо со строжайшим запретом заказывать печатные машинки с русским шрифтом для национальных республик[705]. Однако все принятые меры вновь не привели к нужным результатам. На состоявшемся 3 января

---

[700] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 84–100.
[701] Там же. Л. 143.
[702] Там же. Л. 1.
[703] Там же. Л. 75.
[704] Там же. Л. 132.
[705] Там же. Л. 209.

1934 года совещании руководителей окружных отделов и организаций города Кудымкара по вопросу перехода на коми письменность, комизации и коренизации аппарата было констатировано, что «план коренизации аппарата ни одной организацией не выполнен»[706]. В принятых на совещании документах уже не было обозначено конкретных сроков, а риторика была менее жесткой.

Внедрение латинизированного алфавита тормозилось и по причине в целом низкой грамотности населения округа. В материалах Всесоюзной переписи населения 1926 года при отмеченном владении родным языком 26% коми-пермяков, проживающих в округе, сведения в разделе «Грамотность на родном языке» отсутствуют (но есть у проживающих в округе зырян)[707]. Вероятнее всего, к концу 1920-х годов лишь незначительная часть населения округа могла писать и читать на родном языке, ведь принятый в начале 1920-х годов молодцовский алфавит только начинал полноценно внедряться. Перевод всего делопроизводства на коми-пермяцкий язык, да еще и на новой латинской графике, подразумевал большой объем работы, и в ограниченный срок этого добиться было сложно. Современник тех событий исследователь Г. Нечаев в 1932 году также отмечал, что «большим тормозом в переводе на Коми-письменность является неграмотность на родном языке советского аппарата от окружных звеньев до сельских советов»[708]. Инструктор отдела национальных меньшинств облисполкома Ф. И. Казанцев в ноябре 1935 года работал в Коми-Пермяцком округе с целью оценки состояния языкового строительства в округе. Он отметил в отчете, что с октября 1934 по май 1935 года кружки и школы по ликвидации коми-неграмотности регулярно проводили занятия, а с мая 1935 года прекратили работу. Свою работу местные органы власти организовали очень плохо, из окружных организаций 12 переведены на коми-письменность, а ОкрЗУ и ОкрОНО вели делопроизводство полностью на русском языке. В результате был сделан вывод, что «такие темпы работы по ликвидации коми-неграмотности ставят под угрозу полного перевода делопроизводства на родной язык к 19 годовщине Октябрьской Революции» в 1936 году[709]. В марте 1937 года было проведено обследование 14 населенных пунктов с целью выяснения состояния грамотности населения в возрасте от 15 до 50 лет на латинизированном алфавите. На тот момент уровень грамотности не превышал 20%, при этом «большинство окружных, районных и сельских организаций

---

[706] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 143.
[707] Всесоюзная перепись 1926 г... С. 117.
[708] АРАН. Ф. 676. Оп. 1. Д. 1239. Л. 5.
[709] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 10.

продолжали вести делопроизводство на русском языке... совершенно не приступали к переходу на коми письменность заготовительные организации, земельные органы, органы связи, банковская система, сберкассы, леспромхозы, все профкомы»[710].

Но тем не менее процессы латинизации были начаты, определенные меры в сфере издательства и образования были предприняты. Постепенно литература на латинской графике внедрялась в систему образования и делопроизводства. Всего с 1930 по 1940 год на латинском шрифте издано свыше 300 наименований учебной, учебно-методической и художественной литературы на коми-пермяцком языке общим тиражом 786 тыс. экз., т. е. в среднем по пять книг на каждого жителя округа[711]. Издания включали в себя: учебники для школы, научно-техническая, медицинская, художественная и антирелигиозная литература, переводы на коми-пермяцкий язык произведений А. С. Пушкина, Н. А. Некрасова, Н. А. Островского, А. П. Чехова, И. С. Тургенева, М. Горького, М. Н. Шолохова, изданы стихи коми-пермяцких поэтов. Если верить отчетам в облисполком, за время латинизации было выпущено 60 учебников, заложено национальное издательское дело, в школах за 1932/1933 год обучено пять тысяч учеников, а за 1933/1934 – восемь тысяч[712]. Безусловно, продолжение политики латинизации в итоге могло привести к формированию нового письменного языка, условия для этого были созданы.

Со второй половины 1930-х годов советское правительство начало политику отказа от латинской графики и принятия новых алфавитов на кириллической основе. В отчете окрисполкома о развитии издательства в Коми-Пермяцком округе за 1938 год в духе того времени уже говорится, что в 1931 году коми-пермяцкому народу врагами народа был навязан совершенно чуждый, не отвечающий требованиям широких масс трудящихся латинизированный алфавит. И что «только с половины 1937 года был решен вопрос о переходе на алфавит, основой которого является русская письменность»[713]. В постановлении Коми-Пермяцкого окружкома от 4 мая 1937 года отмечено, что «новый латинизированный алфавит очень трудно осваивается трудящимися округа, несмотря на пятилетний срок его использования... считать необходимым установить алфавит коми-пермяцкого языка на русской основе»[714]. В июне 1937 года состоялась окружная языковая конференция, а 25 декабря 1937 года

---

[710] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 7.
[711] Коми-Пермяцкий округ на рубеже веков... С. 236.
[712] ПермГАСПИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 919. Л. 5.
[713] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 291а. Л. 54.
[714] ПермГАСПИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 654. Л. 56.

Президиум Коми-Пермяцкого окрисполкома утвердил разработанный проект орфографии коми-пермяцкого языка на основе кириллицы[715]. Этот вариант алфавита был утвержден наркоматом просвещения РСФСР от 7 августа 1938 года[716]. В 1938 году уже не удалось выполнить план издательства на 1938 год из-за смены алфавита[717], в связи с чем писатели Н. В. Попов и С. И. Караваев в обращении к Союзу советских писателей уже конкретно обвиняли врагов народа во внедрении латинизированного алфавита и просили помощи в организации издательства на новом алфавите, составленном на основе русской графики[718]. Начиная с 1938 года газеты, журналы и литература на коми-пермяцком языке издаются с использованием современной кириллической графики[719]. Принятый в 1938 году алфавит используется и сегодня.

На примере коми-пермяцкого языка видно, что идея внедрения нового латинизированного алфавита имела мало шансов на успешную реализацию. Основная причина кроется в том, что уже в 1920-е годы руководящие органы использовали для общения преимущественно русский язык, и перевод всего делопроизводства на латинизированный коми-пермяцкий язык был сложной задачей. Кроме этого, несмотря на активную пропаганду мероприятий по комизации, они, как и вся национальная политика, не имели серьезной финансовой и административной поддержки. Не возражая против идеи перехода на новый алфавит, ни власти округа, ни власти области не стремились выделять достаточные средства для декларировавшегося «коренного перелома». Как свидетельствуют документы, окружной исполком мог только переиздавать положения о переводе алфавита, требуя от органов власти очередного «решительного перелома», но при этом не мог даже технически обеспечить условия для этого. Ученики 1930-х годов пережили за время учебы две смены алфавита, что сказалось на качестве усвоения учебного материала. А. Е. Коньшин называет период 1931–1937 годов «темным пятном» в истории коми-пермяцкого языка[720]. Обращая на это внимание, С. Лаллукка признает, что «задача практического внедрения родного языка в делопроизводство оказалась непосильной»[721].

---

[715] ПермГАСПИ. Ф. 200. Оп. 1. Д. 654. Л. 56.

[716] Коми-Пермяцкий национальный округ. Исторические очерки... С. 156.

[717] *Черных А. В.* Народы Пермского края... С. 81.

[718] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 368. Л. 14.

[719] Первоначально передача среднерядного звука «О» осуществлялась с помощью знака «Э», но с 1939 года графема была заменена на привычный ӧ.

[720] *Коньшин А. Е.* История коми-пермяцкого народа. Пермь – Кудымкар, 2004. С. 254.

[721] *Лаллукка С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ... С. 207.

Попытка внедрения латинизации и последующий радикальный отказ от всех начинаний во многом характеризуют неоднозначность и непоследовательность политики СССР не только в сфере языка, но и в целом национальной политики. Между тем сам язык и его изучение в 1920–1930-е годы получили большой импульс для развития, началось книгоиздание на коми-пермяцком языке, его академическое изучение, внедрение языка в школах.

Создание Коми-Пермяцкого национального округа в 1925 году как особой административной единицы Уральской области было значимым событием в жизни народа и национальной политике страны. Решение об автономии для коми-пермяков запустило процесс их консолидации как отдельного народа и являет собой яркий пример создания новых советских национальных культур на базе традиционных. К 1940-м годам коми-пермяки получили «собственную» территорию и материальную поддержку для развития своей культуры в ее советском варианте. В 1990-е годы глава Коми-Пермяцкого автономного округа Н. А. Полуянов называл 1930-е годы «самыми благоприятными за всю историю округа»: были разработаны письменность и алфавит, выпущен первый букварь, началось изучение родного языка в школах, выпускались газеты, издавались произведения литературы, открылись книжное издательство, драматический театр, профессиональный ансамбль песни и пляски, музей[722]. По примеру Коми-Пермяцкого округа в последующие годы было создано еще 13 таких же территорий в разных регионах, в том числе два округа в Уральской области. На примере округа хорошо видны основные направления национальной политики, реализуемой в РСФСР в отношении небольших по численности народов. При всех ее условностях и недостатках она представила эффективные модели сохранения культуры в меняющемся обществе.

4.2. Народы Тобольского Севера в национальной политике Урала

Самым большим по территории и малозаселенным округом Уральской области был Тобольский. Пять районов округа (Березовский, Кондинский, Обдорский, Самаровский и Сургутский), в основном занимающие территорию современных Ямало-Ненецкого и Ханты-Мансийского округов, в делопроизводстве того времени назывались «Тобольский Север». Главная сложность работы советских органов власти на этой территории заключалась в рассеянном характере расселения

[722] *Полуянов Н. А.* Коми-Пермяцкий автономный округ: состояние и перспективы // Коми-пермяки и финно-угорский мир... С. 10.

местных жителей и их кочевом образе жизни. Населявшие регион ханты, манси и ненцы вели преимущественно традиционный вид хозяйства и менее всего были вовлечены в процессы модернизации. По выражению исследователя 1930-х годов Н. А. Гурьева, «остяки, самоеды, вогулы – наиболее отсталая в культурном и хозяйственном отношениигруппа, до сих пор ведущая полудикий, полукочевой и кочевой образ жизни»[723]. Выстраивая стратегию в отношении народов Тобольского Севера, местные органы власти вынуждены были принимать реалии сложившихся экономических отношений и культурных процессов и даже откладывать планы по советизации территории. Представитель Комитета Севера А. Е. Скачко писал: «Целый ряд сложных причин исторического порядка – территориальная разбросанность малых народов севера, отсутствие точно определенных связей тех или иных этнографических групп с определенными территориями, разноплеменность населения в некоторых районах и пр. – затруднил на первых порах развитие национального строительства по нормальному для советской государственности пути – образование национально-территориальных автономий»[724]. Поэтому с точки зрения хронологии историю этой части Уральской области корректно разделить на два этапа, ключевым рубежом в истории территории стал 1930 год, когда уже после ликвидации округов Уральской области были созданы два национальных округа – Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий), значительно изменившие подходы к управлению данными территориями. Существенное влияние на национальную политику оказала и ликвидация Комитета Севера в 1934 году с передачей его полномочий Управлению Главсевморпути[725].

В рамках данного раздела будет рассмотрена национальная политика на Тобольском Севере в контексте советской модернизации. Особенностью данной территории, даже в отличие от Коми-Пермяцкого национального округа, можно считать ее значимость на уровне страны. Модернизация этого региона была частью большого проекта по освоению богатств Крайнего Севера, очень многие мероприятия реализовывались напрямую государством. Помимо органов власти Уральской области активную деятельность на Тобольском Севере вел созданный в 1924 году Комитет Севера[726], а также Главное управление Северно-

---

[723] *Гурьев Н. А.* Указ. соч. С. 11.

[724] *Скачко А. Е.* Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства. Л., 1934. С. 10.

[725] Постановление ВЦИК «О ликвидации Комитета содействия народностям северных окраин и передаче его функций Главному управлению Северного морского пути // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера. С. 246–247.

[726] В 1925 году были созданы отделения Комитета Севера, в том числе в Уральской области, под председательством А. Плешкова. См.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 12.

го морского пути (Главсевморпуть, созд. в 1932 году), что приводило к межведомственным разногласиям. К тому же власти Уральской области часто не принимали ключевых решений по вопросу модернизации данного региона, а просто исполняли направленные «сверху» директивы.

4.2.1. Особенности этнодемографических процессов, проблема этнографических знаний и межнациональные отношения на Тобольском Севере

Демографические процессы на территории Тобольского Севера характеризуют, в первую очередь, низкая плотность населения (не более 8% от населения области), активная внутренняя и слабая «внешняя» миграционная активность (практически все ханты, манси и ненцы области и Урала в целом на протяжении 1920-х годов жили исключительно на территории Тобольского Севера – свыше 90%). Русские составляли большинство населения, уже в 1926 году их в округе было более чем в четыре раза больше, чем остальных «титульных народов». Особенностью можно считать и общее увеличение численности коренных нерусских народов в 1,3–1,5 раза за период с 1926 по 1939 год.

Таблица 4.6

Народы Тобольского Севера в переписях населения 1926 и 1939 годов*

Народ	Уральская область, 1926 год	Тобольский округ Уральской области	% от числ.	Пермская, Свердл., Омская, Челябин. области, 1939 год	ЯНАО и ХМАО (в составе Омской области)	%	Динамика 1926 к 1939 году
Все население	2 511 309	192 121	8%	2 087 518	139 114	7%	0,7
Русские	6 184 456	130 161	2%	8 396 508	86 924	1%	0,6
Ханты	14 084	13 372	95%	17 932	17 605	98%	1,3
Ненцы	8865	8851	99%	14 554	13 455	92%	1,5
Манси	5747	5255	91%	6228	5795	93%	1,1
Коми-зыряне	15 030	5439	36%	142 456	71 58[727]	5%	1,3

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

[727] Учтена переписная категория «коми».

Проблема этнографических знаний была чрезвычайно актуальна для Тобольского Севера. «Мы знаем о северных туземцах слишком мало, – писал в 1925 году В. Г. Богораз-Тан. – Старые материалы устарели и кроме того, даже работы мои и указанных выше товарищей имеют по преимуществу научное, а не практическое содержание»[728]. В 1920-е годы на территории Тобольского округа работало несколько научных экспедиций с целью получения сведений об особенностях хозяйства и культуры местного населения, самые крупные из которых – Казымско-Надымская под руководством В. М. Новицкого (1926–1927) и Ямальская (1928–1929)[729]. Эти экспедиции значительно углубили представления ученых и управленцев об этнографии народов Севера, однако в начале 1920-х годов эти сведения были весьма поверхностными. Не было консенсуса в подходах по категоризации народов Севера. До конца 1920-х годов в делопроизводстве применялись термины «инородцы», «северные народы», «туземцы», «племена, населяющие северные окраины», «народности и племена северных окраин» и т. п., а также этнонимы «остяки», «самоеды», «вогулы». Позднее за ними на долгие годы закрепилось название «малые народности Севера», что подчеркивает отсутствие четких критериев в определении этнических границ[730]. Пытаясь вникнуть в особенности культурного и языкового различия, ответственные служащие Урала вынуждены были строить весьма сложные схемы для описания населения Тобольского Севера. В пояснительной записке к итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года по Тобольскому округу, например, читаем: «Из этих племенных групп основными являются остяки (в 2814 хоз. остяков Севера переписью установлена наличность 12 979 чел.), самоеды (в 1532 хоз., 8332 чел., сюда же должна быть причислена группа лесных самоедов в 76 хоз. ч. об. п., учтенных административным путем и не попавших в разработку переписи), вогулы (1233 хоз. с 5478 чел. насел.). Самоедская группа, помимо разделения на каменных, низовых и лесных самоедов, имеет еще несколько других, более мелких ответвлений (юраки, остяко-самоед), остяки включают обских и группу енисейских, имеют подразделение на Казымских, Обских, последние значительно уже обрусели (особенно в Самаровском районе). Довольно значительную

---

[728] *Богораз-Тан В. Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. 1925. № 3. С. 50.

[729] *Головнёв А. В.* Говорящие культуры... С. 166–167; *Перевалова Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири... С. 166–167.

[730] *Агаларханова А. Н.* Национальная политика Российской Империи и советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2013. № 6. С. 18.

группу на севере дают зыряне (1021 хоз. с 5329 чел.), включающую в виду довольно развитой метизации группировки: самоедо-зырян, вогуло-зырян, остяко-зырян»[731]. Такие сложные схемы в описании свидетельствуют, с одной стороны, о попытке опоры на научный подход в выстраивании управленческих схем, с другой стороны – о сложности региона. Окончательный перечень народов Севера, закрепивший категоризацию этнического состава, был утвержден во временном положении «Об управлении туземных племен на северных окраинах РСФСР» от 25 октября 1926 года. Этот документ стал основой для дальнейшей политики в отношении народов региона. В нем был опубликован первый список народов Севера, согласно которому для Уральской области было выделено четыре категории: «вогулы», «остяки», «самоеды», «юраки»[732]. В положении говорилось: «...для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р.»[733].

Межнациональное взаимодействие народов Тобольского Севера и пришлого русского населения было весьма сложным. Это отмечается и в источниках, и в выступлениях высшего руководства. «Слово «русский» на севере знаменует собой купца и эксплуататора. Когда до туземцев доходила русская цивилизация, то туземцы бежали от нее в сумерки полярного круга», – писал в 1927 году нарком просвещения СССР А. В. Луначарский[734]. Незнание традиций и обычаев местного населения часто становилось причиной разногласий и даже конфликтов. В отчетах облисполкома упоминаются случаи, когда русская женщина могла потрогать рыболовную сеть или сесть в лодку. После этого предметы, которых она касалась, считались «испоганенными». Местный житель мог накричать или даже побить за это пришлую женщину[735]. Смена экономических реалий и ухудшение экономической ситуации, политические изменения после 1917 года спровоцировали конфликтные ситуации на межнациональной почве. Это отмечает и Е. В. Перевалова, подчеркивая, что «отмена старых законов землепользования приве-

---

[731] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. С. 5–6.

[732] Позже «юраки» будут отнесены к категории ненцев. См.: *Квашнин Ю. Н.* Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации // Арктика и Север. 2021. № 44. С. 250–266. Подробное описание этимологии этнонима приводит А. В. Головнёв. См.: *Головнёв А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор. Екатеринбург, 2004. С. 90.

[733] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 42. Л. 53.

[734] *Луначарский А. В.* Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г. // Северная Азия. 1927. № 3. С. 19.

[735] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 218.

ла к серьезным конфликтам по поводу промысловых угодий между пришлым и аборигенным населением»[736]. В записке представителя Окружной плановой комиссии Д. А. Антонова в 1924 году говорится о проблемах «между русскими пришельцами, хаотично заселяющими и инородцами в вопросах выгона и пользования рыбными угодьями»[737]. Даже в идеологизированном труде «На четвертом году» из сборника «Советский Север» председатель Комитета Севера П. Г. Смидович открыто писал о конфликтах в уже советской тундре: «На почве промыслов и выпаса оленей между самоедами и пришельцами – русскими происходят частые конфликты. Переселенцы захватывают исконные самоедские промысловые районы и зачастую просто угрозами заставляют самоедов отказаться от них. Многие переселенцы воруют песцов и самоедских кулемок, и навагу, и рюж. Некоторые из пришельцев предпочитают занятию промыслом торговлю водкой и др. товарами, конечно, – по очень дорогой цене»[738].

Захват экономических рычагов управления, имеющий этнический окрас, описан в упоминавшемся выше отчете зампредгубуралплана А. Первухиной: «Русские изучив в достаточной степени психологию остяков и самоедов во многом стараются подчинить их своему влиянию, эксплуатировать в свою пользу. Материально русское население хорошо обеспечено. Но в эксплуатации туземцев зырянин намного опередил русского... Обыватели крупных сел, а также и городов понимая психологию туземца при их выездах стараются заманить к себе при помощи угощения. Получив угощение туземец уже хозяина считает приятелем и отдает ему свой промысел несравненно дешевле рынка, а в следующий раз он уже прямо едет в дом своего друга надеясь на угощение. А на Обдорской ярмарке, например, обыватели запугали туземцев советской властью и купили все в два раза дешевле»[739]. Между отдельными этническими сообществами Тобольского Севера также существовало напряжение. «Самоеды требуют, чтобы в тундру никто не переселялся без решения самоедских советов. Пришельцы-зыряне смотрят на вогул, как на существа низшего порядка, с их интересами не считаются. Много раздоров происходит и на почве дележа покосов. Глухая национальная вражда между туземцами и зырянами не прекращается», – отмечал в своей статье П. Г. Смидович[740]. Проблемы местного самодийского

---

[736] *Перевалова Е. В.* Указ. соч. С. 163.
[737] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 241.
[738] *Смидович П. Г.* На четвертом году // Советский Север. Первый сборник статей. М., 1929. С. 265–266.
[739] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 41. Л. 202.
[740] *Смидович П. Г.* На четвертом году... С. 265–266.

населения с «зырянами» подробно описаны в «Докладе о состоянии совучреждений в Тобольском округе 1924 года»: «Господствующей нацией на Севере являются зыряне, которые пользуясь темнотой остяков и самоедов применяют всевозможные способы их эксплуатации, начиная с пастушества и кончая посредничеством по сбыту пушнины... необходимо внедрить в сознание остяков и самоедов чтоб они свою продукцию сбывали госучреждениям и кооперативам и этим самым избавиться от зырянского закабаления»[741]. Но «самоеды предпочитали взять в долг на фактории», чем у советской власти (в сельском совете), т. к. с факториями отношения были давно определены, «а тут новое дело, новые люди»[742]. На многочисленные факты межэтнических противоречий между разными этническими сообществами Ямала указано в докладе Остяко-Вогульского окружкома на заседании Уральского обкома ВКП (б) в марте 1933 года. После рассмотрения серии инцидентов авторы констатируют, что «совершенно не было придано необходимого политического значения национальной розни, а в связи с этим – проявлениям великодержавного шовинизма и местного национализма»[743].

Таким образом, отношения между русскими переселенцами и народами Тобольского Севера, как и отношения самих этих народов между собой, исторически складывались довольно напряженно. С приходом советской власти формы досоветского хозяйства и экономических отношений не могли сохраняться и требовали существенной перестройки, в связи с чем уровень доходов туземного населения значительно снизился. А начавшиеся экономические преобразования натыкались на неприятие со стороны местного туземного населения и становились причиной конфликтных ситуаций. Изменение правил экономических и политических отношений усугубило ситуацию и являлось важным фактором, тормозящим процессы модернизации.

4.2.2. Тобольский Север в экономике Уральской области 1920-х годов

Еще до открытия нефтегазовых запасов роль Тобольского Севера в экономике не только Урала, но и страны была весьма значительна. Решение задач национальной политики уступало по значимости экономическим задачам. В основе экономики региона лежали промыслы: добыча пушнины, рыбная ловля и оленеводство. К концу XIX века уже сложилась определенная экономическая модель, в рамках которой

---

[741] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 41. Л. 224.
[742] *Перевалова Е. В.* Указ. соч. С. 173.
[743] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 208.

местное население, занимаясь промыслом, уплачивало «ясак» царской власти, выменивало у местных предпринимателей товары первой необходимости на дичь, рыбу и пушнину[744]. В начале XX века на Севере было создано несколько крупных коммерческих объединений («факторий»), которые закупали у местных жителей продукты промысла и кредитовали их перед началом нового сезона. Помимо промысла и продажи добытого, основу экономики местного населения составлял «кортым» [аренда – авт.], когда часть земельных угодий сдавалась для промысла пришлым переселенцам. «Была серьезная отрицательная сторона в вотчинопользовании – слишком они были велики по площади, что давало возможность тузнаселению сдавать под «кортым» большую их часть пришлым русским промышленникам и было похоже на пользование землей помещиками», – говорится в Докладе о статистико-экономическом и этнографическом обследовании Тобольского комитета Севера[745]. Торговля и поступавшая арендная плата позволяли местному коренному населению жить относительно благополучно и сохранять традиционное хозяйство даже в условиях модернизации.

Провозглашенная новая экономическая политика серьезно изменила существующий баланс на Тобольском Севере, поскольку открывала возможности для масштабного промысла, не ограниченного арендными отношениями с местным населением. В официальных документах подчеркивалось, что «экспортное значение пушнины Тобсевера по некоторым ее видам довольно значительно, так по песцу оно равняется 24%, и по соболю – 10% всего вывоза за границу»[746]. С началом НЭПа сразу несколько организаций, выступавших от имени советской власти, начали заниматься промыслом пушнины. Еще с 1917 года на этой территории вел хозяйственную деятельность Обь-Иртышский союз кооперативов (Северсоюз, или Тобсеверсоюз), который формально подчинялся Сибирскому краю, в связи с чем социальные и политические последствия от своей деятельности эти кооперативы не учитывали. В Докладной записке Тюменского окрисполкома говорится, что «сибирские организации при этом порядке обнаглели, например, Томский губсоюз кооперативов организовал свои фактории в Сургутском уезде, Сибпушнина выслала для этой цели свою экспедицию до Обдорска во главе с небезызвестным для Тюмени бывшим буржуем Михаилом Ивановичем Плотниковым.

---

[744] *Головнёв А. В.* Феномен колонизации. Екатеринбург, 2015. С. 205–214; Уральская экспедиция на Обдорском Севере: Приполярная перепись, 1926–1927 гг. Екатеринбург, 2013. С. 11.

[745] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 41. Л. 6.

[746] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XII. Тобольский округ. Свердловск, 1928. С. 11.

Все это проделывается без ведома тюменских органов и конечно вносит немалую долю зла»[747]. Помимо Сибпушнины и Томгубсоюза на Тобольском Севере работали представительства Закупсбыта и Центрсоюза, а также Тобольская окружная плановая комиссия (окрплан), которая на основании Временного положения от 08.01.1924 от имени Тобольского окрисполкома занималась продажей пушнины Северсоюзу[748]. Вот как описывало ситуацию с экономикой руководство Комитета Севера в 1924 году: «К сожалению, центральные организации, как чуждые местам, повели политику выкачивания ценностей на началах максимальной выгоды для заготовителей и игнорировали интересы населения. Это началось еще до распространения на Тобсевере соввласти, которая утвердилась здесь только во второй половине 1919 года. Приблизительно через год после того Тобольская контора Сибцентросоюза была закрыта. Северсоюз должен был получить свободу действий, но по причине военного коммунизма вынужден снова встать в зависимое положение, взяв заготовку рыбы в своем районе для Облрыбы с получением снабжения от этой последней. В период НЭПа вновь пришлось уступить свои позиции гос и хозорганизациям, нахлынувшим на Тобсевер в погоне за ценным валютным сырьем – пушниной. В результате все усилия пошли на мех, а рыбодобыча пошла на убыль и привела к повышению цен на рыбу. Все это очень тяжело сказывается на рыбопромышленниках, заставляя русское население приходить и бросить рыбный промысел и уйти куда-нибудь на юг, а нацменьшинства – продолжать начатое ранее вымирание. Пришлым организациям, повторяем, до этого дела нет, а для малонаселенного края такой уход грозит полным опустошением... пришлые деятели будь то отдельные лица или организации, увлекаются выкачиванием ценностей, и как чуждые краю не принимают во внимание насущных интересов населения, а также общей экономики края... Отсюда интересы экономики края и населения требуют, чтобы чуждые краю заготовители ушли из него, по меньше мере, чтоб они прекратили работу своими аппаратами»[749].

Более всего страдали от «нашествия» новых закупщиков, облаченных государственной властью, местные жители. Характеризуя первые годы НЭПа, член Президиума ВЦИК председатель Комитета Севера П. Г. Смидович писал: «Малые народы Севера были предоставлены сами себе не только перед лицом суровой природы, но и перед хищником-спекулянтом, организованным и неорганизованным, вторгшимся

---

[747] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 202.
[748] Там же. Л. 224–225.
[749] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 364. Л. 24.

извне в поисках драгоценной пушнины»[750]. О серьезном развитии капитализма на Севере в годы НЭПа писала и упоминавшаяся выше представитель облисполкома А. В. Первухина: «Второй причиной роста частного капитала является та система агентуры, к которой прибегают все оперирующие на Севере государственные хозорганизации... Оставить дело в том положении как оно есть, значит дать развиваться на пролетарском поле буржуазной змее»[751]. Контролировать и регулировать деятельность государственных заготовительных организаций местным органам власти было тяжело. В Общей сводке о работе уполномоченного нацмен Уральской области за 1925/1926 годы сказано: «Всякое желание регулировать пушную вакханалию у них [местных райисполкомов и окрисполкома – авт.] пропадает, и они готовы сказать заготовителям: делайте что хотите, одни неприятности с вами. 16 октября была попытка разрешить заготовку только нескольким организациям, при этом у других это вызвало негодование, которое докатилось даже до Москвы, в итоге постановление было отменено»[752].

Вторая часть экономики региона – добыча рыбы – также подверглась жесткому изменению через советские хозорганы. Она не была такой прибыльной, как добыча пушнины, поэтому здесь была введена госмонополия. Но от ее деятельности традиционно проживавшие на Тобольском Севере народы также пострадали. Декретом от 31 мая 1921 года «О рыбной промышленности и рыболовстве» исключительное право на использование рыбопромысловых угодий предоставлялось Главному управлению по рыболовству (Главрыбе), которое имело свои представительства в областях (в Уральской области с 1923 года – Областьрыба). Е. В. Перевалова со ссылкой на источники отмечает, что Областьрыба хозяйничала «в тундрах и дебоширила в чумах, угрожая побоями и убийством за всякое противодействие». Снабжение в районе было «поставлено из рук вон плохо», а «торговля с самоедами носила характер контрабанды»[753]. В отчете завгубуралплана за 1924 год об этой организации говорится: «На промыслах, так и в конторах «Областьрыба» имеет целую группу лиц из бывших буржуев, чиновников и вплоть до бывшего Березовского исправника Ямзина включительно»[754]. Когда одни артельщики из местных жителей хотели получить от Областьрыбы часть угодий в аренду, им было отказано, и те «вынуждены были идти на работу в Областьрыбу на условиях, какие им будут пред-

---

[750] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 314. Л. 11.
[751] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 202.
[752] Там же. Л. 227–228.
[753] *Перевалова Е. В.* Указ. соч. С. 173.
[754] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 41. Л. 2.

ложены, вне всякого желания от их личных пожеланий»[755]. Сотрудник Комитета Севера В. Двораковский, работавший на Тобольском Севере в 1924 году, отмечал: «Очень часты случаи, когда редкий для этих мест товар прежде всего попадает в руки служащих, а населению почти что не достаются»[756].

Основу «тундровой экономики» Ямала составляло оленеводство. К началу XX века на Ямале кочевало несколько крупных родовых групп, каждая из которых владела собственными стадами. С приходом советской власти система пользования стадами претерпела изменения. Частные стада конфисковывались, пастбища передавались колхозам, в результате чего маршруты миграций ненцев стали менее подвижными. Но в отличие от оленеводческих промыслов Чукотки и территорий современного Ненецкого автономного округа, полностью взять под контроль оленеводство советской власти не удалось: «На Ямале и Гыдане государственные чиновники не имели легкого доступа к стойбищам ненцев, разбросанным по бескрайней тундре. Со своей стороны, пастухи-ненцы не позволяли чужакам глубоко проникать в технологию оленеводства и сохранили маневренность на волнах советской экономической политики»[757].

Вовлечение местного населения в советскую политику, включая новые формы хозяйства, также было осложнено вышеперечисленными причинами, которые повлияли на низкие темпы кооперации. Согласно «Таблице, характеризующей состояние кооперативной сети по 5 районам Тобсевера» на 15 декабря 1924 года из 41 открытой лавки «туземцам» не принадлежало ни одной, а процент кооперации составлял 9%; В Самаровском – ни одной лавки из 12, процент – 16%; Березовский – 10 лавок, 13%; Обдорский – 7 лавок, 4%; Сургутский – 7 лавок, 15%. В Сургутском районе Юганская фактория «обслуживает исключительно инородческое население до организации потребощества»[758]. В отчете Тобольского окружкома о нацмен кооперации говорится, что процент кооперирования нацмен за 1925 год исчисляется по Тобольскому округу на уровне 26%, то есть в 1,5 раза ниже, чем в среднем в других округах (по Пермскому – 40,7%, по Сарапульскому – 30,15%, по Челябинскому – 30,5%, по Троицкому – 35,6%)[759]. Владели кооперативами в основном русские промысловики. Кооператив Тобсеверсоюз в декабре 1924 года сообщал в Тобольский окрисполком, что «коопе-

---

[755] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 200 об.
[756] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 321. Л. 10.
[757] *Головнёв А. В.* Кочевники тундры... С. 92.
[758] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 9. Л. 7–12.
[759] Там же.

ративов специально из состава нацменьшинств Севера нет, а население, принадлежащее к северным нацменьшинствам, входит в русские кооперативы»[760].

Основная проблема низких темпов кооперации заключалась в неприспособленности местных условий к обычным механизмам хозяйства в условиях советской власти и НЭПа. Из Докладной записки Уральского облисполкома по вопросу кредитования хозяйственных организаций Уральского севера: «Нормы обычной торгово-промышленной деятельности совершенно не укладываются в обычаи и практику севера. Заброска хлеба производится обычно последними рейсами до главных пунктов, а затем и в более глухие пункты. Это положение относится и к другим товарам первой необходимости. Трудно изживаемый обычай – кредитовать нуждающееся население продовольствием и товарами имеет за собой не только бытовое и историческое значение, но и глубоко экономическое. Имущественная состоятельность инородца невелика. Поэтому все, что он имеет ценного, – это пушнина или рыба. Если отказать ему в кредитовании продовольствием и товарами, то он попадет в цепкие руки оленеводов и спекуляторов, которые получив в свое распоряжение весь будущий урожай пушнины, будут хозяевами пушного рынка... Хозяйственные и кооперативные организации вынуждены кредитовать промысловое население, которое по истечении рыболовного или пушного сезона возвращает пушниной или рыбой весной будущего года. Таким образом, обычные мерки финансирования единственных промыслов севера – рыболовства и охоты – не применимы... Север Уральской области находится в особых экономических условиях, вызывающих необходимость отступления от общепринятых норм хозяйственной работы... Уральские кредитные учреждения при настоящих условиях не в состоянии удовлетворить всей потребности северных хозяйственных организаций в кредите»[761].

Комитет Севера видел выход из ситуации в закреплении за каждым из родов определенного участка земли, но это противоречило логике советского землеустройства, нацеленного на создание крупных коллективных хозяйств, не обремененных родовыми отношениями. Председатель комитета П. Г. Смидович в проекте непринятого в итоге весьма радикального постановления ВЦИК писал, что Северу необходимо «запретить въезд в эти районы частным торговцам», «установить контроль над составом агентов госторговли в этих районах», «запретить торговлю самогоном в этих районах в каком бы то ни было виде», закре-

[760] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 270.
[761] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 9. Л. 13–15.

пить за каждым из родов их земельные угодья: «каждое племя, каждый род знает определенную территорию, трудовое использование которой обеспечивает его существование. Пользование этой территорией без споров переходит от одного поколения в другое»[762]. Авторы доклада «Статистико-экономическое и этнографическое Тобольского комитета Севера обследование р. Демьянки» также просили признать условия Тобольского Севера требующими «специальных видов хозяйственного содействия» и признать для севера особые виды кредитования на срок до девяти месяцев[763]. В марте 1925 года Тобсеверсоюз обращался в Комитет Севера и Совет труда и обороны с просьбой о предоставлении ссуды в сумме 715 тыс. рублей на срок до трех лет «для обслуживания промыслового населения северных районов»[764]. Но долгосрочное кредитование и родовое право собственности на землю противоречили логике советского режима и не могли быть внедрены в жизнь даже в условиях архаических обществ Тобольского Севера.

К концу 1920-х годов новая экономическая политика, как и кооперирование, стали постепенно сходить на нет ввиду начавшейся советской модернизации экономики и хозяйства (коллективизации и индустриализации). На Тобольском Севере власти не могли обеспечить индустриализацию, но земельный вопрос решался по схеме создания крупных коллективных хозяйств. Тобольский окрисполком принял 10 августа 1928 года постановление о введении сельхозналога для народов региона. В ноябре 1928 года Комитет Севера обратился в Уралобком, указывая, что «обложение таких туземцев налогам и может иметь вредное действие, явившись тормозом и помехою к переходу в оседлое состояние»[765]. К протесту прикладывалось письмо инородца Уральской области Тобольского округа Уватского района Леваутского сельсовета Никития Павловича Колмакова, где он писал о двухлетнем неурожае: «...хлеба нет за 100 верст ни у кого. Где взять сельхозналог непонятно»[766]. Однако налог не был отменен.

Как видно, в годы НЭПа госорганы попросту заменили собой царские «фактории», но при этом их промысел не был ограничен законодательно. Рассматривая ситуацию на Тобольском Севере, советские органы часто противопоставляли свой режим несправедливому царскому. Однако если в досоветское время сложившаяся система отношений не влияла негативно на экономику местных жителей, то именно в первые

---

[762] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 99. Л. 1.
[763] Там же. Д. 41. Л. 17.
[764] Там же. Д. 364. Л. 17.
[765] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 57. Л. 1.
[766] Там же. Л. 24.

годы советской власти и новой экономической политики началось ее разрушение. Когда ведомые коммерческими интересами советские органы начали промышленную добычу пушнины, исключив практически полностью из процесса добычи бывших «собственников» этого ресурса, население Севера существенно обеднело. Новая модель хозяйства не только повлияла на ухудшение жизни местного населения, но и вылилась в конфликты за право обладания ресурсами, которые быстро обрели этнический окрас, о чем косвенно свидетельствуют многие источники. В результате недовольство советской властью у местного населения имело еще и этническую составляющую.

4.2.3. Советизация и коренизация Тобольского Севера. Создание национальных округов

На протяжении истории одной из основных задач Российского государства в отношении коренных народов Севера являлось определение оптимальных форм управления территориями, создания органов власти, причем с учетом культурных и хозяйственных особенностей местного населения. После создания Уральской области актуализировалась проблема модернизации Тобольского Севера по советскому образцу, однако соответствующего управленческого опыта у властей области не было. Советизация Тобольского Севера натыкалась на неприятие и противодействие местного населения, на сложившиеся формы взаимодействия. А. В. Первухина в своем отчете отметила, что к числу основных недочетов следует отнести то, что «из числа туземцев, остяков и самоедов мало лиц в качестве членов волисполкомов и совсем их нет в уездных комитетах»[767].

Большую роль для коренных жителей Тобольского Севера играла племенная и родовая принадлежность, поэтому в первое десятилетие власти на Крайнем Севере большевики опирались именно на родовые общины. Один из идеологов советской национальной политики на Крайнем Севере П. Г. Смидович, характеризуя все северные народы, так описал устройство их жизни: «Каждое племя знает свой народ и его естественные ресурсы так, как это только возможно. Поскольку промысловая работа пришельца оказывается случайной, поскольку она не подрывает основ существования рода, он относится к ней довольно спокойно... Иначе складываются отношения, если втрогнувшиеся на территорию рода пришельцы своею промысловою работой лишили местных жителей необходимых источников существования. Это особенно оказывается необходимым, когда на их территорию вторгаются

[767] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 96.

люди другой, более высокой культуры, для которых веками сложившееся правосознание туземца оказывается совершенно чуждым, и которые не считают нужным считаться с интересами местного населения. В этих случаях исключается всякая возможность взаимного соглашения»[768]. Член Президиума Комитета Севера профессор В. Г. Богораз-Тан формулировал видение национальной политики на Крайнем Севере следующим образом: «Нужна система практических мероприятий для пробуждения самосознания и лучшей организации малых народностей и для приобщения их к новой советской культуре. Для этого необходимо создание особого аппарата... Нужно создание аппарата на крайней периферии, в местах обитания туземных племен, подальше от местного центра управления»[769].

Вопросами Севера в Уральской области занималась созданная в феврале 1924 года при плановой комиссии Уральского облисполкома секция Севера под руководством профессора, члена-корреспондента АН СССР В. Е. Грум-Гржимайло (1864–1928)[770]. В первые годы существования Уральской области она занималась проектами будущей модели управления для этой территории, с 1925 года эта функция была передана Уральскому комитету Севера. Этой структурой, в частности, были разработаны Временные положения об управлении северными народами и их судоустройстве. Основной единицей управления на Тобольском Севере в первой половине 1920-х годов стали туземные советы и райисполкомы (тузсоветы и тузрики), а также существовавшие параллельно кочевые юртовые советы, основанные на родовых связях туземцев. Они создавались на основании принятого ВЦИК «Временного положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР»[771]. «Принять при организации сети туземных советов не родовой, а нормальный территориальный признак не представлялось возможным», – заключал А. Е. Скачко[772]. Использование родовых связей в качестве управленческого ресурса рассматривалось как необходимая временная мера при советском строительстве в регионе. Первоначально эта мера была воспринята местным населением позитивно, туземцы активно принимали участие в общественной жизни и выборных

---

[768] ГАРФ. Ф. Р-3977. Оп. 1. Д. 314. Л. 2

[769] ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 15.

[770] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 11.

[771] Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р. 25 октября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. № 35-92. Отдел первый. М., [Б. г.]. С. 31.

[772] *Скачко А. Е.* Указ. соч. С. 10.

процедурах советской власти[773]. В 1928 году в газете «Известия» обсуждался вопрос о том, надо ли создавать родовые и юртовые советы у туземного населения, обслуживаемого русскими сельсоветами. Автор статьи склонялся к тому, что это необходимо: «Эту простейшую форму вовлечения туземного населения в административную работу применил у себя Кушеватский совет Обдорского района в 1927–28 годах, создав на своей территории остяцкий юртовой совет»[774]. Газета «Национальное строительство» 31 января 1929 года писала, что на Севере туземные райисполкомы формируются из родовых советов, в среднем по три рода в каждом совете. При этом председателями в тузриках везде были русские, знающие местные языки. Женщин в советах не было. «Еще до сих пор туземцы смотрят на женщин, как на людей, не имеющих права вмешиваться в общественные дела», – говорится в тексте публикации[775]. Родовые советы охватили 55% населения Тобольского Севера, на них также была возложена функция судебных разбирательств по мелким уголовным и гражданским делам[776]. К 1928 году созданная система управления в области включала в себя: один вогульский тузрик, пять остяцких, три самоедских, по одному – остяко-самоедский и остяко-вогульский с общим количеством объединяемых ими 49 юртовых советов. В состав органов власти было вовлечено остяков 189 человек, самоедов – 70 человек, вогулов – 60 человек, зырян – 74 человека[777]. Таким образом, к концу 1920-х в целом удалось завершить формирование органов власти на Тобольском Севере с опорой на существовавшие родовые общины и формы хозяйства, но эта модель была далека от представлений большевиков о национальной политике и задачах советской власти в работе среди народов Севера. Она просуществовала не более четырех лет. После укрепления своих позиций в конце 1920-х годов власти приступили к более существенной модернизации северных территорий по советскому образцу. Уже в январе 1930 года Тобольский комитет Севера постановил «изменить родовую структуру органов туземного управления, которая, обезличивая род, укладывалась бы в рамки общей советской системы, а именно, создать туземные советы укрупненного типа по территориально-хозяйственному принципу»[778]. Именно эта низовая схема управления ляжет в основу создания национальных округов.

---

[773] История Ямала: в 2 т. Екатеринбург, 2010. Т. 2. Кн. 1. С. 131.

[774] О строении многонациональных сельсоветов Тобольского Севера // Известия. 1928. № 47. С. 5.

[775] Как работают советы Дальнего «Севера» // Национальное строительство. 1929. 31 янв.

[776] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 13.

[777] Как работают тузсоветы // Советский Север. 1928. 7 окт.

[778] Постановление Тобольского комитета Севера «О классовом расслоении туземных племен Тобольского Севера» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 170.

Создание национальных округов. К началу 1930-х годов у советской власти уже был накоплен существенный опыт в управлении этническим многообразием страны. Для модернизации Тобольского Севера был использован впервые опробованный на Урале опыт национально-территориальных автономий для небольших по численности народов – создание национальных округов. Идея их создания изначально принадлежала В. И. Ленину. В работе «Критические заметки по национальному вопросу» он писал: «Несомненно, наконец, что для устранения всякого национального гнета крайне важно создать автономные округа, хотя бы самой небольшой величины, с цельным, единым, национальным составом, причем к этим округам могли бы «тяготеть» и вступать с ними в сношения и свободные союзы всякого рода, члены данной национальности, рассеянные по разным концам страны или даже земного шара»[779]. В этой логике реализовывалась и политика в отношении кочевых народов Севера, которую осуществлял Комитет содействия северным окраинам. На заседании Комитета 22 октября 1924 года был рассмотрен вопрос о «предоставлении в пределах резервированных территорий самостоятельной жизни инородцам»[780]. Проект создания окружной системы для народов Крайнего Севера был рассмотрен в ноябре 1927 года на пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК. По словам П. Г. Смидовича, районирование требовалось провести с целью ограждения интересов туземцев «при проникновении в туземные районы новых засельщиков или организации в этих районах предприятий по эксплуатации их естественных богатств», чтобы впредь «вселение переселенцев в туземные районы и промышленная эксплуатация этих районов не разоряли хозяйство туземцев, а содействовали переходу к новым – высшим – формам хозяйства»[781]. При этом предполагалось избегать случаев, когда «одна и та же народность оказывается разорванной на части существующими границами... принять меры к объединению каждой такой народности, обитающей в определенном районе, в особые территориальные единицы, со включением их в одну из существующих областных (краевых) или губернских единиц»[782]. С 1929 года по всей стране началось создание национальных округов, в том числе два были созданы в Уральской области. В июле 1930 года Тобольский окружком ВКП (б) постановил

---

[779] *Ленин В. И.* Критические заметки по национальному вопросу // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. 5-е изд. Т. 24. М., 1967. С. 148–149.

[780] ГАКК. Ф. Р-1845. Оп. 1. Д. 3. Л. 6.

[781] Советское строительство. Расширенный Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (с 28.02 по 05.03.1927) // Северная Азия. 1927. № 3. С. 77.

[782] Там же.

«считать целесообразным и настоятельно необходимым организовать на Тобольском Севере национальный туземный округ с включением в него Березовского, Обдорского, Самаровского, Сургутского, Кондинского и части Уватского районов...»[783]. Проектом предлагалось создать один округ и оставить столицу округов в Тобольске, затем рассматривался проект по созданию пяти национальных округов[784]. Однако после дискуссий было решено создать два отдельных округа со своими столицами. В соответствии с постановлением ВЦИК «Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера» от 10 декабря 1930 года в составе Уральской области были созданы Остяко-Вогульский и Ямальский (Ненецкий) национальные округа. Остяко-Вогульский национальный округ создавался в составе шести районов: Березовский (центр – Березово), Кондинский (центр – Нахрачи), Лариакский (центр – Лариак), Самаровский (центр – Самарово), Сургутский (центр – Сургут) и Шурышкарский (центр – Шурышкары). В состав округа были включены Лариакский остякский туземный район Западно-Сибирского края (полностью), а также Березовский, Кондинский, Самаровский и Сургутский районы, Кушеватский и Мужевский сельсоветы Обдорского района и «остякская часть» Уватского района Уральской области. Центром округа стал город Самарово. Ямальский (Ненецкий) национальный округ создавался в составе Надымского (центр – Хэ), Приуральского (центр – Щучья), Тазовского (центр – Хальмер-Седэ) и Ямальского (центр – район реки Пяты-Юн) районов. В состав округа были включены территории Уральской области от границы Ненецкого национального округа Северного края (созд. в 1929 году) и Автономной области Коми (зырян) на западе до границы Туруханского района Восточно-Сибирского края на востоке. На юге граница прошла южнее Обдорска по реке Сыни, водоразделу рек Полуя и Куноват-Югана[785].

Создание органов власти в округах с центрами в Самарово и Обдорске было утверждено Постановлением Президиума Уральского облисполкома «Об организации системы управления на Тобольском Севере»

---

[783] Постановление бюро Тобольского окружкома ВКП (б) об образовании национального округа на Тобольском Севере // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 172.

[784] Из постановления бюро Комитета Севера при Президиуме ВЦИК РСФСР «О национальном районировании Крайнего Севера» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 173.

[785] Об организации национальных объединений в районах расселения малых народностей Севера. Пост. ВЦИК от 10 декабря 1930 г. // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1931 г. № 1-8. Отдел первый. М., [Б. г.]. С. 101.

от 20 мая 1931 года, а Тобольский окрисполком был ликвидирован[786]. Работу по комплектованию органов власти, районированию и коренизации аппарата (и то частично) удалось завершить только в 1932 году[787]. После завершения районирования прошли первые окружные съезды советов: с 25 февраля по 3 марта – в Остяко-Вогульском национальном округе, с 27 февраля по 4 марта – в Ямальском (Ненецком) национальном округе. На обоих с докладом «О работе Уральского областного исполнительного комитета» выступал председатель Уральского комитета Севера А. И. Парамонов[788]. После завершения районирования власти взяли курс на ликвидацию тузсоветов и создание национально-территориальных единиц управления низового уровня (окружных и районных советов) с опорой на утвержденное ВЦИК и СНК РСФСР от 20 апреля 1932 года «Положение об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР»[789]. Новая схема управления принципиально изменила роль туземцев в управлении округами, а следовательно, и их отношение к советской власти: «Как это ни парадоксально, реформа начала 1930-х годов, формально провозгласившая создание национальной государственности, на деле лишила северные народности всякой автономии. Власть на всех уровнях окружных структур оказалась в руках партийной и советской бюрократии, преимущественно русской. Советы, в составе которых имелся значительный процент аборигенов, существенной роли в жизни Севера не играли» – такую оценку административной реформы дают авторы издания «Судьбы народов Обь-Иртышского Севера»[790].

Между тем на официальном уровне округа как форма управления на Тобольском Севере воспринимались как важное достижение национальной политики и модернизации в целом. «Образование национальных округов и районов, знаменуя переход народов Севера от положения распыленных нацменьшинств к первой ступени национальной автономии, в значительной мере облегчило работу планирования Крайнего Севера», – писал в 1934 году А. Е. Скачко[791]. Создание национальных округов с собственным штатом управленцев, институтами нацие-

---

[786] Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ. Д. 277/91. Л. 1.

[787] *Алексеева Л. В.* Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1930 – июнь 1941 г.). Нижневартовск, 2011. С. 27–28.

[788] Доклад председателя Уральского комитета Севера тов. Парамонова о работе Уральского областного исполнительного комитета // Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: Сборник материалов. Екатеринбург, 2011. С. 19–26.

[789] *Алексеева Л. В.* Указ. соч. С. 35–36.

[790] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 14.

[791] *Скачко А. Е.* Указ. соч. С. 49.

строительства более соответствовало представлениям большевиков о модернизации традиционных культур в современные общества. Если до 1930 года управление территорией вписывалось в общие принципы управления областью, то создание округов принципиально изменило управленческую схему и дало ресурс для национально-культурного строительства в сфере языка, образования и культурной политики. За это время в округах было решено развернуть жилищное строительство, ликвидировать ввоз овощей и картофеля за счет расширения посевных площадей, завезти поголовье крупного рогатого скота, обеспечить строительство школ, сети учреждений здравоохранения, установку радиосвязи между районами в округах. С 1934 года в ведение районных советов были переданы школы, избы-читальни, красные чумы, медицинские и ветеринарные учреждения[792].

Отдельный цикл мероприятий был направлен на подготовку кадров из местного населения, на которые могла опираться советская власть. При принятии решений органы власти пользовались уже имевшимися схемами управления «национальными территориями». Очень символично, что первым председателем Ямальского окрисполкома стал С. Ф. Давыдов, который в 1925 году занимал аналогичную должность в созданном тогда Пермяцком национальном округе. На первых окружных съездах советов было отмечено, что проблема коренизации кадров еще далека от решения[793]. Курсы для секретарей районных советов округов были организованы в октябре – декабре 1931 года, руководил ими инструктор орготдела округа К. К. Пермяков[794]. В июле 1932 года в Свердловске были организованы курсы для подготовки советских работников окружных и районных аппаратов Севера. Состав был установлен следующий: 15 ненцев, 35 – ханты и манси, всего – 50 человек. Окрисполкомам округов было рекомендовано разработать «практический план выдвижения туземцев на руководящую работу[795]. Оленеводческое отделение Тобольского ветеринарного техникума было переведено в город Сале-Харду с целью открытия Ямальского оленеводческого техникума с контингентом 120 человек[796].

---

[792] *Алексеева Л. В.* Указ. соч. С. 42.

[793] Доклад председателя Уральского комитета Севера тов. Парамонова о работе Уральского областного исполнительного комитета // Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: Сборник материалов. Екатеринбург, 2011. С. 25.

[794] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 182.

[795] Постановление Президиума Уральского облисполкома от 14.02.1932 «О хозяйственном и культурном строительстве в северных национальных округах Уральской области». ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 14.

[796] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 14 об.

Как и в случае с другими территориями, на Тобольском Севере власти столкнулись со слабой вовлеченностью населения в мероприятия национальной политики. Об этом косвенно свидетельствуют отчеты о деятельности в районах. «Нужно отметить, что при проведении работы по организации национального округа мы вплотную упираемся в вопрос недостатка кадров работников, знающих туземный язык», – говорится в письме оргбюро Ямальского (Ненецкого) национального округа в Уральский облисполком от 24 октября 1931 года[797]. В апреле 1932 года председатель Ямальского окрисполкома С. Ф. Скороспехов констатировал: «Большинство советов не имеют технически и политически подготовленных секретарей, благодаря чему работа советов крайне слаба»[798]. В мае 1934 года в Ивдельский и Гаринский районы была отправлена культбригада облисполкома из трех человек. Итоги поездки отражены в решении Президиума облисполкома от 17 ноября 1934 года № 1779 «О работе среди туземцев Ивдельского и Гаринского районов»[799]. В Ивдельском районе райисполком «не принял меры к правильной организации охотничьего и рыбного хозяйства и к развертыванию массовой работы советов среди охотников и рыболовов. Не уделено внимания райисполкомом руководству туземных советов, организации работы среди отдельных национальностей зырян и манси, по преимуществу занимающихся охотой и рыбной ловлей»[800]. Среди мер по улучшению работы рекомендовано: «развернуть массовую работу среди манси и зырян по повышению уровня их культурного и хозяйственного положения», «укрепить работу существующего тузсовета», «обеспечить оказание медпомощи манси: организовать родильную избу, приемный покой, амбулаторию», «к 1 января обеспечить посылку одного работника из манси для работы в тузсовете»[801]. Однако достичь значимых результатов в подготовке аппарата удалось лишь частично даже через несколько лет. В 1935 году газета «Омская правда» назвала политику Ямальского окружкома «примиренческой позицией», указывая на недостаточные усилия местных властей по подготовке кадров[802].

Создание округов шло параллельно с изменением хозяйственной модели управления территориями Тобольского Севера. Принятое 10 сентября 1930 года ВЦИК и СНК РСФСР «Положение о перво-

---

[797] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 184.
[798] Там же. С. 191.
[799] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 148.
[800] Постановление 362 Президиума Уральского облисполкома от 21.12.1933 «О работе советов Ивдельского района». ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 85.
[801] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 86.
[802] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 250.

начальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин, водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР»[803] в корне изменило систему землепользования, внедрив принципы организации коллективных хозяйств в условиях тундры. Попытки бойкота с призывами «не продавать оленей русским» натыкались на жесткое подавление, а все неудачи в заготовках приписывались вредительству «кулаков» и «антисоветских элементов». С середины 1930-х годов власти приступили к политике перевода кочевого населения на оседлый образ жизни[804]. Эта кампания достигнет наибольших масштабов уже в 1940–1950-е годы.

Все это, безусловно, отражалось на уровне доверия к власти, способствовало разрушению традиционных хозяйств и резкому ухудшению жизни населения. «Отсутствие товаров в факториях Госторга на Тобольском Севере угрожает срывом пушных заготовок. В ряде пунктов приезжают туземцы-охотники с пушниной, нет кожи, душистого мыла, цветного сукна, патронов. Туземцы увозят пушнину обратно в тундру. Заготовленная дичь, ягоды, мясо находятся на складах Госторга – для вывоза нет подвод» – так описывала ситуацию газета «Уральский рабочий» в январе 1931 года[805]. Зимой 1931/1932 года местные жители организовали бойкот «пушно-меховых» и «олензаготовок», что было результатом свершившихся изменений. Вина была возложена на местные фактории, а инициаторы бойкота были арестованы как «антисоветские элементы Ямальского округа»[806].

2 июня 1932 года был образован Ямало-Ненецкий окружной союз интегральной кооперации, включавший пять интегральных кооперативов с охватом 40% населения. Их деятельность регулировалась на основании утвержденного ВЦИК и СНК 20 апреля 1932 года «Положения об окружных съездах советов и окружных исполнительных комитетах северных окраин РСФСР»[807]. Интегральные кооперативы

---

[803] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении Положения о первоначальном земельно-водном устройстве трудового промыслового и земледельческого населения северных окраин РСФСР // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 177.

[804] Постановление бюро Ямальского (Ненецкого) окружкома ВКП (б) «О переводе кочевого трудового ненецкого населения на оседлость» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 253.

[805] Отсутствие товаров срывает пушные заготовки // Уральский рабочий. 1931. 12 янв. С. 2.

[806] *Перевалова Е. В.* Указ. соч. С. 174.

[807] Постановление ВЦИК и СНК РСФСР «Об утверждении положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР. 20 апреля 1932 г. // Советы Северо-Востока СССР: сборник документов и материалов. Ч. 1 (1928–1940 гг.). Магадан, 1979. С. 150.

составили основу для будущего хозяйства национальных округов на Тобольском Севере. Реформы вызвали протесты против новой системы территориальной организации хозяйства в 1932–1933 годах, наиболее крупными из которых стали Казымское восстание (см. ниже), восстание на Тольке (Ларьякский район, арест Ефима Кунина)[808] и движение группы «Мандалыда» («собравшиеся») в 1934 году. Во главе этих выступлений находились наиболее уважаемые, часто возрастные, родовые лидеры, которые не могли принять новых условий жизни[809].

«Ямальская мандалыда» стала символом сопротивления традиционного уклада явлениям модернизации, она включала в себя протест не только против земельной реформы, но и в целом против всех советских преобразований. Мандалыда охватила Ямал в 1934 году, когда округ был передан в подчинение созданной Обь-Иртышской области с центром в городе Омске. Однако причины движения следует искать в процессах начала 1930-х годов. Из докладной записки Ямальского (Ненецкого) окружкома: «Если в 1932–1933 гг. только отдельные, еще недостаточно организованные, группы кулаков и шаманов выступали против организации советов и пытались влиять на трудовое население тундры... то уже с весны 1934 г. эти отдельные кулацко-шаманские группы стали соединяться, а к осени 1934 г. оформились в одну многочисленную группу «Мандалыда»[810]. Протестовавшие захватывали имущество советов, распределяли обобществленные стада, восстанавливали прежние порядки, блокировали связь с факториями Главсевморпути, бойкотировали работу приемочных центров. Их требования были направлены против всех мероприятий советской власти. «Эти требования фактически являются требованиями, по которым мы должны отказаться от всех мероприятий, проводимых партией и правительством, и ликвидировать советскую власть в тундре», – говорится в отчете окружного ОГПУ[811]. После подавления этих выступлений местные туземцы стали адаптироваться к новым условиям. По наблюдениям А. В. Головнёва, в целом они смогли сохранить традиционный уклад: «Традиционный ненецкий режим землепользования продолжал действовать даже в рамках новой административной системы. Многие оленеводы сберегли небольшие частные стада оленей и сохранили наследственные права на использование участков пастбищных территорий; за порядковыми

---

[808] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 201.
[809] *Головнёв А. В.* Говорящие культуры... С. 165–196; *Алексеева В. Л.* Указ. соч. С. 45.
[810] Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 238–239.
[811] Там же. С. 243.

номерами колхозных бригад скрывались традиционные ненецкие родственно-соседские объединения»[812].

Таким образом, система управления территориями народов Тобольского Севера сложилась к концу 1920-х годов, созданные в 1930-м году округа опирались уже на существующую сеть, однако кадров для управления территориями из представителей местных народов не хватало. Со временем через систему подготовки, курсы для советских работников удалось создать управленческий резерв, но полностью задачи коренизации аппарата достигнуты не были.

4.2.4. Культурное и языковое строительство на Тобольском Севере

Развитие образования и культуры на Тобольском Севере было осложнено характером расселения (в первую очередь, кочевого населения) и отсутствием налаженных механизмов коммуникации. Вопрос о национальном образовании в отношении народов Крайнего Севера начал разрабатываться лишь после организации школьной комиссии при Президиуме ВЦИК. Данная комиссия следила за подготовкой учителей для северных школ, контролировала разработку национальной письменности и издание на ее основе учебников и наглядных пособий[813]. Народный комиссар просвещения СССР А. В. Луначарский так видел развитие системы образования: «На юге кочевание народностей происходит на небольших, сравнительно, пространствах, в то время как в тундрах кочевки происходят на сотни и тысячи верст. Само собой разумеется, что это сильно затрудняет устройство школ. Школа должна быть либо передвижной, либо превратиться в интернат. Но в интернате дети отрываются от родителей, и на школу тем самым возлагается задача их полного содержания... Мы знаем, как уродливо, непедагогично учить детей на русском языке; но здесь ничего другого сделать нельзя, ибо учителей, которые говорят на родном для детей языке, почти нет; собственной интеллигенцией мелкие народности не обладают»[814]. После создания Уральской области развитие сети национальных школ на Тобольском Севере также шло медленно. Первые национальные школы Севера были кочевыми. Учитель, как правило, кочевал вместе с родом от

---

[812] *Головнёв А. В.* Кочевники тундры... С. 93.

[813] *Бибикова В. В.* Создание модели северной национальной школы в 20-е гг. XX в. // Источники исследования о педагогическом прошлом: интерпретация проблем и проблемы интерпретации: сборник статей. М., 2019. С. 697–708.

[814] *Луначарский А. В.* Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г. // Северная Азия. 1927. № 3. С. 18.

стойбища к стойбищу, лишь во время стоянок занимаясь с учениками. В свою очередь учителя получали возможность познакомиться с бытом и нравами малочисленных народов. Но кочевые школы были плохо приспособлены для обучения коренного населения и их создание в большей степени было обусловлено отсутствием стационарных учебных заведений. Представитель Комитета Севера при ВЦИКе Медведев по этому поводу отмечал: «УралОНО приходится за уши тащить сюда. Надо заставить их выделить специальных людей на работу для руководства национальными северными округами»[815]. В докладе «О состоянии народного образования в Уральской области» было отмечено практически отсутствие какой-то политики в сфере образования. В отличие от других территорий, даже Тобольского округа, к 1924 году практически ничего не было сделано: «Если с мусульманским населением все нормально, имеется 23 мусульманские школы (татары, бухарцы), то у остяков и самоедов намного хуже: их бытовое положение – вечное кочевание семьями по тундре, не позволяет обучать своих детей, в особенности самоедам, к которым оседлый образ жизни совершенно не прививается... Во всем округе имеется только два человека, знающих инородческие языки и способные преподавать... В 1920 году Обдорским исполкомом была сделана попытка организовать инородческую школу и вовлечь в нее исключительно остяков и самоедов. Когда об этом узнали инородцы, они приехали в Обдорск на оленях примерно на 50 нартах в возбужденном состоянии, и заявили, что они своих детей в школу не отдадут. В результате организация школы расстроилась»[816].

В 1927 году по решению Наркомпроса при Тобольском педтехникуме было открыто туземное подготовительное отделение с общежитием[817]. Но это не решало проблемы имеющегося спроса. По информации председателя Уральского комитета Севера Н. А. Парамонова, в 1930 году школами было охвачено 9% ханты, 45% манси, 1% ненцев. Среди учителей: ханты – 51 человек, манси – 23, учителей-ненцев не было. В 1932 году в Салехарде начал работать Ямальский оленеводческий техникум[818]. Окончательно система образования сформировалась уже после создания национальных округов.

---

[815] Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: Сборник материалов. Екатеринбург, 2011. С. 24.

[816] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 245.

[817] Советское строительство. Расширенный Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (с 28.02 по 05.03.1927) // Северная Азия. 1927. № 3. С. 77.

[818] Доклад председателя Уральского комитета Севера тов. Парамонова о работе Уральского областного исполнительного комитета // Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: Сборник материалов. Екатеринбург, 2011. С. 20.

Антирелигиозная и культурная политика. Не менее остро стояла проблема антирелигиозной политики и развития светской культуры на Тобольском Севере. Среди задач работы в записке «По вопросу культурно-хозяйственного обслуживания нацменьшинств по линии земорганов» Президиума Уральского облисполкома особо отмечено, что применительно к Тобольскому Северу «наряду с воздействием на улучшение их хозяйства через земорганы необходимым условием является поднятие культурного уровня населения нацменьшинств»[819]. Как свидетельствуют источники, в культурном отношении мировоззрение коренного населения к началу советского периода представляло из себя симбиоз между православием и языческими культами, которые во многом определяли культурную жизнь. В отчете уполномоченного нацмен Уральской области А. В. Первухиной указывается на большую роль распространения религии: «И надо отметить, что миссионерство настолько повлияло на инородцев, что бывают такие случаи: они, приезжая в Обдорск на ярмарку с пушниной, заходя в агентство госучреждения и не видя икон, отказываются продавать пушнину и сейчас же уходят обратно, хотя до сих пор сами в области культа гораздо больше держатся своей старой религии (шаманство), чем христианства. Так что вопрос о просвещении инородцев является серьезным и требует безотлагательного на него обращения внимания. Чем скорее в положительном порядке разрешится этот вопрос, тем скорее возродится север и его хозяйство»[820]. Интересные сведения демонстрируют данные доклада о Статистико-экономическом и этнографическом обследовании реки Демьянки, отложившиеся в фондах ГАСО. В частности, там описаны и концепты антирелигиозной работы. Авторы считали условия для антирелигиозной политики благоприятными, поскольку православие на Севере еще не стало доминирующей доктриной: «Оторвавшись от идолопоклонства, не успев пристать к православию, застигнутые на этом процессе революцией, т. е. проникающим все более в их среду безверием, – остяки растерялись и сейчас удобный момент для антирелигиозной пропаганды среди них. «Миколу» почитают больше всех, но в урмане признают «хозяина» – «земляка», который заведует всеми зверями и птицами и дает удачу в промыслах. Важными называют человека, знающегося с нечистой силой, и уверены, что он может заговорить ружье даже на расстоянии по звуку выстрела как и собаку по лаю»[821]. Старший помощник прокурора Тобольской окружной прокуратуры

---

[819] *Богданов Ф. Р.* Медицинская помощь малым народностям Крайнего Севера // Советский Север: сборник статей. М., 1929. № 1. С. 185.

[820] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 246. Л. 42.

[821] Там же. Д. 42. Л. 12.

Я. И. Битюков отмечал, что у местных жителей «до сих пор существуют жертвоприношения животных, обычаи покупки и кражи женщин себе в жены, пляски в течение нескольких дней по случаю убоя медведя на охоте с такими церемониями, которые у нас принято называть нарушением общественной тишины и порядка. У них процветает религиозный институт шаманов и колдунов, жестоко эксплуатирующих инородческое население, которое им сильно верит. Им чуждо понятие о равноправии женщин, у них отсутствует регистрация рождений, брака и смерти, сильно у них развито безапелляционное отцовское право над детьми, независимо от того, что дети являются такими же работниками в их хозяйстве, как и родители»[822]. Культработу также усугубляли кочевой образ жизни местных народов и протяженность территорий их проживания. Все это требовало от местных властей больших усилий по модернизации общественного и семейного устройства для местного населения.

Культурно-просветительную деятельность Уральский комитет Севера начал через создание мобильных красных чумов (культбаз). Первая культбаза была создана в 1929 году в Тазовском районе Ямальского (Ненецкого) национального округа. Работники данного чума передвигались от стойбища к стойбищу, занимаясь просвещением близ рек Елогуй, Сым и Турухан. Данный опыт оказался удачным и использовался на других территориях[823]. К 1935 году сеть культурных баз раскинулась по значительной территории всего Крайнего Севера. Но их деятельность не всегда была успешной. Так, персонал Казымской культбазы не сумел наладить отношений с коренным населением из-за изъятия детей в интернаты без согласия родителей, жестких требований по выполнению хозяйственного плана и лишению избирательных прав родовой элиты. Недовольство подогревалось также деятельностью созданных властями русско-хантыйских рыбацких бригад в местах традиционного лова рыбы (озеро Нум-то)[824]. В результате этого в 1931–1934 годах ханты и ненцы развернули протестное движение, вылившееся в открытое антисоветское Казымское восстание, в ходе которого погибли председатель Березовского райисполкома Астраханцев, уполномоченная Уралобкома Шнейдер, сотрудник Березовского ОГПУ Посохов, помощник заведу-

---

[822] Из доклада старшего помощника прокурора Тобольской окружной прокуратуры Я. И. Битюкова на окружном совещании по борьбе с преступностью, об особенностях работы народного суда на Дальнем Севере // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 90.

[823] *Шакирзянова Г. В.* История эвенкийской культуры // Эвенкийская жизнь. 2010. 21 окт.

[824] Подр. см.: Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 210–212, 226–228.

ющего базой Смирнов, зав. Амнинским интегральным товариществом Нестеров. После выступления часть наиболее активных участников со стороны туземцев откочевали со своих нажитых мест на север, а остальные были арестованы и расстреляны[825].

С ликвидацией Комитета Севера в 1935 году культурные базы были переданы под начало Главного управления Северного морского пути, вследствие чего их последующая деятельность была направлена на экономическое развитие региона. К этому времени многие из них стали административными центрами своих районов. В сентябре 1939 года культбазы передали большинство своих полномочий окружным исполкомам, тем самым окончательно перейдя в разряд районных и окружных центров.

Языковая политика. Работа по языковому строительству для народов Севера была довольно сложной и координировалась центральными властями. Нарком просвещения А. В. Луначарский, говоря о народах Севера, писал: «Мы решительно настаиваем на необходимости выработки письменности и получения образования на материнском языке. В этом смысле народности Севера не должны представлять исключения»[826]. Если в других регионах большевики выстраивали политику, уже имея определенную систему языка или даже графики, то в случае с народами Севера речь шла о бесписьменных языках, которые приходилось полностью изучать и описывать, причем с привлечением специалистов не из местного населения. С одной стороны, это было сделать проще, поскольку не было противодействия со стороны местной интеллигенции, не было соседних республик или государств, где использовались системы образования на нем, с другой стороны, организация такой работы для кочевого населения несла с собой ряд трудностей. Из-за острой потребности в учебниках и учебных пособиях на национальных языках первые буквари создавались учителями-энтузиастами кочевых школ. Например, Г. К. Прокофьев для обучения детей русскому языку составил остяко-самоедский букварь, по которому учащиеся на своем родном языке постепенно выучили 25 русских букв-звуков (за исключением букв В, Ш, Щ и Ц, которых не было в остяко-самоедском языке). Ученики Г. К. Прокофьева таким образом сумели постепенно усвоить русский язык и перейти от букваря на родном языке к русскому букварю[827].

---

[825] *Головнёв А. В.* Говорящие культуры... С. 167–175.

[826] *Луначарский А. В.* Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г. // Северная Азия. 1927. № 3. С. 21.

[827] *Леонов Н. И.* Туземные школы на Севере // Советский Север: сборник статей. М., 1929. № 1. С. 208.

Разработкой письменности для народов Севера занималась Комиссия при отделе национальных меньшинств Наркомпроса РСФСР, созданная еще в 1919 году, а с 1922 года была создана межведомственная комиссия из представителей Наркомнаца, Наркомпроса и Академии наук[828]. В 1924 году секция Севера при Уралплане рассматривала вопрос об издании «самоедско-остяцкого словаря, а также алфавита и букваря» с привлечением местных работников, знающих язык[829]. Однако централизованная разработка национального алфавита и письменности для народов Крайнего Севера началась только в 1926 году. В 1929 году при участии лингвистов Северного факультета Ленинградского института живых восточных языков был разработан Единый северный алфавит для всех народов Севера. Он был создан на латинской основе и включал 32 буквы с различными диактрическими знаками. Затем, уже после создания округов, алфавит был доработан, количество букв увеличено до 39, и в 1931 году алфавит был утвержден Всесоюзным комитетом нового алфавита и Коллегией Наркомпроса СССР. Практически сразу после разработки алфавита началась работа по созданию учебной литературы[830]. В 1932 году состоялась Первая Всероссийская конференция по развитию языков и письменности народов Севера, где был утвержден проект создания национальных литературных языков для 14 северных народов, в том числе для ханты, манси и ненцев. Конференция установила издательские планы, основные принципы разработки лексики и орфографии для народов Севера[831]. В 1933–1934 годах на языках коренного населения вышли книги для чтения и учебники грамматики и правописания, подготовленные научными сотрудниками и преподавателями Института народов Севера с участием студентов, владевших национальными языками. Однако латинская графика на Тобольском Севере не получила широкого распространения. Во второй половине 1930-х годов, вследствие изменения национальной политики государства, были разработаны новые алфавиты для 13 народов Севера: ненцев, селькупов, эвенков, эвенов, нанайцев, нивхов, чукчей, коряков, эскимосов, кетов, ханты, манси и удэ. На их основе началось издание новых букварей, многие из которых были составлены молодыми североведами,

---

[828] Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера. М., 1971. С. 25.

[829] Из протокола № 2 заседания секции Севера при Уралплане – об издании словарей языков народов Севера // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 83.

[830] *Городенко Д. В.* Просвещение народов Севера: на материале Ханты-Мансийского округа: Учебное пособие для студентов высших и средних педагогических учебных заведений. Нижневартовск, 1997.

[831] *Алькор Я.* Задачи культурного строительства на Крайнем Севере // Советский Север. 1934. № 2. С. 22–35.

обученными В. Г. Богоразом и другими авторитетными специалистами[832]. В 1935 году на заседании Президиума Остяко-Вогульского окружного исполнительного комитета было принято постановление «О переходе письменности хантыйского и мансийского алфавита на русскую основу»[833]. Районные организации обоих национальных округов восприняли его положительно, считая латинский алфавит явлением «искусственным», сложным для практического применения, а перевод на русскую основу, по словам местных властей, «облегчает задачу издания популярной художественной и политической литературы в областных и окружных центрах, дает возможность широко использовать в политпросветработе культурные силы Севера, среди которых немало людей, владеющих разговорным языком национального населения, но неграмотных на национальном языке из-за незнания латинизированного алфавита»[834]. Принятые в 1935 году алфавиты сохранились до настоящего времени и составляют основу для функционирования родных языков в системе образования регионов ХМАО – ЮГРА и ЯНАО.

Говоря о национальной политике на Тобольском Севере, можно отметить ряд отличительных черт. Несмотря на разность хозяйственных типов и языков, политика в отношении народов Тобольского Севера была практически унифицированной, начиная от территориального устройства (параллельное создание сразу двух округов) и языкового строительства, заканчивая мероприятиями по политике коренизации и вовлечению народов в мероприятия советской власти. Как свидетельствуют источники, серьезные экономические проблемы Тобольского Севера в первые годы советской власти были вызваны введением госмонополий и изменением существующего хозяйственного баланса. При этом важность решения экономических задач являлась существенным фактором, определяющим мероприятия национальной политики. Отмена арендных отношений и права на землю привела к ухудшению жизни коренного населения, спровоцировала ситуацию межэтнической неприязни и напряженности. Попытки решить проблему созданием особых экономических условий для коренного населения были безуспешны, так как противоречили логике советского режима. Созданные для управ-

---

[832] *Коркина Е.* Их имена на первых букварях // Эвенкийская жизнь. 2003. 6 марта.

[833] *Городенко Д. В.* Указ. соч. С. 97.

[834] Докладная записка Омского обкома ВКП (б) И. В. Сталину «О переводе языков северных национальностей Омской области с латинизированного алфавита на русскую основу» // Судьбы народов Обь-Иртышского Севера... С. 257–258.

ления территорией «родовые» тузсоветы просуществовали не более четырех лет как временная мера. Серьезные изменения в хозяйстве и культуре после 1930 года существенно трансформировали способ управления территорией Тобольского Севера, включив ее в русло советской национальной политики с ее институированием этничности, созданием языка и культуры для народов Севера. Принимаемые решения не учитывали специфику местного населения, разности хозяйственных типов, что повлекло серьезные хозяйственные деформации в организации жизни. «Разрушению системы природопользования способствовали стихийные перераспределения угодий, массовые карательные акции по адресу кулачества, репрессивные формы подавления национальных восстаний 20–40-х годов, вызвавшие неупорядоченные миграции населения, социальный и психологический хаос», – отметил, описывая этот период, А. В. Головнёв[835]. Действительно, на Тобольском Севере переход в современное общество из-за сильного влияния архаики был наиболее болезненным. Но на руинах традиционной культуры создавалась новая, соответствующая модели советской модернизации. Включение территории Тобольского Севера в русло советской национальной политики способствовало значительному росту уровня культуры и образования на Севере.

Особенностью региона является также его включенность в общесоветское строительство среди народов Крайнего Севера, развернутое во второй половине 1920-х годов. В этой части власти Уральской области принимали минимальное участие в мероприятиях, а сам регион в своем развитии не подчинялся логике развития Урала.

Таким образом, запущенные в 1920–1930-е годы преобразования в отношении коми-пермяков и народов Тобольского Севера были нацелены на их постепенное вовлечение в модернизационные процессы. Реакция этих народов на мероприятия национальной политики была различной. Если население созданного Коми-Пермяцкого национального округа легко встраивалось в новые формы экономики и управления территориями, то интегрировать народы Севера в советские формы хозяйства было намного сложнее. Более того, советские органы управления на Тобольском Севере в первое десятилетие вынуждены были мириться со сложившимися системами отношений. Важным достижением национальной политики для небольших по численности

---

[835] *Головнёв А. В.* Говорящие культуры... С. 93.

народов, какими являлись коми-пермяки и народы Тобольского Севера, стало оформление собственных автономий, создание локальных институтов по сохранению языка и культуры (СМИ, образовательные и культурные учреждения), оформление литературной нормы для языков, открытие школ. Оказывалась поддержка «национальной» интеллигенции, развивались этнически ориентированные формы профессионального искусства. Все это в итоге привело к формированию новых культур и идентичностей современного типа, которые опирались на традиционные культуры, но отличались от них. Созданные формы автономии (национальные округа) и управления территориями доказали свою эффективность в исторической перспективе и сохраняют свою актуальность сегодня.

Глава пятая.

ТАТАРЫ, БАШКИРЫ, УДМУРТЫ, МАРИЙЦЫ, КАЗАХИ И НАГАЙБАКИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УРАЛА

В данной главе речь пойдет о политике в отношении народов, которые исторически компактно проживали на Урале, но при этом Урал не являлся местом их единственного проживания, что, безусловно, оказывало влияние на взаимодействие этнических сообществ и власти.

5.1. Тюркские народы в национальной политике Урала

Вторым и третьим по численности народами Урала после русских были татары и башкиры соответственно. Главные сложности национальной политики заключались в дисперсном характере расселения значительной части татар и башкир, отсутствии четких этнических границ между культурами татар и башкир на Урале, культурными особенностями отдельных локальных групп тюркского населения, названного «татарским» или «башкирским»[836], слабой вовлеченностью общественных лидеров в советскую политику и процессы модернизации. Большую роль в работе с татарами и башкирами играл ислам как фактор общественной и культурной жизни, а также деятельность граничащих с Уральской областью Татарской и Башкирской ССР.

Сразу необходимо отметить, что в советской национальной политике, ввиду близости в этот период языка и духовной культуры, татар и башкир за пределами их национальных республик часто объединяли в одну группу «татаробашкир» или «татбаш». Причем на первом месте всегда ставили «татар», поскольку их численность была выше. В 1920-е годы национальная политика часто ассоциировалась именно с башкирским и татарским населением, а все основные мероприятия в большинстве округов также были связаны с этими двумя народами, и для управленцев понятие «нацмен» очень часто по смыслу было идентично понятию «татары и башкиры». При Уралобкоме уже в 1923 году существовала официальная сеть татбашбюро, для татар и башкир было даже разработано специальное «Положение о бюро

---

[836] *Атнагулов И. Р.* Идентичности нагайбаков: генезис, структура, динамика. Челябинск, 2015; *Головнёв А. В., Зевако Ю. В.* Русские и татары Среднего Урала: опыт локального исследования идентичности // Уральский исторический вестник. 2008. № 4 (21). С. 149–151; Тулвинские татары и башкиры: этнографические очерки и тексты. Пермь, 2004.

тат. баш. при агитпропах окружных комитетов»[837]. Вплоть до начала 1930-х годов в районах со смешанным составом населения инспекторы требовали осуществлять дифференцированный подход в реализации национальной политики. Еще одним тюркским народом Урала могут считаться казахи, проживавшие на границе с Казахской ССР в Троицком округе. Однако их численность была незначительной. В их отношении власти области также вели отдельную политику, нацеленную на их оседание в городах, поскольку казахи в 1920-е годы еще были кочевым народом. Своя политика велась в отношении нагайбаков, которых советская статистика начала фиксировать с середины 1920-х годов.

5.1.1. Тюркские народы в переписях населения 1926 и 1939 годов

В приведенной ниже таблице представлены данные Всесоюзной переписи населения 1926 года по Уральской области с указанием численности татар, башкир, нагайбаков и казахов[838]. Нужно подчеркнуть, что реальная численность этих народов, как и методика учета, не имели важного значения. Для управленцев именно данные переписи населения, а также труды ученых-этнографов выступали основным источником принятия решений[839]. В целом, если проанализировать данные об этих народах по Уральской области, можно отметить, что численность татар и башкир (включая нагайбаков и казахов) не превышала 5%. Самым «татарским» округом считался Кунгурский, где традиционно проживала группа сылвенско-иренских (пермских) татар[840], отдельную группу представляли татары Тобольского и Тюменского округов, именуемые в современной научной литературе «сибирскими татарами»[841]. В Тобольском округе, например, доля татар была самой высокой в обла-

---

[837] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 6–8.

[838] В таблице нет данных об еще одном крупном тюркском народе – чувашах. Дело в том, что в начале 1920-х годов в области не было мест компактного проживания чувашей, они сформировались только в 1928 – 1930-х годах в рамках переселенческих кампаний на Урале (см. главу 7).

[839] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика. М., 2021. С. 308.

[840] Татары // Народы Пермского края. Очерки истории и этнографии. Пермь, 2007.

[841] *Валеев Ф. Т.-А., Томилов Н. А.* Сибирские татары // Тюркские народы Сибири. М., 2006; *Болотов Д. А.* История изучения присоединения Сибирского ханства и его отражение в фольклоре сибирских татар // Актуальные проблемы тюркологии: историко-культурное и социально-экономическое развитие тюркоязычных народов России и зарубежья. Материалы межвузовской научной конференции, г. Карачаевск, 6–7 мая 2024 г. Карачаевск, 2024. С. 29–39.

сти по отношению к населению округа (13,6%)[842]. Несмотря на разность формирования этих групп, особенности культуры и хозяйственного уклада, в переписи они все считались «татарами», что требовало от местных властей унифицированной национальной политики. Если говорить о башкирах, то ни в одном из округов, за исключением Сарапульского[843], численность башкир не превышала количества татар. Больше всего нагайбаков и казахов проживало в Троицком округе, при этом Челябинский округ занимал первое место в области по численности всего тюркоязычного населения (свыше 40 тысяч человек). В этом округе в Катайском районе крупнейшим этническим сообществом были татары (37%), на втором месте были башкиры (35%)[844]. Аналогичная ситуация наблюдалась в Яланском районе Челябинского округа: татары – 35%, башкиры – 34%[845]. Яланско-Катайская «татаро-башкирская» сельская агломерация была одной из наиболее упоминаемых в документации по национальной политике Урала 1920–1930-х годов. Очевидно, что эти данные анализировались на уровне области и стали причиной отдельных кампаний по открытию татарских школ и библиотек, по созданию отдельных административных образований (Бардымский, Нагайбакский и Ялано-Катайский районы), по принуждению к оседлому образу жизни (казахи Челябинского округа) и др.

Таблица 5.1

Татары, башкиры и другие тюркские народы Уральской области в 1926 году*

№	Округ	Татары	Башкиры	Татары и башкиры	Казаки	Нагайбаки	Всего	% по отношению к населению округа
1	2	3	4	5	6	7	8	9
1	Верхнекамский	5134	280	5414	3	–	5417	2,7%
2	Кунгурский	36 951 (7,1%)	2277	39 228	1	–	39 229	8%
3	Пермский	13 710	2619	16 329	2	–	16 331	2,2%

[842] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 175.

[843] В Сарапульском округе такое количество башкир было связано с территорией исторического проживания башкирского племени «гайнэ». Здесь же будет создан Бардымский национальный район.

[844] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ. Свердловск, 1928. С. 19.

[845] Там же. С. 29.

Продолжение таблицы 5.1

1	2	3	4	5	6	7	8	9
4	Сарапульский	5615	29 571 (5,5%)	35 186	–	–	35 186	6,5%
5	Коми-Пермяцкий	35	–	–	1	–	36	Менее 0,1%
6	Златоустовский	6394	1498	7892	211	788	8891	3,7%
7	Ирбитский	2530	70	2600	–	–	2600	0,9%
8	Ишимский	1489	4	1493	408	–	1901	0,4%
9	Курганский	2610	15	2625	1212	1	3838	0,7%
10	Свердловский	8081	6637	14 718	25	5	14 748	2,4%
11	Тагильский	9060	19	9079	13	–	9092	2,1%
12	Тобольский	25 948	3	25 951	155		26 106	13,6%
13	Троицкий	16 579	1063	17 642	6321	8368	32 331	10,3%
14	Тюменский	28 877	18	28 895	11	–	28 906	5,7%
15	Челябинский	22 474	14 990	37 464	564	2002	40 030	8,1%
16	Шадринский	5851	44	5895	1	–	5896	0,9%
	По области	193 117	59 117	252 234	9441	11 164	272 839	4%

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 107–126.

В 1939 году данные по численности татар и башкир коррелировали с показателями 1926 года. Количественный прирост, вероятно, объясняется общим естественным приростом населения. Незначительное влияние на рост татарского и башкирского населения оказали и принудительные выселения 1930-х годов. Опубликованные данные не дают возможности провести анализ расселения татар и башкир по отдельным территориям. Но инспекционные поездки и отчеты районов (см. ниже) позволяют заключить, что мероприятия национальной политики, начатые в 1920-е годы, продолжались в «татаро-башкирских» районах и в 1930-е годы, вплоть до политики ликвидации национальных районов (1937), при этом принадлежавший Башкирской АССР Аргаяшский район в 1934 году при создании Челябинской области был включен в состав последней, чем и объясняется прирост башкир в Челябинской области, а также отдельная линия мероприятий для башкир в 1934–1937 годах.

Таблица 5.2

Татары, башкиры и казахи Пермской, Свердловской, Челябинской и Омской областей по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

Народ	Свердловская область	Пермская область	Челябинская область	Омская область (ХМАО, ЯНАО, Тюменский округ)	Итого (%)	По отн. к Уральской области 1926 года
Все население	2 511 309	2 087 518	2 801 853	2 378 410	9 779 090 (100%)	9 1,4
Татары	80 983	80 727	119 527	91 876	373 113 (3,8%)	1,9
Башкиры	8165	28 952	70 358	497	107 972 (1,1%)	1,8
Казахи	2180	616	28 731	51 891	83 418 (9,8%)	8,8

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Мероприятия в отношении башкир и татар были важной составляющей национальной политики Урала. Они выражались в политике создания отдельных территориальных образований для татар и башкир, социальных институтов для поддержки этнической культуры, а также в вовлечении общественных активистов в мероприятия советской власти.

5.1.2. Вовлечение татар и башкир в мероприятия советской власти

Учитывая, что численность татар и башкир была довольно велика, особенно в некоторых районах, в рамках национальной политики власти придавали большое значение работе именно в отношении этих двух народов. Отдельные бюро татар и башкир создавались еще при Пермском губкоме в 1919–1920 годах[846]. Источники свидетельствуют, что местные власти предпринимали серьезные меры, чтоб вовлечь сельское татарское и башкирское население в русло большевистской идеологии. Но, судя по всему, это не всегда получалось.

Сразу после создания Уральской области при Уралобкоме была создана сеть татбашбюро, разработано и направлено в районы специальное «Положение о бюро тат.баш. при агитпропах окружных комитетов», согласно которому в 1924 году Уралобком инициировал процесс по «вовлечению татарско-башкирской молодежи в общественную жизнь»[847]. «В связи с переломом среди рабочих и наплыва в партию после смерти «Ильича» нужно использовать для вовлечения в партию и союза тат/баш рабочих и молодежи», – говорилось в февральском циркуляре РКП (б) 1924 года. Для этого предлагалось привлекать на лекции представителей других, более «развитых» национальностей, а также при сообщении в окружкомы о результатах вступления в партию и союзы особо отмечать количество «татбашрабочих», вступающих в РКП (б) и РКСМ[848]. Был даже разработан отдельный план и даны инструкции агитпропам на местах, как вовлечь в партию сезонных рабочих татар и башкир для усиления влияния коммунистической идеологии в деревне. Беседы предлагалось вести на татарском языке. В 1925 году Агитпроп Пермского окружкома, например, даже организовывал специальные курсы по подготовке чтецов газет в татарских деревнях[849]. Задачей этих чтецов, согласно разработанному позже положению, были популяризация партийной советской печати среди крестьян, углубление и расширение идейной политической связи газеты с рабоче-крестьянскими массами, поднятие культурного уровня крестьян через газеты, вербовка подписчиков газеты. Основной формой работы было названо «громкое чтение газеты перед неграмотными слушателями»[850]. Также

---

[846] *Каменских М. С.* «Большим тормозом в работе является духовенство»: реализация национальной политики в отношении тюркских народов Урала в 1920-е гг. // История и архивы. 2023. № 3. С. 12–13.

[847] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 6–8.

[848] Там же. Л. 15.

[849] Там же. Л. 73.

[850] Там же. Л. 84.

было рекомендовано распространять газету «Интерчиляр» (орган печати в Татарской АССР)[851]. Свои библиотеки для татар были открыты в Чусовом, Лысьве, Мотовилихе, кислотном заводе[852]. Чтобы выправить ситуацию, состоявшаяся в феврале 1924 года первая Уральская областная конференция коммунистов татаро-башкир постановила завербовать 500 новых членов партии к 1 мая 1924 года[853]. Судя по всему, эти показатели также не были достигнуты. В отчете о работе секции по итогам года лишь сообщается, что «работа была сосредоточена на вовлечении татар в общественную жизнь и сферу влияния коммунистической партии» без упоминания достигнутых задач[854]. Новый состав Пермского окрбюро в конце 1924 года фиксировал полное отсутствие связи с местами, отсутствие учета, слабую воспитательную работу, особенно среди женщин. Коммунистами были менее 1%[855].

Особое внимание уделялось работе с молодежью. Предлагалось вести проверку посещаемости занятий членами РКСМ и РКП (б) в политшколе и политкружках, проводить беседы на родном языке с чтением литературы на татарском языке и вовлечением актива. Перечень книг, который при этом рекомендовался, включал: «Саяси иктисад» («Политэкономия»), «Гильми-социализм» («Научный социализм»), «Саяси блем» (Политграмота), «Дин турында» («О религии»), «Джсантереклек» («Душа и жизнь») и «История РКП (б)» Зиновьева[856]. О том, насколько хорошо была организована работа по набору молодежи в учебные заведения, свидетельствует циркулярное письмо Татбашбюро всем райкомам и райкомолам, где сообщалось, что бюро «вторично просит срочно прислать» на отношения от 24 июня и 25 июля о направлении информации о желающих поступить в учебные заведения[857].

Можно с определенной долей уверенности предположить, что первоначально на сотрудничество с большевиками в деревне шли преимущественно маргинальные слои, для которых должности в большевистской иерархии могли стать своеобразным социальным лифтом. В источниках отложилось немало документов о «недостойном» поведении лидеров комсомола в первые годы советской власти. В докладе инструктора при ОКРОНО Кадырова о поездке в Канабековскую, Кояновскую и Янычевскую волости для обследования и инструктиро-

---

[851] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 11
[852] Там же. Л. 14.
[853] Там же. Л. 16.
[854] Там же. Д. 233. Л. 55.
[855] Там же. Д. 236. Л. 181.
[856] Там же. Д. 234. Л. 7.
[857] Там же. Д. 233. Л. 61.

вания тат.-баш. культ-политпросветительских учреждений сообщается, что секретарь Канабековской ячейки РКСМ тов. Ишмитов Амирхан вместо политпросветительской работы занимался пьянством, торговлей оружием, растратой семссуды, выданной на обсеменение школьных участков, злоупотреблением в деньгах, выданных в пользу беспризорных, а секретарь Канабековского сельсовета Фахрутдинов был замечен трижды в выпивке кумышки, «и в день траура по Ленину тоже был выпившим»[858]. «Частичная недисциплинированность в заводах характеризуется: выпивкой, манкировкой выполнения партпоручений, слабым посещением собраний, в деревне – соглашательством с кулацким элементом и неделикатным поведением некоторых членов в разрешении семейно-бытовых вопросов», – говорилось в отчете местного Татбашбюро о коммунистах-татарах Пермского округа[859].

Задачи органов советской власти в работе с татарами и башкирами были сформулированы на Первой областной конференции коммунистов (татаро-башкир) в городе Перми в марте 1925 года. Основной целью политико-просветительской работы среди башкир и татар было провозглашено широкое вовлечение их в общественно-государственную жизнь и изменение бытового уклада их жизни, а ближайшими задачами – антирелигиозная и сельхозпропаганда с созданием кружков при клубах и избах-читальнях[860]. Среди задач, обозначенных конференцией, также были объединение населения татар и башкир Уральской области по партийной, профессиональной и советской линии; проведение мероприятий для татаро-башкир партсовпрофорганами «для применения в быту и психологии таковых»[861].

Несмотря на активную деятельность и большой административный ресурс, численность коммунистов-татар к середине 1920-х годов была невелика. На заседании упоминавшейся выше конференции сообщалось, что представленное количество коммунистов далеко не соответствует планам, а количество татаро-башкирских населенных пунктов «никак нельзя взять на учет»[862]. Ситуацию с распространением идей большевиков в татарской и башкирской среде красноречиво демонстрируют и материалы Отчета организации татар и башкир Пермского окружкома за 1925 год. В документе сообщалось, что охват молодежи на середину 1925 года составлял 7%, по сельскохозяйственным районам – 4%, партядро – 25 человек (рабочих – 23, крестьян – 2), кан-

---

[858] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 155. Л. 34.
[859] Там же. Л. 72.
[860] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 237. Л. 1.
[861] Там же. Д. 234. Л. 44.
[862] Там же. Д. 233. Л. 48.

дидатов – 48, из них 5 крестьян[863]. На начало 1924 года в округе коммунистов среди татар и башкир было 17, а также 12 кандидатов в члены партии[864]. В отчете о татарском населении говорится, что «татары работают на лесосеках и по-русски совсем не говорят, находятся в сильной зависимости от куреньщиков, которые их обсчитывают и обращаются грубо. Собрания татарами посещаются слабо, без знания русского языка им трудно, а если кто мало-мальски умеет говорить по-русски, то выступать на собраниях не решается, так как над ним смеются»[865]. Пермский окружком в своем письме инструкторам татаро-башкирских ячеек в деревнях и заводах от 8 февраля 1924 года писал, что «мы не смогли достигнуть реальных результатов в отношении политвоспитания тат/баш рабочей молодежи»[866]. Вероятнее всего, такая ситуация в работе с татарами и башкирами имела место и в других округах.

Реализацию политики на местах красноречиво характеризует и ситуация в Кизеловском районе Верхнекамского округа Уральской области. Если верить переписке окружкома с Уралобкомом 1925 года, численность татар в округе составляла 6060, или 13% от общей численности населения, более всего – на Ленкопи, Губахе и Усьве. У местных татар функционировало бюро общества «Яналиф» (создано девять ячеек), работали татаро-башкирские драмкружки, шесть татаро-башкирских библиотек. Однако местные активисты также испытывали трудности в работе. «В Ленинских копях нет представителя в рудкоме, местные власти недостаточно обслуживают татаро-башкир. Причины – как общая неграмотность, так и отсутствие должного внимания со стороны райорганизации Кизеловского района», – говорилось в отчете Уралобкому[867]. Есть информация о существовании в Кизеловском районе ячейки татаро-башкир и собственного женотдела, но об их деятельности практически ничего неизвестно. Инструктор женотдела Кизеловского района сообщала руководителю отдела нацмен Уральской области Р. Гатауллину, что женщины в Кизеловском районе проявляют свою активность, но «некому эту активность направлять по должному руслу». Причина в том, что была ликвидирована должность отдельного инструктора в районе. Также она сообщала о существовавших проблемах с переводом с татарского языка:

---

[863] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 233. Л. 65.
[864] Там же. Д. 232. Л. 14.
[865] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 164.
[866] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 7.
[867] ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 69. Л. 163.

«...метрическая книга Кизеловского района на татарском языке, и последняя находится в милиции, работники милиции татарские метрики не знают»[868].

Таким образом, несмотря на амбициозные планы по вербовке новых членов, большевистская партия не смогла добиться серьезных успехов среди татар и башкир Урала. Причинами были высокий уровень недоверия местного населения к новой власти, а также недостаточный административный и материальный ресурс для общественной работы. Негативную роль сыграла и антирелигиозная политика.

5.1.3. Ислам в башкирско-татарской среде Урала 1920-х годов

Серьезным препятствием для вовлечения татарского и башкирского населения в русло большевистской идеологии был ислам. Известно, что большевики первоначально рассматривали его как средство борьбы с наследием царизма, поэтому период с 1918 по 1923 год мусульманское население прожило в условиях религиозной свободы[869]. Кроме этого, опираясь на исламское движение, советская власть планировала увеличить свое влияние в мусульманских странах. В первой половине 1920-х годов общественные движения мусульман пользовались поддержкой большевиков[870]. Специальным постановлением Наркомнаца от 19 октября 1922 года даже было разрешено открывать мусульманские школы и готовить священников. Это, в свою очередь, привело к росту духовных образовательных учреждений на Урале в первой половине 1920-х годов. Масштабы деятельности религиозных активистов в тот период характеризуют отложившиеся в ГАСО «Сведения о выдаче разрешений на преподавание мусульманского вероучения в мечетях за 1924 и 1926 годы». В документе сообщается, что еще в 1926 году было выдано 14 таких разрешений, в том числе 7 – в Сарапульском округе, 5 – в Кунгурском округе, 2 – в Пермском. Количество обучающихся превышало несколько сотен человек, в том числе в Кунгурском округе – 193 человека, в Сарапульском округе – 147 человек, в Пермском округе – 47 (см. таблицу 5.3).

---

[868] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.

[869] *Пономаренко М. В.* Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX в. (на материалах Западной Сибири) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2008. № 20. С. 330–333.

[870] *Верняев И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России. СПб., 2017. С. 376–377.

Таблица 5.3

Сведения о выдаче разрешений на преподавание мусульманского вероучения в мечетях Уральской области в 1924–1926 годах*

Округ	1924	1925	1926	Обучающихся
Кунгурский			6	193
Пермский		1	1	47
Сарапульский			7	147
Тюменский			3	53
Троицкий		4	4	117
Тобольский			2	14
Челябинский			1	15

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 165а.

Рост активности мусульман к середине первой половины 1920-х годов вызывал беспокойство органов власти, в том числе на Урале. В «Отчете бюро нацмен Осинского уезда отдела народного образования» за 1923 год сообщается, что с сокращением школ в татаро-башкирских волостях началось стихийное возникновение религиозных школ вероучения[871]. В докладе Съезда татаро-башкир Пермского округа «О политпросветительской работе среди татаро-башкир» сообщалось, что в каждой деревне существовали нелегальные ячейки под названием «Лутаволиш», состоявшие из духовенства, которые связаны с руководящими духовенством и «националистической интеллигенцией». Указывалось, что «представители духовенства вследствие неосведомленности некоторых органов власти в своей работе добиваются некоторого от исполкомов удостоверений с правом устройства собраний по сбору мелких пожертвований»[872]. А Пермский окружком в циркулярах райкомам сообщал, что в 1924 году празднование сабантуя сопровождалось чтением Корана и участием мулл[873]. В январе 1924 года заведующий агитпропом и секретарь Пермского окружного татбашбюро писал

[871] Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-210. Оп. 1. Д. 286. Л. 6.
[872] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 232. Л. 53.
[873] Там же. Д. 233. Л. 74.

в Уралобком, что в местной мечети «по воскресениям среди мужчин, и по пятницам среди женщин проводятся беседы на религиозные темы вне времен религиозного обряда (Намаз), а стороны муфтиев Гасимова и Айдарова ведется религиозная агитация», в связи с чем Татбашбюро просило сообщить, «имеют ли они отдельно разрешение на ведение таковых бесед в немолитвенное время и если нет, то какой штраф»[874].

Очевидно, что в условиях укрепления советской власти официальная государственная антирелигиозная политика и ислам не могли сосуществовать. Решением от 3 января 1923 года Наркомпрос постановил, что все религиозные школы должны были быть закрыты, но по факту этого не было сделано[875]. На заседании Центрального Татаро-Башкирского Бюро при ЦК РПК (б) от 17 октября 1924 отмечалось, что «большим тормозом в работе является духовенство», которому в последние два года по линии Наркомнаца предоставлены такие права, что они вполне имеют возможность «вести свою агитработу на местах, они в каждом поселке имеют 2–3 представителя духовенства, в то время как мы туда попадаем 2–3 раза в год»[876]. В докладной записке уполномоченного облисполкома С. Г. Нураева «По обследованию работы среди нацмен в национальных советах Красноуфимского района» сообщается, что в колхозе «Наука» председатель Хакимов прекратил работу и «представил возможность к проведению религиозного праздника»[877]. При этом сам религиозный актив не видел противоречий с советской властью и пытался использовать ее ресурс, прикрывая свою фактическую деятельность необходимостью достижения задач советской власти. Так, в фондах ПермГАСПИ сохранился протокол заседания инициативной группы татар 1924 года, планировавшей создать мусульманский кооператив. «Кооператив мог бы решить и культурные нужды темного татарского населения», – сообщалось в документе[878]. Однако в итоге в создании такого кооператива было отказано. После 1924 года ислам наравне с христианством был включен в русло антирелигиозной политики. Уральский областной агитпроп в инструкции окружкомам в 1924 году писал, что в связи с «усилением влияния духовенства на т/б массы, в особенности на крестьянство, антирелигиозная пропаганда среди татаро-башкир приобретает особо важное значение»[879]. В резолюции Первой Уральской областной конференции коммунистов

---

[874] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 11.
[875] Там же. Д. 233. Л. 48, 61.
[876] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 165а.
[877] Там же. Оп. 1. Д. 4413. Л. 120.
[878] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 100.
[879] Там же. Д. 234. Л. 7.

татаро-башкир отдельным пунктом было обозначено, что политика НЭПа привела к «некоторому притуплению» классовой борьбы между рабочими и буржуазным элементом т. б., что стало причиной активизации мусульманского духовенства, «пытающегося под флагом ислама проводить шовинистические идеи пантюркизма и его религиозной оболочки – панисламизма»[880]. Для противодействия исламу предлагалось готовить «антирелигиозников» из среды членов партии, окончивших старое медресе или хорошо знакомых с исламом; дополнить работу совпартшкол по антирелигиозной пропаганде пунктом об антиисламской пропаганде; вести широкую антиисламскую пропаганду среди широких масс; обратить внимание на педсостав «в смысле его подготовки по антирелигиозным вопросам»[881].

Важным направлением антирелигиозной работы стала поддержка праздника Сабантуй. Этот праздник не был связан с исламским вероучением, поэтому его использовали как альтернативу религиозным торжествам. На упомянутом выше заседании пленума Уральского обкома в 1925 году был заслушан доклад «О реконструкции сельского хозяйства в национальных районах Уральской области». В резолюции отмечалось, что национальные меньшинства в вопросах сельского хозяйства находятся «на низшем уровне своего развития» в сравнении с сельским хозяйством основных национальностей[882]. Уралстатбюро предлагалось начать изучение хозяйственно-экономического, культурного и социального устройства национальных меньшинств, местным органам – придать массовым национальным праздникам, таким как Сабантуй, характер демонстрации достижений сельскохозяйственного коллективного труда[883].

Об использовании праздников в политико-просветительской работе говорилось и на первом областном Совещании работников среди нацмен в декабре 1927 года. В итоговой резолюции совещания подчеркивалось: «Для массовой политпросветработы, помимо обычных видов работы, необходимо всецело использовать национально-бытовые праздники, народные развлечения, национальные вечера и другие сборища, встречающиеся как особенности, среди некоторых национальностей»[884].

---

[880] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 56.
[881] Там же.
[882] Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 6.
[883] Там же. Л. 7.
[884] О состоянии и задачах просвещения среди национальных меньшинств Урала // Резолюции Первого областного совещания работников среди нацмен. Свердловск, 1928. С. 17.

Первоначально праздник Сабантуй предлагалось проводить в день праздника Курбан-байрам, в противовес жертвоприношениям планировалось «развернуть пропаганду за улучшение скота», а процедуры «Сабантуя» должны были иметь современный физкультурный, спортивный вид. Для проведения праздника в 1925 году комиссия по устройству «сабантуя» при Татбашбюро бюро окружкома РКП (б) получила в распоряжение один автомобиль, грузовики для перевозки буфета и скамеек. О празднике сообщалось, что он устраивается с благотворительной целю и все сборы поступят в фонд Ильича[885]. Председатель Пермского окружкома в инструкции по проведению сабантуя в 1925 году особо указывал, что праздник «ничуть не является религиозным праздником, а наоборот антирелигиозным праздником, праздником физкультуры и сельскохозяйственного труда»[886]. Со временем сабантуи стали более масштабными торжествами. Можно предположить, что именно в советский период значение праздника существенно возросло за счет понижения влияния религиозных торжеств. В 1927 году председатель областного совета нацмен Е. Хасанов, например, писал, что в дни национальных и религиозных праздников большинство школ и детдомов под руководством педагогов проводит антирелигиозную пропаганду, руководство праздниками Сабантуй, Жейны, Косе и др. постепенно переходит в руки партийных и комсомольских органов[887].

Очевидно, что религиозность и принадлежность к исламу были важной частью повседневной жизни татар и башкир Урала. В этой связи областные власти в отношении этих двух народов должны были корректировать национальную политику с усилением акцента на антирелигиозной работе, чего не было, например, у групп коми-пермяков, марийцев или славянских народов. В результате в советский период сформировались светские татарская и башкирская культуры, соответствующие представлениям о советских национальностях, включавшие в себя, в том числе, политику образования на родных языках.

5.1.4. Этнический фактор в системе образования башкир и татар

В логике национальной политики в 1920-е годы для второго и третьего по численности народов были предприняты попытки институировать развитие этничности через систему образования и культуры.

---

[885] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 40.
[886] Там же. Ф. 2. Оп. 1. Д. 244. Л. 48.
[887] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 41. Л. 305 об.

В 1920-е годы по всей области создавались учебные заведения, учреждения культуры областного значения, издавались районные и областные газеты. Как было показано выше, в области было открыто несколько татарских и башкирских школ. В Перми с 1934 года работал Татарско-башкирский педтехникум, который находился в здании Пермского педучилища. В 1936–1937 годах там обучалось 268 человек (1934 – 153, 1935 – 172, 1936 – 231): «В связи с ростом потребности учителей НСШ и СШ растет ежегодный контингент студентов техникума»[888]. В Свердловске также был открыт Татарский педагогический техникум, издавались газеты на татарском языке «Социализм Юлы», «Колхоз Юлы» (Бардымский район). В 1936 году «под углом удовлетворения выросших запросов нацмен» Свердловский горсовет открыл при Доме просвещения нацмен Татарский рабочий театр на 17 человек[889]. Помимо работы драматических кружков в крупных городах периодически проводились тематические мероприятия, связанные с татарским языком и культурой. Например, в марте 1928 года при участии татарских газет «Эшче» и «Сабан эм чукеч» в Перми для «тюркско-татарских рабочих» прошел цикл вечеров и собраний в клубах и школах, посвященных татарскому поэту Галимзяну Ибрагимову[890]. В отчетах райисполкомов и инспекторов из области регулярно отражалась информация о поддержке татарской или башкирской культуры в определенных районах. В Азигуловском сельсовете Манчажского района, где преобладало татарско-башкирское смешанное население, работали национальные школы, в избе-читальне были патефон, гармошка и мандолина. При избе-читальне организован драмкружок, который давал постановки для колхозников в месяц 2–3 раза[891].

Но как и в целом в системе образования, в Уральской области не хватало учителей и учебных помещений. В техникумах Перми и Свердловска было недостаточно учебных помещений, общежитий для приезжих студентов. Ситуацию с образованием ярко демонстрирует и доклад «О положении народного образования среди татар.башк. населения Пермского округа». В документе сообщалось, что существующие на конец 1925 года школы 1-й ступени только на 6–7% удовлетворяют население[892]. Из 10 сельских школ собственные помещения имели только две. Из семи школ по ликвидации неграмотности функционировала только одна в Чусовском заводе на 17 учеников с одним работником.

---

[888] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 21.
[889] Там же. Л. 79.
[890] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 246. Л. 17.
[891] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 4–5.
[892] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 30.

Остальные закрылись из-за непосещения неграмотными[893]. Также в докладе сообщалось о проблеме с образованием для взрослых. На курсы переподготовки сельское население в город не ездило. Если же удавалось кого-то отправить в город на обучение, то обратно в деревню молодые специалисты не возвращались[894].

Крупнейшая «национальная школа» Сарапульского округа в селе Барда, как показывают отчеты районного отдела народного образования, материально была недостаточно оснащена: «Бардымская школа коммуна в материальном отношении вполне обеспечена удовлетворительно только в отношении питания, но полная нехватка в постели, одеял, одежды, белья и других хозяйственных оборудований, а также в отношении домашнего скота, кроме лошадей, которых имеется три... помещение в отношении классов, так и общежитие довольно тесное»[895]. В отчете инструктора нацмен Ахметшина об итогах работы на Содовом заводе Верхнекамского округа 13–16 марта 1929 года приводится пример работы школы 1-й ступени, которую «гоняют с места на место». Сначала школа размещалась в одном здании с русской школой, затем была переведена в рабочий клуб, откуда в другой рабочий клуб, который уже через пять дней также отказался от размещения школы. В результате она обосновалась в зрительном зале рабочего клуба[896]. В отчете инспектора облисполкома о деятельности Татарского областного театра отмечено следующее: «Концерты обслуживаются исключительно силами самодеятельности, штатных исполнителей при радио нет. Вообще профессиональных исполнителей из националов в городе нет... Концерты, передаваемые по радио ввиду репертуарных и исполнительных ограничений зачастую, по сравнению с концертами казанских и уфимских радиостанций бывают не на высоком уровне»[897].

Существовавших аппаратов уполномоченных и ресурсов не хватало, чтоб охватить все население. Несколько крупных населенных пунктов с татарским и башкирским населением, находившихся в окружении преимущественно русского населения, не были охвачены процессами национальной политики. Ярким примером могут считаться старинные татарские и башкирские села, находившиеся рядом с крупными городами. Так, например, рядом с Пермью находились сельсоветы, по умолчанию считавшиеся «национальными»: Кояновский и Башкултаевский. Инспекционная поездка в 1933 году выявила, что горсовет как таковой

---

[893] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 234. Л. 30 об.
[894] Там же. Л. 31.
[895] Там же. Л. 7.
[896] Там же. Ф. 156. Оп. 1. Д. 265. Л. 96–96 об.
[897] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 79 об.

работы там не вел: «...связь избы-читальни с рабочими клубами отсутствует, отсутствует кружковая работа, радио, читка газет не проводится. Красные уголки в колхозах не работают. Библиотеки современной литературой плохо пополняются», в связи с чем инструктор пришел к мнению, что «Президиум Городского совета недостаточно учитывает национальные особенности и недостаточно оказывает помощи национальным сельсоветам и рабочим предприятиям»[898]. Наибольшие сложности в работе, судя по источникам, существовали в Кизеловском районе. Недостатки работы отмечала даже местная газета «Смычка». По словам автора статьи «Работа среди нацмен требует улучшения», в районе проживало свыше шести тысяч татар, но работу среди них никто не вел. Отмечено, что татарские инструктора получают зарплату ниже, чем русские, а районные власти уделяют недостаточно внимания[899]. Отсутствовала литература на родном языке: «Основное уязвимое место среди татаро-башкир Кизеловского района – отсутствие литературы на родном языке. Нацменовский орган обкома ВКП (б) «Сабан-Чукен» очень редко можно встретить в библиотеках. Даже на Усьвинских копях, где 75% составляют татаро-башкиры, «Сабан-Чукен» не выписывается совершенно»[900].

Стоит отметить, что даже в сравнении с Коми-Пермяцким национальным округом, в среде образования для татар и башкир не было принято единого документа на уровне области, местные власти пользовались инструкциями по работе с нацмен окружных исполкомов, которые предписывали обеспечить строительство школ, преподавание на родном языке и создать соответствующую «культурную среду». Это делалось в районах компактного проживания татар и башкир в рамках общей политики по ликвидации безграмотности и вовлечения общественных активистов в мероприятия органов власти. Однако выделяемых ресурсов на руководство сетью образовательных учреждений образования и культуры для татар и башкир не хватало, в связи с чем значительная часть населения этих двух народов не была вовлечена в мероприятия национальной политики.

5.1.5. Деятельность Комитета нового тюркского алфавита в Уральской области

Наиболее успешной работа по переходу на новый латинский алфавит была именно в среде тюркских народов. Она была напрямую связана с деятельностью общества «Яналиф». Уральское областное

---

[898] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 17 об.
[899] А о женщинах забыли // Смычка. 1928. 28 марта.
[900] Культработа среди татаро-башкир // Смычка. 1929. 3 янв.

отделение общества было создано 9 декабря 1927 года. После принятия соответствующего постановления Малого Президиума Облисполкома (протокол № 1, п. 32 от 24.12.1928) был создан Областной комитет Нового татарского алфавита (НТА), одновременно создавались окружные комитеты: Сарапульский – 12 января 1929 года, Кунгурский – 25 января 1929 года, Верхнекамский – 1 февраля 1929 года. Пермский комитет в составе пяти человек был создан за месяц до принятия постановления – 14 ноября 1928 года. Дополнительно районный комитет был создан в городе Кизеле Верхнекамского округа и имел непосредственную связь с областным центром[901].

При открытии ячеек «Яналиф» Агитпроп обкома ВКП (б) выпустил специальную инструкцию окружкомам: «При обсуждении вопроса об организации Яналиф нужно полагать, что будут задаваться различного рода вопросы со стороны верующих – поэтому Агитпроп предлагает тщательно подготовиться к этому вопросу докладчикам, что дает возможность отвечать на вопросы безболезненно, причем строго предлагает без подготовки не делать попыток к организации общества Яналиф – в результате чего могут быть попытки подрыва авторитета новой и важнейшей организации», – говорится в документе[902]. В феврале 1928 года окрисполкомам было поручено «все официальные документы, выходящие из селения нацмен, вести на русском языке, что же касается выдачи официальных документов и дачи необходимых справок в самом сельсовете, занятом нацменьшинством, то она должна производиться на их родном языке»[903].

С 19 по 22 сентября 1928 года в Свердловске состоялось первое Областное совещание представителей общества «Яналиф», целью которого было подведение итогов деятельности за год и принятие пятилетнего плана введения тюркского алфавита. После долгих дискуссий было решено в школах 1-й ступени в течение 1928/1929 учебного года ликвидировать неграмотность на новом алфавите и перевести на него 10–15% учебного процесса, в 1930/1931 году этот показатель нужно было повысить до 50–60%, в 1931/1932 году – до 75%, а в 1933/1934 году планировалось полное завершение перехода образовательного процесса тюркских народов на новый алфавит. Школы повышенного типа (7- и 9-летки, техникумы, школы рабочей молодежи) должны были перейти на новый алфавит в течение 1932/1933 учебного года. К этому же времени планировался и переход на него политпросветучреждений

---

[901] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 267.
[902] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 246. Л. 83.
[903] Там же. Оп. 1. Д. 234. Л. 8.

(изб-читален, библиотек, народных домов, красных уголков). План перехода на яналиф не касался людей старше 45 лет, если они сами не изъявляли инициативы[904].

Работа по внедрению НТА шла в нескольких направлениях, в том числе путем выездов в отдаленные районы активистов ячеек общества «Яналиф», распространения агитационных материалов и организации курсов переподготовки для учителей. Выездные курсы обследования Уральского областного бюро общества «Яналиф» в 1929 году показали, что учительский персонал подготовлен, внедрение нового алфавита проходит успешно. В отчете даже сообщалось, что в Кизеловском районе в школах 1-й ступени с начала 1929/1930 года новый тюркский алфавит внедрен на 100%[905]. Между тем ряд косвенных источников свидетельствует, что процесс принятия нового алфавита населением не всегда был успешным. Так, 30 апреля 1929 года за подписью заместителя заведующего отделом агитации и пропаганды Уралобкома А. Ю. Юрша и заведующего отделом нацмен Сарабского во все округа области было направлено письмо о переходе тюркско-татарских народностей на новый алфавит, в котором сообщалось, что «слабость работы по введению нового татарского алфавита не может быть оправдана загруженностью проводящих это мероприятие учреждений или отдельных работников»[906]. Позже протоколом заседания Малого Президиума облисполкома от 22 мая 1929 года предложено окрисполкомам «разработать план введения нового тюркского алфавита и довести его включительно до сельсоветов»[907]. В Азигуловском сельсовете Манчажского района Свердловской области, где русские составляли 8%[908] населения, по данным инспектора нацмен области, вся письменная работа в сельсовете и колхозах велась на русском языке, никаких бесед и совещаний с активом не проводилось[909]. Журнал «Просвещение на Урале» в 1930 году писал, что в Перми, например, «нэпманские подпевалы распускают слух о том, что, обучая новому алфавиту татар и башкир, коммунисты хотят крестить татар в русскую веру», а ликвидатор неграмотности Чазова была наказана за то, что убеждала обучающихся татар в том, что «новый алфавит и вообще татарский язык бесполезен, так как вся работа идет на русском языке». Куединский райколхоз на просьбу райорганизатора принять участие

---

[904] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 65. Л. 342.
[905] Там же. Л. 270.
[906] ПермГАСПИ. Ф. 156. Оп. 1. Д. 335. Л. 14.
[907] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 69. Л. 22.
[908] Сельсовет объединял четыре колхоза: «Большевик» и «Кзыл Уфа» (башкиры), «День РКК» и «Новый путь» (татары). Татары составляли 70%, башкиры – 22%, русские – 8%. Ситуация в сельсовете регулярно обсуждалась на областном уровне.
[909] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 37.

в ликвидации неграмотности на новом алфавите ответил: «Раз вы на это дело поставлены, вы и работайте». Приводились и примеры того, как на новом алфавите не умели читать местные партийные руководители, а финансовые учреждения не принимали подписи и расписки на новом алфавите[910]. В тюменской газете «Красное знамя» 20 октября 1930 года вышла статья «Ликвидация неграмотности среди нацмен», в которой сообщалось, что в округе татары и башкиры ведут работу по переходу на новый тюркский алфавит. Но при этом отмечены организационные проблемы: «Это еще больше осложняет работу, так как татарин, обучаясь читать и писать по арабскому шрифту, должен ознакомиться с новым алфавитом»[911]. В отчете о деятельности Комитета нового алфавита в Бардымском национальном районе подчеркивалось, что в районе обеспечена грамотность населения на уровне 70%, все делопроизводство переведено на татарский язык, издавалась районная газета на татарском языке. С точки зрения коренизации отмечено, что районный аппарат коренизирован на 75%, а сельсоветы – на 100%. Но даже там было отмечено, что на весь район имелось только две пишущие на татарском языке машинки, а в некоторых районных организациях (Райфо, Райздрав, Нарсуд, МТС, почта, райпотребсоюз) «имеет место недооценка политического значения родного языка в государственном советском аппарате»[912].

Приведенные выше документы свидетельствуют о слабой реализации планов по переходу на новый алфавит среди тюркоязычного населения Урала. Данный тезис подтверждают и более поздние документы. В 1933 году в письме всем окрисполкомам и руководителям национальных районов области пленум Комитета нового алфавита при облисполкоме констатировал, что несмотря на важность вопроса и принятые решения, «на местах для реализации этих решений совершенно ничего не делается, городские, поселковые, районные и окружные комитеты нового алфавита, а также уполномоченные по новому алфавиту бездействуют». Уже без угроз, комитет обращался с просьбой к местным органам власти как можно внимательней следить за ходом внедрения алфавита[913].

Как было показано выше, политика по латинизации алфавитов стала постепенно сходить на нет со второй половины 1930-х годов. Основные события по переходу на кириллицу произошли в Татарской

---

[910] Вооружить грамотой трудящихся нацмен // Просвещение на Урале. 1930. № 1. С. 19–20.
[911] Ликвидация неграмотности среди нацмен // Красное знамя. 1930. 20 окт.
[912] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 4.
[913] КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 135.

и Башкирской АССР, а население Уральской области только получало соответствующие решения. К 1937 году относятся документы, в которых незнание русского языка и работа на родных языках критиковались как отход от национальной политики. В январе 1937 года по инициативе областного отдела образования в Бардымском районе была организована аттестация учителей, по итогам которой было выявлено, что педагоги слабо владели русским языком: «Одновременно нужно отметить как совершенное недопущение явление граничащее с искажением существа ленинско-сталинской национальной политики, когда со стороны учительства встречаются факты игнорирования изучения русского языка, поэтому не случайным является, что большинство учителей района крайне плохо владеют русским языком и отсюда отсутствие работы над первоисточниками марксизма-ленинизма и над классиками педагогики»[914].

Таким образом, после создания Уральской области основная деятельность в отношении татарского и башкирского населения велась с разной степенью успешности. Но поскольку данные народы не жили компактно, имеющийся ресурс и масштабы деятельности не позволили наладить системную работу по всей области. Как правило, она была сосредоточена в Ялано-Катайском и Бардымском национальных районах после их создания. Татары и башкиры Урала привлекались к реализации национальной политики во время разовых мероприятий и акций, а также в рамках массовых кампаний по набору в партию. Проводимая политика не встречала отклика у местного населения, поскольку мероприятия носили единичный характер, система подготовки агитаторов практически не работала. В этом отношении большевики проигрывали даже религиозным лидерам, которые легко расширяли сеть сторонников в условиях конкуренции и религиозной свободы. Однако в условиях безальтернативного развития и усиления режима большевистская идеология постепенно принималась основной массой населения и определяла дальнейшее развитие общества.

5.2. Политика по содействию оседанию кочующих казахов

Еще одна группа народов Южного Урала – кочевники казаки (совр. казахи), проживавшие в Троицком округе. В 1930-е годы они вовлекались в национальную политику, о чем отложилось отдельное делопроизводство[915]. С 1933 года власти области начали мероприятия по

[914] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 96–96 об.
[915] ОГАЧО. Оп. 1. Д. 379.

содействию оседанию казаков (кочевников). Перешедшим на оседлый образ жизни оказывалось содействие в трудоустройстве на различные предприятия. В начале 1933 года уполномоченным по делам нацмен по Троицкому округу произведено «обследование культурно-бытовых условий и трудоустройства завербованных казаков (кочевников)» на предприятиях в Магнитогорске, Перми, Челябинске, Тагиле, Свердловске и др. Речь шла о примерно пяти тысячах кочующих казахов, проживавших на территории Троицкого округа. Им планировалось оказать содействие в оседании и дальнейшем трудоустройстве.

Известно, что в 1932 году в Свердловском педагогическом техникуме была создана группа для казахов, одна смешанная татарско-казахская. В Отчете облисполкома о нацменработе за 1932 год говорится: «Преподавание родного языка ведется в группе татарской и казакской. Из смешанной группы татары и казаки прикреплены на родной язык к соответствующим группам. В казакской группе ведется преподавание на родном языке математики, обществоведения»[916].

Трудоустройство на предприятиях шло с разной степенью успешности. Согласно Постановлению № 6662 от 11 декабря 1933 года «О состоянии культурно-бытовых условий труда и трудоустройства казаков (кочевников)», ряд предприятий, таких как Тагилвагонстрой, Стройтрест, «не обеспечили проведения необходимых мероприятий по организации приема прибывающих на работу казаков и не создали необходимых условий на самих предприятиях»[917]. Были и положительные примеры. Для трудоустроенных казахов завода «Новострой», например, был организован специальный режим диетического питания[918]. Упомянутым выше постановлением местным органам власти вменялось к 1 мая 1933 года обеспечить ликвидацию неграмотности среди взрослых казаков. Важной частью политики было и решение «редакциям областных и районных газет систематически освещать состояние культурно-массовой работы на предприятиях, где работают казаки, и лучшие образцы ударной работы их на этих предприятиях»[919].

Стоит обратить внимание и на тот факт, что при оседании у казаков, видимо, возникали конфликтные ситуации с местным населением, о чем опять же свидетельствуют источники. В упомянутом выше постановлении, кроме прочего, говорилось, что «облпрокурору и Облсуду обеспечить рассмотрение в кратчайшие сроки дел об издевательстве

---

[916] ОГАЧО. Оп. 1. Д. 146. Л. 100.
[917] Там же. Д. 59. Л. 83.
[918] Там же. Л. 97.
[919] Там же. Л. 83–84 об.

над казаками»[920]. В 1934 году после разделения Челябинской и Свердловской областей политика в отношении казахов осталась в компетенции Челябинской области. Однако в этом регионе не было создано отдельного ведомства, ответственного за национальную политику. В этой связи и сведений о кочующих казахах в период после 1934 года практически не сохранилось, что затрудняет оценку эффективности политики во второй половине 1930-х годов. Судя по сохранившимся документам, проблема оседания была решена двумя путями: часть недовольных мигрировала в Казахскую ССР, другая часть осела в городах и адаптировалась в новых условиях.

5.3. Марийцы и удмурты в национальной политике Урала

Марийцы и удмурты проживали в западных и южных районах Урала. Характер расселения, особенности комплексов традиционной духовной и материальной культуры этих народов позволяют рассматривать их как единое образование с позиций национальной политики. В округе было всего два места компактного расселения марийцев численностью свыше 200 человек – в Сарапульском (Суксунский район) и Кунгурском (Красноуфимский район) округах. Марийцы были шестым по численности народом области после татар, башкир, коми-пермяков, украинцев и белорусов[921]. Географическим центром был город Красноуфимск. Остальные территории проживания располагались в радиусе 90 км. Марийское население Урала проживало дисперсно на границе с Башкирской АССР, что также вызывало дискуссии о принадлежности населенных пунктов марийцев. Так, в 1926 году часть территорий Бирского кантона Башреспублики была передана в составе Алмазовского района Кунгурскому округу Уральской области (марийские деревни Баймурзино, Текловка, Тегерменево)[922]. До 1930-х годов численность марийцев Урала была стабильной, находясь в диапазоне 18–20 тыс. (см. таблицы 5.4, 5.5).

Свыше 99% марийцев этих территорией владели родным языком и являлись жителями сельской местности. Аналогичная ситуация была у удмуртов. Они были расселены компактно в Сарапульском округе (Куединский район), подавляющее большинство удмуртов этой территории (свыше 99%) были сельскими жителями и владели родным языком. Хотя у удмуртов можно отметить более дисперсный характер

---

[920] ОГАЧО. Оп. 1. Д. 59. Л. 83–84 об.
[921] Всесоюзная перепись населения 1926 г. ... С. 107–126.
[922] *Черных А. В., Голева Т. Г., Щукина Р. И.* Марийцы Пермского края... С. 76.

расселения, который был вызван приграничным положением Уральской области и Вотской автономной области в 1920-е годы. Крупные группы удмуртов, например, проживали в Пермском и Кунгурском округах, но они представляли другие группы, не являясь преимущественно сельскими жителями с высоким уровнем сохранения языка. В Киясовском и Каракулинском районах Сарапульского округа имелись территории основного исторически сложившегося проживания удмуртов. В результате миграций удмуртов в рамках переселенческих кампаний 1920-х годов отдельные группы оформились в Тагильском и Свердловском округах.

Таблица 5.4

Марийцы и удмурты Уральской области в переписи населения 1926 года

	Марийцы	Из них с родным языком (%)	Из них в сельской местности (%)	Удмурты	Из них с родным языком (%)	Из них в сельской местности (%)
1	2	3	4	5	6	7
Верхнекамский	9	9 (100%)	8 (89%)	23	22 (96%)	11 (47%)
Златоустовский	16	13 (81,3%)	9 (56,3%)	1	–	–
Ирбитский	5	4 (80%)	4 (80%)	57	46 (80,7%)	40 (70,2%)
Ишимский	14	12 (85,7%)	11 (78,6%)	18	11 (61%)	17 (94,4%)
Коми-Пермяцкий	–	–	–	17	11 (65%)	17 (100%)
Кунгурский	15 397	15 379 (99,9%)	15 285 (99,3%)	370	351 (95%)	369 (99,7%)
Курганский	1	1 (100%)	1 (100%)	21	13 (62%)	19 (90,5%)
Пермский	23	19 (83%)	6 (26,1%)	904	824 (91,2%)	568 (63%)
Сарапульский	2349	2338 (99,5%)	2347 (99,9%)	11 256	11 161 (99,2%)	11 202 (99,5%)
Свердловский	819	814 (95%)	811 (99%)	165	139 (84,2%)	119 (72,1%)

Продолжение табл. 5.4.

1	2	3	4	5	6	7
Тагильский	19	15 (79%)	12 (63,2%)	830	804 (97%)	756 (91%)
Тобольский	158	131 (82,9%)	158 (100%)	4	4 (100%)	1 (25%)
Троицкий	1	1 (100%)	1 (100%)	–	–	–
Тюменский	3	2 (67%)	2 (67%)	170	155 (91,2%)	150 (88,2%)
Челябинский	5	5 (100%)	3 (60%)	4	–	3 (75%)
Шадринский	1	–	–	15	5 (33,3%)	14 (93,3%)
По области	18 820	18 743 (99,6%)	18 658 (99,1%)	13 855	13 546 (98%)	13 286 (96%)

Таблица 5.5

Марийцы и удмурты Пермской, Свердловской, Челябинской и Омской областей по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года в переписи населения 1926 года

Народ	Свердловская область	Пермская область	Челябинская область	Омская область (ХМАО, ЯНАО, Тюменский округ)	Итого (%)	По отн. к Уральской области 1926 года
Все население	2 511 309	2 087 518	2 801 853	2 378 410	9 779 090 (100%)	1,4
Марийцы	15 605	3923	770	42	20 340 (менее 1%)	1,2
Удмурты	7684	9781	814	44	107 972 (менее 1%)	0,7

В 1939 году данные по численности марийцев и удмуртов коррелировали с показателями 1926 года. Удмуртское и марийское население оставалось преимущественно сельским, причем после раздела Свердловской и Пермской областей административные границы прошли по местам компактного проживания удмуртов и марийцев (их в большей степени), в результате чего большая часть удмуртов осталась в Пермской области (Куединский район), а марийцы преимущественно вошли в состав Свердловской области (Ачитский, Артинский, Красноуфимский районы). Часть удмуртов в составе Сарапульского района вошла в Удмуртскую АССР, с чем связано сокращение их численности.

В районах проживания марийцев и удмуртов создавались национальные сельсоветы. «Марийские сельсоветы» имелись в Манчажском, Красноуфимском, Артинском и Ачитском районах. В Манчажском районе из 16 сельсоветов считались марийскими Средне-Бугалишевский, Ювинский, Куркинский (полностью марийский), Б.-Карзинский, Симичинский[923]. Марийскими также считались свыше десятка колхозов области, которые были распределены по районам следующим образом: Суксунский – 3, Манчажайский – 12, Щ.-Озерский – 1, Нижне-Сергинский – 2, Артинский – 10, Ачитский – 6, Кишертский («Боц Марий») – 1, Красноуфимский – 1[924]. В середине 1930-х годов в рамках подготовки курсов для колхозниц-мариек власти области составили список «марийских колхозов» по области, всего было выделено 35 колхозов в восьми районах области, самыми крупными из которых были «Интернационал» (Манчажский район), «Пелэдыш» (Артинский район) и «Верный путь» (Ачитский район). Больше всего колхозов (11) было в Манчажском районе[925].

Марийцы часто упоминаются в отчетах о деятельности ответственных органов власти, однако из-за смешанного характера расселения и нахождения компактных мест проживания по разные стороны административных границ округов не произошло создания отдельной территориальной автономии или административной единицы. Восприятие марийцев как отдельной общности видно по отчету инструктора облисполкома Н. А. Сташкиной, составленному по итогам поездки в 1935 году. В отчете, помимо сравнения «старого» и «нового» времени, она представляет немало этнографических сведений: «Марийское население в старое время жило очень грязно. Были живущие чисто – отдельные единицы.

---

[923] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 1.
[924] Составлено и подсчитано по: Там же. Оп. 5. Д. 170.
[925] Там же. Д. 146. Л. 86.

В большинстве же случаев была развита национальная вражда. Если мариец не пойдет учиться каким-нибудь культслушателем в церкви, то его не принимали учиться. Также их называли «черемисами», точное определение – оскорбительное слово вроде «сеченой мыши», поэтому очень эти национальности ненавидели друг друга, но если взять в настоящее время, то, конечно, нет среди нацмен населения, а также среди русских, но тем не менее есть еще старый остаток в культуре и быту... Примерно взять, если марийка заболела, то говорит «вода поймала» или еще что-нибудь «кэрэмэт нарнэн иэн паша». Если эти обряды она не сделает, то не пойдет в больницу. Конечно, также дело еще есть у отдельных более пожилых людей... Женщины после выхода замуж шьет примерно один метр холст – спереди сделано вроде кулька из метра холста, оставлено не вышито только четверть метра, но это «шынашовысо» носят потому, что религиозный закон – молодая женщина не должна показывать старшим голову. Для вышивки «шынашовысо» время тратится примерно 10 дней... так по старому пережитку женщины марийки труд затрачивают бессмысленно... Большинство молодых, выходящих замуж, теперь «шынашовысо» не носят... на этом участке еще среди мариек нужно провести большую разъяснительную работу»[926]. И даже сравнивала марийцев с другими народами: «Если взять татарскую национальность, то здесь можно отметить так, что в быту татары живут чище, чем марийцы. Женщины курят редко, вообще они курящих не любят. Женщины татарки вышивкой не занимаются, чем занимаются марийки»[927].

Деятельность в отношении марийцев отмечается преимущественно в источниках второй половины 1920-х годов. Им также оказывались меры поддержки и институирования этничности. Система образования марийцев включала в себя: 38 начальных школ, 5 неполных средних, 1 педтехникум, 10 клубов и нардомов, 15 изб-читален. Главным учебным заведением был Красноуфимский педагогический техникум (Уралмартехникум), готовивший кадры для Татреспублики, Башреспублики и Вотской автономной области. В источниках отмечено, что техникум «имеет большое культурно-политическое значение для нацмен мари»[928]. В течение 1930-х годов он выпустил 250 человек – агрономов, учителей, избачей. В техникуме издавалась газета «Социализм Корно» («Путь к социализму»)[929], которая с 1935 года была передана в бюджет области

---

[926] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 4.
[927] Там же. Л. 4 об.
[928] Красноуфимскому марийскому техникуму нужна помощь // Уральский рабочий. 1931. 12 янв.
[929] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 3.

из бюджета Красноуфимского района[930]. Как и в случае с татарскими и башкирскими учебными заведениями, ситуация с материальным обеспечением техникума была очень тяжелой. Вот как описывала ее газета «Уральский рабочий» в 1931 году: «Сейчас техникум находится в тяжелом состоянии. Кошмарное материальное положение. Ремонт общежития не закончен, вторых рам в окнах нет. Стекла на окнах вставлены не все, некоторые заколочены досками. За ночь наметает в общежитие сугробы снега, температура 7 градусов ниже нуля. Полы моются редко, в общежитии – грязь. Мебели нет. Учащиеся спят по двое, по трое на одной койке на голых досках. В результате начался отсев учащихся из педтехникума и повысилась неуспеваемость»[931]. Однако значение техникума было огромным. В течение 1930-х годов он выпустил 250 человек – агрономов, учителей, избачей. При нем издавалась газета «Социализм Корно» («Путь к социализму»)[932].

Как и в других похожих территориях, реализация национальной политики к 1930-м годам свелась к переводу местного населения на делопроизводство на марийском языке и распространению грамотности на родном языке, распространению СМИ. Это подтверждается отчетами о деятельности инструкторов нацмен в Манчажском и Суксунском районах. Из докладной записки инструктора отдела нацмен Казанцева на имя заведующего отделом нацмен облисполкома Рахматулина от 27.09.1936 «О выполнении Суксунским райисполкомом постановления Президиума облисполкома от 09.05.1936 за № 4288: «В районе нацменовских сельсоветов 4, из них два марийских (Тебеняковский и Сызганский)... школ открыто начальных 7, НСШ – 2, из них для марийцев 4 начальных и НСШ одна (Васькинская НСШ)... Школы и кружки по ликвидации неграмотности и малограмотности среди населения татар и марийцев при школах на родном языке не организованы, что не обеспечивает перевода делопроизводства на родной язык... Избы-читальни Тебеняковского, Сызганского и Истекаевского советов числятся только на бумаге формально, фактически никакого оборудования в помещениях нет... Библиотеки во всех трех избах-читальнях имеют художественной литературы от 5–10 экз. на русском языке, а на родном марийском или татарском ничего нет... Избач Сызганской избы-читальни т. Китаев по месяцам не заходил в избу-читальню. Помещение

---

[930] Постановление № 278 Президиума Свердловского областного исполнительного комитета № 278 от 08.02.1935 «О финансировании областной марийской газеты «Социализм корно». ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 136.

[931] Красноуфимскому марийскому техникуму нужна помощь // Уральский рабочий. 1931. 12 янв.

[932] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 3.

избы-читальни довел до такого состояния: на столах, окнах пыль, грязь, газеты и книги разбросаны и затянуты пылью, печь развалилась, на полу земля, а стены затянуты пылью и паутиной. Приятнее посидеть в полевом стане с колхозниками, чем в избе читальне. Сам Китаев вместо массовой работы с колхозниками – пьянствует»[933]. Были проблемы в отношениях марийцев с местным русским населением. Особенно в Красноуфимске, куда съезжались студенты из марийских деревень. «Со стороны обывательской молодежи города были случаи шовинистических выпадок по адресу студентов [марийцев – авт.]. Несколько студентов-марийцев были избиты... Общественность Красноуфимска относится безразлично к существованию техникума и тем безобразиям, какие творятся как вокруг техникума, так и в техникуме», – писала в 1931 году газета «Уральский рабочий»[934]. Все это затрудняло вовлечение марийцев в советскую национальную политику.

Родной марийский язык применялся в области неравномерно. В докладной записке «Материал о работе Сызганского совета Манчажского района» от 20.10.1936 сельсовет называется чисто национальным, в составе пленума сельсовета было 13 человека – «все нацмены» (марийцы). О распространении языка говорится следующее: «...оргмассовая работа совета проводится на национальном родном языке, оформление протоколов производится на русском языке. Книги учета отчетности в сельсовете имеются на татарском языке, а запись производится на русском языке»[935]. В 1936 году инструктор орготдела Манчажского района М. Г. Санников и сотрудник редакции «Социализм Корно» Ф. И. Маслов организовали инспекционный выезд по марийским деревням района. В отчете сказано, что в этом сельсовете марийцы составляли почти 40%, а из шести колхозов два были марийскими[936]. Делопроизводство велось в сельсовете на русском языке, но председателями в марийских колхозах были марийцы. Отмечено отсутствие противоречий: «Извращения национальной политики, проявление великодержавного шовинизма, местного национализма ни под какими признаками со стороны сельсовета и его работников не было»[937]. В декабре 1936 года Областной Комитет нового алфавита даже обращался к ОблОНО с вопросом о необходимости иметь в аппарате ОблОНО инспектора, владеющего марийским языком, «учитывая совершенно недостаточное

---

[933] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4413. Л. 83 об.

[934] Красноуфимскому марийскому техникуму нужна помощь // Уральский рабочий. 1931. 12 янв.

[935] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4409. Л. 70.

[936] Там же. Л. 24.

[937] Там же. Л. 25.

практическое руководство и методическое обслуживание марийских школ в области»[938]. Но такого решения принято не было. В планах по переводу делопроизводства на родные языки за 1936 год еще ставятся задачи и берутся обязательства о переводе делопроизводства на марийский язык в районах их проживания[939].

На примере групп марийцев и удмуртов Уральской области можно проследить роль национальных республик в реализации отдельных мероприятий национальной политики. Власти республики оказывали помощь Уральскому облисполкому в предоставлении материалов, научном и методическом сопровождении развития культуры.

Помощь в реализации национальной политики в отношении марийцев оказывала Марийская АССР. При ее поддержке в Уральскую область доставляли газеты на марийском языке, оказывали помощь в организации преподавания марийского языка, осуществляли научное сопровождение. В июле 1935 года Марийским научно-исследовательским институтом (Мари НИИ) была организована экспедиция в районы проживания марийцев с целью изучения языка восточных марийцев (Урала, Башкирии, Татарии). Руководил экспедицией сотрудник Мари НИИ тов. Капитонов. Экспедиция работала в составе: студент 3-го курса Николай Юсупов, преподаватель Валитпаев, также привлекались отдельные работники на местностях. Объектами для изучения стали: Б. Карза Манчажского уезда, Юва-Ключики Красноуфимского и Манчажского районов, Ст. Бухарова Н.-Сергинского района, Тавра-Багышкова Артинского района. Основной задачей было изучение языка уральских марийцев и выявление отдельных диалектов. По итогам работы экспедиции путем сравнения и сопоставления диалектов выявлено два говора: уфимский и кунгурский. Уфимский говор отличался более мягким произношением, кунгурский – более твердым[940]. Власти области также выделили несколько «национальных» сельсоветов и колхозов. Была создана система подготовки педагогических кадров для обучения родному языку, осуществлена попытка перевода делопроизводства марийских сельсоветов на родной язык, но неудачно. А отсутствие успехов в достижении определенных целей объяснялось нежеланием или неумением местных органов власти понимать особенности национальной политики.

Характеризуя в целом политику в отношении марийцев Урала, можно отметить, что она абсолютно вписывалась в сложившиеся к началу 1930-х годов управленческие парадигмы национальной

---

[938] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4407. Л. 3
[939] Там же. Оп. 5. Д. 146. Л. 87.
[940] Там же. Оп. 1. Д. 4407. Л. 76.

политики. Для марийцев Урала не было создано отдельной административной единицы, поскольку они проживали преимущественно дисперсно. Сохранение культуры марийцев не было приоритетным для властей области, в связи с чем политика в их отношении ограничивалась общими мероприятиями и проектами, инициированными Марийской АССР.

Что касается национальной политики в отношении удмуртов, то о ней в источниках практически ничего не отражено. В отчетах Куединского района в облисполком за 1936 год говорится о существовании четырех удмуртских советов, в двух из которых секретарями были удмурты, а в двух – русские, о которых говорилось, что их «необходимо заменить знающими язык и письменность удмуртов»[941]. Известно о существовании в области в начале 1930-х годов удмуртских колхозов «Гордармия», «Виль Кутяне», «Виль Палей», «Виль удон», «Виль сурес», а также школ в селах Кирга и Гожан. В Гожанской избе-читальне работала колхозная библиотека на 100 книг на удмуртском языке[942]. В 1935/1936 учебном году «СвердКОГИЗ» приобрел для области 10 наименований учебников для начальной школы, 1350 экземпляров, и 17 учебников для неполной средней школы, 1955 экземпляров, для удмуртов области[943]. Сведений о деятельности органов власти в отношении удмуртов в источниках более не сохранилось. За пределами мест компактного проживания марийцев и удмуртов их обучение не было обеспечено. Например, из отчета Щучье-Озерского райисполкома, где имелись населенные пункты татар, удмуртов, марийцев, эстонцев, немцев и белорусов, следует, что дети Ивановского и Тураевского сельсовета хотя и «охвачены полностью школами, но они обучаются исключительно на русском языке или на татарском. Эстонцы, немцы, белорусы (на русском), марий и удмурт (на татарском или на русском)»[944].

Отсутствие делопроизводства и отчетов о марийцах и удмуртах свидетельствует о том, что они не были объектами национальной политики. Они фигурировали лишь в общих отчетах, а также в мероприятиях и проектах, инициированных титульными республиками.

В целом работу в отношении народов, исторические места проживания которых находились за пределами области, характеризует ряд общих признаков. Отсутствие ответственных работников и координированной работы объясняет небольшую источниковую базу,

---

[941] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 46. Л. 87 об.
[942] Там же. Д. 4410. Л. 17.
[943] Там же. Д. 46. Л. 132.
[944] Там же. Д. 145. Л. 46.

недостаточную для глубокого анализа политики. Как таковой стратегии в отношении этих народов не существовало, она включала в себя общие мероприятия, связанные с коренизацией, внедрением социалистических форм хозяйства, ликвидацией безграмотности. Несколько мероприятий, отраженных в отчетах, были связаны с активизацией соседних национальных республик. Исключением можно назвать работу в Бардымском районе, который стал национальным. Для Уральской области он был своего рода эталоном, отвечавшим всем критериям национальной политики. Тем не менее все мероприятия в отношении татар, башкир, марийцев, удмуртов, нагайбаков и казахов были вписаны в контекст советской модернизации и способствовали поддержке развития современных национальных культур в пределах Уральской области.

Глава шестая.

ЭТНОДИСПЕРСНЫЕ И ЭТНОЛОКАЛЬНЫЕ ГРУППЫ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКЕ УРАЛА

В рамках данной главы будет рассмотрено несколько примеров реализации национальной политики в отношении небольших по численности этнических сообществ (этнодисперсных групп), не являющихся коренными для Урала, но, в силу разных причин, вовлеченных в советскую модернизацию. Среди таких групп в качестве наиболее показательных автором выделены цыгане, чуваши, белорусы и украинцы, болгары, китайцы и немцы. В целом данные кейсы позволяют расширить представления об особенностях национальной политики, оценить влияние культуры и традиций на особенности работы органов власти с определенными этническими группами.

Значительное влияние на облик этнодисперсных групп оказали переселенческие кампании. Проблема перенаселения центральных районов страны, с разной степенью успешности решаемая царским правительством, не перестала быть актуальной даже после голода и Гражданской войны[945]. К середине 1920-х годов советские эксперты, ответственные за переселенческую политику, оценивали избыток населения в центральных районах СССР в диапазоне от 10 до 23 млн человек[946]. По данным Наркомтруда, больше всего отходников выходило из Поволжья и Украинской ССР. Так, из Средне-Волжского района в 1923/1924 году вышло 104,8 тыс. человек, в 1924/1925 году – 214,0 тыс. человек, в 1925/1926 году – 246,4 тыс. человек[947]. В этих условиях советское правительство вернулось к дореволюционной идее стимулирования миграции из перенаселенных районов Поволжья и Центральной России на Урал. Новую переселенческую политику планировалось вести административным путем. Советским органам, уверенным в преимуществах плановой системы, казалось, что формирование земельных фондов и регулированная переброска населения позволят решить проблему перенаселения. Еще на совещании по организации переселенческой кампании в 1927 году один из ее идеологов Н. Турчанинов так видел ход переселения: «Мы должны

---

[945] *Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976. С. 5.

[946] *Каменских М. С.* Национальная политика в Прикамье... С. 144.

[947] *Платунов Н. И.* Указ. соч. С. 57.

организованно проводить переселение, проводить его под общественным контролем»[948].

Для реализации нового переселения был принят Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928/1929 – 1932/1933 годы[949]. В п. 2 плана «Общие задачи промышленной колонизации на Урале. Первоочередные районы колонизации» сообщалось о подготовке строительства новых «крупнейших» предприятий на Урале: «Все это должно вызвать большой приток рабочей силы и в результате существенного изменения в распределении населения, возникновение новых крупных поселений городского типа и вокруг них целых групп обслуживающих их нужды сельских пунктов»[950]. В задачи созданной для этих целей Уральской районной переселенческой организации входила колонизация будущих промышленных центров севера и юга Урала – Нижнетагильского и Верхнекамского округа, а также Магнитогорского района Троицкого округа. В связи с подготовкой строительства новых «крупнейших» предприятий на Урале планировалось существенно увеличить объемы лесозаготовок. На тот момент они на 75% велись привозными рабочими из лесных губерний Европейской части России общей численностью свыше 10 тыс. человек. Для обеспечения нужного количества рабочих планировалось переселить 7–8 тыс. семей и создать 150 поселков из расчета 50 дворов на поселок[951]. По плану Наркомзема Уральская область должна принять 33 000 человек из разных районов СССР[952].

Изначально национальная политика, как и учет этнического фактора при принятии управленческих решений в СССР, были направлены исключительно на районы компактного проживания различных этнических сообществ. Однако со второй половины 1920-х годов одним из направлений национальной политики стала и работа среди некоренных, небольших по численности, но заметных в культурном пространстве этнических сообществ, связанная с вовлечением их в процессы социалистической модернизации.

Переселенческие кампании второй половины 1920-х годов спровоцировали миграции сотен тысяч человек, изменив этнокультурный облик многих регионов, что корректировало политику местных властей. Для некоторых территорий появление новых этнических сообществ стало возможностью принять участие в политически важных для страны проектах.

---

[948] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 47.
[949] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 1610. Л. 14.
[950] Там же. Л. 15.
[951] Там же.
[952] Там же. Л. 71.

6.1. Цыгане в национальной политике Урала

Цыганам в национальной политике РСФСР всегда принадлежало особое место. Интеграция цыган приобретала и особое политическое значение. Принуждение их к оседлому образу жизни могло стать демонстрацией преимуществ советского образа жизни перед западным, где проблема цыган также существовала. Несмотря на малочисленность этого народа, в 1920–1930-е годы на уровне СНК СССР был принят целый ряд постановлений, посвященных интеграции и обустройству цыган[953]. Основными направлениями работы стали вовлечение цыган в процессы кооперативного движения и колхозного строительства, обеспечение их участия в производстве путем создания промышленных артелей. Создание цыганской письменности и литературной нормы языка, книгоиздание и становление цыганской литературы, средств массовой информации на цыганском языке, цыганских школ, театра «Ромэн» и других творческих коллективов были важными результатами проводимой в отношении этого народа политики. «Необходимо развивать работу по отраслям и территориям там, где живут (кочуют) цыгане в смысле скорейшего их трудоустройства, поднятия и развития их экономики, культуры и улучшения быта», – говорилось на совещании ЦИК СССР по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган в 1936 году[954]. Безусловно, изучение истории цыган и политики их интеграции в советское общество в 1920–1930-е годы, оценка успешности и эффективности этой политики представляет научный интерес.

Рассматривая учет цыган органами статистики, стоит обратить внимание на их статус в перечне народов России с точки зрения организаторов переписей населения. В 1926 году цыгане находились в одной группе с нагайбаками, башкирами, калмыками и мишарями[955].

---

[953] Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни» [Электронный ресурс]: Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0 (дата обращения: 20.10.2024); Постановление Президиума ВЦИК и СНК РСФСР «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни» от 20 февраля 1928 г. // ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 55. Л. 2 об.; Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 г. // Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 10; Постановление ЦИК СССР № 52 «О мероприятиях по трудоустройству кочующих цыган и включению их в сельхозпроизводство» от 7 апреля 1936 г. [Электронный ресурс]: Е-досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/vMKppL3q8-pXr1snSaB01?ysclid=mec6waf39q934558146&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.08.2025).

[954] Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган // Революция и национальности. 1936. № 2. С. 63.

[955] Всесоюзная перепись населения 1926 г.... С. 106–149.

В 1939 году все народы были разделены на группы. Сначала шли славянские народы (русские, украинцы, белорусы), затем в алфавитном порядке титульные народы СССР, титульные народы республик РСФСР, затем остальные народы РСФСР и СССР, а уже после – национальности иностранных государств (например, латыши или поляки в иерархии 1939 года считались иностранцами). Вопросы о том, какие народы считать советскими, а какие иностранными, в тот период вызывали большие дискуссии[956]. Цыганам в этой иерархии принадлежало весьма символичное место. Они замыкали список народов, которые считались советскими. Находясь в общем списке между уйгурами и американцами, они как бы являлись и частью СССР, но и были иностранцами.

История советских цыган 1920–1930-х годов уже освещена в ряде российских исторических исследований, среди которых можно выделить коллективные монографии «История цыган: новый взгляд»[957], том «Цыгане» серии «Народы и культуры»[958], исследование Н. Ф. Бугая «Цыгане России»[959] и др. В этих работах раскрыты особенности советского довоенного периода и результаты проводимой в отношении цыган политики. Значительная часть работ, затрагивающая политику оседания цыган в СССР, посвящена участию цыган в колхозном строительстве и кооперативном движении[960], переселенческих кампаниях[961]. Политика в отношении цыган становилась и предметом исследований зарубежных цыганологов, в которых рассматриваются преобразования этого периода в контексте советской

---

[956] История переписей населения в России. М., 2013. С. 234–246.

[957] *Деметер Н., Бессонов Н., Кутенков В.* История цыган: новый взгляд. Воронеж, 2000.

[958] Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных. М., 2018.

[959] *Бугай Н. Ф.* Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010). М., 2012.

[960] *Бугай Н. Ф.* Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР 1930–1960-е гг. // Приволжский научный вестник. 2015. № 7 (47). С. 46–65; *Иващенко В. И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография. Ростов-на-Дону, 2011; *Каменских М. С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 10–17; *Килин А. П.* Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон // Материалы конф.: Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала, Екатеринбург, 18–19 апреля 2002 года. Екатеринбург, 2002. С. 261–264.

[961] *Килин А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) // Документ. Архив. История. Современность. Екатеринбург, 2005. Вып. 5. С. 187–226; *Киселева Т. Ф.* Цыганы Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости: Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М., 1952; *Платунов Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.). Томск, 1976.

идеологии и национальной политики, конструирования идентичности, попытки включить цыган в систему «советского социалистического строительства»[962]. Интерес к теме цыган на Западе подтверждает вышедший в 2020 году специальный выпуск «Gypsy Policy and Roma Activism: From the Interwar Period to Current» журнала «Social Inclusion», в котором представлены наиболее актуальные исследования современных российских и зарубежных авторов[963].

При этом тематика Урала еще слабо представлена в цыгановедческих исторических исследованиях. Часть документов, относящихся к обсуждению цыганской автономии в РСФСР, в том числе на Урале, была опубликована в 2021 году в сборнике «Roma Voices in History» коллективом российских и зарубежных авторов[964], а также в сборнике «Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия»[965]. Однако имеющийся источниковый материал позволяет увидеть специфику исторических событий и этнических процессов в цыганском сообществе на примере Урала, в том числе в контексте модернизационных процессов 1920–1930-х годов.

6.1.1. Проблема учета цыган

Цыгане Урала в рассматриваемый период представлены несколькими этническими группами, среди которых две наиболее значительные – *руска рома* [русские цыгане – авт.] и цыгане-*кэлдэрары*. В условиях социально-экономических модернизаций 1920–1930-х годов каждая группа имела свой опыт и особенности реализации социально-экономической деятельности[966]. Эта «групповая» особенность

---

[962] *Beissinger M. H.* Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania // Slavic review. 2001. Volume 60. Issue 1. PP. 24–49; *Lemon A.* Roma (Gypsies) in the Soviet Union and the Moscow Teatr 'Romen' // Nationalities Paper. 1991. Volume 19. Issue 3. PP. 359–372; *Lemon A.* Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism. Durham & London, 2000; *Lemon A.* "Form" and "Function" in Soviet Stage Romani: Modeling Metapragmatics through Performance Institutions // Language in Society. 2002. Vol. 31. No. 1. PP. 29–64; *Marushiakova E., Popov V.* Gypsies in central Asia and the Caucasus. London, 2016.

[963] *Marushiakova E., Popov V.* Gypsy Policy and Roma Activism: From the Interwar Period to Current Policies and Challenge // Social Inclusion. 2020. Volume 8. Issue 2. С. 260–264.

[964] *Marushiakova E., Popov V.* Roma Voices in history. Ferdinand Schöningh, 2021.

[965] Цыганские сообщества в социуме: адаптация, интеграция, взаимодействия. СПб., 2022.

[966] *Черных А. В.* Цыганское население Среднего Урала в конце XVIII – начале XX века // Вестник Пермского университета. История. 2020. Вып. 2 (49). С. 5–15; *Черных А. В., Каменских М. С.* Цыгане Урала в национальной и экономической политике советского государства 1920–1930-х годов // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: история России. 2020. Т. 19. № 4. С. 851–868.

цыган стала исходной точкой для серьезной и характерной для цыган проблемы – статистического учета этнического состава. В переписях населения, делопроизводственных документах и материалах архивно-следственных дел представители группы *руска рома* фигурируют чаще всего как цыгане, а цыгане-кэлдэрары, помимо собственно «цыган», в графе национальность чаще указывали «серб», «мадьяр», «румын», «австро-венгр», «грек», «болгарин» или номинации, связанные с местом исторического выхода[967].

В этом случае определение принадлежности к цыганам возможно только по ряду косвенных признаков (имя, фамилия, компактность проживания и характер передвижения, социальное происхождение, род занятий). Так, например, фиксируемое в источниках 1920–1930-х годов компактное проживание в небольшом по численности населенном пункте Урала десятков румын или выходцев из бывшей Австро-Венгрии, не характерных для этой местности народов, скорее всего, свидетельствует об их принадлежности к цыганам-кэлдэрарам. Известно, например, о группе цыган, «бывших сербских подданных», разместившихся в Челябинском уезде в 1920 году. Среди занятий названы два характерных для цыган вида – «артист» и «медник», но по национальности они значились сербами и русскими[968]. В другом случае в 1936 году РОНКВД небольшого по численности Карагайского района Свердловской области отчитывалось о постоянном проживании на его территории восьми семей цыган, тогда как в переписи населения 1939 года в районе было учтено только два цыгана, но зафиксировано проживание 10 сербов, появление которых на данной территории даже в таком небольшом количестве исторически трудно объяснить. Не менее странным выглядит проживание в 1939 году 18 сербов в городе Чусовом (треть всех сербов Пермской области), 59 сербов в городе Невьянске (80% сербов Свердловской области), 11 румын в городе Реже Свердловской области, 67 сербов в городе Шадринске (80% сербов Челябинской области)[969]. Среди репрессированных в 1937–1938 годах народов Урала есть записанные русскими или румынами граждане СССР, имя и род занятий которых также косвенно указывают на цыганское происхождение. Так, арестованные в 1938 году лудильщики артели им. Калинина Кизеловского района Пермской области братья Василий и Вадим Иванусы, отнесенные

---

[967] При этом в графе «социальное происхождение» или «социальная принадлежность» могли быть обозначены как «кочевые цыгане».

[968] ОГАЧО. Ф. Р. 172. Оп. 1. Д. 263. Л. 1–3.

[969] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

в личных делах к грекам, вероятней всего, были цыганами[970]. Данные особенности этнической идентичности цыган позволяют не только критически осмыслить материалы переписей населения, но и предположить, что реальная численность цыган могла быть в 1,5–2 раза выше, чем указано в источниках.

В 1926 году на территории Уральской области было зафиксировано проживание 2516 цыган, что составляло примерно 6% цыган РСФСР, или 0,04% от населения области. Для 86% из них родным языком был язык своего народа, для остальных – русский (к этой группе в основном относились *руска рома*)[971]. В 1926 году самыми «цыганскими» были Челябинский (288), Шадринский (215) и Курганский (438) округа Уральской области, где проживало 37% цыган Урала. В 1939 году наибольшее количество цыган зафиксировано в Егоршинском районе Свердловской области и Варгашинском, Катайском и Бродокаламском районах Челябинской (29% цыган Урала)[972].

Таблица 6.1

Цыгане на Урале по итогам Всесоюзной переписи населения 1926 года*

Территория	Всего населения	Из них цыган			Родной язык		Грамотность
		Общ. (% общ. числ. насел.)	Муж. (% общ. числ. муж. насел.)	Жен. (% общ. числ. жен. насел.)	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Всего (жен.)
1	2	3	4	5	6	7	8
Уральская область	6 784 469	2516 (0,04%)	1205 (0,04%)	1311 (0,04%)	2 172 (1130)	342 (180)	195 (49)
Городское население	1 405 977	519 (0,04%)	257 (0,04%)	262 (0,04%)	429 (221)	89 (41)	70 (22)
Сельское население	5 378 492	1997 (0,04%)	948 (0,04%)	1049 (0,04%)	1743 (909)	253 (139)	125 (27)
Верхнекамский	203 181	7 (менее 0,01%)	5 (0,01%)	2 (менее 0,01%)	6 (2)	1 (0)	2 (0)
Городское население	66 964	1 (менее 0,01%)	1 (менее 0,01%)	0	0 (0)	1 (0)	1 (0)

[970] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 6988, 3318.
[971] Всесоюзная перепись населения 1926 г... С. 106–149.
[972] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Продолжение таблицы 6.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население	136 217	6	4	2	6 (2)	0 (0)	1 (0)
Златоустовский	239 472	81 (0,03%)	40 (0,04%)	41 (0,03%)	81 (41)	0 (0)	15 (2)
Городское население	141 862	56 (0,04%)	29 (0,04%)	27 (0,04%)	56 (27)	0 (0)	13 (2)
Сельское население	97 610	25 (0,03%)	11 (0,02%)	14 (0,03%)	25 (14)	0 (0)	2 (0)
Ирбитский	278 764	6 (менее 0,01%)	4 (менее 0,01%)	2 (менее 0,01%)	5 (2)	1 (0)	2 (0)
Городское население	22 975	0	0	0	0 (0)	0 (0)	0 (0)
Сельское население	255 789	6 (менее 0,01%)	4 (менее 0,01%)	2 (менее 0,01%)	5 (2)	1 (0)	2 (0)
Кунгурский	479 519	125 (0,03%)	66 (0,03%)	59 (0,02%)	93 (44)	32 (15)	6 (1)
Городское население	40 972	24 (0,06%)	12 (0,06%)	12 (0,06%)	11 (6)	13 (6)	1 (0)
Сельское население	38 547	101	54	47	54 (38)	19 (9)	5 (1)
Курганский	493 458	438 (0,09%)	216 (0,09%)	222 (0,08%)	397 (198)	41 (24)	26 (11)
Городское население	34 343	54 (0,2%)	25 (0,2%)	29 (0,2%)	49 (25)	5 (4)	13 (8)
Сельское население	459 115	384 (0,08%)	191 (0,09%)	193 (0,08)	348 (173)	36 (20)	13 (3)
Пермский	715 988	164 (0,02%)	92 (0,03%)	72 (0,02%)	162 (72)	2 (0)	3 (0)
Городское население (без Перми)	137 985	36 (0,03%)	21 (0,03%)	15 (0,02%)	36 (15)	0 (0)	1 (0)
Сельское население	493 278	96	54	42	95 (42)	1 (0)	1 (0)

Продолжение таблицы 6.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Город Пермь	84 725	32 (0,04)	17 (0,04%)	15 (0,03%)	31 (15)	1 (0)	1 (0)
Сарапульский	539 746	54 (0,01%)	26 (0,01%)	28 (0,01%)	48 (23)	6 (5)	1 (0)
Городское население	57 190	1 (менее 0,01%)	1	0	0 (0)	1 (0)	1 (0)
Сельское население	482 556	53 (0,01%)	25 (0,01%)	28 (0,01%)	48 (23)	5 (5)	0 (0)
Свердловский	619 622	120 (0,02%)	51 (0,03%)	69 (0,02%)	86 (52)	33 (17)	4 (0)
Городское население (без Свердловска)	211 336	63 (0,03%)	28 (0,03%)	35 (0,03%)	43 (24)	19 (11)	11 (4)
Сельское население	272 135	13 (менее 0,01%)	3 (менее 0,01%)	10 (менее 0,01%)	13 (10)	0 (0)	1 (0)
Город Свердловск	136 151	44 (0,03%)	20 (0,03%)	24 (0,03%)	30 (18)	14 (6)	6 (3)
Тагильский	437 653	54 (0,01%)	26 (0,01%)	28 (0,01%)	47 (26)	7 (2)	4 (2)
Городское население	207 961	25 (0,01%)	13 (0,01%)	12 (0,01%)	18 (10)	7 (2)	1 (1)
Сельское население	229 692	29 (0,01%)	13 (0,01%)	16 (0,01%)	29 (16)	0 (0)	3 (1)
Троицкий	312 564 (100%)	94 (0,03%)	42 (0,03%)	52 (0,03%)	87 (50)	7 (2)	8 (4)
Городское население	43 928 (14%)	16 (0,04%)	6 (0,03%)	10 (0,04%)	16 (10)	0 (0)	0 (0)
Сельское население	268 636 (86%)	78 (0,03%)	36 (0,03%)	42 (0,03%)	71 (40)	7 (2)	8 (4)
Челябинский	496 380 (100%)	288 (0,06%)	138 (0,06%)	150 (0,06%)	256 (133)	32 (17)	18 (4)
Городское население (без Челябинска)	12 755 (3%)	6 (0,05%)	4 (0,06%)	2 (0,03%)	4 (2)	2 (0)	0 (0)

Продолжение таблицы 6.1

1	2	3	4	5	6	7	8
Сельское население	424 388 (85%)	268 (0,06%)	126 (0,06%)	142 (0,06%)	245 (128)	23 (14)	13 (2)
Челябинск	59 237 (12%)	14 (0,02%)	8 (0,03%)	6 (0,02%)	7 (3)	7 (3)	5 (2)
Шадринский	678 089 (100%)	215 (0,03%)	105 (0,03%)	110 (0,03%)	197 (102)	18 (8)	23 (6)
Городское население	34 426 (5%)	40 (0,1%)	21 (0,1%)	19 (0,1%)	39 (19)	1 (0)	16 (4)
Сельское население	643 663 (95%)	175 (0,03%)	84 (0,03%)	91 (0,03%)	158 (83)	17 (8)	7 (2)
Коми-Пермяцкий (сельское население 100%)	152 491 (100%)	1 (менее 0,01%)	0	1 (менее 0,01%)	0 (0)	1 (1)	1 (1)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–149.

Частичные сведения о численности цыган в 1930-е годы отражены в переписке облисполкома с районными органами власти. В апреле 1936 года отдел национальностей и Всесоюзный переселенческий комитет направили запрос в области с целью выяснения численности и рода занятий кочевых и оседло проживающих цыган. Свердловский облисполком 15 мая 1936 года направил запросы во все районные отделы внутренних дел с поручением предоставить сведения о количестве «кочующих, а также живущих оседло, но не трудоустроенных цыган». Ответы на этот запрос формируют облик цыганского населения Урала второй половины 1930-х годов. Всего по итогам ответов облисполкомом было учтено в Карагайском районе – 8 семейств (20 человек, не трудоустроены)[973], в Пермско-Ильинском районе – 1 семья (трудоустроены в поселке Сылва)[974], в Чернушинском районе – 7 семейств[975], в Красноуфимском районе – 21 семья (112 человек), в Кишертском районе – 3 семьи. Особо отмечалось, что оседлых цыган на тот момент не имелось. В Усть-Кишертском районе, по данным РОНКВД, проживало

[973] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 141.
[974] Там же. Л. 144.
[975] Там же. Л. 149.

три семьи цыган общей численностью 10 человек. Все они трудились на Алебастровом заводе[976]. При этом большинство районов написали, что на их территории цыган не проживает, однако временами фиксируется пребывание таборов. Это также свидетельствует о высокой мобильности цыган на территории Урала в рассматриваемый период.

В 1939 году численность цыганского населения на Урале выросла на треть и составила 3723 человека (6% всех цыган РСФСР), или 0,05% от населения всего региона. Прирост объясняется общим увеличением численности населения Урала в этот период. Обращает на себя внимание характер расселения. Если в целом по Уралу городское население выросло за 13 лет на 30%, то у цыган эти процессы перепись не фиксирует.

В Пермской и Свердловской областях плотность расселения цыган была несколько ниже (0,03–0,04%), в Челябинской и Омской – выше (0,07%). Однако средний показатель коррелирует с данными по стране. Гендерные различия не позволили выявить какой-то специфики у цыган, за исключением более высокого количества женщин (см. таблицу 6.2).

Таблица 6.2

Цыгане Урала в 1939 году по месту жительства и полу*

Территория	Численность населения	Численность цыган	% от численности
СССР			
Все население (%)	170 557 093 (100%)	88 242 (100%)	0,05%
В т. ч. мужчины (%)	81 694 889 (48%)	42 699 (48%)	0,05%
В т. ч. женщины (%)	88 862 204 (52%)	45 543 (52%)	0,05%
РСФСР			
Все население (%)	109 397 463 (100%)	61 262 (100%)	0,06%
В т. ч. мужчины (%)	51 593 770 (47%)	28 994 (47%)	0,06%
В т. ч. женщины (%)	57 803 693 (53%)	32 268 (53%)	0,06%
Урал (включая Пермскую, Свердловскую, Челябинскую области)			
Все население (%)	9 779 090 (100%)	4961 (100%)	0,05%
В т. ч. мужчины (%)	4 575 593 (47%)	2311 (47%)	0,05%
В т. ч. женщины (%)	5 203 497 (53%)	2650 (53%)	0,05%

[976] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 128.

Продолжение таблицы 6.2

Территория	Численность населения	Численность цыган	% от численности
Свердловская область			
Все население (%)	2 511 309 (100%)	1077 (100%)	0,04%
В т. ч. мужчины (%)	1 173 934 (47%)	494 (46%)	0,04%
В т. ч. женщины (%)	1 337 375 (53%)	583 (54%)	0,04%
Пермская область			
Все население (%)	2 087 518 (100%)	685 (100%)	0,03%
В т. ч. мужчины (%)	966 249 (46%)	395 (58%)	0,04%
В т. ч. женщины (%)	1 121 269 (54%)	290 (42%)	0,03%
Челябинская область			
Все население (%)	2 801 853 (100%)	1961 (100%)	0,07%
В т. ч. мужчины (%)	1 312 776 (47%)	874 (45%)	0,07%
В т. ч. женщины (%)	1 489 077 (53%)	1087 (55%)	0,07%
Омская область			
Все население (%)	2 378 410 (100%)	1238 (100%)	0,05%
В т. ч. мужчины (%)	1 122 634	548 (44%)	0,05%
В т. ч. женщины (%)	1 255 776	690 (56%)	0,05%

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Компактные места проживания зафиксированы переписью не в крупных городах, а в небольших районах, и даже не в районных центрах. Исключением может считаться только город Миасс, где в 1939 году зафиксировано проживание 96 цыган. При этом в небольших населенных пунктах численность цыган могла превышать 200 человек. Учитывая, что на тот момент цыгане вели преимущественно кочевой образ жизни, их отнесение к сельскому населению свидетельствует лишь о том, что они предпочитали селиться вне крупных городов и даже населенных пунктов (см. таблицы 6.3, 6.4).

Таблица 6.3

Цыгане Урала в структуре населения СССР в 1939 году по характеру расселения*

Территория	Численность населения	Численность цыган	% от численности
СССР			
Все население (%)	170 557 093 (100%)	88 242 (100%)	0,05%
В т. ч. городское (%)	56 125 139 (33%)	20 406 (23%)	0,04%
В т. ч. сельское (%)	114 431 954 (67%)	67 836 (77%)	0,06%
РСФСР			
Все население (%)	109 397 463 (100%)	61 262 (100%)	0,06%
В т. ч. городское (%)	36 875 233 (34%)	13 769 (23%)	0,04%
В т. ч. сельское (%)	72 522 230 (66%)	47 493 (77%)	0,07%
Урал (включая Пермскую, Свердловскую и Челябинскую области)			
Все население (%)	7 400 680 (100%)	3723 (100%)	0,05%
В т. ч. городское (%)	3 513 407 (48%)	648 (17%)	0,02%
В т. ч. сельское (%)	3 887 273 (52%)	3075 (83%)	0,08%
Свердловская область			
Все население (%)	2 511 309 (100%)	1077 (100%)	0,03%
В т. ч. городское (%)	1 503 588 (60%)	215 (20%)	0,01%
В т. ч. сельское (%)	1 007 721 (40%)	862 (80%)	0,09%
Пермская область			
Все население (%)	2 087 518 (100%)	685 (100%)	0,03%
В т. ч. городское (%)	827 588 (40%)	129 (19%)	0,02%
В т. ч. сельское (%)	1 259 930 (60%)	556 (81%)	0,04%
Челябинская область			
Все население (%)	2 801 853 (100%)	1961 (100%)	0,07%
В т. ч. городское (%)	1 182 231 (42%)	304 (16%)	0,03%
В т. ч. сельское (%)	1 619 622 (58%)	1657 (84%)	0,1%

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Таблица 6.4

10 крупнейших по численности цыганского населения территорий Пермской, Свердловской и Челябинской областей по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

№	Район и область	Численность населения	Численность цыган	% от численности
1	Егоршинский район Свердловской области	52 674	318	0,6%
2	Варгашинский район Челябинской области	21 069	282	1,3%
3	Катайский район Челябинской области	34 888	269	0,77%
4	Бродокалмакский район Челябинской области	20 081	208	1%
5	Каракульский район Челябинской области	16 338	171	1,1%
6	Красноуфимский район Свердловской области	56 327	148	0,03%
7	Сивинский район Пермской области	36 679	103	0,3%
8	Миасский район Челябинской области	76 069	96	0,13%
9	Сухоложский район Свердловской области	61 732	89	0,1%
10	Курганский район Челябинской области	100 978	86	0,09%

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Таким образом, результаты переписи показывают, что передвигавшиеся таборами цыгане лишь не стремились останавливаться в крупных городах, а выбор места проживания не зависел ни от положения

территории, ни от наличия поблизости другого цыганского населения. Анализ расселения по материалам переписей позволят говорить и о предпочтительных для цыган районах расселения. Так, в обеих переписях наибольшая численность цыган фиксировалась в южных и юго-восточных районах Урала.

Таким образом, в 1920–1930-е годы численность цыган на Урале, несмотря на их постоянные миграции, была стабильна и составляла от 0,04 до 0,07% от всего населения. Говорить о постоянных местах проживания цыган применительно к 1920–1930-м годам некорректно, поскольку в большинстве своем они были достаточно мобильны. При этом цыгане не стремились поселиться в крупных населенных пунктах, предпочитая им небольшие по численности населения сельские районы. Компактность проживания и низкий уровень интеграции позволяли им быть заметными в социокультурном пространстве, особенно в 1930-е годы, когда советское правительство приступило к плану по созданию территориальных автономий для цыган.

6.1.2. Цыгане Урала в экономических стратегиях государства

Политика в отношении цыганского населения прослеживается и по отдельным мероприятиям советской власти, связанным с социалистическим преобразованием сферы трудовых и производственных отношений в 1920–1930-е годы. В этот период население разных национальностей активно вовлекалось в общественную и экономическую жизнь с целью демонстрации преимуществ нового советского режима над предыдущим царским, а также над странами Запада. Применительно к цыганам это означало не только создание новых форм организации экономической деятельности, но и принуждение к оседлому образу жизни. А это требовало от органов власти дополнительных усилий. 31 января 1927 года Малый Президиум уральского областного исполнительного комитета рассматривал вопрос «Об учете в Уральской области цыган, желающих заняться сельским хозяйством». Постановили: 1. Предложить Облзу в срочном порядке приступить к выполнению постановления ЦИК и СНК от 01.10.1926 об учете цыган, желающих заняться сельским хозяйством. 2. Обратить внимание обладмотдела на недопустимость задержки переписки по данному вопросу в аппарате[977]. Однако никаких конкретных действий по итогам этого решения не было предпринято.

---

[977] *Каменских М. С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале в конце 1920-х – 1930-е годы // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2017. № 4. С. 85–86.

После выхода в свет постановления ВЦИК «О наделении землей цыган, переходящих к трудовому оседлому образу жизни» 20 февраля 1928 года[978] Наркомзем РСФСР в специальной инструкции от 11 июля 1928 года обязывал земельные органы на местах «направлять особые заботы на земельное устройство цыган»[979], а отдел национальностей ВЦИК в своем письме облисполкомам РСФСР обращал внимание «на необходимость всемерной популяризации идей перехода кочующих цыган к оседлому трудовому образу жизни»[980]. Следуя этим указаниям, Уральский облисполком после 1928 года несколько раз рассматривал вопрос о цыганах, их учете и адаптации, но никаких реальных мер не предпринималось. Начало работы по колхозному строительству фиксируется только в 1932 году, когда ВЦИК принял постановление «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 года. Согласно этому документу, местным властям рекомендовалось «укреплять возникающие цыганские колхозы, вовлекать цыган, владеющих ремеслами (кузнецы, лудильщики, шорники), на работу в мастерские при МТС, содействовать укреплению существующих артелей и созданию новых, открывать школы для цыган и обратить внимание на проблемы защиты материнства»[981]. В этот период цыганские колхозы активно создавались по всей стране[982].

В архивах Урала сохранились сведения о существовании нескольких цыганских колхозов. Самые крупные из них – «Нэви бахт» («Новое счастье») Сарапульского района, «Красный Восток» Чернушинского, а затем Красноуфимского районов Уральской области. В источниках есть упоминания о существовании цыганских колхозов «Новая жизнь» и «Колхоз им. Сталина», которые возникли «по инициативе самих цыган» в Куединском районе[983]. Еще один колхоз «Новая жизнь» был создан в Кунашакском районе Челябинской области[984]. Кроме этого, три цыганских колхоза планировались к созданию в Кунашакском районе Челябинской области в 1937 году[985]. Однако об их деятельности ничего неизвестно.

Показательной можно назвать ситуацию с созданием колхоза «Красный Восток», по истории которого сохранилось большое количе-

---

[978] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 55. Л. 2 об.
[979] Там же.
[980] Там же. Л. 3.
[981] Там же. Оп. 18. Д. 640. Л. 10.
[982] *Иващенко В. И.* Указ. соч. С. 52.
[983] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 41.
[984] *Бугай Н. Ф.* Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР в 1930–1950-е годы // Приволжский научный вестник. 2015. № 7 (47). С. 52.
[985] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 41.

ство документов. Что также свидетельствует о важности «цыганского вопроса» для местных органов власти. Колхоз был создан 25 декабря 1933 года из 24 хозяйств в 105 человек. В его состав вошли два табора. Колхозникам было отпущено восемь центнеров хлеба и выделено 203 га земли на территории Деткинского землепользования участка конторы Заготскот Рябковского сельсовета Чернушинского района, а также выдан кредит на покупку сельхозтехники. Колхоз имел овцеводческую ориентацию. Постановлением бюро Чернушинского райкома и Президиума райисполкома от 2 ноября 1934 года «О состоянии цыганского колхоза «Красный восток» местной администрации было поручено выделить 6–8 домов для цыган, назначить ответственных по агротехнике, счетоводству, зоотехнике, отпустить лес и инвентарь[986]. Председателем колхоза был цыган М. В. Волков, бывший первым председателем колхоза «Нэви бахт», который создавался в Сарапульском округе, но незадолго до этого прекратил существование.

Таблица 6.5

Численность цыган в колхозе «Красный Восток» в 1935–1937 годах*

Дата	Кол-во семейств	Всего человек	Трудоспособных	Детей
1935	26	112		
04.10.1935	20	117	44	
15.09.1936	25	117	62	55
24.10.1936	27	122	62	45
01.01.1937	26	112	н/д	н/д
01.02.1937	12	62	23	32

* *Составлено и подсчитано по*: ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 41.

Помогать цыганам обязали местных жителей, проблемы у колхоза начались с первых дней существования. Так, сразу после его создания семь семей скрылись в неизвестном направлении. Как следует из записки и. о. отдела национальностей облисполкома А. Садыкова «О состоянии работы по трудовому устройству и социально-культурному обследованию трудящихся цыган по Свердловской области»,

[986] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 69.

датированной 28 мая 1934 года, местные колхозники по разным причинам отказывались принимать у себя цыган, а председатель Бисарского сельсовета Калинин всячески препятствовал их обустройству. Когда цыгане после наводнения стали собирать плывущий лес, в сельсовете им сказали, что будут судить их за хищение. Председатель зав. райзо Полежайкин отказывал цыганам в выдаче хлеба[987]. При этом с появлением цыган в соседних колхозах фиксировались кражи скота, которые местные жители связывали с цыганами[988].

Постановлением № 1599 Президиума Свердловского исполкома от 23 октября 1934 года «О мероприятиях по укреплению цыганских колхозов «Красный восток» и «Нэви Бахт» было отмечено, что со стороны райисполкомов «не принято необходимых мер по укреплению и хозяйственному устройству цыганских колхозов»[989]. В феврале 1935 года инструктор облисполкома Н. П. Сташкина совершила поездку в колхоз. Ее отчетный доклад раскрывает подробности повседневного быта цыган[990]. Колхоз располагался в двух деревнях на расстоянии километра друг от друга: 1-й поселок – бывшая усадьба совхоза Медснабпрома, 2-й поселок – в 3 км от деревни Рахманкуловой на берегу реки Уфы[991]. Разделение колхоза на две половины привело к проявлению «некоторого антагонизма и деления между бригадами», которые зафиксированы в докладной записке «Об укреплении цыганского колхоза «Красный Восток»[992]. Из поставленных девяти домов пригодными к жизни оказались четыре, остальные «построены вредительски, без всякого технического руководства»[993]. Вот как охарактеризовала инспектор жизнь цыган: «Пьянствуют, ездят друг к друг в гости, да еще воруют. До меня посадили двоих цыган за конокрадство... Цыгане живут на иждивении у русских крестьян, не плотят за проживание, на почве этого большие неполадки... Настроение у цыган плохое, хотят разъезжаться. Требуют землю и руководство на своем родном языке»[994]. При этом она отметила, что количество хозяйств увеличилось с 18 до 57 и составляло 297 человек. Общее состояние хозяйств было оценено как неудовлетворительное. Отношения с местным населением у цыган

---

[987] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 22.
[988] Там же. Л. 25–26.
[989] Там же. Л. 42.
[990] При анализе источника автор исходил из того, что отдел национальностей облисполкома был заинтересован в успешной реализации идеи цыганских колхозов в Уральской области.
[991] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 53–55.
[992] Там же. Л. 59.
[993] Там же. Л. 68.
[994] Там же. Л. 52.

также не сложились. Цыгане говорили Сташкиной, что не ходят по одиночке по улицам, так как местные «могут их избить и делают все возможное, чтоб цыган выселить»[995]. Описывая быт цыган, Сташкина указывала, что цыгане получают продуктов 3,6 кг на едока в месяц. «Цыгане продают последние манатки, и не мудрено, что при таком голодном пайке пополняют его прежним своим ремеслом (попрошайничеством, гаданием, похищением коней и т. д.). Участковый Созонтов приезжал в колхоз, говоря, что он начальник раймилиции и махал наганом с угрозой разогнать колхоз. Несмотря на вскрытие факта, милиция никаких мер к нему не приняла»[996].

Колхоз «Красный Восток» был одним из немногих в РСФСР, поэтому власти не только райисполкома, но и облисполкома следили за тем, чтоб он продолжал существовать. Учитывая сложившуюся негативную ситуацию, 11 марта 1935 года по инициативе отдела национальностей облисполкома было созвано совещание с участием всех заинтересованных ведомств по цыганскому вопросу, где рассматривалась ситуация в колхозе[997]. В результате дискуссий было принято решение поддержать колхоз, проблемы на местах были оценены как «недооценки отдельными районными и местными работниками значения работы среди трудящихся цыган»[998].

Несмотря на факты текучки кадров, низкой производительности труда и отсутствия учета трудодней, местные власти старались выделить из цыган передовиков труда. В фондах колхоза сохранился список ударников 1935 года в составе девяти человек. А в конце 1935 года Президиум Свердловского облисполкома принял решение выдать колхозу новый кредит на сумму 65 000 рублей, чтоб покрыть его убытки[999]. Поощряя наиболее активных и лояльных, местные власти хотели добиться более активного участия всех цыган в жизни колхоза.

Между тем ситуация в колхозе не изменилась. 14 июля 1935 года ОблЗУ подготовило докладную записку «О состоянии цыганского колхоза «Красный Восток». В тексте документа содержались сведения о численном составе колхоза, на середину 1935 года было 31 хозяйство на территории Рахмангуловского сельского совета в количестве 121 человека. Текст документа показывает в целом негативный настрой его авторов. В частности, подчеркивалось, что у цыган имеется 23 лошади, выданных государством, но обобществлены из них только

---

995 ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 52.
996 Там же. Оп. 18. Д. 640. Л. 42.
997 Там же. Л. 45.
998 Там же. Л. 25–26.
999 Там же. Л. 163.

девять. Остальных цыгане-колхозники использовали в личных целях: «...с остальными лошадьми колхозники ездят на базар, меняют их и торгуют»[1000]. Деятельность председателя М. Волкова раскритикована в письме областной прокуратуры, которая проводила проверку деятельности колхоза. Основную вину за низкие показатели прокуратура возложила на председателя. В письме сообщалось, что М. Ф. Волков не обобществил имеющихся у него двух лошадей, одну из которых продал, раздал колхозникам коров, похитил и реализовал имеющийся семенной запас. За совершенные проступки М. Ф. Волков был осужден на два года лишения свободы[1001]. Постановлением Президиума райисполкома от 4 марта 1936 года Волков был снят с должности[1002]. Общее состояние в колхозе в этот период представлено в докладной записке секретаря отдела национальностей облисполкома С. Г. Нураева, который ездил с инспекционными поездками в сентябре 1936 года по «нацмен колхозам» в Красноуфимском районе. «Также и в цыганском колхозе труддисциплина расшатана. Развито пьянство. Летом цыгане напившись причинили большую драку. Выбили окна с рамами в нескольких домах... имели случаи кражи хлеба», – сообщал Нураев[1003]. После лета 1936 года цыгане стали покидать колхоз. Если верить источникам, массовый выход цыган из колхоза произошел в сентябре 1936 года, после того как с должности был снят его председатель М. Ф. Волков[1004]. Назначенный на его должность Еремеев был русским по национальности и не пользовался авторитетом у цыган.

Всего в течение 1935–1937 годов Свердловский облисполком трижды издавал специальные постановления (от 28 июля 1935 года, от 22 сентября 1935 года № 2341, от 31 июля 1936 года № 5178) по укреплению колхоза «Красный Восток». Судя по документам, колхоз существовал до конца 1937 года, его деятельность регулярно инспектировалась. По-прежнему нормальной и эффективной организации труда достичь не удавалось. 24 октября 1936 года в колхозе работала Комиссия по обследованию цыганского колхоза «Красный Восток» в составе представителей Красноуфимского земельного отдела и аппарата райисполкома, областного земельного управления и Красноуфимской МТС. По итогам работы была составлена докладная записка, имеющая ценность как исторический источник[1005]. Организацию производственного про-

---

[1000] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 160.
[1001] Там же. Л. 24–25.
[1002] Там же. Л. 50.
[1003] Там же. Л. 71.
[1004] Там же. Л. 53.
[1005] Там же. Л. 61–63.

цесса в колхозе красноречиво демонстрируют материалы обследования октября 1936 года. «Приступили к молотьбе 22 октября, – говорится в документе. – Молотят конной молотилкой сами колхозники. В поле у молотилки весовщика нет, ответственный за отправку зерна на склад Волков Андрей 24 октября на работе отсутствовал... Ударница колхоза Живых Анна отметила, что отдельные колхозники, благодаря отсутствию взвешивания зерна в поле, прячут и уносят зерно»[1006]. При этом план на год был выполнен на 44%. Как следует из документа, на момент обследования в семьях отдельных цыган не было хлеба и «возобновились факты ухода женщин-цыганок в г. Красноуфимск и окружающие селения с ворожбой, собирание подачек хлеба и т. д., также необходимо отметить увеличение случаев краж (сено, сбруя, зерно при обмолоте и т. д.)»[1007]. Комиссией установлен факт «обмена коров колхозниками цыганами, за которыми эти коровы закреплены, с единоличниками окружающих деревень на коров худшего качества... Колхозникам, допустившим обмен, никаких административных взысканий не наложено»[1008]. Исходя из обследования, комиссия пришла к следующему выводу: «Несмотря на своевременное выполнение основных сезонных работ в полеводстве и уборке урожая, качество работы в части по уборке зерновых совершенно неудовлетворительно... за утерю и хищение ни с кого не взыскано, виновники не установлены»[1009]. При этом комиссия отметила, что за двое суток пребывания силами самих цыган обмолочено 600 центнеров хлеба. Цыгане полными днями работали, а по ночам охраняли намолоченное зерно, к 12 октября весь хлеб был обмолочен.

В ноябре 1936 года председатель колхоза М. Ф. Волков обращался во ВЦИК в отдел национальностей с заявлением, в котором обвинил представителей районных властей в нежелании помогать цыганам в устройстве колхоза. М. Ф. Волков, в частности, писал, что в поселке «колхозники живут в очень плохих условиях... если бы районные организации помогли, я бы организовал и даю слово не меньше 100 семейств»[1010]. Эта же информация была размещена на страницах газеты «Уральский рабочий»[1011]. Позже это заявление стало причиной жестких инструкций в адрес Свердловского облисполкома со стороны ВЦИК о принятии мер, новых проверок и ревизий[1012].

[1006] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 63.
[1007] Там же. Л. 64.
[1008] Там же. Л. 66.
[1009] Там же. Л. 65.
[1010] Там же. Л. 21–21 об.
[1011] Там же. Л. 41.
[1012] Там же. Л. 24–25.

К 28 декабря 1936 года относится последнее из сохранившихся постановление № 12448 «Об укреплении цыганского колхоза «Красный восток» Красноуфимского района». Документ предписывал местным органам власти оказывать содействие в области образования, здравоохранения и экономической поддержки колхозу. В преамбуле документа подчеркивается, что Областное земельное управление и Красноуфимский райисполком «не поняли политического значения задачи укрепления цыганского колхоза «Красный Восток», в результате чего «в колхозе имели место хищения колхозной собственности, растраты, полная бесхозяйственность... строительство выполнено только на 45% при низом качестве работ... культурно-бытовое обслуживание не организовано, учет и отчетность в колхозе совершенно не налажены»[1013]. Документ, как и предыдущие, предписывал усилить работу с цыганами, усилить контроль над исполнением решений и т. д. На основании постановления областной отдел здравоохранения даже выпустил отдельный приказ, обязавший Рахмангуловский фельдшерский пункт «взять под свое непосредственное наблюдение медико-санитарное обслуживание колхоза»[1014].

Неизвестно, как развивались события в дальнейшем, но, судя по всему, оставшиеся цыганские семьи покинули колхоз «Красный Восток». Это могло быть связано не только с организационными просчетами органов власти, но и с миграцией цыган из данного района. Попытки сохранить хотя бы один колхоз, объединив оставшихся членов двух предыдущих, также не увенчались успехом, хотя за 1935–1936 годы «Красный Восток» получил ссуду в размере 92 тыс. рублей[1015]. К концу 1936 года колхоз накопил долгов на сумму 49 241 рубль при денежном доходе за год в 7752 рубля. Согласно акту о ревизии колхоза в январе 1937 года, количественный состав на 1 января 1937 года составлял 26 семей и 112 человек, а на момент ревизии 28 января – 4 февраля он сократился до 12 семей и 62 человек. Видимо, в этот период цыгане стали активно покидать колхоз. В акте также отмечено, что колхозом получено три ссуды в Сельхозбанке на общую сумму 90 697 рублей, из которых истрачено по закону 82 744 рубля, 7936 рублей было истрачено не по назначению, а долги колхоза на начало 1937 года составляли 90 080 рублей 50 коп., при этом строительство в колхозе «проведено исключительно плохо и дорого»[1016]. Председатель колхоза М. Ф. Волков

[1013] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 3.
[1014] Там же. Л. 12.
[1015] См.: *Каменских М. С.* Вовлечение цыганского населения в колхозное строительство на Урале... С. 10–17.
[1016] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 4–7.

на момент ревизии скрылся с долгами на сумму 1295 рублей, за его поимку обещали вознаграждение[1017]. Судя по всему, перезимовав в колхозе, весной 1937 года последние цыганские семьи окончательно его покинули. Официальной даты расформирования колхоза в источниках не сохранилось, однако делопроизводство заканчивается мартом 1937 года. Вероятно, местным властям не хотелось официально фиксировать на Урале факт провала политики по вовлечению цыган в колхозное строительство. Отсутствие источников может быть связано и с тем, что с 1937 года фиксируются изменения в политике в отношении цыган, связанные с передачей в 1937 году полномочий переселенческого комитета в структуры НКВД[1018].

Колхозы в Челябинской области. В 1936 году, после принятия постановления ЦИК СССР «О мероприятиях по трудоустройству кочующих цыган и включению их в сельхозпроизводство» от 7 апреля 1936 года Всесоюзный переселенческий комитет внес проект постановления в СНК СССР, предусматривавший создание трех новых цыганских колхозов в Бродоколмакском районе Челябинской области. В своей докладной записке начальник отдела землеустройства Челябинской области землеустроитель Фейман 26 мая 1936 года информировал, что для организации в Челябинской области колхозов из кочующих цыган имеется возможность выделить районы, располагавшие неосвоенными землями, пригодными для землепользования. К ним относится Кунашакский район, в котором расположен участок у железнодорожной станции Багаряк, наиболее пригодный для организации цыганского хозяйства с животноводческим направлением. На этом освобожденном земельном массиве и прикрепленных к нему землях в июне 1936 года был организован цыганский колхоз «Новая жизнь» (12 семей). Колхоз временно поселялся на земли башкирского колхоза «Красный Октябрь», заняв свободные дома уехавших из селения на производство колхозников и единоличников. Колхоз «Новая жизнь» был землеустроен, и в 1937 году планировалось выдать колхозу «Акт на вечное бесплатное пользование землей»[1019]. В соответствии с названным постановлением ЦИК СССР решением Переселенческого отдела НКВД СССР намечалось в Челябинской области весной 1937 года устроить, по приблизительным данным, еще 140 цыганских семей, кочующих в пределах области. Этот контингент переселенцев планировалось

[1017] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 7.

[1018] См.: *Каменских М. С.* Каким мог быть и почему не был создан цыганский национальный район в Поволжье в 1930-е гг. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. 2024. Т. 23. № 3. С. 332–333.

[1019] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 129. Л. 134.

расселить в рамках организации нового цыганского колхоза на 100 семей в пустующих поселках «Красное село» и «Девятина» Бродоколмакского района. Они могли использовать имевшиеся свободные дома с надворными постройками, с учетом и домов, перенесенных в организуемый колхоз из пустующего поселка Михайловка, 40 семей намечалось доприселить в цыганские колхозы «Новая жизнь» Кунашакского района[1020]. 28 июля 1937 года инженер-инспектор Д. Янкова телеграфировала Переселенческому отделу НКВД СССР: «Челябинскому областному цыганскому колхозу «Новая жизнь» передана земля 3300 га, из них под пашню 1471 га. Выделялась территория для усадьбы. Намечено вселение 140 хозяйств. К перевозке домов приступлено»[1021]. Однако данный план не был реализован. Делопроизводство заканчивается летом 1937 года. Сведений о существовании колхозов в Челябинской области также не сохранилось. Вероятнее всего, после смены приоритетов национальной политики, описанных выше, данная инициатива перестала быть значимой.

Возможно, отсутствие опыта работы именно с цыганами, слабое внимание к их проблемам, недооценка культурной работы, которая по факту просто не проводилась, могли вызвать разочарование той части, которая потенциально была готова к интеграции. Политику колхозного строительства среди цыган на Урале между тем нельзя признать полностью неудачной. Безусловно, опыт работы с цыганами был учтен, в последующем не предпринимались попытки создания мононациональных цыганских колхозов, а цыгане в послевоенный период активно работали в колхозах по всей стране.

Цыгане в промкооперации. Еще одним направлением политики в отношении цыган стало вовлечение их в производственную кооперацию. В первую очередь этот пункт касался ремесленных групп цыган (кэлдэрары), оказывающих различные услуги населению и организациям. Постановление Президиума ВЦИК «О состоянии работы по обслуживанию трудящихся цыган» от 1 апреля 1932 года напрямую указывало: «Оседание однако не решает всех вопросов, связанных с работой среди цыган, так как имеются цыгане, знающие ремесла (лудильщики, медники и т. п.), которые хотят объединиться в промысловые артели или пойти на фабрики и заводы. Поэтому вопросам вовлечения цыган в промышленность и промысловую кооперацию должно быть уделено специально внимание»[1022].

[1020] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 129. Л. 157.
[1021] Там же. Л. 31.
[1022] *Бриль М.* Трудящиеся цыгане – в ряды строителей социализма // Революция и национальности. 1932. № 7. С. 66.

На Урале реализация этого постановления также привела к организации цыганских артелей и участию цыган в промышленном производстве. Цыгане-кэлдэрары, представлявшие ремесленную группу, присутствовали в этот период в разных районах Урала. Документы позволяют в некоторых случаях проследить их занятость и реализацию мероприятий по их вовлечению в промкооперацию. Весьма вероятно, что цыганской по составу могла быть артель «Национал» в Первоуральске, находившаяся в подчинении Облразнопромсоюза. Артель была создана в феврале 1936 года из «кочевников нацменов» и специализировалась на металлоремонте. Она состояла из «сербо-румын»[1023]. Председатель правления Облразнопромсоюза Боровских даже обращался в облисполком за предоставлением артели листового железа и соляной кислоты: «...учитывая всю важность необходимости укрепления бывших кочевников нацмен в кооперативной системе, дать членам артели оседлую жизнь и привить им трудовые навыки»[1024]. Под «кочевниками нацмен», очевидно, имелись в виду именно цыгане. Однако сведений о деятельности этой артели не сохранилось. Известно о таборе цыган-кэлдэраров города Надеждинска, который пытались организовать в промкооперацию. В источниках по роду занятий они упоминаются как «лудильщики». Для легализации своей деятельности, видимо, табор также планировал в 1937 году создание артели лудильщиков под названием «Группа Сербия», однако была ли она создана или нет – неизвестно[1025]. Артель котельщиков как место работы обозначена и у цыган кэлдэрарского табора в поселке Потанино Копейского района Челябинской области[1026].

Таким образом, вся имеющаяся информация о занятости цыган-кэлдэраров на Урале в период 1930-х годов свидетельствует об их включении в процессы производственной кооперации. Как и в целом в этот период для ремесленных групп цыган, промкооперация и артели были способом и возможностью легально включиться в экономическую систему, наладить получение сырья и сбыт готовой продукции. Информация о цыганских производственных артелях на Урале относится ко второй половине 1930-х годов, позднее, чем в центральных регионах России. Возможно, кэлдэрарские таборы, приезжавшие в регион, уже имели опыт работы и организации подобных артелей в других регионах. Однако мобильность цыганских таборов, постоянные передвижения были причинами кратковременности функционирования артелей, формального характера их создания и деятельности.

[1023] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 115, 118.
[1024] Там же. Л. 118.
[1025] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 51219. Л. 6.
[1026] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 6558, 6559, 6560, 6561.

6.1.3. Цыгане Урала в культурной политике

Крайне мало сведений сохранилось и о культурной жизни цыган. Во всех принимаемых на уровне страны документах по цыганам указывалось на необходимость проведения культурной работы и ликвидации неграмотности среди представителей этого народа. Цыгане были одним из самых неграмотных народов СССР. В материалах переписи 1926 года только 11% цыган указали на наличие грамотности на русском языке, что ниже, чем в целом по стране[1027]. Особое значение вопрос о культурной жизни среди цыган обрел в 1930-е годы. На заседании Президиума ЦИК 7 апреля 1936 года были отмечены несомненные успехи политики в отношении цыган, выразившиеся в открытии цыганских школ, техникума и театра «Ромэн», издании литературы на родном для цыган языке. Однако тут же были отмечены лишь «незначительные успехи в области ликвидации неграмотности среди взрослого населения, большая часть детей цыган не охвачена школой»[1028].

Работа на местах в отношении повышения культурного и образовательного уровня цыган должна была проводиться, и на это выделялись средства. Известно, например, что в 1937 году по всей страны были разосланы тексты «Конституции Союза ССР» и «Положения о выборах в Верховный Совет Союза ССР» на цыганском языке в переводе с русского Н. А. Панкова. О получении экземпляров Пермским горсоветом писала в 1937 году областная газета «Звезда»[1029]. Но в целом источники свидетельствуют, что на местах такие мероприятия почти не проводились. В докладной записке инструктора отдела нацмен облисполкома Ф. И. Казанцева, в частности, представлена ситуация с образованием цыган в колхозе «Красный Восток». Взрослое население было полностью неграмотным, школу посещали четыре ребенка. На организованные курсы трактористов ни один цыган не пришел. Назначенный на работу массовик Кузнецов жил в 2 км от поселка, приезжал на работу к 11:00 и уезжал в 15:00, никакой работы не вел, а купленный для колхоза музыкальный инструмент хранил у себя дома. Инструктор отметил, что у детей 5–8 лет есть желание и интерес организованно проводить время, но «так как среди них отсутствует воспитательная работа, то больше всего в их среде слышишь нецензурные выражения»[1030].

В колхозе для цыган была открыта одна школа на 25 человек с русским учителем, который учил по-русски, школа для взрослых была рассчитана на 30 человек, но посещало ее 5–10 человек. На организованные

[1027] Всесоюзная перепись населения 1926 г.... С. 106–149.
[1028] Заседание Президиума ЦИК Союза ССР // Правда. 1936. 8 апр.
[1029] Литература на национальных языках // Звезда. 1937. 1 нояб.
[1030] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 4417. Л. 67–68 об.

курсы трактористов ни один цыган не пришел. В отчете отмечено, что ни учебников, ни газет на цыганском языке не было. При этом цыгане имели хороших певцов и танцоров, которые успешно участвовали в районных конкурсах самодеятельности и получали премии[1031]. Слабую работу в сфере образования отметила в своем отчете и Н. А. Сташкина. В документе говорится, что ни учебников, ни газет на цыганском языке не было. Социализация в системе образования также не осуществлялась: «Детучреждения не открыты, так как женщины не дают детей, боятся, что их у них увезут и не отдадут»[1032]. В духовной жизни цыган большую роль играла религия. В протоколе заседания Малого Президиума облисполкома с участием отдела по делам национальностей за 1936 год говорится: «Сами они очень религиозные... Если бывают похороны, хоронят с попом. В избах у них у каждого иконы, так что поп ведет больше работу среди них, чем наши местные организации»[1033]. Необходимость культурной и образовательной работы среди цыганского населения осознавалась на самом высоком уровне, однако на местах она была поставлена слабо. Несмотря на выделяемые средства, местные власти не смогли создать условия для обеспечения цыганского населения светским образованием и культурным досугом.

Таким образом, цыганские общины Урала в 1920–1930-е годы также были вовлечены в социально-экономические преобразования и реализацию национальной политики. Комплекс мер в отношении цыганского населения во многом был отражением тех процессов, которые инициировались центральными органами и реализовывались по всей стране. Среди основных направлений политики в отношении цыган на Урале можно назвать сбор сведений о количестве и характере расселения цыган в регионе, проводимые меры социальной поддержки в 1920-е годы, создание нескольких цыганских колхозов и кооперативных артелей на рубеже 1920–1930-х годов. Данные об особенностях и характере расселения цыган в Уральской области по материалам переписей населения 1926 и 1939 годов позволяют утверждать, что численность цыган могла быть намного выше, поскольку в официальных документах они значились как русские, или как выходцы из отдельных европейских стран (румыны, болгары, австрийцы, сербы и др.), или как европейские народы. Дифференцированный подход к изучению цыганского сообщества позволяет глубже взглянуть на особенности их участия в модернизационных процессах 1920–1930-х годов в рамках Уральского региона. Имеющиеся опубликованные источники и

[1031] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 18. Д. 640. Л. 52.
[1032] Там же. Оп. 1. Д. 4417. Л. 52.
[1033] Там же.

документы демонстрируют это на примере двух основных этнических групп цыган Урала – *руска рома* и *кэлдэрары*. К созданию колхозов привлекались цыгане группы *руска рома*, для которых больше характерно было проживание в сельской местности. В то время в городах для работы в промышленных артелях привлекались цыгане-кэлдэрары, для которых исторически характерны профессии, связанные с обработкой металла. В исторической перспективе эти отличительные черты определили особенности адаптации и занятости цыганского населения в последующие периоды и в современной России.

Несмотря на целый ряд успешных примеров в целом по стране, на Урале не удалось создать цыганских колхозов, хотя необходимые для этого условия были. Причиной неудач могли стать и нежелание местных органов власти и населения помогать цыганам в обустройстве, и отсутствие культурной и просветительской работы. Промышленные артели цыган, в отличие от колхозов, успешно функционировали, что также может быть свидетельством специфики региона.

Подводя итог, можно отметить, что появившиеся в 1930-е годы цыганские формы хозяйства были скорее политической необходимостью. Для демонстрации преимуществ советской национальной политики центральные власти поддерживали идеи создания оседлых цыганских хозяйств, а исполнители на местах вынуждены были принимать все меры, чтоб эти идеи имели фактическое наполнение. Ситуация, включавшая в себя создание колхоза, получение субсидий, а потом невыполнение планов и постепенное опустение колхозов, характерна и для других территорий. Однако этот опыт сыграл колоссальную роль в дальнейшей интеграции цыганского населения, поскольку создал альтернативные варианты для личных жизненных стратегий. Очевидно, что среди цыган были и заинтересованные лидеры, опора на которых могла создать условия для эффективной работы. Н. Ф. Бугай приводит в своем исследовании немало индивидуальных примеров успешной интеграции цыган и реализации ими своего потенциала в результате политики 1930-х годов[1034].

6.2. Чуваши в национальной политике Урала

В досоветский период на Урале не было мест компактного расселения чувашей. Пример чувашей интересен тем, что места компактного проживания этого народа в результате переселенческих кампаний сложились в 1930-е годы на юге Прикамья, а к середине 1930-х годов

[1034] *Бугай Н. Ф.* Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР в 1930–1950-е годы // Приволжский научный вестник. 2015. № 7 (47). С. 59.

чуваши уже стали вовлекаться в мероприятия национальной политики. Этот кейс демонстрирует еще один важный вопрос в понимании национальной политики, а именно – о ее соотношении с переселенческими мероприятиями. Ведь переселенцы советского периода приезжали уже будучи вовлеченными в мероприятия национальной политики у себя на родине. Кроме этого, их потребность в сохранении своей культуры в местах нового жительства тоже вызывала вопросы. В стенограмме Всероссийского совещания работников по переселенческому делу 1927 года, например, представитель ЦИК И. Сабиров высказал такую мысль: «Я хочу присоединить к этим трудностям еще один момент, который никем пока еще не был затронут. Это, товарищи, состав наших поселенцев, который у нас различен по национальному составу. У нас в РСФСР имеется много миллионов мелких национальностей, живущих в тех губерниях, которые дают переселенческий контингент. Каким образом поставить работу среди нацменьшинств, эту работу вообще вести очень трудно, даже там, где население сидит компактно»[1035]. Другими словами, центральные власти понимали необходимость вовлечения в национальную политику разнокультурных переселенцев, однако отдельных мер, направленных на их социально-культурную адаптацию, не предпринималось. В данном разделе этот вопрос будет раскрыт на примере формирования этнодисперсной группы чувашей на Урале. Он показывает, как происходила инкорпорация коренного для РСФСР этнического сообщества в национальную политику «русского» региона уже после ее начала – в 1930-е годы. Автором в рамках экспедиций 2001 и 2012 годов в Куединском районе Пермского края собран ряд документальных свидетельств, семейных преданий и полевых материалов этого периода[1036].

6.2.1. Чуваши в переписях населения 1920–1930-х годов

К началу 1920-х годов численность чувашей на Урале была незначительной, едва превышая пять тысяч человек. Чуваши были преимущественно сельским населением, из них более 95% владели чувашским языком. В результате крестьянских переселений начала XX века несколько деревень чувашей сложилось на границе Ишимского и Тюменского округов (в основном Юргинский и Аромашевский районы). В деревне Лешакова Вяткинского сельсовета Юргинского района чуваши были преобладающей национальностью, также проживали в Соколовском сельсовете[1037]. Преимущественно чувашскими были

[1035] РГАЭ. Ф. 5672. Оп. 1. Д. 2. Л. 277.
[1036] ПМА. Куединский район, 2002.
[1037] Населенные пункты Уральской области. Т. XIV. Тюменский округ. Свердловск, 1928. С. 82–84.

Балахлейский (деревня Половинка) и Малиновский (деревня Медяны) сельсоветы Аромашевского района Ишимского округа[1038]. Но из-за дисперсного характера расселения и нахождения на границе двух округов чуваши не стали объектом национальной политики в 1920-е годы. В отчете Ишимского окрисполкома за 1926 год сообщается о работе чувашской школы в районе, но при этом отмечено, что чуваши «достаточно обрусели и в ведении среди них работы на родном языке не нуждаются»[1039].

Таблица 6.6

Чуваши Уральской области в 1926 году*

Территория	Всего населения	Численность чувашей			Родной язык		
		Общ.	Муж.	Жен.	Своего народа (жен.)	% владеющих родным от общ. кол-ва	Русский (жен.)
1	2	3	4	5	6	7	8
Уральская область	6 784 469	5382	2809	2573	5085 (2462)	94,5%	290 (106)
Городское население	1 405 977	307	219	88	233 (60)	76%	73 (28)
Сельское население	5 378 492	5075	2590	2485	4853 (2402)	95,6%	217 (78)
Верхнекамский	203 181	26	20	6	25 (5)	96,1%	1 (1)
Златоустовский	239 472	31	19	12	19 (7)	61,3%	12 (5)
Ирбитский	278 764	306	150	156	257 (132)	84%	46 (23)
Ишимский	440 795	1348	681	667	1314 (665)	97,4%	34 (2)
Коми-Пермяцкий	152 491	9	4	5	5 (2)	55,5%	2 (1)
Кунгурский	479 519	524	264	260	507 (257)	96,7%	14 (3)
Курганский	493 458	61	32	29	53 (27)	86,8%	8 (2)

[1038] Населенные пункты Уральской области. Т. XIV. Ишимский округ. Свердловск, 1928. С. 12–20.

[1039] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 173.

Продолжение таблицы 6.6

1	2	3	4	5	6	7	8
Пермский	715 988	149	86	63	119 (47)	79,8%	29 (16)
Сарапульский	539 746	26	17	9	20 (6)	77%	6 (3)
Свердловский	619 622	98	71	27	78 (25)	80%	19 (2)
Тагильский	437 653	79	67	12	70 (9)	88,6%	8 (2)
Тобольский	192 121	429	212	217	403 (203)	94%	25 (13)
Троицкий	312 564	32	20	12	23 (9)	72%	9 (3)
Тюменский	504 626	2197	1125	1072	2144 (1050)	97,5%	53 (22)
Челябинский	496 380	54	33	21	36 (13)	67%	18 (8)
Шадринский	678 089	13	8	5	10 (5)	77%	3 (0)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

Из-за голода в Поволжье чуваши стали одними из наиболее активных участников переселенческого движения второй половины 1920-х годов. По данным историков, специализирующихся на этнической истории чувашей, до 80% населения Чувашии к концу Гражданской войны остались без средств к существованию и начали активно выезжать в соседние регионы. По плану Наркомата земледелия Чувашской АССР 1926 года, около 350 тыс. человек должны были быть переселены за территорию Чувашии. Свою роль сыграла сильная засуха, случившаяся на территории Чувашии в 1927 году[1040].

Во второй половине 1920-х годов на юго-западе Уральской области началась заметная миграция из Чувашской АССР, которая затронула южные территории Сарапульского округа Уральской области. Сюда, на земли современных Чернушинского, Куединского и Октябрьского

[1040] История Чувашии новейшего времени. Чебоксары, 2001. С. 162.

районов Пермского края, в конце 1920-х годов переселилось несколько тысяч чувашей[1041]. Судя по источникам, миграция чувашей на Урал началась в 1928 году, причем по ходу переселенческой кампании был зафиксирован рост самостоятельных переселенцев из Чувашской АССР (ЧАССР) на территории Сарапульского округа Уральской области, где не было земельного фонда. 21 мая 1929 года Уралоблисполком проинформировал Наркомзем РСФСР, что фиксируется резкое увеличение «случаев самовольного переселения из Чувашской АССР (ЧАССР) в Уральскую область, причем движение это идет не только в округа, открытые для переселения, но и в округа, совершенно не имеющие свободных земель, в частности в Сарапульский округ»[1042]. В связи с этим Наркомзем РСФСР предложил Наркомзему ЧАССР «принять самые решительные меры к прекращению дальнейших выдач переселенческих документов в районы, закрытые для планового переселения, так как это влечет за собой самые тяжелые последствия»[1043]. Позже Наркомзем ЧАССР сообщил в Сарапульский окрисполком, что переселение в закрытие местности «никогда не поощрялось и никогда не будет поощряться... но переселение в Сарапульский округ, вызванное общеэкономическими условиями, не может быть прекращено в кратчайший срок»[1044]. В целом у местных органов власти не было механизмов, чтобы остановить стихийно начавшуюся миграцию.

Тезис о массовом переселении подтверждают и материалы полевых исследований, проведенных в 2001–2002 годах. На вопрос «С каких пор чуваши проживают на территории Пермской области?» более половины указывали именно на конец 1920-х годов. Среди причин для переезда пермские чуваши называли «отсутствие работы», «голод», «отсутствие леса, покосов, пахотных земель». Существует также версия, что миграцию спровоцировала политика коллективизации. Проживавшие на юге Прикамья старообрядцы после 1928 года стали массово переселяться в Сибирь, а «на их место устремились два потока – нижегородские и чуваши»[1045]. Во время полевых экспедиций в Чувашской Республике в 2024 году автором записано несколько интервью в семьях, родственники которых переехали на Урал в 1920–1950-е годы. Участники интервью отмечали, что на тот период переселение в Прикамье было массовым явлением[1046]. На новое место жительства чуваши перебирались по

[1041] *Черных А. В., Каменских М. С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии. СПб., 2014. С. 37–38.
[1042] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 41.
[1043] Там же. Л. 12.
[1044] Там же. Л. 42.
[1045] *Чепкасов Л. И.* Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.
[1046] ПМА. Республика Чувашия, 2024.

железной дороге (станция Куеда) и водным транспортом (пристань в Елово). Они не основывали новых населенных пунктов, а селились в уже существующих. Первым чувашским семьям, добравшимся до южного Прикамья, было тяжело освоиться на новом месте. В деревне Дойной в конце 1920-х годов жили в основном старообрядцы. Их отношение ко вновь прибывшим изначально было негативным. Среди материалов Национально-культурного центра чувашей Пермского края (НКЦЧПК) сохранились воспоминания семьи Яковлевых о первых днях жизни на новом месте. Из записанных автором воспоминаний Анны Назаровны и Григория Яковлевича Назаровых: «В 1927 году в Чувашии началась засуха. В поисках лучшей жизни с 5 детьми пытались прижиться в разных местах. Многое пришлось пережить – терпели унижения, оскорбления, утраты (похоронили двух детей и мать старушку). В том, что прижились в Дойной, немалую роль сыграл случай. В Большой Усе староста нас не принял, направил дальше, но при этом дал подвыпившего извозчика. Шел холодный осенний дождь. Прижавшись друг к другу, задремали. Очнулись в какой-то деревне, извозчик уехал. Попросились в первый дом, где жил Фрол Гусев. Хозяин, не обронив ни слова, пустил в сени. Утром, узнав о том, что мы – чуваши, хотел выгнать, но то ли жалость, то ли интерес заставили его оставить нас у себя... Жители долго нас чурались, с опаской и недовериям смотрели вслед. Мы с большим трудом привыкли к староверским обычаям: отдыхать во время перерыва на обед приходилось вдали от других – близко не подпускали, разговор с другими заводить не подлежало. А самое обидное было то, что не разрешали брать воду из родника, объясняя тем, что «грязные»[1047].

Всего в 1920-е годы на территории современного Куединского района Пермского края чуваши компактно поселились в деревнях Дойной, Пантелеевке, Коровино, Батманы, Дубленевке, Абрамовке и Чиганде. Чуваши также основались в нескольких деревнях Чернушинского и Октябрьского районов Пермского края. В одном из писем (автор и адресат неизвестны), сохранившихся в архиве НКЦЧПК, говорится, что «много жило их [чувашей – М. К.] в Темном, Труну, Ивановке – в населенных пунктах вдоль железной дороги. Расселялись они и в Ананьино, Качино, Рябках [Чернушинского района – М. К.]»[1048]. Изменения в составе чувашского населения южного Прикамья отражены в итогах Всесоюзной переписи населения 1939 года.

[1047] НКЦЧПК. Письма семьи Яковлевых.
[1048] *Черных А. В., Каменских М. С.* Чуваши в Пермском крае... С. 32.

Таблица 6.7

Чуваши Пермской, Свердловской, Челябинской и Омской областей по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

Народ	Свердловская область	Пермская область	Челябинская область	Омская область (ХМАО, ЯНАО)	Итого	По отн. к Уральской области 1926 года
Все население	2 511 309	2 087 518	2 801 853	2 378 410	9 779 090	1,4
Городское и сельское население	4824	8821	3280	88	17 013	3,3
Сельское население	2097	7698	939	64	10 798	2,1
Городское население	2727	1123	2341	24	6215	20,2

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

По ее итогам в регионах Урала численность чувашей увеличилась более чем в три раза. Причем если в восточной и южной частях Урала цифры коррелируют с 1926 годом, то конкретно в Пермской области чувашей в 1939 году стало 8821 человек, или 0,42% всего населения области. За 10 лет численность чувашей в Прикамье возросла более чем в 10 раз. Чуваши по-прежнему оставались преимущественно сельским населением (7698, или 87,3% всех чувашей), количество мужчин (4644, или 52,6%) и женщин (4177, или 47,4%) было примерно равно. Для 7660 жителей Пермской области (0,37%) родным языком был чувашский. Доля говорящих на чувашском языке в общем количестве чувашей составила 86,6%[1049]. Эти данные подтверждают, что на юго-западе Урала в конце 1920-х – начале 1930-х годов была масштабная миграция чувашей, значительно изменившая культурный ландшафт территории вселения. Все это сделало неизбежным их вовлечение в национальную политику.

6.2.2. Чуваши в мероприятиях национальной политики

При участии переселившихся чувашей в деревне Пантелеевка в 1930 году была построена новая школа колхозной молодежи (ШКМ) для чувашских детей. Ее основателями стали местные чуваши Федор

[1049] Всесоюзная перепись населения 1939 года... С. 132.

Алексеевич Портнов (секретарь сельсовета) и Павел Николаевич Николаев (секретарь сельсовета). Первым директором чувашской школы стал Михаил Кирьянович Якимов. В документах школа называется «чувашской»[1050]. Позже начальные школы были открыты в деревнях Коровино, Дубленевке, Абрамовке и Чиганде. После 4-го класса дети чувашей ходили пешком в Пантелеевку. В Дубленевке для чувашских детей работала школа[1051]. О работе чувашской школы упоминается в отчете Щучьеозерского района Свердловской области за 1934 год[1052]. Известно, что в 1930-е годы в деревне Пантелеевка работали не только школы для чувашей, но и училище по подготовке учителей – преподавателей чувашского языка. Однако в процессе свертывания политики по поддержке национальных культур преподавание на чувашском языке постепенно было переведено на русский. По сведениям Л. И. Чепкасова, после 1937 года преподавание на чувашском языке в чувашских школах уже не велось[1053].

Чуваши интегрировались в экономической жизни. Один из переселенцев, упомянутый выше член ВКП (б) П. Н. Николаев, в 1928 году создал промколхоз «Чуваш», в котором изготовляли мочала, ткали кули, мочили лубки (все работы выполнялись вручную). Руководством промколхоза был создан чувашский выселок Вюрмеры, в котором жили рабочие с семьями[1054]. В источниках также сохранились сведения о колхозах, где чуваши составляли большинство работников: «Единство» (Пантелеевка), «Уральский трудовик» (Коровино), «Утро» (Батманы), «им. Свердлова» (Дубленевка, Абрамовка), «Асаф», «Девка» (Выселки), «Вюрмеры» (Михайловка), «Зачиха» (Талица)[1055]. Промколхоз «Чуваш» как национальный получал дополнительные средства из бюджета области на решение хозяйственных, культурных и просветительских задач[1056]. Таким образом, переселенческая кампания создала на юге Прикамья крупный этнический анклав чувашей в несколько тысяч человек, при этом местные власти не готовы были вести с ними отдельную работу, а местное население не было настроено на совместное проживание с приезжими.

Последствия переселенческой кампании, изменившие этническую структуру юга Прикамья, создали почву для недопонимания и конфликтов, имевших этническую составляющую. Источники свидетельствуют,

---

[1050] ГАСО. Ф. 88-Р. Оп. 5. Д. 170. Л. 137.
[1051] НКЦЧПК. Письма семьи Яковлевых.
[1052] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 145. Л. 44.
[1053] *Чепкасов Л. И.* Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.
[1054] НКЦЧПК. Личный архив П. Н. Николаева.
[1055] *Чепкасов Л. И.* Деревня родная моя. Пантелеевка, 2010.
[1056] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 4410. Л. 39.

что местное русское население отнеслось к новым жителям неприязненно и даже враждебно. Именно к ситуации с чувашскими переселенцами относится самый известный случай проявления русского «великодержавного шовинизма», который разбирался на уровне облисполкома.

В деревню Тойкино Еловского района в 1928 году приехало на жительство 30 семей чувашей. После того как они обзавелись хозяйством и получили право на земельное пользование, «группа местных кулаков, пользуясь забитостью чувашей, их темнотой, установила плату за землю и усадьбу в 10 рублей, и темные чуваши платили»[1057]. Конфликтная ситуация сложилась вокруг промколхоза «Чуваш» Большекустовского МТС Пантелеевского сельсовета Куединского района. Промколхоз объединял 173 хозяйства чувашей, живших на данной территории с конца 1920-х годов. Судя по источникам, у них сложились непростые отношения с местным русским колхозом «Вперед». В ноябре 1934 года группа колхозниц «Чуваша» написала коллективное письмо в редакцию газеты «Колхозный путь». В письме колхозницы писали, что их заставляют дополнительно работать на выполнение плана колхоза «Вперед». Председатель колхоза Юрганов заставлял чувашек работать, угрожая револьвером. Пока они работали на колхозном поле, «русские женщины в своих огородах копали картошку», и что «делается это в связи с ненавистью к национальности чувашей со стороны колхоза «Вперед». При проведении работ руководителями районных организаций и работниками МТС систематически применялась посылка буксирных из передовых колхозов в отстающие колхозы. Так, колхоз «Чуваш» из-за посылки буксира не выполнил производственную программу по промыслу на 4-й квартал. После попыток товарища Егорова насильственно передать бригады чувашей в другие «русские колхозы» они почти полностью не работали две недели, после чего многие собрались уехать обратно в Чувашскую АССР[1058]. Ситуация разбиралась начальником отдела нацмен райисполкома Кугушевым. В источниках сохранились записанные им показания некоторых колхозников. Из показаний Анастасии Чугуновой: «Колхозники колхоза «Вперед», видя, что нас перепуганных пригнали к ним работать, стали над нами же смеяться, говоря, что с вами чувашами так и надо поступать. Насмешки со стороны русских были и до этого, мы идем к ним работать (помогать), а они над нами смеются»[1059]. Другой колхозник, Никифор Вязанов, так описал сложившуюся в районе ситуацию: «В 1930–31 годах в колхозе «Вперед» чуваш было

[1057] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 167.
[1058] Там же. Д. 169. Л. 7.
[1059] Там же. Л. 11.

40–50 хозяйств, русские нас чуваш стали притеснять и над нами смеяться, в результате чего все чуваши из этого колхоза вышли и вступили в колхоз «Чуваш»... когда возникла идея принудительно две бригады влить в колхоз «Вперед», все колхозники чуваши тут же заявили т. Егорову (помощник начальника политотдела Большекустовского МТС), что «что угодно с нами делайте, мы в колхоз «Вперед» не пойдем. Уедем лучше обратно в Чувашскую АССР». Колхозники колхоза «Вперед» относятся к нам нехорошо и над чувашами смеются»[1060].

Все факты, изложенные в статье газеты «Колхозный путь», подтвердились. В итоговом протоколе отмечено, что притеснение чувашей проходило при молчаливом согласии руководства районной партийной организации. По итогам разбирательств председатель районной партийной организации Куединского района Юрганов был привлечен к партийной ответственности, а его дело передано в областную комиссию партийного контроля, поскольку при высылке чувашей «Юрганов применял оружие», а «бригадиру Борисову за хорошую работу обещал пулю в лоб»[1061].

Пример чувашей показывает, как миграция стала причиной появления новых этнических сообществ Урала, которые стали вовлекаться в мероприятия национальной политики уже по ходу ее реализации. У местного русского населения на тот момент не было исторически сложившейся традиции совместного проживания с другими народам. В результате этничность чувашей стала причиной межнациональной сегрегации и скандала областного уровня. В фондах делопроизводственной документации облисполкома по национальной политике «инцидент с чувашами» упоминается неоднократно в рассуждении о принципах национальной политики. Кроме этого, можно отметить, что ситуация с чувашами в Куединском районе показывает единственный для области вариант реализации национальной политики, когда мероприятия для двух разных национальностей осуществляются параллельно в рамках одного населенного пункта.

6.3. Украинцы и белорусы в национальной политике Урала

Переселение украинцев и белорусов на Урал связано с миграциями крестьян из центральных и западных губерний России конца XIX – начала XX века, пик которых пришелся на период Столыпинских реформ[1062]. По данным В. Я. Бабенко, например, в течение 1906–1912 годов

[1060] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 169. Л. 11.

[1061] Там же. Л. 6.

[1062] *Молощенков А. Н.* Миграция украинского населения на Южный Урал в первой четверти XX века // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 23 (161). С. 26–32.

с Украины на восток страны переселилось около 1 млн малоземельных крестьян и середняков[1063]. Значительная часть из них оказалась на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке. В начале XX века они находились в административно разных территориях (Тобольская губерния, Пермская губерния, Оренбургская губерния и т. д.), однако после создания в 1923 году Уральской области управление всеми народами стало осуществляться из Свердловска. Местами расселения украинцев и белорусов стали запад, северо-восток и юг области. В общей сложности, по данным Всесоюзной переписи населения 1926 года, в Уральской области проживало 25 187 белорусов и 47 651 украинец (см. таблицу 6.8).

Таблица 6.8

Белорусы и украинцы Уральской области по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года*

Округ	Белорусы	Из них с родным языком (%)	Из них в сельской местности (%)	Украинцы	Из них с родным языком (%)	Из них в сельской местности (%)
1	2	3	4	5	6	7
Верхнекамский	22	9 (41%)	6 (27,3%)	59	31 (52,5%)	14 (23,7%)
Златоустовский	407	119 (29%)	132 (32,4%)	645	443 (68,7%)	359 (55,7%)
Ирбитский	9384	116 (1%)	9316 (99%)	866	249 (28,8%)	814 (94%)
Ишимский	2932	85 (3%)	2854 (97%)	10 374	7110 (68,5%)	9767 (94,1%)
Коми-Пермяцкий	4	–	4 (100%)	13	11 (84,6%)	13 (100%)
Кунгурский	541	354 (65,5%)	516 (95%)	202	73 (36%)	148 (73,3%)
Курганский	249	113 (45,4%)	242 (97,2%)	5129	4479 (87,3%)	5050 (98,5%)
Пермский	3182	979 (31%)	2974 (93,5%)	372	171 (46%)	106 (28,5%)
Сарапульский	55	18 (32,7%)	21 (38,2%)	102	39 (38,2%)	51 (50%)

[1063] *Бабенко В. Я.* Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. Уфа, 1992. С. 29.

Продолжение таблицы 6.8

1	2	3	4	5	6	7
Свердловский	362	128 (35,4%)	105 (29%)	731	333 (45,6%)	118 (16,1%)
Тагильский	3642	1126 (31%)	3470 (95,3%)	1466	373 (25,4%)	1302 (88,8%)
Тобольский	30	7 (23,3%)	13 (43,3%)	134	67 (50%)	92 (68,7%)
Троицкий	128	89 (69,5%)	99 (77,3%)	14 374	12 016 (83,6%)	13 766 (95,8%)
Тюменский	2365	963 (40,7%)	2249 (95,1%)	922	267 (29%)	756 (82%)
Челябинский	1752	877 (50%)	1566 (89,4%)	12 044	9443 (78,4%)	11 650 (96,7%)
Шадринский	132	18 (13,6%)	93 (70,5)	218	85 (39%)	122 (56%)
По области	25 187	5001 (20%)	23 660 (94%)	47 651	35 190 (73,8%)	44 128 (92,6%)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. М., 1928. С. 123–136.

В абсолютных цифрах украинцы и белорусы занимали соответственно 4-ю и 5-ю строчки в перечне народов Урала. В сумме это было меньше 2% населения, но в некоторых территориях украинский и белорусский этнокомпоненты были весьма заметны. В Гаринском, Кытлымском и Лялинском районах Тагильского округа украинцы и белорусы составляли свыше 10% населения[1064]. На западе области белорусское население компактно проживало на территории Сивинского района Пермского округа. Белорусы также проживали в Мишкинском районе Челябинского округа (2% населения, 1200 человек). На территории Таборинского района Ирбитского округа зафиксировано проживание белорусов численностью 9,5 тысячи человек[1065]. На юге области сложились анклавы проживания украинцев. В Сорокинском (Лыкошинский

[1064] Список населенных пунктов Уральской области. Т. 11. Тагильский округ. Свердловск, 1928. С. 26–40, 54–62.

[1065] Всесоюзная перепись населения 1926 г.... С. 143–144.

и Новониколаевский сельсоветы)[1066] и Петуховском[1067] районах Ишимского округа их численность превышала 20%[1068]. В Каракулинском и Троицком (Новоеткульский сельсовет) районах было сосредоточено свыше 9 тысяч украинцев[1069]. В Челябинском округе проживало свыше 8 тысяч представителей этого народа, более всего – в Кочердыкском[1070] и Усть-Уйском[1071] районах. При этом в Троицком округе 83% украинцев указали на украинский язык в качестве родного, что говорит о довольно высоком уровне сохранения культуры.

К середине 1920-х годов потомки первых переселенцев уже значительно обрусели. В отчете Ишимского окрисполкома за 1926 год, например, сообщается, что живущие в округе с досоветских времен украинцы и белорусы «достаточно обрусели и в ведении среди них работы на родном языке не нуждаются»[1072]. Вероятно, эта ситуация была характерна для переселенцев других территорий, поскольку «точки исхода» были общими для всей области. Помимо сложившихся к началу XX века мест компактного проживания белорусов и украинцев, в 1926–1928 годах на Урал в рамках уже советских переселенческих кампаний стали прибывать новые переселенцы[1073]. Они получали земли в основном в Троицком и Челябинском округах. В отчете Уральского облисполкома о работе среди нацмен в 1927 году применительно к Троицкому округу говорится: «В Округ за 2 года прибыло и расселилось переселенцев: украинцев 3925 душ и белорусов 386 душ. Последним оказана материальная помощь в размере 300 р. на хозяйство»[1074].

Между тем логика развития национальной политики второй половины 1920-х годов, создание большого количества анклавных «на-

---

[1066] Населенные пункты Новотроицк, Лыкошино, Московка, Петропавловка, Новониколаевка основаны украинскими переселенцами.

[1067] Деревни Богдановичи Богдановичского сельсовета, Ново-Георгиевка Новогеоргиевского сельсовета были полностью украинскими с населением свыше 1500 человек.

[1068] Список населенных пунктов Уральской области. Т. IV. Ишимский округ. Свердловск, 1928. С. 64–69, 76–79.

[1069] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск, 1928. С. 10, 16–24, 56–62.

[1070] В Кременовском сельсовете 16 из 17 населенных пунктов были населены украинцами, в Чернякском сельсовете – 16 из 18. См.: Список населенных пунктов Уральской области. Т. XV. Челябинский округ. Свердловск, 1928. С. 28–36.

[1071] Рачевский сельсовет с населением 1225 человек – полностью украинский. См.: Там же. С. 48–54.

[1072] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 60. Л. 173.

[1073] *Каменских М. С.* Переселенческая политика и личные стратегии переселенцев на Урале в 1928–1930 гг. // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сб. ст. IX Уральского демографического форума: в 2 т. Т. II. Екатеринбург, 2018. С. 140–150.

[1074] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 56. Л. 66.

циональных районов» нашли свое отражение и в политике в отношении белорусов и украинцев Урала. В отношении белорусов эта политика была в полной мере реализована в рамках создания Таборинского белорусского национального района. Сегодня в историографии существует устойчивый нарратив об искусственном навязывании белорусской культуры и языка как в самой Белорусской ССР, так и в ряде территорий РСФСР. «Высокая степень искусственности политики белорусизации и ее неприятие значительной частью населения российско-белорусского порубежья более чем очевидны», – заключают в своей монографии Е. В. Кодин и О. В. Кобец[1075]. Эту же позицию разделяет шведский историк П. Рудлинг, отмечая, что на местах чиновники руководствовались скорее политическими соображениями и заключениями этнографов, чем реальными потребностями населения[1076]. Эти тезисы вполне подтверждаются материалами Уральской области. Целесообразность создания белорусского национального района на Урале была спорной с самого начала. К началу 1920-х годов помимо белорусов здесь также проживали чалдоны, украинцы, поляки, чуваши и другие народы, но белорусов из них было больше всего. Белорусское население преобладало в деревнях Чирки, Озёрки, Александровск, Ефимовск, Вознесенск, Павинск, Унже-Павинск, Альтовка и др.[1077] Решение о создании района принималось в рамках общегосударственной политики по созданию национальных районов для белорусов начала 1930-х годов[1078]. Для увеличения доли белорусов в общей численности населения Таборинский район был разукрупнен и несколько «русских» сельсоветов были переданы соседним территориям. Но даже в оставшихся населенных пунктах количество белорусов едва превышало 50%, однако это позволяло объявить район «национальным». Между тем Белорусский национальный район был создан на основании Постановления № 441 Малого Президиума Уралоблисполкома от 13 мая 1931 года «Об отнесении Таборинского района к числу национальных районов области». В тексте сказано: «Учитывая, что преобладающей национальностью Таборинского района, являются белорусы (53%), отнести указанный район к числу национальных районов области»[1079].

[1075] *Кодин Е. В., Кобец О. В.* Белорусизация на смоленщине, 1920-е годы. Смоленск, 2021. С. 17.

[1076] *Rudling P. A.* The Rise and Fall of Belarussian Nationalism, 1906–1931. Pittsburg: University of Pittsburgh, 2015.

[1077] *Багашев А. Н., Федоров Р. Ю.* Принципы расселения и этнокультурные процессы в среде белорусских переселенцев Урала и Западной Сибири // Вестн. археологии, антропологии и этнографии. 2010. № 2 (13). С. 148.

[1078] Советский национальный проект в 1920–1940-е годы: идеология и практика / Д. А. Аманжолова, К. С. Дроздов, Т. Ю. Красовицкая, В. В. Тихонов. М., 2021. С. 638.

[1079] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 59. Л. 31а.

Район получил статус национального с соответствующей программой по открытию национальных школ и дополнительных мер поддержки языка, что позволило белорусской культуре относительно хорошо сохраниться. В 2010 году были опубликованы мемуары Е. Н. Жданович «Таборы: из века в век»[1080], где подробно описан период «белорусизации» района. Известно, что в 1933 году в рамках политики коренизации в районе была сделана попытка ввести белорусов в управление сельскими органами власти: сельсоветы, суд, милиция, образование и культура. Для этих целей даже была открыта специальная школа с преподаванием белорусского языка, которую должны были посещать все служащие. Для местных педагогов были организованы курсы в Белорусской ССР[1081]. 14 июля 1934 года Таборинский райисполком, отмечая, что образование в школах на 40% ведется на белорусском языке, констатировал, что «постановление облисполкома о коренизации аппарата и перевода делопроизводства на белорусскую письменность рядовыми отделами РИК до сих пор не выполнено», а местные органы власти, используя «канцеляристско-бюрократические методы работы», не сделали «необходимых выводов из решений облисполкома об обслуживании населения нацмен-белорусов»[1082]. Среди поручений было в кратчайшие сроки обеспечить педтехникум 100% педагогов белорусской национальности, проводить учебу на белорусском языке, пригласить педагогов из Белоруссии, организовать краткосрочные курсы для работников и связать отдаленные районы телефонной связью[1083]. Но после 1937 года политика «белорусизации» района была свернута вместе с ликвидацией всех национальных районов. При этом численность белорусов в районе даже выросла, составив к концу 1930-х годов 3366 человек[1084]. Ликвидация района не привела к каким-то формам протеста или возмущения местных белорусов. Вероятней всего, у местного населения не было спроса на поддержку белорусской культуры. «Внутренним фактором неудачи эксперимента стала достаточно пассивная реакция на нововведения подавляющего большинства населения района», – резюмируют в своем исследовании Р. Ю. Федоров и А. А. Богордаева[1085].

[1080] *Жданович Е. Н.* Таборы: из века в век. Реж, 2013.

[1081] *Федоров Р. Ю., Богордаева А. А.* Прошлое и настоящее Таборинского белорусского национального района // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2013. С. 132.

[1082] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 162. Л. 2.

[1083] Там же. Л. 3.

[1084] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

[1085] *Федоров Р. Ю., Богордаева А. А.* Прошлое и настоящее... С. 136.

Если говорить об украинцах, то их численность на Урале, вероятнее всего, резко возросла именно во второй половине 1920-х годов, что фиксируется источниками. Из Украинской ССР в РСФСР за эти годы выехало несколько сот тысяч человек: 1925 год – 148,7 тыс., 1926 год – 379,8 тыс., 1927 год – 474,9 тыс. человек[1086]. Центральные власти даже планировали ограничить миграцию из-за ее растущих масштабов. Во время совещания Всесоюзного переселенческого комитета в марте 1927 года представитель Украинской ССР А. Е. Попов высказался против этого: «Всего туда [на Урал – авт.] прошло 25 тыс. едоков, от нас 16,600 или 65%. Эти цифры говорят о том, что тяга с Украины не уменьшилась, а увеличилась. Мы сейчас со стороны крестьян с Украины имеем такой напор в отношении переселения, что ставить преграды, уменьшая наряд в три раза, это значит создать политические и хозяйственные затруднения, с которыми мы не справимся»[1087]. С ним был согласен представитель Троицкого обкома А. С. Кобелев: «Вопрос о контингенте переселенцев имеет большое значение и определяет успех водворения. У нас на Урале, в Троицкий округ по разверстке Наркомзема на 1927 год из 40 000 душевых долей для украинцев дают 16 000. Все местные органы признают это неправильным и просят об увеличении наряда с Украины... и тех брошюр, которые издаются для ходоков Отделом переселения – ходческие книжки – совершенно недостаточно. Крестьянину надо дать понятную книжку по дешевой цене, которую он мог купить бы везде»[1088]. В докладной записке Наркозема в адрес Троицкого окружкома 1926 года именно миграция с Украины представлялась наиболее желательной: «Наиболее подходящими засельщиками для Троицкого округа являются прежде всего украинцы. Ввиду этого облисполком находит необходимым намеченное НКЗ на 1927–28 годы количество выходцев из Украины 13 200 увеличить до 17 200, произведя это в счет полной отмены посылки на Урал выходцев из губерний Курской и Воронежской, как давших в прошлом году наибольший процент отказа»[1089].

Политика украинизации 1920-х годов была формой альтернативы нацеленному на независимость украинскому национализму 1917–1922 годов. Характеризуя успешность политики украинизации в РСФСР, К. С. Дроздов отмечал: «Попытки перевести делопроизводство на украинский язык приводили к тому, что только затрудняли эффективную

[1086] *Минц Л. Е.* Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. М.–Л., 1929. С. 292–293.

[1087] РГАЭ. Ф. 5675. Оп. 1. Д. 2. Л. 51.

[1088] Там же. Л. 59.

[1089] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 71–72.

работу местных органов власти, так как не было достаточного количества советских и партийных работников, свободно владеющих украинским языком. Но русским языком свободно владели все социальные группы населения»[1090]. По сведениям К. С. Дроздова, украинские национальные районы были созданы в Западно-Сибирском крае, Саратовской, Астраханской, Белгородской, Воронежской областях и Приморском крае[1091]. Однако на Урале, несмотря на численность украинцев, такой район не был создан. А работа среди прибывающих переселенцев, не включенных в сферу национальной политики, не велась. В статье печатного органа Троицкого окружкома «Вперед» в 1928 году вышла статья «Глухой уголок», в которой описывалась ситуация в поселке Ново-Алексеевский Варненского района. «Пос. Ново-Алексеевский Варненского района заселен переселенцами украинцами. В поселке 36 дворов. Молодежи до 100 человек. Работа не ведется совсем», – говорится в статье[1092]. В другой статье от 2 декабря 1927 года сообщается о находящемся рядом поселке Ново-Александровский. О местных украинцах говорится, что «никакой работы с ними не ведется», и «не читая газет и не слыша живой разумной речи, население питается нелепыми слухами»[1093]. В Челябинском округе в 1927 году окружной отдел народного образования провел обследование школы в Кочердыкском районе. Было отмечено, что в школе много украинских детей, плохо понимающих по-русски. «В библиотеке имеется большой спрос на украинскую литературу. Но не предпринимается никаких мер по переводу на украинский язык», – говорится в отчете по итогам проверки[1094]. К началу 1930-х годов сведения об украинцах уже не отражаются в отчетах, хотя по численности к концу 1920-х годов они занимали одно из ведущих мест в области.

При анализе политики в отношении украинцев открытым остается вопрос, почему не было создано автономии для украинцев, хотя бы районного уровня. Не было создано собственных административных образований, не было открыто школ с преподаванием родного украинского языка, не выписывались газеты, хотя условия для такой работы были достаточными. Если принять опыт создания белорусского национального района, то аналогичные административные образования для украинцев могли быть созданы как минимум в Ишимском, Челябинском и Троиц-

---

[1090] *Дроздов К. С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. М., 2016. С. 470.
[1091] Там же. С. 241.
[1092] Глухой уголок // Вперед. 1928. 21 окт. С. 4.
[1093] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 69. Л. 167.
[1094] Там же. Д. 60. Л. 37.

ком округах с численностью украинцев выше 10 тысяч человек. Ведь в Ирбитском округе их было меньше 10 тысяч, и только 1% говорили на белорусском языке. Однако никаких попыток или связанных с этим инициатив по созданию украинского административного образования со стороны облисполкома не поступило. Это может быть связано как с тем, что в начале 1930-х годов шла инициированная центральными властями волна по созданию белорусских районов (в отношении украинцев такой политики не проводилось), так и с тем, что пестрый этнический состав юга области, в особенности Троицкого округа, не давал окружным органам власти предметно заниматься именно украинцами, тогда как в Ирбитском округе белорусы были практически единственным компактно расселенным этническим меньшинством.

Данный кейс позволяет сделать ряд выводов об особенностях национальной политики в отношении белорусов и украинцев РСФСР в 1920–1930-е годы. В целом это были поздние переселенцы преимущественно начала XX века, они были вполне русскоязычными и не нуждались в каких-то специальных мерах поддержки. Их адаптация и обустройство не значились среди приоритетов национальной политики Урала. Сведения об этих двух народах представлены только в отдельных документах либо включены в общие отчеты, специального делопроизводства не велось. Очевидно, что решения о создании автономий не зависели от численности народа и принимались в силу влияния текущих политических задач. Так, например, не предпринималось никаких действий в отношении украинцев Урала, численность которых превышала нескольких десятков тысяч человек. Отсутствие работы в отношении украинцев не являлось следствием какой-то продуманной политики, нацеленной на ассимиляцию их в русской среде. Вероятнее всего, ключевую роль играли отсутствие запроса от населения и позиция властей Троицкого окружкома, не заинтересованных в тяжелой работе по нарезке границ района, учитывая пестрый национальный состав округа. Создание Белорусского национального района было продиктовано текущими политическими мотивами, а не потребностью населения. По этой же причине в 1937 году, даже несмотря на рост численности белорусов, областные власти приняли решение о ликвидации районной автономии для них.

Однако политика в отношении этих двух народов, а в чем-то и ее отсутствие, во многом характеризуют управленческие решения органов, ответственных за национальную политику в области, что вписывается в общие принципы решения национального вопроса на Урале в данный период.

6.4. Болгары в национальной политике Урала

До начала 1930-х годов болгары России были относительно компактной группой, сформировавшейся в конце XVIII века. Основными районами их расселения были территории Украинской ССР и Крыма. Значительную компактную группу представляли болгары в Днепропетровской области Украинской ССР, в основном в границах бывшего Романовского уезда Екатеринославской губернии[1095]. На примере болгарского сообщества будет показано, как политика раскулачивания и депортаций начала 1930-х годов влияла на этнокультурный ландшафт и национальную политику. Пример с болгарами также показывает интересный кейс взаимовлияния этничности, общества и власти 1920-х годов, когда несколько разных по происхождению групп становятся в рамках другого региона одной национальностью.

6.4.1. Появление болгар на Урале

Выбор болгар обусловлен тем, что их появление на Урале связано как раз с административными высылками начала 1930-х годов, до этого времени на Урале их не было. К началу советского периода болгарское население Урала исчислялось несколькими десятками человек, приехавших в рамках Столыпинских реформ и других незначительных миграций[1096]. В 1926 году на территории Уральской области было переписано всего 49 болгар, из которых 40 мужчин, 9 женщин. Они проживали в южных Троицком и Шадринском, а также в Свердловском округах Уральской области[1097]. Учитывая, что свыше 70% болгар жили в южных районах Урала и для 75% из них родным языком был болгарский, можно предположить, что это участники первых советских переселенческих кампаний или эмигранты из Болгарии (о болгарских политэмигрантах см. ниже). Однако согласно официальным статистическим данным численность их была небольшой, а расселение дисперсным. В сельской местности Троицкого округа Уральской области болгары отмечены только в одном населенном пункте как вторая этническая группа – на хуторе Белая Глинка Троицкого района, где зафиксировано пять болгар наряду с основным русским населением в 27 человек (см. таблицу 6.9).

[1095] В 1926 году Романовский район был переименован в Коларовский и имел статус болгарского национального района.

[1096] *Черных А. В., Кляус В. Л., Кляус М. П., Каменских М. С.* Болгарское сообщество Пермского края: формирование, расселение, численность // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2020. № 1. С. 88–89.

[1097] Всесоюзная перепись населения 1926 г. Т. IV. Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. М., 1928. С. 106–149.

Таблица 6.9

Болгары Урала в переписи 1926 года[1098]*

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все
РСФСР	**9834**	**8708**	**18 542**	**1832**	**1223**	**3055**	**8002**	**7485**	**15 487**
Уральская область	**40**	**9**	**49**	**31**	**3**	**34**	**9**	**6**	**15**
В т. ч. округа:									
Ирбитский	1	0	1	0	0	0	1	0	1
Ишимский	1	0	1	1	0	1	0	0	0
Курганский	2	0	2	2	0	2	0	0	0
Пермский	1	1	2	1	1	2	0	0	0
Свердловск.	7	0	7	7	0	7	0	0	0
Тагильский	2	3	5	1	1	2	1	2	3
Троицкий	13	1	14	11	1	12	2	0	2
Тюменский	2	0	2	1	0	1	1	0	1
Челябинск.	8	4	12	4	0	4	4	4	8
Шадринск.	3	0	3	3	0	3	0	0	0

Таблица 6.10

Родной язык болгар Урала в 1926 году**

Территория	Мужчины			Женщины			Итого	
	Родной болг.	Родной русск.	Грамот. на родном языке	Родной болг.	Родной русск.	Грамот. на родном языке	Родной болг. (% от общ. числ.)	Грамот. на родном яз. (% от общ. ч.)
Уральская область и Сибирский край	147	52	37	101	36	9	248 (70%)	46 (13%)

*, ** *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

[1098] Учитывая, что численность болгар была крайне незначительна, автором принято решение представить только общие сведения о болгарах в 1926 году. Данные о языке даны в отдельной таблице.

С началом раскулачивания традиционный ареал расселения болгар был серьезно нарушен. Высылке согласно закону подлежали кулаки т. н. второй категории, включающей в себя «остальные элементы кулацкого актива особенно из наиболее богатых кулаков и полу-помещиков, которые подлежат высылке в отдаленные местности Союза ССР и в пределах данного края в отдаленные районы края»[1099]. В этот период сотни болгар в порядке административной высылки были переселены на Урал. Пик раскулачивания пришелся на 1930–1931 годы, но отдельные высылки фиксируются до конца 1930-х годов. Основным источником выступают архивно-следственные дела. Анализ мест рождения репрессированных позволяет реконструировать ареал расселения подвергшихся высылке. Несмотря на сложности работы с источником (переименования населенных пунктов, изменения административных границ, ошибки в названиях при записи со слов), в ходе исследования удалось выявить названия 121 населенного пункта, из которых были родом болгары Урала. В общей сложности из проанализированных анкет болгар, в которых было указано место рождения, 209, или 42%, были уроженцами 31 населенного пункта с территории Коларовского района Днепропетровской области УССР. Также болгары высылались из Одесской, Николаевской, Запорожской областей УССР, с территории Молдавской АССР (Болградский, Тираспольский, Колояровский районы), Крымской АССР (Феодосийский и Карасубазарский районы) и других регионов РСФСР. Все это в целом коррелирует с местами компактного проживания и расселения болгар в СССР.

Учитывая, что высылке подвергалось в основном сельское население, только 5% болгар до переселения были выходцами из городской среды (в основном с территории Бессарабии). В среднем высылке подвергались 2–5 человек из одного населенного пункта. Это могли быть члены одной или двух семей. Наибольшее количество человек, согласно источникам, выслано из сел Андровка (26 человек), Анновка (21 человек) Коларовского района Днепропетровской области УССР, сел Зеленовка (17 человек), Парканы (15 человек) Тираспольского района Молдавской ССР. Обстоятельства и причины высылки в источниках почти не отражены. В анкетах, как правило, указывается только на факт раскулачивания с формулировкой «в 1930 году хозяйство раскулачено, выслан в трудоссылку»[1100]. Ярким примером такой «биографии» может являться протокол допроса Георгия Павловича Иванова, уроженца села

[1099] О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 30.01.1930 г.). Приложение № 2-ОП к п. 36 (о. п.) пр. ПБ № 116 [Электронный ресурс]: Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/58763 (дата обращения: 28.04.2023).

[1100] Из анкеты Зибирева Кирилла Марковича. ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35643. Л. 4.

Терновка Одесской области УССР. «В 1931 году меня как кулака со всей семьей выселили на Урал, в Ворошиловский район, имущество все изъяли и передали в колхоз», – говорится в протоколе от имени Иванова[1101]. В показаниях его соседа по деревне Василия Ивановича Иванова также отмечается, что он «в 1931 году выселен на Урал, в Ворошиловский район как имевший кулацкое хозяйство»[1102]. В большинстве анкетных данных временем высылки указаны 1930 и 1931 годы, например: «кулак, выселен в 1931 году в г. Свердловск, переведены в г. Березники в 1932 году»[1103]. В анкете Кирилла Зибирева, уроженца деревни Желябовки Феодосийского района Крымской АССР, сказано так: «До и после революции работал в хозяйстве родителей, закончил профтехникум... В 1930 году хозяйство отца раскулачено, выслан в трудоссылку в Надеждинский район Свердловской области»[1104].

Подробное описание хозяйства или сведения автобиографического характера содержатся в нескольких десятках дел из всего количества просмотренных. Анализ документов позволяет заключить, что высылка проводилась со всей территории проживания болгар, специальных «поголовных» переселений отдельных болгарских населенных пунктов также не осуществлялось, болгары попадали на Урал в составе партий вместе с украинцами, белорусами и другими народами. Вероятней всего, и фактор национальной принадлежности высылаемых не играл роли, а высылке подвергались наиболее зажиточные.

Масштабы произошедших в результате раскулачивания и высылки болгар изменений демонстрируют материалы Всесоюзной переписи населения 1939 года. Всего, по данным переписи, на территории Свердловской, Пермской, Челябинской, Омской областей проживало 1188 болгар, что примерно в 13 раз больше, чем в 1926 году[1105]. Больше всего болгар проживало в Копейском горсовете Челябинской области (690), Надеждинском (68) и Нижнетагильском (80) районах Свердловской области, а также в Добрянском районе Пермской области (33)[1106]. Увеличение численности болгар зафиксировано в местах, где в 1930-е годы имел место резкий рост населения в связи с раскулачиванием. Так, например, население города Копейска в период с 1931 по 1939 год выросло за счет раскулаченных с 24 900 до 60 000 человек[1107].

[1101] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 15923. Л. 10.
[1102] Там же. Д. 13596. Л. 8.
[1103] Там же. Д. 15902. Л. 5 об.
[1104] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 35643. Л. 4.
[1105] Всесоюзная перепись населения 1926 г.... С. 106–149.
[1106] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов / сост. В. П. Мотревич. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.
[1107] *Баканов С. А., Гитис М. С., Моисеев А. П., Фёдоров Ю. Г.* Копейск. 100 лет в истории Отечества / под общ. ред. С. А. Баканова. Челябинск, 2007.

Таблица 6.11

Болгары Урала в структуре населения СССР в 1939 году по полу*

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.
Урал	1188	475	713	988	355	633	200	120	80
Свердловская область	188	81	107	136	61	75	52	20	32
Пермская область	146	97	49	40	22	18	106	75	31
Челябинская область	854	297	557	812	272	540	42	25	17
Омская область (ХМАО, ЯНАО)	–	–	–	–	–	–	–	–	–

* *Составлено и подсчитано по:* Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. 2002. С. 169–173.

На всех территориях проживания болгары составляли менее 1% от численности населения. Только на территории Копейского горсовета Челябинской области, включавшего в себя несколько спецпоселков, их доля немного превышала 1%, а в поселке Горняк их было 3%, на данной территории болгары были вторым по численности народом после русских[1108].

Значительная часть спецпоселенцев была выслана и находилась на Урале с семьями. Источниками часто фиксируется проживание большого количества однофамильцев, происходящих из одного и того же населенного пункта, что косвенно указывает на наличие родственных связей. Наиболее крупными родственными объединениями, которые могли включать в себя по несколько семей, стали Ангеловские (выселены из села Анновка Коларовского района в Копейск Уральской области), Тютюшевы (выселены из села Андреевка Бердянского района УССР в город Надеждинск Уральской области), Георгиевы, Рулевские и Дянковы (высланы из села Петровка Коларовского района УССР в Н. Тагил и Копейский район Уральской области), Бакаржиевы и

[1108] Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

Болгаровы (высланы из села Анновка Коларовского района УССР в город Копейск), Стойловские (высланы из села Зеленовка Коларовского района УССР в Копейский район), Суфларские (высланы из села Троян Коларовского района УССР в Копейский район), Радуловы (высланы из села Парканы Тираспольского района в Добрянский район Пермской области) и др.

С точки зрения расселения болгары, традиционно являвшиеся представителями сельского населения, к концу 1930-х годов в большинстве оказались жителями городов. В Челябинской области вообще 95% болгар были отнесены к городской местности. В целом по Уралу этот показатель составил 83%. Были особенности и в половой структуре. Женщины составляли примерно 56% от общей численности болгар, мужчины – 44%, тогда как по РСФСР этот показатель составлял 48% и 52%, а по СССР – 51% и 49% соответственно. То есть на Урале число женщин-болгарок было выше, чем в среднем по стране. Это тоже можно объяснить следствием репрессий второй половины 1930-х годов, поскольку им подвергались в основном мужчины.

6.4.2. Жизнь и труд раскулаченных болгар на Урале

Большая часть раскулаченных была задействована на работах, связанных с добычей полезных ископаемых или лесозаготовками. Местом работы многих болгар стал поселок Северный рудник Копейского района Челябинской области. Административно он включал в себя несколько шахт с прилегающими к ним спецпоселками, где трудились в основном раскулаченные. Здесь к середине 1930-х годов и проживало наибольшее количество болгар Урала. В новых условиях болгары осваивали профессии, не связанные с традиционным для них сельским хозяйством. За болгарами Урала были закреплены специальности, связанные с физическим трудом, в том числе «шахтерские» – каталь (14), забойщик (43), выборщик породы (2), обжигатель (4). Также среди профессий наиболее распространенными были сторож (26), чернорабочий (18), грузчик (12), плотник (9), слесарь (8), кочегар (6), кузнец (5) и др. Если болгары, родившиеся в XX веке, направлялись на шахты, рудники или лесозаготовки, то их соплеменники более преклонного возраста или совсем молодые получили возможность продолжать заниматься сельским хозяйством, создавая артели. Так, в источниках фиксируется существование сельхозартелей, где точно трудились болгары, – «Новый путь» (12 человек), «2-я Пятилетка» (19), «Вперед» (3), «Сьинарь» (1). Известно и о существовании крупной группы болгар из 13 человек в артели «Искра», трудившейся на огородических хозяйствах санаторной зоны города Троицка. В совхозе «Исток»

Арамильского района Свердловской области работало несколько болгар, а бригадиром в совхозе был крымский болгарин Григорий Близняков[1109]. Реакция местного населения на болгар видна в нескольких источниках. Так, житель Добрянки Александр Пироговский (1909 г. р.) сообщил на допросе у следователя о болгарах следующее: «В поселке [Добрянка – авт.] проживали ссыльные трудпоселенцы различных национальностей: финны, эстонцы, болгары. Мне приходилось тесно общаться с ними по различным вопросам. Трудпоселенцы были очень трудолюбивыми, дисциплинированными людьми, по отношению к Советской Власти вели себя лояльно»[1110].

В новых условиях некоторые из болгар даже делали карьеру. Главным огородником Федоровского райпотребсоюза Троицкого округа Уральской области был раскулаченный болгарин Андрей (Кордан) Маринов[1111]. Алексей Ангеловский 1908 г. р. из села Анновка Коларовского района стал заведующим швейной мастерской города Копейска[1112]. Инструментальной мастерской депо на станции Карталы Воротилинского городка руководил уроженец Бессарабии Захар Кальниченко, 1890 г. р. А Василий Мильчевский из села Преслав Коларовского района дослужился до заведующего коммунальным отделом треста «Челябуголь»[1113].

Будет уместным предположить, что болгары Урала в этот период переживали кризис ломки прежнего уклада жизни и ценностей, связанных с традиционным проживанием в сельской местности, и наступившим гендерным дисбалансом. Эти обстоятельства, безусловно, способствовали ассимиляционным процессам и кризису идентичности. В этом плане показателен ответ о национальной принадлежности Ивана Опри, 1907 г. р. В 1930 году он, еще находясь на иждивении родителей, был сослан в Добрянский район Уральской области. В 1938 году, повторно подвергшись репрессиям, он так ответил на вопрос о своей национальности: «Нас в деревне называют болгарами, но является ли это национальностью, я точно не знаю, так как отец и еще деды родились и прожили на Украине»[1114].

Таким образом, за период 1930-х годов с территорий в основном Украинской СССР на Урал было выслано около 1000 болгар, при этом отдельной кампании, нацеленной против них, не проводилось. За счет

[1109] Подр. см.: Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии. СПб., 2022. С. 45–46.
[1110] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 5973. Л. 15.
[1111] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 2150.
[1112] Там же. Д. 1148.
[1113] Там же. Оп. 4. Д. 5604.
[1114] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7050. Л. 4.

этого переселения сформировались большие группы болгар на Урале, в первую очередь, – в Копейском районе Челябинского округа Уральской области. Среди главных особенностей болгар региона можно выделить значительное преобладание городского населения и более высокую долю женщин. Болгары этого периода меняли традиционный уклад жизни, осваивали новые специальности. В результате этих факторов они подверглись серьезным ассимиляционным процессам. К концу 1930-х годов болгары были преимущественно городскими жителями, не имевшими условий для сохранения и трансляции традиционной культуры. Они в большинстве принимали общесоветскую идентичность и ценности, что фиксируется в материалах переписей населения и письменных источниках.

6.4.3. Политэмигранты болгары на Урале

Болгарское сообщество Урала было представлено еще одной весьма специфической и показательной для национальной политики группой – болгарскими политическими эмигрантами из Болгарии. Выделить их в общей структуре болгарского населения не представляется возможным. Однако если опираться на имеющиеся документы, их общая численность на Урале могла составлять несколько десятков человек. Политические эмигранты из разных европейских стран были весьма распространенным явлением в жизни Урала 1930-х годов[1115].

Начало массовой эмиграции из Болгарии в СССР было продиктовано историческими причинами. Неудавшееся вооруженное восстание сентября 1923 года (Септемврийско въстание) и начатые правительством А. Цанкова массовые аресты коммунистов заставили последних искать политического убежища за рубежом[1116]. Выбор большинства, конечно, пал на СССР, который в это время активно содействовал политэмигрантам в получении убежища и интеграции. Начиная с принятия в 1924 году Положения о гражданстве Союза ССР, во всех редакциях этого документа вплоть до 1938 года содержался пункт об упрощенной процедуре получения гражданства для лиц, «ищущих убежища, вследствие преследования их за общественную деятельность»[1117]. За всеми, кто нелегально переходил границу, в советском делопроизводстве за-

---

[1115] *Мотревич В. П.* Иностранные граждане на Урале в 40-е годы // Урал в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. Екатеринбург, 1995. С. 97–101.

[1116] История Болгарии. Т. 2... С. 128–142.

[1117] В разных редакциях Положения деятельность могла называться общественной или революционно-освободительной. См.: Положение о гражданстве СССР (утв. Постановлением ЦИК СССР от 29.10.1924) [Электронный ресурс]: Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=3068#08113827957814717 (дата обращения: 08.04.2024).

крепился термин «перебежчик». Так, среди документов одного из эмигрантов-болгар И. Иванова в фондах ГААОСО, например, сохранилось Удостоверение перебежчика со стороны Болгарии, выданное в СССР, со сроком действия до 1 января 1937 года[1118].

Начиная с середины 1920-х годов многие болгарские коммунисты стали эмигрировать в СССР. По социальному облику эти эмигранты были преимущественно молодыми людьми с активной жизненной позицией и стажем общественной (партийной) работы. Как правило, они происходили из крестьянской среды и не имели образования. Советские органы власти оказывали им содействие в получении гражданства и устройстве на работу. Маршрут следования в СССР каждый перебежчик разрабатывал сам, поскольку легальный канал эмиграции из Болгарии в СССР отсутствовал, между странами даже не были установлены дипломатические отношения. Известным революционерам содействовали органы власти СССР, но большинство добирались самостоятельно. Наиболее простым и распространенным, судя по источникам, был морской путь из Варны в Одессу. Оказавшись в СССР, болгарские коммунисты разъезжались по всей стране, в том числе ехали на Урал, поскольку на рубеже 1920–1930-х годов этот регион был центром активных строек и социальных преобразований. Строящиеся промышленные гиганты и образовывающаяся вокруг них инфраструктура создавали рабочие места для специалистов всех уровней. Судя по источникам, в Нижнем Тагиле был даже отдельный район под названием «город эмигрантов». Известно о большой группе болгар, родом из Варненского округа, которые жили в Магнитогорске[1119].

К середине 1930-х годов на Урале проживало несколько десятков эмигрантов-перебежчиков из Болгарии. Как уже говорилось выше, приезжая в СССР, они получали возможность жить и трудиться на общих с гражданами этой страны основаниях. Прожив и поработав какое-то время, болгарские эмигранты, как правило, принимали советское гражданство. Получив паспорта, некоторые из болгар даже меняли имена и фамилии. Так, Степан Терзеев в 1920-е годы взял себе фамилию Портнов[1120], а Кордан Маринов из Троицка поменял имя на Андрей. Георгий Бойдиев, Георгий Дубов и Филипп Шинев, приняв советское гражданство, вступили в ВКП (б)[1121]. Эти факты косвенно

[1118] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 22448. Л. 9.

[1119] Подр. см.: *Черных А. В., Каменских М. С., Христов П. П.* Болгары в регионах Урала в 1920–1930-е гг.: формирование и развитие этнодисперсной группы // Вопросы истории. 2020. № 10-1. С. 187–198.

[1120] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 9164.

[1121] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 10 об.; ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

свидетельствуют о стремлении болгар интегрироваться в местную среду. Политэмигранты из Болгарии устраивались на самые разные должности, некоторые даже делали карьеру и вносили вклад в развитие региона. Георгий Дубов, например, получив военно-инженерное образование в СССР, в качестве командира артиллерийской батареи служил в городе Вологде, а затем – на разных должностях в аппарате Главного военно-мобилизационного управления Народного комиссариата тяжелой промышленности. В 1934 году он получил назначение на должность начальника отдела технического контроля Завода № 172 им. В. М. Молотова (совр. «Мотовилихинские заводы»). Его соотечественник болгарин Степан Терзеев работал в Перми завхозом здравпункта завода № 172. Кроме Г. Дубова и С. Терзеева в источниках отложились сведения о других болгарах, работавших на заводе № 172[1122]. Георгий Бойдиев, живя в городе Березники с 1929 года, к началу 1937 года занимал должность заместителя заведующего Вишерским бумкомбинатом[1123]. Коммунист Николай Пинов был начальником Еловского лесоучастка Верхкамлеса[1124]. Стоян Джевакеров был главным бухгалтером Главпищепрома города Магнитогорска[1125]. Главным огородником Федоровского райпотребсоюза Троицкого округа Уральской области был болгарин Андрей (Кордан) Маринов, в его подчинении трудились болгары Илья Шишков, Стоян Мирчев[1126]. Первым начальником Свердловского аэроклуба ОСОАВИАХИМа, начавшего свою работу 23 декабря 1933 года, стал Афанасий Афанасьев, болгарский коммунист и личный друг Георгия Димитрова. В послевоенные годы А. Афанасьев был министром гражданской авиации Болгарии[1127]. В анкетных данных вышеперечисленных болгар местом рождения значится Болгария.

Болгарские политэмигранты участвовали и в политической жизни. Специалист по политический эмиграции в СССР С. В. Журавлев в своей диссертации говорил, что «их взгляд на СССР был зачастую более острым и точным, а поведение – более адекватным реалиям»[1128].

[1122] *Черных А. В., Кляус В. Л., Кляус М. П., Каменских М. С.* Болгарское сообщество Пермского края: формирование, расселение, численность // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2020. № 1. С. 90.

[1123] ПермГАСПИ. Ф. 643/2. Оп. 1. Д. 28312. Л. 1.

[1124] Там же. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 10 об.

[1125] ОГАЧО. Ф. Р-467. Оп. 3. Д. 7628.

[1126] Там же. Д. 9816.

[1127] История авиации РОСТО (ДОСААФ) Свердловской области [Электронный ресурс]: Екатеринбургский аэроклуб РОСТО ДОСААФ. URL: http://aviasport-343.ru/history_aviation_rosto.htm (дата обращения: 08.04.2020).

[1128] *Журавлев С. В.* Иностранцы в Советской России в 1920-е – 1930-е гг.: Источники и методы социально-исторического исследования. Дисс. ... докт. ист. наук: 07.00.09. М., 2000. С. 41.

Участие болгар в политических дискуссиях хорошо видно по биографии Ф. Шинева, который «неоднократно выступал на партсобраниях в троцкистском направлении против генеральной линии партии, делал контрреволюционные клеветнические выпады по отношению партруководства и ВКП (б)»[1129]. Судя по документам, Ф. Шинев, имея большой партийный стаж, действительно очень активно полемизировал с местными коммунистами. «Фраза «Каждое слово товарища Сталина должно служить (быть) законом для партии и каждого члена партии» говорит еще и о политической безграмотности ее носителей. Протестую против такой засоренности партийной чистоты», – говорил он в 1937 году. И далее позволял себе провокационные для того времени высказывания: «...всем личностям (хоть и семи пядей во лбу, по выражению товарища Жданова) присуща погрешность и ошибочность, в том числе тов. Сталину»[1130]. Естественно, в условиях СССР второй половины 1930-х годов это было недопустимо. В 1935 году Ф. Шинев был исключен из партии «за проявление ревизионизма учения товарища Сталина, за антипартийные выступления на партсобрании»[1131], а в 1937 году – арестован. Вполне вероятно, что и другие болгарские коммунисты могли полемизировать с местными партийными организациями Урала.

Таким образом, прибывающие из Болгарии эмигранты болгары охотно интегрировались в местное сообщество, вступали в межнациональные браки, брали себе русские имена и фамилии, принимали гражданство. Некоторые даже продолжили политическую деятельность и вступили в ВКП (б). Имея мало общего со своими соплеменниками из западных районов СССР, болгарские политэмигранты тем не менее воспринимались местными органами власти как часть единого болгарского народа, о чем свидетельствуют политические акции второй половины 1930-х годов.

6.4.4. Болгары на Урале во второй половине 1930-х годов

Во второй половине 1930-х годов в СССР происходят важные изменения во внутренней политике, в результате которых страна становится более закрытой, а отношение к иностранцам меняется. Новое Положение о гражданстве Союза Советских Социалистических республик от 19 августа 1938 года[1132], по словам Л. П. Белковец, «изъяло

[1129] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 20609. Л. 4.
[1130] Там же. Л. 7.
[1131] Там же. Л. 36.
[1132] Закон «О гражданстве Союза Советских Социалистических республик» от 19 августа 1938 г. // Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. М., 1964. № 30. С. 23–24.

у иностранных граждан избирательные и иные политические права... перестали предоставляться права участия в управлении страной, право избирать и быть избранным в органы советской власти и на другие ответственные государственные посты»[1133]. Начавшиеся в 1937–1938 годах репрессии коснулись практически всех «иностранцев». На Урале было организовано несколько «спецопераций» в отношении отдельных народов[1134]. В данном разделе будет проанализирован процесс репрессий по этническому признаку на примере болгар. Основным источником послужили материалы архивно-следственной документации ГАПК, ГААОСО и ОГАЧО.

Репрессиям подвергались все болгары, независимо от того, были они уроженцами СССР или политэмигрантами. Источники свидетельствуют, что НКВД при проведении операций против болгар не разделяло их на эмигрантов и советских граждан. В деле уроженца Крыма Василия Иванова говорится, что он познакомился с прибывшим из Болгарии соотечественником, который предложил им «работать в пользу Болгарии против СССР»[1135].

Любое дело начиналось с массовых арестов. В отношении арестованных применялись так называемые методы «упрощенного» следствия. Санкции на арест у прокурора не брались, проводилось ускоренное следствие, после чего производилось соответствующее оформление. Показания с арестованных брали, применяя обман и физическое насилие. Так, Георгий Шерстов, 1907 г. р., был обманут следователем в ходе допроса. «Следователь Панфилов уговаривал меня, что ты не первый человек, который подписывает такой материал, что тебя никто не будет судить и наказывать... если ты советский гражданин, то должен прийти на помощь и подписать... После его долгих уговоров и убеждений плюс мою малограмотность гражданин следователь Панфилов уговорил меня, и я подписал этот составленный злосчастный на меня материал», – писал он в жалобе после своего ареста»[1136]. Вот как описан процесс сбора показаний одним из следователей Свердловской области на процессах 1957 г.: «Первое время я не знал, что делать, так как арестованные или совсем не сознаются, или сознаются только в антисоветской агитации, а этого было недостаточно, но потом... я научился писать протокол так же, как писали и другие следователи бригады,

---

[1133] *Белковец Л. П.* Иностранцы в Советской России (СССР): регулирование правового положения и порядка пребывания (1917–1939 гг.). Первая часть // Юридические исследования. 2013. № 5. С. 330.

[1134] *Каменских М. С.* Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект. СПб., 2019. С. 181–182.

[1135] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 13596. Л. 9.

[1136] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 49900. Л. 20–22 об.

т. е. называю арестованного, заполняю анкетную часть протокола допроса, а дальше сам составляю протокол допроса о том, что арестованный являлся участником повстанческо-диверсионной шпионской организации и проводил диверсионную работу. И подавал подписывать арестованному. Малограмотные, а таких было большинство, подписывали, не читая, а грамотных уговаривал подписать, что это нужно, что их просто переведут в другое место и т. д., и в конце концов добивался подписи»[1137]. Из показаний бывшего оперуполномоченного Пермского ГО НКВД: «Я, как и другие члены бригады... составляли фиктивные протоколы допроса арестованных, вписывали им диверсии и шпионаж, хотя материалов, изобличающих их деятельность не было... Подписывались эти протоколы обманным путем, т. е. я им зачитывал автобиографические данные и совершенно не читал арестованным часть протокола о шпионаже и диверсии, и они подписывали эти протоколы»[1138]. К делу прикладывались справки о понесенном от деятельности арестованных ущербе. Один из участвовавших в операции следователей в 1957 году показал на допросе: «После проведения операции по указанию руководства отдела я выезжал в районы (Добрянка, Чусовая) для получения фиктивных справок о вымышленных диверсиях и лесных пожарах. Таких справок мы привезли около 1000 штук, которые затем должны быть вложены в следственные дела арестованных...»[1139].

Собранные материалы сдавались руководству для утверждения и корректировок. После получения показаний, подтверждающих определенную «легенду», возбуждалось уголовное дело. Как правило, в одном деле фигурировало сразу несколько человек, которых объединяли в организованную группу. Обвинение предъявлялось по ст. 58 УК РСФСР. Типичным примером архивно-следственного дела периода «Большого террора» против болгар-кулаков является дело Ильи Константинова, 1898 г. р., болгарина, гражданина СССР, уроженца села Терновка Николаевского района Одесской области[1140]. Его как раскулаченного в 1930 году выслали на Урал, где он находился на трудпоселении в поселке Липовка Чусовского района: являлся чернорабочим в промартели «Липовка». Арест И. Константинова был произведен 24.12.1937 Чусовским ГО НКВД. В обвинительном заключении отмечается: «Органами НКВД по Свердловской области вскрыта и ликвидирована существовавшая на Урале контрреволюционная-диверсионно-повстанческая шпионская организация, созданная польскими разведывательными

[1137] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16778. Л. 31.
[1138] Там же. Д. 11293. Т. 2. Л. 73.
[1139] Там же. Д. 11992. Л. 11.
[1140] Там же. Д. 12729. Л. 1–24.

органами. <...> В процессе следствия были получены данные о причастности к этой организации Константинова...». Итогом процесса стал приговор к высшей мере наказания, который был исполнен 10.03.1938[1141].

Крупное и весьма показательное дело против болгар было инициировано в Нижнем Тагиле в декабре 1937 года. Оно строилось вокруг грузчика Тагилстроя, уроженца села Троян Бердянского района Днепропетровской области Павла Григорьевича Шопова, 1882 г. р. Он был выходцем из крестьянской среды, но при этом имел образование 4 класса, а с 1915 по 1917 год служил в царской армии. Эти биографические данные очень подходили для роли «организатора». 15 декабря 1937 года П. Шопов и ряд других болгар были арестованы по подозрению в шпионаже[1142]. 15 января 1938 года П. Шопов и его «соучастники» были осуждены на расстрел. Приговор был приведен в исполнение 9 февраля 1938 года. В этот же день с П. Шоповым были расстреляны болгары Георгий Станчевский (1896 г. р.), Мария Станчевская (1904 г. р.), Захар Тютюшев (1892 г. р.) и его сын Илья (1913 г. р.), Михаил Дянков (1897 г. р.) и его сын Владимир (1916 г. р.), Федор Георгиев (1897 г. р.) и его сын Михаил (1914 г. р.), Алексей Чебышев (1914 г. р.), Данила Чебышев (1893 г. р.). Все они были родом из разных районов СССР.

Болгары становились фигурантами массовых дел, когда в рамках одного производства арестовывались представители разных национальностей. Ярким примером может послужить «Добрянское дело», по которому было арестовано несколько сотен спецпоселенцев Добрянского района, в том числе 14 болгар, преимущественно уроженцев села Парканы Тираспольского уезда[1143]. О «Добрянском деле» вспоминал один из свидетелей Алесандр Пироговский (1909 г. р.). «В декабре 1937 года все мужчины из числа трудпоселенцев, включая стариков, были арестованы органами НКВД. Как я впоследствии узнал, всех их осудили как участников диверсионно-повстанческой организации. Только позднее из приговора Тройки я понял, что протокол был сфальсифицирован, там было записано, что я признаюсь в том, что являюсь руководителем диверсионно-террористической группы»[1144].

Большая часть политэмигрантов была арестована в рамках одного «эмигрантского дела», начавшегося в 1937 году в Нижнем Тагиле и Надеждинске. На основании анализа источников можно утверждать,

---

[1141] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 12729. Л. 30.
[1142] Там же. Д. 62042. Л. 3.
[1143] *Вайман Д. И.* Болгары Пермского края в период «Большого террора»: «Добрянская папка» // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. 2021. № 4. С. 82–95.
[1144] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16778. Л. 16.

что многие болгарские политэмигранты как представители «инобазы» еще до массовых арестов находились под наблюдением. Так, в рассекреченных материалах дела Кресто Колева имеются докладные записки сотрудников НКВД «Мстителя» и «Адама» о его поведении. «В СССР ему не нравится, говорит, что всем остальным болгарам тоже не нравится», – говорится в одном из таких документов[1145]. По легенде следствия, в Надеждинском районе болгарской разведкой была создана «контрреволюционная шпионско-диверсионная и террористическая организация», куда вошли болгарские политэмигранты. Руководителем группы назначили больше всего подходящего на эту роль сына болгарского генерала Г. Готиевского. Созданное сообщество в источниках называется «РОВС», но при этом не встречается какой-либо расшифровки аббревиатуры. Каждый из политэмигрантов работал «в своей» среде. Среди студентов-медиков Лазарь Димитров распространял «контрреволюционною клеветническую речь фашистского офицера, которую он слышал, находясь на собрании фашистов в г. Варна... восхвалял контрреволюционеров Троцкого, Зиновьева и Каменева»[1146]. А «контрреволюционную пропаганду против политики партии и советского правительства среди перебежчиков и трудопоселенцев» проводил и болгарский перебежчик Георгий Иванов[1147]. Н. Пинов, который, даже судя по личной анкете, неоднократно арестовывался в Болгарии за революционную деятельность, был обвинен в том, что «проживая в г. Варна Болгарии в 1927 г. вошел в связи с болгарской политической полицией и занимался провокаторской деятельностью в рядах Болгарской компартии»[1148]. В эту организацию были «вписаны» не только болгарские политэмигранты, но и советские болгары, находившиеся в то время в Свердловской области. Например, членами «РОВС» были объявлены граждане СССР, уроженцы села Андреевка Бедрянского района Донецкой области УССР Захар Тютюшев и его сын Илья, жившие в Надеждинске на поселении[1149].

Ход и особенности следствия отражены в материалах дела Федора Яни, арестованного в марте 1938 года «за причастность к болгарским разведывательным органам»[1150]. После обращения в 1940 году его супруги в органы РО НКВД Свердловской области было принято решение о пересмотре дела. В заключении Орджоникидзевского РО НКВД Сверд-

---

[1145] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 9–12.
[1146] Там же. Д. 76790. Л. 69.
[1147] Там же.
[1148] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 14923. Л. 21.
[1149] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 65554, 65556.
[1150] Там же. Д. 26388. Л. 22.

ловской области говорится, что следствие по обвинению Яни велось провокационным методом, путем «камерной обработки»[1151]. Сам Яни на допросе 21 июня 1941 года сообщил: «Под давлением следствия я подписал составленный следователем клеветнический протокол с такими преступлениями, которые я совершенно не делал»[1152]. Из показаний следователя по делу Ф. Яни Клевцева: «Обвиняемый Яни в порядке «камерной обработки»... был подготовлен для подписания показаний, после чего 8 марта 1938 вызван мною на допрос и подписал показания, которые не соответствуют действительности и материалом для обвинения Яни служить не может»[1153]. На допросах арестованные болгары все отрицали. И. Добрев от дачи показаний на следствии вообще отказался[1154], а Георгий Дубов ни на одном допросе не признал вины, хотя все равно был признан агентом японской разведки[1155].

О том, как происходило следствие по этому делу, говорится в показаниях следователя С. С. Пикмана. Он показал, что следствие шло обычным ходом, но поступило распоряжение из Москвы, указывавшее на «слабые темпы разворота следствия». После этого его ход изменился. «Следователи требовали от обвиняемого лишь признания в части материалов по переходу границы. С арестованным беседовали, записывали нужные данные на бумажке, а потом в отсутствие обвиняемого составляли протокол допроса, который затем давали обвиняемому на подпись... Перебежчики друг друга называли вербовщиками в к-р организацию... Камерной обработки не было надобности вести», – показал С. Пикман[1156]. Из показаний одного из следователей: «В целях быстрейшего проведения следствия все арестованные были разбиты на группы. В каждой группе было выбрано по одному арестованному в качестве руководителя повстанческо-диверсионной группы и ему в протоколе допроса были внесены остальные участники, как им лично завербованные или связанные с ним по контрреволюционной работе...»[1157].

После проведения арестов и соответствующего оформления документов в обвинениях появились такие формулировки, как: участие

[1151] Так называлось на языке делопроизводства физическое насилие с целью получения нужных показаний. См.: ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 26388. Л. 28.
[1152] Там же. Л. 51.
[1153] Там же. Л. 25.
[1154] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 7970. Л. 121.
[1155] Там же. Д. 10059. Л. 10.
[1156] ГААОСО. Ф. Р-1. Оп. 2. Д. 52192. Л. 61.
[1157] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16778. Л. 30.

в повстанческой группе, шпионаж в пользу иностранных разведок, подготовка к вооруженному восстанию болгар-трудпоселенцев, а также перечисление фактов диверсий. Контрреволюционная деятельность, борьба с советской властью, выраженная в материальном «вредительстве», как правило, дополнялась антисоветскими выступлениями и прочими действиями, направленными против местной советской номенклатуры: «Радулов Г. И.... призывал лесорубов к вооруженной борьбе с Советской властью»[1158]; «Раичев З. Ф.... покушался на убийство парторга – председателя Избирательной комиссии Валдина, произведя в него выстрел в лесу»[1159]; «Пильтек Г. Ф. вел контрреволюционную пропаганду против социалистических методов труда»[1160]; «Стоянов В. Н.... призывал кулаков к вооруженной борьбе против Советской власти»[1161].

Приговоры для болгар Урала и Сибири были разными: в целом 58% из арестованных расстреляны, остальные получили лагерные сроки или были отпущены. Политэмигранта Г. Дубова, которого председатель БКП В. Коларов назвал «стойким, преданным и честным партийцем», например, освободили «за недоказанностью» обвинения[1162]. Михаил Дмитриевич Петелкаки (1900 г. р.), проживавший в 1933 году в поселке Ширшино Тяжинского района Сибирского края, был арестован за антисоветскую агитацию 19 апреля 1933 года. В июне того же года его освободили «за недоказанностью» обвинения. Аналогичным образом 1 января 1938 года прекратили дела в отношении Ивана (1911 г. р.) и Петра (1914 г. р.) Ивановых, кулаков-трудопоселенцев, работавших на строительстве химического комбината города Березники[1163]. Примерно половина всех арестованных по этому делу получили лагерные сроки, остальных расстреляли в феврале – марте 1938 года[1164].

Таким образом, репрессии коснулись всех болгар Урала, независимо от места происхождения. Пик арестов, как и везде, пришелся на конец 1937-го – начало 1938 года. Примерно половина всех арестованных была приговорена к расстрелу.

[1158] ПермГАСПИ. Ф. 641/1. Оп. 1. Д. 16778. Л. 8.
[1159] Там же. Д. 30460. Л. 8.
[1160] Там же. Д. 11992. Л. 8.
[1161] Там же. Д. 14469. Л. 5.
[1162] Там же. Д. 52192. Л. 44–45.
[1163] Там же. Д. 15902. Л. 23.
[1164] Расстреляны: Георгий Готиевский, Георгий Бойдиев, Танчо Георгиев, Степан Портнов (Терзеев), Василий Генов, Лазарь Димитров, Кресто Колев, Арсений Стефанов, Илья Георгиев, Иван Иванов.

Таблица 6.12

Данные о болгарах, репрессированных на территории Урала в 1930–1940-е годы (в административных границах 1939 года)*

Регион	Численность болгар			В том числе приговорены к ВМН (%)
	Всего	Муж.	Жен.	
Свердловская область	103	97	6	58
Пермская область	50	47	3	24
Челябинская область	270	269	1	82
Омская область	3	3	9	0
Итого	**426**	**416**	**10**	**164 (38%)**

**Составлено и подсчитано по*: ПермГАСПИ. Ф. 641/1, 643/2; ГААОСО. Ф. Р-1; ОГАЧО. Ф. Р-467.

Как и другие представители этнодисперсных групп, болгары не были объектами национальной политики. Однако этничность болгар как некий феномен присутствовала при их взаимодействии с властью. Несмотря на малочисленность, болгары были заметны в культурном пространстве. При этом, с точки зрения органов власти, разные по происхождению группы болгар имели одинаковую национальность. Кейс болгар является весьма показательным для т. н. национальных операций, которые активно проводились в 1930-е годы и были направлены против конкретных народов. По одному делу против болгар в целом могли проходить как болгары, родившиеся или прожившие значительную часть жизни в СССР, так и политические эмигранты, что говорит о подходах к категоризации этничности и этнических сообществ в национальной политике 1920–1930-х годов. Участие болгар в ней, их вовлечение в мероприятия советской модернизации значительно расширяет представления об особенностях национальной политики Урала.

6.5. Китайцы в национальной политике Уральской области

Как было показано в первой главе, китайцы на Урале массово появились в период Гражданской войны. К концу 1917 года на территории Пермской губернии проживало около 10 тысяч китайцев. Однако к концу 1920-х годов их численность не превышала 500 человек. К тому времени китайцы Урала представляли из себя преимущественно

торговцев и ветеранов Гражданской войны[1165]. В данном разделе будет показано, как власти Уральской области пытались реализовать принципы национальной политики в отношении китайцев.

6.5.1. Китайцы в переписях населения 1926 и 1939 годов

На территории Среднего Урала, по данным 1926 года, был записан 291 китаец (265 мужчин и 26 женщин). Общая численность китайцев была невелика – около 0,005% от общей численности населения Уральской области[1166]. По характеру расселения в 1926 году китайцы оставались преимущественно городскими жителями. Всего в городах проживало более 90% (273 китайца: 249 мужчин и 24 женщины). Они были сосредоточены как в крупных городах (Пермь, Свердловск), так и в местах их работы в досоветский период – на заводах и шахтах Кизела, Алапаевска, Лысьвы, Чусового и др.

Таблица 6.13

Китайцы на Урале по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года*

	Всего населения	Китайцы			Родной язык		Грамотность	
		Общ.	Муж.	Жен.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Всего (жен.)	На своем языке
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уральская область	6 784 469	391	361	30	338 (13)	49 (17)	146 (2)	125 (1)
Верхнекамский	203 181	99	95	4	94 (1)	4 (3)	35 (0)	33 (0)
Златоустовский	239 472	17	17	0	17 (0)	0	5 (0)	5 (0)
Ирбитский	278 764	28	28	0	24 (0)	1 (0)	10 (0)	7 (0)
Ишимский	278 764	10	9	1	8 (0)	2 (1)	2 (0)	1 (0)
Коми-Пермяцкий	152 491	0	0	0	0	0	0	0
Кунгурский	479 519	1	0	1	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Курганский	493 458	1	1	0	1 (0)	0	0	0
Пермский	715 988	33	28	5	22 (1)	11 (4)	10 (0)	8 (0)
Сарапульск.	539 746	7	7	0	7 (0)	0	4 (0)	4 (0)

[1165] *Каменских М. С.* Китайцы на Среднем Урале... С. 130–136.
[1166] Всесоюзная перепись населения 1926 г... С. 106–147.

Продолжение таблицы 6.13

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Свердловский	619 622	112	97	15	93 (8)	19 (7)	39 (2)	29 (1)
Тагильский	437 653	46	44	2	39 (0)	7 (2)	23 (0)	20 (0)
Тобольский	192 121	1	1	0	1 (0)	0	1 (0)	1 (0)
Тюменский	504 626	15	14	1	12 (1)	4 (0)	7 (0)	7 (0)
Троицкий	312 564	4	4	0	3 (0)	1 (0)	2 (0)	2 (0)
Челябинский	496 380	14	12	2	16 (2)	0	5 (0)	5 (0)
Шадринский	678 089	3	3	0	3 (0)	0	2 (0)	2 (0)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

Самым крупным по численности китайцев среди округов был Свердловский, здесь их проживало 112 человек (из них 97 мужчин и 15 женщин). Несмотря на Гражданскую войну и связанные с этим активные внутренние миграции населения, в том числе и китайцев, на территории Среднего Урала сохранились места их дореволюционного компактного проживания – Верхнекамский округ (за счет Кизеловских и Губахинских копей), Пермский округ (административный центр), Свердловский округ (Верх-Исетский завод, экономический центр), Тагильский округ (Богословские и Тагильские заводы). Обращает на себя внимание и тот факт, что у китайцев количество мужчин значительно превышало женщин, что является характерным для трудовой миграции. Кроме этого, у китайцев был один из самых высоких среди народов Урала процент грамотных на своем языке – 37% (выше только у немцев). Социально-демографические характеристики китайцев в этот период дополняются рядом сохранившихся архивных материалов, в частности личными делами китайцев – членов кооператива «Китайский рабочий». В фондах кооператива сохранилось 42 личных дела китайцев – членов кооператива[1167]. Почти половина китайцев имели год рождения до 1885 года, т. е. к концу 1920-х годов большинству из них было

[1167] ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41.

от 45 до 50 лет: до 1885 г. р. – 20 чел., 1886–1890 г. р. – 7 чел., 1891–1895 г. р. – 9 чел., 1896–1900 г. р. – 6 чел. По социальному положению китайцы были либо рабочими, либо крестьянами. В графе «имущество» у всех китайцев кооператива стоит запись «неимущий». «Последние [китайцы – авт.] работают большими компаниями по 20–30 человек в предприятии», – говорится в материалах Нижнетагильского окружного совещания работников нацмен за 1928 год[1168]. Жившие в крупных городах китайцы промышляли розничной торговлей.

Таблица 6.14

Китайцы Урала в структуре населения СССР в 1939 году по полу*

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.
Урал	423	346	77	291	226	65	132	120	12
Свердловская область	116	81	35	105	73	32	11	8	3
Пермская область	234	206	28	134	110	24	100	96	4
Челябинская область	72	58	14	52	43	9	20	15	5
Омская область (ХМАО, ЯНАО)	1	1	–	–	–	–	1	1	–

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. 2002. С. 169–173.

К концу 1930-х годов численность китайцев немного сократилась, поскольку не было новых миграций и механизмов естественного воспроизводства населения и культуры. Кроме того, во второй половине 1930-х годов многие китайцы были подвергнуты репрессиям. Анализ архивно-следственной документации показывает, что репрессии не были адресными, одно судебное дело могли завести сразу на несколько китайцев, которые к тому же выступали свидетелями друг против друга. На основании этих показаний составлялся обвинительный приговор. В Свердловской области под репрессии попадали в основном китайцы, не служившие в Красной армии в годы Гражданской войны. Из 29 китайцев только один работал на рытье окопов, а у одного информация

[1168] ГАСО. Ф. 9. Оп. 1. Д. 1051. Л. 110.

не указана[1169]. Репрессии коснулись не всех. Архивные материалы свидетельствуют, что даже к концу 1938 года в Уральской области жили китайцы-коммунисты, из которых три члена партии и три кандидата на вступление в партию[1170]. Однако организованной институционально социальной группы китайцев в рамках регионов в конце 1930-х годов уже не существовало.

6.5.2. Участие китайцев в экономической и культурной жизни Урала

Когда началась политика НЭПа, китайцы принимали активное участие в кооперативном движении[1171]. На сегодняшний день документально подтверждается существование как минимум пяти кооперативных организаций, в которых трудились китайцы, – артель «Красный Восток»[1172], «Восточный рабочий», сельскохозяйственная артель им. Сунь Ятсена, артель им. 10-й годовщины Красной армии и Торгово-производственная кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий». Последняя существовала в Свердловске в 1928–1930 годах, ее основу составили 19 выходцев из расформированной артели им. 10-й годовщины Красной армии. На примере деятельности артели «Китайский рабочий» можно проследить характер интеграции китайцев в экономическую модель НЭПа. К моменту создания в ноябре 1928 года артель насчитывала 36 человек, преимущественно китайцев. В январе 1929 года после ряда организационных собраний группа китайцев-учредителей вложила в общий капитал 3200 рублей, открыв в общей сложности 36 киосков. Об этом руководство вновь созданной артели информировало Президиум горсовета[1173]. Основная деятельность «Китайского рабочего» – мелкая киосочная торговля «различной бакалеей и табачными изделиями»[1174], в других документах в качестве товаров, продаваемых артелью, называются мыло, консервы, спички, махорка, сигареты марок «Пушка» и «Наша марка»[1175]. В состав артели, кроме киосков, входила прачечная. Документы свидетельствуют, что артель быстро развивалась, со временем в нее вливались другие торговые кооперативы. В июле 1929 года артель «Интруд» переда-

---

[1169] В анкетах китайцев Пермской области графы о службе в Красной армии нет.

[1170] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 7. Д. 316. Л. 27; Там же. Д. 370. Л. 67 об.

[1171] *Ларин А. Г.* Китайцы в России вчера и сегодня: исторический очерк. М., 2003. С. 126.

[1172] ГАСО. Ф. Р-1200. Оп. 2. Д. 54. Л. 3.

[1173] Там же. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 8. Л. 26.

[1174] Там же. Л. 73.

[1175] Там же. Л. 181.

ла «Китайскому рабочему» несколько киосков с товаром на сумму 11 568 руб.[1176], а китаец Ли Футян с собственным киоском и капиталом в 400 руб. попросился на службу в артель в сентябре того же года[1177]. За весь 1929 год артель открыла мастерскую, зеркальную, кафе-молочную, руководство артели рассчиталось со всеми предыдущими долгами и кредитами, общий торговый оборот артели за год составил более 200 000 рублей[1178]. В протоколе от 28 января 1930 года сообщается о планах по приобретению одного табачного киоска на вокзале, одного посудного киоска, двух галантерейных и двух бакалейных киосков и одного киоска со смешанными товарами – всего семи торговых точек[1179]. Деятельность артели могла быть связана и с незаконной торговлей. Газета «Уральский рабочий» в апреле 1929 года сообщала об аресте за участие в незаконной покупке папирос председателя артели товарища Василия Газетдинова[1180], за что на последнего было заведено уголовное дело[1181]. В дальнейшем артель обращалась в прокуратуру с просьбой разобраться в законности ареста и точности указанных в статье фактов. «Газетдинов среди нас китайцев пользовался авторитетом и иным доверием», – говорилось в коллективном обращении членов артели[1182]. Судя по тому, что имя Газетдинова исчезло из документов артели «Китайский рабочий» после мая 1929 года, это обращение прокуратура не оставила без внимания. В дальнейшем место председателя занял китаец Ли Сифу.

Постепенно вокруг «Китайского рабочего» сплачивалась вся китайская община Свердловска. К концу 1920-х – началу 1930-х годов от имени артели в горсовет стали поступать требования, выходящие за рамки торговой деятельности. Так, в январе 1930 года члены артели подготовили коллективное обращение о необходимости обследовать всех нуждающихся китайцев Урала, выделить помещение для проведения среди них культурной работы, открыть школы для китайских детей и организовать для них площадки, обеспечить китайцев жилищными условиями, а также разработать план по расширению лавочных сетей. В пустующем детском саду для нацмен артель просила создать школу ликбеза и «красный уголок» для китайских рабочих[1183]. В этот период

[1176] ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 8. Л. 43.
[1177] Там же. Л. 54.
[1178] Там же. Л. 3, 8.
[1179] Там же. Л. 25.
[1180] Имя Василия Степановича Газетдинова, скорее всего, было псевдонимом, поскольку в документах неоднократно указывалось, что в артель входили только китайцы.
[1181] Уральский рабочий. 1929. 12 апр.
[1182] ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 8. Л. 132.
[1183] Там же. Л. 218.

численность артели уже превышала 80 человек[1184]. Такое развитие артели не вписывалось в новые принципы экономической и национальной политики СССР начала 1930-х годов. В стране шла индустриализация, начиналась коллективизация сельского хозяйства. Скорее всего, с этим было связано прекращение деятельности артели «Китайский рабочий». В итоговом протоколе сообщалось о проблемах с дисциплиной и низкой эффективности[1185]. Артель была ликвидирована в августе 1930 года. Штат переведен в русскую артель «Производственник»[1186].

Артель слабо вписывалась в общественную жизнь. Даже участвуя в интернациональном движении, китайцы сохраняли замкнутость при контактах с внешним миром. На это влияло несколько факторов. Китайцы не могли адаптироваться в принимающем сообществе, так как не знали русского языка. Так, по переписи 1926 года, только 41 китаец (14%) указали на русский язык в качестве родного, на китайский – 249 (85,6%). Подавляющее большинство китайцев назвали китайский язык в качестве родного[1187]. Анкетные данные членов артели «Китайский рабочий» о грамотности в основном совпадают с данными переписи. В «Китайском рабочем» восемь членов имели хоть какое-то образование, остальные 33 были неграмотными. Когда в 1930 году принималось решение о закрытии китайской кооперативной артели «Китайский рабочий», ее председатель Ли Сифу в протоколе указывал: «...члены артели не знают русского языка, а потому слившись с русской артелью им трудно будет работать», а китаец Ли Ванду был более откровенен: «Мы китайцы большинство не умеем читать, писать и говорить по-русски как следует»[1188]. Похожая ситуация наблюдалась и на других предприятиях, где работали китайцы. В сводке о работе среди нацменьшинств на предприятиях Лысьвенского района на январь 1928 года о китайцах особо отмечено: «В силу же отсутствия достаточно грамотных на русском языке продвижение их в учебные заведения сильно тормозится. В школе ФЗУ из числа нацменов только три человека. До настоящего времени партработы среди нацменрабочих сезонников (особенно среди строителей) никакой не ведется, так как там отсутствуют партийцы нацмены, могущие вести организаторскую работу, а работать среди нацменрабочих на русском языке представляет большие трудности»[1189].

[1184] ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 22. Л. 10.
[1185] Там же. Д. 21. Л. 12.
[1186] Там же. Л. 36.
[1187] Тем не менее более корректные данные об ассимиляционных процессах возможно было бы представить при наличии сведений о втором родном языке респондентов. К сожалению, этой информации в опубликованных материалах переписи нет.
[1188] ГАСО. Ф. Р-171. Оп. 1. Д. 22. Л. 4.
[1189] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 35. Л. 7.

Нежелание адаптироваться могло быть связано с негативным отношением к китайцам местного населения. На факты дискриминации указывали они сами. «Очевидно все-таки есть антагонизм между русскими и китайцами, так как русские артели получают и продукты, и товары, а нам несмотря на наши просьбы не дают. УКС [Уралкооперативсоюз – авт.] не хочет понять национальную политику», – писал в 1930 году председатель правления артели «Китайский рабочий» Ли Сифу. Он же жаловался на нежелание УКС посодействовать в приобретении необходимого оборудования для прачечной[1190]. Если добавить к этому описанные выше факты о конфликтах внутри китайской общины, об их связях с незаконной торговлей, становится очевидно, что в 1920–1930-е годы китайцы так и не смогли вписаться в национальную политику, продолжая жить по своим внутренним общинным установкам. Во второй половине 1930-х годов сведения о китайцах и взаимодействиях с ними властей исчезают из документов и прессы.

Кейс китайцев показывает, как небольшое по численности дисперсно расселенное сообщество, не имеющее традиции проживания на Урале, активно вовлекалось в национальную политику. Свою роль, безусловно, сыграл политический фактор: китайцы участвовали в Гражданской войне на стороне большевиков, с другой стороны – СССР в 1920-е годы активно сотрудничал с Китайской Республикой. Создание кооперативных артелей для китайцев, включение их в партийную работу не было продиктовано особым запросом с их стороны, скорее, было вызвано политическими факторами. Но тем не менее они стали объектами национальной политики, а их этничность – поводом для принятия управленческих решений, например о создании трудовых коллективов по этническому признаку. Когда политическая необходимость в вовлечении китайцев утрачивала актуальность, упоминания о них исчезали из делопроизводства, а в начале 1930-х годов они стали объектами «национальных операций» НКВД. Все это подтверждает тезис об избирательности и ситуативности советской национальной политики в отношении небольших по численности некоренных этнодисперсных групп.

6.6. Немцы Урала в мероприятиях национальной политики

Несмотря на то, что на Урале в разное время формировалось несколько сообществ немцев, в том числе городских, наиболее крупная группа сложилась на Южном Урале в результате крестьянской мигра-

[1190] ПермГАСПИ. Ф. 2. Оп. 5. Д. 35. Л. 7.

ции XIX–XX веков. В этот период на территории Омской, Уфимской Оренбургской и Пермской губерний появляются компактные места проживания немцев, переселившихся с западных территорий страны[1191]. За немцами, приехавшими в это время на Урал, закрепился термин «колонисты», а создаваемые населенные пункты даже на уровне официального делопроизводства назывались «колониями»[1192].

6.6.1. Немцы Урала в переписях населения 1926 и 1939 годов

В 1924 году, если верить переписке Уральского облисполкома с Троицким и Челябинским окружными исполкомами, немецкое население составляло в Челябинском округе 1991 человек, компактно расселенных в Чудиновском (467), Усть-Уйском (350) и Яланском (302) районах; в Троицком округе – 1092, из них конкретно в Каракульском районе – 886 немцев. Это была самая многочисленная локация немцев на территории всей Уральской области. По данным переписи 1926 года, в Уральской области проживало 6377 немцев. Они были расселены довольно дисперсно и отражены переписью практически во всех округах, с преимущественным проживанием на юге Урала. Анализ полового состава не позволяет выявить какой-то специфики (женщины – 47,5%), что свидетельствует о проживании преимущественно в семьях. У немцев был один из самых высоких уровней владения родным языком (88%), включая грамотность на родном языке – 39% (самая высокая в области). При этом уровень грамотности городского и сельского населения в целом был сопоставим (из грамотных немцев 33% были жителями города, при этом городское население составляло 24%, среди городских немцев грамотных было 81%). В качестве особенности можно отметить, что в сельской местности русский язык был значительно меньше распространен, чем среди городских немцев. Высокий уровень грамотности способствовал тому, чтоб в официальных отношениях с органами власти немцы старались действовать в соответствии с существующими законами.

При этом в южной части Урала сложились компактные группы немцев общей численностью свыше 3500 человек. В Троицком округе проживало 1968 немцев, в Челябинском – 2039. Конкретно в Троицком округе немцы составляли 0,7% от населения округа, или 30% всех немцев Урала, из них в сельской местности проживало 1878, или 95% всех немцев округа[1193]. Всего в сельской местности Троицкого округа, заимках и колониях насчитывалось 268 немецких крестьянских хозяйств

[1191] *Чеботарева В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. М., 2008. С. 17–23, 427–439.

[1192] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 1. Д. 1610. Л. 14.

[1193] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск, 1928. С. 16–25.

с общей численностью населения от 80 до 100 человек. Согласно «Списку населенных пунктов» по Троицкому округу, немцы проживали в заимке Денисовка Каракульского сельсовета; в хуторах Зыково, Сумки, Чаичье Половинкского сельсовета, Бишлеевка, Мякутино, Гурьево Сысоевского сельсовета; деревнях Колосовка, Шишминская, заимках Антошкиной, Круторожиной, Рыбалыке, Новомариенгейм Терепкульского сельсовета; деревнях Караульная и Неверова Францевского сельсовета[1194]. Здесь же функционировала единственная в области немецкая школа, сведения о деятельности которой фигурируют в отчетах до 1932 года[1195]. В Челябинском округе немецкими были южные районы, в частности Чудиновский (Барсучье, Кочковато, Чубурак, Чудиново), Еткульский (Погудино, Белоусово), Кочердыкский (Николаевка, хутор Дворянский, хутор Епанешниковский) и Усть-Уйский районы (Башкурово, коммуна «Вольный труд»), в отдельных населенных пунктах которого немцы составляли большинство[1196].

Таблица 6.15

Немцы Уральской области по материалам Всесоюзной переписи населения 1926 года*

Территория	Всего населения	Немцы			Родной язык		Грамотность	
		Общ.	Муж.	Жен.	Своего народа (жен.)	Русский (жен.)	Всего (жен.)	На своем языке
1	2	3	4	5	6	7	8	9
Уральская область	6 784 469	6377	3299	3038	5638 (2781)	637 (245)	3738 (1698)	2798 (1344)
В т. ч. городское население	1 405 977	1540	863	677	1083 (495)	437 (177)	1258 (544)	703 (331)
В т. ч. сельское население	5 378 492	4797	2436	2361	4555 (2286)	200 (68)	2522 (1154)	2095 (1013)
Верхнекамский	203 181	47	26	21	37 (16)	9 (4)	44 (19)	31 (15)
Златоустовский	239 472	172	90	82	124 (62)	48 (20)	148 (66)	94 (44)
Ирбитский	278 764	79	67	12	55 (10)	15 (2)	64 (9)	36 (3)

[1194] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIII. Троицкий округ. Свердловск, 1928. С. 16–25.

[1195] ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 175. Л. 180–181.

[1196] Список населенных пунктов Уральской области. Т. XIV. Челябинский округ. С. 20–24, 28–36, 64–66.

Продолжение таблицы 6.15

1	2	3	4	5	6	7	8	9
Ишимский	278 764	153	102	51	112 (36)	38 (14)	102 (35)	72 (26)
Коми-Пермяцкий	152 491	17	8	9	13 (7)	4 (2)	14 (9)	13 (9)
Кунгурский	479 519	356	169	187	342 (184)	13 (2)	166 (88)	125 (80)
Курганский	493 458	193	126	67	142 (52)	42 (15)	131 (44)	65 (22)
Пермский	715 988	234	103	131	161 (98)	65 (30)	198 (109)	105 (65)
Сарапульский	539 746	164	90	74	135 (67)	29 (7)	86 (37)	51 (16)
Свердловский	619 622	415	252	163	254 (100)	156 (62)	369 (144)	169 (70)
Тагильский	437 653	107	72	35	79 (25)	25 (9)	96 (32)	69 (28)
Тобольский	192 121	81	64	17	59 (14)	20 (2)	64 (14)	47 (10)
Троицкий	312 564	1968	920	1048	1919 (1029)	44 (17)	1086 (535)	998 (505)
Тюменский	504 626	195	131	64	145 (44)	42 (19)	145 (49)	108 (37)
Челябинский	496 380	2039	1011	1028	1970 (999)	63 (29)	991 (481)	759 (392)
Шадринский	678 089	117	68	49	91 (38)	24 (11)	66 (27)	53 (19)

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись 1926 г. Т. IV. Вотский район, Уральская область, Башк. АССР. М., 1928. С. 103–126.

К 1939 году облик немецкой общины Урала значительно изменился. Прежде всего, в результате политики раскулачивания и появления новых населенных пунктов изменился характер расселения немцев, немецкое население Урала пополнилось за счет новых жителей, как раскулаченных, так и добровольных переселенцев второй половины 1920-х годов[1197].

[1197] *Черных А. В., Вайман Д. И.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI века). СПб., 2008. С. 37.

Всего численность немцев в регионах Урала увеличилась до 12,5 тыс. человек, наибольший прирост пришелся на Челябинскую область. Резко вырос процент говорящих на русском языке и процент городских жителей (43%). При этом, по причине миграции за границу, их численность в южных районах области существенно сократилась. Сведения о работе среди немецкого населения фиксируются в областных отчетах до 1932–1934 годов, после чего они практически не упоминаются.

Таблица 6.16

Немцы Урала по материалам Всесоюзной переписи населения 1939 года*

Регион	Все население			Городское население			Сельское население		
	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.	Все	Муж.	Жен.
Урал	12 511	5862	6649	5372	2429	2943	7139	3433	3706
Свердловская область	3542	1447	2095	2056	863	1193	1486	584	902
Пермская область	2672	1675	997	1039	606	433	1633	1069	564
Челябинская область	6019	2624	3395	2192	925	1267	3827	1699	2128
Омская область (ХМАО, ЯНАО)	278	116	162	85	35	50	193	81	112

* *Составлено и подсчитано по*: Всесоюзная перепись населения СССР 1939 года: Уральский регион: Сборник материалов. Екатеринбург, 2002. С. 169–173.

6.6.2. Коллективизация в немецких деревнях Южного Урала

Немецкое население Южного Урала в начале XX века составляло весьма консервативную и закрытую в религиозном отношении часть российских немцев, очень осторожно относившуюся к тем изменениям и социальным экспериментам, которые предлагала советская власть. С началом кампании по коллективизации у местных органов власти начались проблемы с немецким населением, не желавшим вступать в колхозы и отказываться от своей религии. При этом они не выступали против власти и готовы были принять компромиссные модели существования. Для анализа политики в отношении немцев большую ценность представляют фрагментарно сохранившиеся в отдельных архивах источники, раскрывающие особенности вовлечения немцев

в политику по созданию коллективных хозяйств на юге Уральской области. По источникам известно о немецких колхозах – колхозе им. Тельмана в Чернушинском районе и колхозе «Форверст», созданном в 1929 году в Челябинском округе. Последний плохо работал, так, его члены не давали обобществить весь скот[1198]. Ситуацию управделами Челябинского окружкома Д. И. Волков обрисовал следующим образом: «Политико-просветительской работы не ведется, если и ведется, то от случая к случаю. Членов партии и комсомольцев на 614 душ ни одного нет. Классовой борьбы не замечается»[1199]. Недовольство колхозным строительством фиксировалось и у населения немецких хуторов южного Прикамья (совр. Октябрьский район Пермского края). В 1936 году делегация немцев из деревни Николаевка Алмазовского района Свердловской области даже ездила в Москву с обращением в консульство Германии, чтоб остановить колхозное строительство у немцев[1200]. Давление органов власти спровоцировало в конце 1920-х годов среди немецких колонистов популярность эмиграционных настроений. Поводом для начала массового выезда немцев в Москву послужило решение Президиума ВЦИК от 5 августа 1929 года, разрешившее эмиграцию 25 семейств меннонитов. Об этом факте быстро стало известно, и уже 25 ноября 1929 года было разрешено выпустить из страны «кулацкие элементы меннонитов» общей численностью 5,7 тыс. человек[1201].

Немцы Троицкого округа в конце 1929 года также начали активно готовиться к эмиграции. Судя по источникам, два местных лидера общественного мнения, Я. Кадль и А. Буркарт, начали даже вести работу среди местного населения, собирая желающих отправиться в США на постоянное жительство[1202]. Организация выезда стала одним из главных предметов для разговоров местных жителей[1203]. О готовящейся эмиграции впервые написал секретарь РК ВКП (б) Каракульского района А. Мотырев. Он сообщил о начавшемся среди немцев движении за выезд за границу и указал, что проживающие в районе немцы придерживаются трех конфессий – католичества, лютеранства и баптизма[1204]. Сведения о желании немцев эмигрировать отражены в отчете инструкторов окружкома ВКП (б) по работе с нацмен за 1929 год[1205].

[1198] ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 899. Л. 10.
[1199] Там же. Л. 18.
[1200] *Черных А. В., Вайман Д. И.* Немецкие хутора Прикамья... С. 39.
[1201] ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 899. Л. 13.
[1202] Там же. Л. 7.
[1203] Там же. Л. 26.
[1204] Там же. Д. 663. Л. 270.
[1205] Там же. Д. 899. Л. 24.

Для местных советских органов выезд представлялся нежелательным, поэтому первоначально было принято стандартное для таких ситуаций решение – усилить пропаганду, для чего в феврале 1930 года в немецкие колонии Каракульского района выехали представители обкома Блюмер и Рожков для проведения разъяснительной и просветительской работы[1206]. Везде представители обкома встречали только протестные эмигрантские настроения. Из отчета о поездках в колонии Томашировка, видно, что немцы после докладов о советской власти и ее новых задачах задавали только вопросы о возможном выезде из СССР. Естественный вывод, который был сделан агитаторами, заключался в необходимости выявления контрреволюционной деятельности и обострения классового противоречия среди немцев. Для этого Блюмер начал «вылавливать из бедняцкой и батрацкой среды определенные лица, с которыми... занялся индивидуальной обработкой»[1207]. После этого в логике того времени было решено организовать беспартийную конференцию немцев Каракульского района с целью привлечь оппозиционно настроенные против большинства беднейшие элементы и интеллигенцию. Конференция прошла 22 февраля 1930 года. Участники представляли разные населенные пункты района, в том числе деревни Смирново, Якутино, Колосково, Бишлеевка, Спорное, Караульное, Денисово, Гурьяново, Федоровка, Маненгей, Шешминское. По социальному составу большинство были определены как бедняки и учителя. Председателем заседания был сам Блюмер. Конференция велась полностью на немецком языке, но сохранился перевод, отчеты позже были переведены на русский язык. На конференции было рассмотрено несколько вопросов, в том числе о поддержке советской власти, о создании немецких колхозов и сельсоветов, а также о раскулачивании. Примечательно, что уже резолюцию по первому вопросу, просто провозгласившую победу советской власти и строительство социализма, на конференции поддержали только 23 человека из присутствовавших 48 (еще 20 воздержались и 5 были против). Вторую резолюцию, призывающую исключить из рядов немцев врагов, которые препятствуют социализму и «сеют антисоветскую агитацию», поддержали только 11 человек. К идее коллективизации и создания немецкого сельсовета немцы отнеслись не просто осторожно, а даже резко негативно. Сама идея коллективного труда и образа жизни воспринималась как невозможная. Согласно протоколу заседания, один из участников спросил, почему крестьянина с доходом 600 р. считают кулаком, а служащего

[1206] ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 899. Л. 4.
[1207] Там же. Л. 5.

с доходом 200 р., использующего наемный труд, нет. Вопрос о выселении кулаков делегаты даже не захотели слушать. В протоколе зафиксированы «выкрики и шум», а также фразы типа «мы все кулаки, никого не дадим, всех нас можете выселять». Общее настроение собравшихся относительно возможной эмиграции ярко выразил один их участников по фамилии Мейнгель, заявив, что «мы уедем, и если не удастся, то пойдем пешком». Блюмер при этом говорил, что в выезде немцам будет отказано. В результате силами присутствующих сотрудников ГПУ из зала были выведены наиболее активные участники, после чего большинство делегатов стали расходиться. Блюмер назвал делегатов контрреволюционерами, «каинами» и «иудами» и объявил о закрытии конференции, констатировав, что она «понесла полную аварию»[1208]. После конференции с помощью местного отдела ГПУ Блюмер, как следует из отчета, смог ликвидировать «гнездо», состоящее из «баптистов, католиков и лютеран», и в течение последующих трех недель в каждой из колоний создал по группе бедноты. Также была попытка создать артели, но они в итоге распались из-за «внешней агитации». Местным органам власти было рекомендовано усилить культурно-просветительскую работу, обеспечить снабжение немцев литературой на родном языке, «оздоровить» педагогический персонал. Также было рекомендовано выделить отдельного сотрудника для работы с молодежью, которая росла «под влиянием религиозного тумана». Соответствующее обращение было направлено уполномоченному ГПУ Каракульского района Токареву. Бюро Челябинского окружкома в апреле 1930 года приняло решение «О немцах колонистах», в основу которого легли рекомендации Блюмера[1209]. Дальнейшая судьба немцев этих территорий в источниках не отражена, однако данные Всесоюзной переписи 1939 года, зафиксировавшей в Каракульском районе проживание 1063 немцев[1210], свидетельствуют о значительных миграциях и изменениях, которые пережила немецкая этнодисперсная группа в этот период.

Таким образом, оказавшись в практически безвыходной ситуации, немцы Южного Урала, как и многие их соотечественники, пытались найти способ для эмиграции в Америку. Однако внутриполитический курс того периода исключал признание несостоятельности советского строя, что было бы очевидно в условиях массовой миграции. На при-

---

[1208] ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 899. Л. 9–14.

[1209] Там же. Л. 14.

[1210] Всесоюзная перепись населения 1939 года. Национальный состав населения районов, городов и крупных сел РСФСР [Электронный ресурс]: Демоскоп weekly. URL: https://www.demoscope.ru/weekly/ssp/rus_nac_39_ra.php?reg=1895 (дата обращения: 11.05.2025).

мере немцев видно, что политика советской власти 1930-х годов, выражающаяся в насильственной коллективизации, преследованиях по религиозному принципу, носила двойственный характер в отношении отдельных этноконфессиональных сообществ. Пример немцев, который может быть распространен и на другие этнолокальные сообщества европейских народов, показывает, насколько сильно этничность могла влиять на успешность национальной политики в части хозяйственного устройства. Немцы участвовали в культурной жизни, не вступали в конфликты с советской властью, в области работали немецкие школы. Обладая довольно высоким уровнем грамотности и имея долгий опыт проживания в России, немцы стремились взаимодействовать с органами власти в рамках существующего законодательства. Нежелание вступать в колхозы не приводило к восстаниям или бунтам, а все собрания протоколировались. Однако их участие в советском модернизационном проекте было невозможно ввиду особенностей хозяйства и религиозных убеждений.

Подводя итог вышесказанному, можно отметить, что модернизационные процессы и переселенческие кампании второй половины 1920-х годов существенно повлияли на этнокультурный облик Урала и привели к формированию новых мест компактного проживания отдельных этнических групп. Их количество и особенности не ограничиваются рассмотренными примерами. Но представленные в главе материалы раскрывают особенности политики в отношении небольших по численности этнических групп Урала.

Переселенческая кампания на территории Южного Урала в 1928–1930 годах не только привела к росту населения, но и сформировала локальные этнодисперсные группы, оторванные от мест традиционного проживания и оказавшиеся в иноэтнокультурном окружении. Наиболее крупными были землячества украинцев, белорусов и чувашей. Процесс адаптации этих переселенцев был не только связан с обустройством на новом месте, но и привел к проблемам в отношениях с местным населением других национальностей. Отсутствие специальной работы в этом направлении спровоцировало ряд инцидентов и даже конфликтов на национальной почве.

В логике национальной политики переселенцы изначально не относились к категории «нацмен», и лишь с ростом их количества местные органы власти вынуждены были реагировать, создавая (или не создавая) различные институты нациестроительства (музеи, национальные школы, этнически сформированные трудовые коллективы). В итоге территории, где такая работа была проведена (Куединский

район Сарапульского округа, Таборинский район Ирбитского округа), стали местами компактного сохранения этнических культур. Там же, где этого не делалось (украинцы Троицкого округа), этничность в культуре местного населения была выведена из дискурса культурной жизни территории уже к концу 1930-х годов. При этом этничность могла как выступать в качестве некоего интегрирующего фактора (китайцы), так и быть причиной разногласий с действующей властью (немцы). Попытки создать отдельные формы кооперации и коллективных хозяйств среди цыган или китайцев носили скорее политический характер и должны были демонстрировать преимущества советского строя. Однако культурные особенности участников этих проектов не позволили в полной мере реализовать их. Все неудачи в реализации отдельных проектов, в языковой политике или в кооперировании и коллективизации, всегда списывались на нежелание или неумение местных органов власти понять принципы национальной политики. Которые, впрочем, не имели никаких последствий в виде наказаний для низовых управленцев.

Опыт реализации национальной политики в отношении этнодисперсных групп в рамках «русской» Уральской области значительно расширяет представления о национальной политике и механизмах ее функционирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В данной работе национальная политика была рассмотрена в качестве инструмента модернизации при переходе традиционных культур в состояние модерна через создание новых идентичностей, форм хозяйства, языков, систем образования и развития профессиональной культуры. Эта политика была частью большого эксперимента по модернизации российского общества 1920–1930-х годов в рамках СССР. В ходе реализации мероприятия национальной политики могли быть и принудительной мерой, и компромиссом, а этнические особенности отдельных сообществ формировали разные модели сосуществования общества и власти, которая использовала этнический ресурс в качестве основы для преобразований. В результате изменений национальные культуры не погибли, как подразумевала логика большевистской идеологии, а сохранились и даже стали важным фактором повседневной жизни уже модернизированного советского общества. В масштабах региона (как и страны) национальная политика могла быть незаметна, но для отдельных территорий она играла решающую роль и была доминирующим фактором в местной культурной жизни, особенно в национальных районах и округах.

В отличие от «национальных республик», где этничность была частью политического дискурса, в регионах с преимущественно русским населением решения могли приниматься в ущерб интересам малых этнических групп, исходя из рациональных экономических потребностей. Для Уральской области, решавшей непростые задачи развития промышленности и народного хозяйства в рамках социалистической модели, национальная политика, как и содержание отдельного управленческого штата, была скорее дополнительной нагрузкой, чем полем для возможностей. Поэтому строгость исполнения поручений, качество и своевременность отчетов не были обязательными. Дискуссии между экономической целесообразностью и решением задач поддержки национальных культур наполняли внутренним содержанием национальную политику Урала на протяжении всего рассматриваемого периода. Исследование показало, что существующий в историографии нарратив о «положительной дискриминации» не всегда подтверждается на примерах «русских» регионов. Если в межреспубликанских отношениях т. н. национальные республики действительно имели преимущества, то внутри РСФСР решения центральных властей относительно соответствия этнических и административных границ, даже на пике реализации национальной политики, не всегда принимались в пользу национальных республик. Так, решение приграничных споров между Уральской областью и Башкирской АССР в половине случаев принима-

лось в пользу первой. Решение оставить территорию Пермяцкого края в составе Уральской области, а не передать в создаваемую Автономную область Коми также подтверждает, что центральные власти не всегда отдавали приоритет национальным республикам, даже в первые пять лет существования СССР, когда по всей стране активно создавались национально-территориальные автономии.

Рассмотренный материал показывает, что четкой схемы принятия решений или приоритетов экономического над национальным не было, они принимались ситуативно под влиянием различных факторов. Анализ мероприятий национальной политики позволяет сделать вывод о некой шаблонности и схематичности в управлении сферой межнациональных отношений на Урале в рассматриваемый период. Так, например, власти области принимали одинаковые управленческие решения в отношении кочевых и оседлых, разных в языковом отношении народов Тобольского Севера. Решение о создании округов на данных территориях принималось относительно поздно, причем одновременно. Все это подтверждает слабые представления управленцев о ситуации на Севере, нежели реальное регулирование этнических процессов.

При этом власти области следовали политике поддержки национальных культур внутри области, особенно там, где существовали уникальные этнические сообщества. Именно в 1920–1930-е годы в рамках переписей населения были приняты и закрепились большинство этнонимов и самоназваний для народов Урала, которые сохраняются по сей день. А создание внутриобластных автономий (национальных округов и районов) стало важным фактором для развития данных территорий и использования этноресурса в решении социально-экономических задач. Учреждаемые в рамках мероприятий национальной политики институты нациестроительства (театры, школы, СМИ, музеи, издательская деятельность) обеспечили переход традиционных культур народов Урала в новое качество. Вызванные этим социальные волнения, особенно на Тобольском Севере, стали ожидаемой реакцией традиционного общества на вызовы модернизации и создание альтернативных советских культур. Официальные национальные культуры были унифицированными и не всегда совпадали с реальными культурными и языковыми особенностям отдельных территорий, что очень хорошо видно на примере создания литературных языков для коми-пермяков и народов Тобольского Севера. Однако новое качество культуры народов сделало возможным их функционирование в рамках государственной поддержки и развитие на профессиональном уровне.

Следуя логике поддержки местных национальных культур, власти области административно создавали анклавы за счет «разукрупнения»

отдельных районов перед приданием им статуса национальных (Бардымский и Таборинский районы). Но если в первом случае создание национального района придало импульс развитию территории и способствовало сохранению уникальных этнических традиций, то второй случай является ярким примером искусственной поддержки этничности, в котором не было заинтересовано ни местное население, ни органы власти. Целесообразность такого района была спорной, в связи с чем он и перестал существовать уже в конце 1930-х годов. Напротив, создание Нагайбакского района, несмотря на то, что он не был национальным, все равно придало мощный импульс развитию идентичности нагайбаков в XX веке.

При этом национальная политика не зависела от численности народа. Так, например, не предпринималось никаких действий в отношении украинцев Урала, численность которых превышала несколько десятков тысяч человек. Не получила поддержку и идея Аргаяшского национального округа для башкир, хотя данная территория вполне соответствовала необходимым критериям. Не была реализована и автономия для украинцев, хотя их численность в определенных районах позволяла это сделать. Ввиду малодостижимости целей и задач национальная политика была ограничена сельской местностью. В городах, особенно крупных, ее реализация была невозможна из-за поликультурности и смешанного характера проживания. Тем более что городская среда представляла собой уже модернизированное общество, где этнический фактор не играл существенной роли. По этой причине, например, евреи, весьма многочисленное и представленное в культуре этническое сообщество Урала, не стали объектом национальной политики. Судя по всему, власти предпринимали отдельные усилия, исходя из политических мотивов, а не руководствуясь определенными запросами населения или объективными данными.

Некоторые из задач национальной политики не были достигнуты, особенно в части вовлечения отдельных этнических сообществ в социалистические формы хозяйства и языковую политику. Повсеместный отказ от латинизированных алфавитов свидетельствует не только о смене политического курса, но и о невозможности обеспечить работу органов власти и делопроизводства на новых алфавитах.

Успешная реализация национальной политики в отдельных территориях с компактным проживанием этнических сообществ привела к формированию новых моделей управления, которых не было ранее. В отношении отдельных групп народов выстраивались собственные управленческие стратегии, которые опирались на светскость и научный подход, имели целью улучшение жизни населения, содействие развитию культуры. Так, в работе с татарским и башкирским населением власти

вынуждены проводить отдельную антирелигиозную политику, от союза с имамами в начале 1920-х годов до открытого противостояния с ними в конце 1920-х – начале 1930-х годов. При работе с народами Тобольского Севера ключевую роль играли слабая заселенность территории и необходимость выбора оптимальной модели управления. Здесь советская власть долгое время вынуждена была опираться на хозяйственные институты досоветского периода и даже адаптировать под них советские модели управления. В ряде случаев этничность становилась барьером для модернизации. Это видно на примере создания кооперативов для китайцев и попытках создать национальные колхозы для цыган. Замкнутость китайских сообществ, языковые барьеры делали невозможным существование их кооперативов как самостоятельных хозяйственных единиц. Создание сельсовета для цыган, несмотря на их относительную многочисленность, также не имело успеха, поскольку цыгане, во-первых, имеют множество внутриэтнических групп, а во-вторых, не имели на момент начала 1930-х годов традиции оседлого проживания. В случае с немцами Южного Урала религия стала одной их причин провала политики коллективизации, и местные органы власти не смогли найти компромиссных решений, кроме репрессивных мер.

Если говорить о моделях взаимоотношений этничности и власти, то в рамках данной работы на примерах конкретных народов рассмотрено 12 кейсов реализации национальной политики, которые условно разделены на три группы. В первую группу можно выделить модель в отношении народов, для которых Урал был местом единственного проживания. В этой ситуации власти области несли ответственность не только за реализацию успешной модернизации, но и за создание новой культуры с языком, письменностью и соответствующими институтами (коми-пермяки, ханты и манси, ненцы). В рамках этой модели на территории Уральской области были созданы национальные округа[1211]. Однако ни в одном из трех случаев власти Уральской области не принимали решение о создании этих автономий и даже отрицали их необходимость. Округа создавались по решению центральных властей, Уральская область в данном случае несла ответственность только за техническое исполнение. Вторая модель политики выстроилась с народами, которые исторически компактно проживали в Уральской области, тогда как основная часть находилась за ее пределами. Создания отдельных автономий в этих ситуациях не требовалось, хотя в местах компактного проживания для удобства управления создавались национальные районы. В этой ситуации власти не могли влиять на

[1211] Недолго просуществовавший Аргаяшский национальный округ в этот перечень включить нельзя, поскольку реальных преобразований на его территории не было.

этничность и конструирование новой культуры, но несли ответственность за соответствие своей политики государственным приоритетам (татары и башкиры, казахи, марийцы и удмурты). Большую роль в этих моделях играла активность соседних «материнских» национальных республик. Третья группа показывает модель, когда власти области, ввиду малочисленности и дисперсного характера расселения отдельных народов, не имели надобности вести в их отношении политику. Внутри этой модели можно выделить две группы.

Первая – когда национальная политика по причине заинтересованности властей все-таки начинала реализовываться, и в этой ситуации видно влияние административного ресурса без учета экономической целесообразности (китайцы, цыгане, белорусы). Так, ситуация с цыганами демонстрирует максимальный приоритет задач национальной политики с полным игнорированием экономических показателей. В этом случае власти шли на полную перестройку этнических традиций в интересах модернизации.

Вторая группа – когда власти, не имея специальных задач по политике, просто по инерции реагировали на происходящие процессы, не имея специальных задач по национально-культурным преобразованиям (чуваши, украинцы, немцы). В этой ситуации власти не содействовали развитию этничности, но поддерживали инициативы, если они не противоречили задачам модернизации советского общества. В случае с немцами инициативы со стороны последних им не соответствовали, в связи с чем была применена тактика репрессий, закончившаяся исчезновением этнической группы из культурного пространства. Каждая из этих моделей показывает вариативность национальной политики большевиков в рассматриваемый период.

Таким образом, национальная политика не была определяющей в экономической и культурной жизни Уральской области, но для ряда территорий она имела важное значение в процессах модернизации. Мероприятия национальной политики реализовывалась с разной степенью успешности. Там, где это было необходимо, власти области принимали меры дополнительной поддержки, чтоб обеспечить улучшение благосостояния в рамках советской модели модернизации, но с опорой на имеющийся этнокультурный ресурс. При всем непродолжительном периоде существования Уральской области стоит отметить, что именно в 1920–1930-е годы были заложены основы управления территориями с этнокультурными особенностями. Несмотря на то что сегодня они находятся в составе разных субъектов, модели управления были заложены именно в тот период и продолжают функционировать, что подтверждает их эффективность в рамках современного российского федерализма.

Добровольцы одного из венгерских красноармейских батальонов. Пермская губерния, 1918 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1 Б. Д. 76. Л. 1

Командир китайского батальона Жэн Ханчен
ПермГАСПИ. Ф. 90. Оп. 2 Р. Д. 98. Л. 10

Члены Украинского бюро при Пермском губкоме РКП (б). Пермь, 1920 г.
ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1 Б. Д. 118. Л. 1

Заведующий агитационно-пропагандистским отделом Пермского губкома РКП (б) А. Л. Борчанинов среди участниц второй Пермской губернской конференции беспартийных женщин Востока. Пермь, 25 мая 1921 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1В. Д. 138. Л. 1

Участники первого Всероссийского национального съезда вотяков. Сарапул, 1918 г.

Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 8023

Письмо Пермского губернского бюро национальных меньшинств с печатью

ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 169. Л. 155

Участники первого съезда национальных меньшинств Сарапульского уезда в г. Сарапуле

Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 14616

Оттиск печати Пермского отделения Еврейского комиссариата по национальным делам с подписью комиссара Хазанова

ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 8. Л. 17 об.

Письмо Екатеринбургского комитета «Бунда» от 17.08.1918 с печатью

ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 3. Л. 20

Листовка Пермского Украйбюро на украинском языке. 1920 г.

ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 282. Л. 15

Информационный листок на венгерском и немецком языках, издаваемый бюро венгерских коммунистов при Пермском губкоме

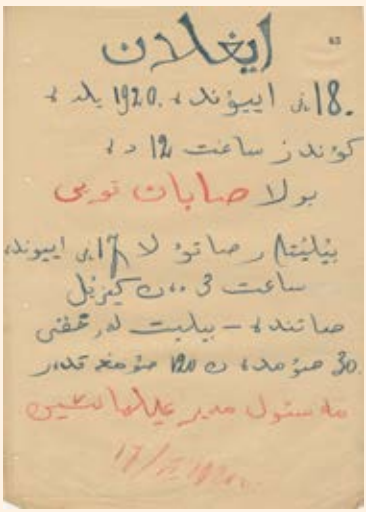
ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 102. Л. 75

Отпускное удостоверение С. Хасанкаева, руководителя татаро-башкирской газеты, издаваемой татаро-башкирским бюро при Пермском губкоме РКП (б).

ПермГАСПИ. Ф. 557. Оп. 2. Д. 102. Л. 57

Третья Губернская конференция татаро-башкир. 1921 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2. Т. 2. Д. 73 В



Объявление о проведении собрания представителей татаро-башкирского населения Кизеловской волости Усольского уезда Пермской губернии, выполненное арабской вязью. 17 июня 1920 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2. Т. 2. Д. 73 В

Афиша с объявлением на татарском языке о продаже товаров через предприятия государственной торговли, напечатанная по распоряжению Уральского облисполкома для районов Уральской области со значительной долей татарского населения. 1928 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 2. Т. 2. Д. 73 В

Участницы первой Пермской губернской конференции беспартийных женщин Востока. г. Пермь, 25 января 1921 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1 В. Д. 3. Л. 1

Делегаты конференции женщин-мусульманок Пермского округа Уральской области. Лысьва, 1925 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1 В. Д. 3. Л. 1

Один из номеров газеты «Красная Заря», издаваемой в Пермской губернии для татарского населения. 1920 г.

ПермГАСПИ. Ф. 61. Оп. 3. Д. 88. Л. 96

Участники Уральского татаро-башкирского партсъезда в клубе им Вахитова. Из коллекции материалов И. И. Абдрашитова

МБУК «Музей Казани».
МНК КП ОФ-1037934

Ф. Г. Тараканов (2-й ряд, 6-й слева) с коллективом окружного земельного управления. 1928 г.

КПОГА. Ф. Р-29. Оп. 1. Д. 200. Л. 1

П. Е. Колыхматов (стоит) и Ф. Г. Тараканов. Автор неизвестен. 1922 г.

КПКМ. ОФ-2708/1. Ф. 511. Оп. 1. Д. 5

ВЫПИСКА 14

Слушали:

Постановили:

Выписка из протокола № 14 заседания Президиума ВЦИК от 26 февраля 1925 г. «О Пермяцком крае Уральской области»

ГАРФ. Ф. Р-1235. Оп. 119. Д. 41. Л. 14

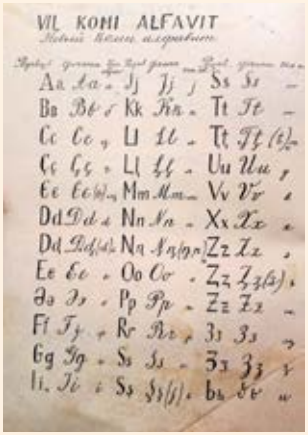
KOMI-PERMJATSKOJ

Коми-Пермяцкий окрисполком

Организационный отдел

Оттиск печати окрисполкома Коми-Пермяцкого округа с коми-пермяцким языком.

КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 232. Л. 47 об.


VIL KOMI ALFAVIT

Латинизированный коми-пермяцкий алфавит. 1933 г.

КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 232. Л. 37

Протокол заседания Коми-Пермяцкого окружкома на коми-пермяцком языке

КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 232. Л. 37

Выпуск Кудымкарского педтехникума. Выпускная фотография группы. 1930 г.

КПОГА. Ф. 303. Оп. 1. Д. 28. Л. 1

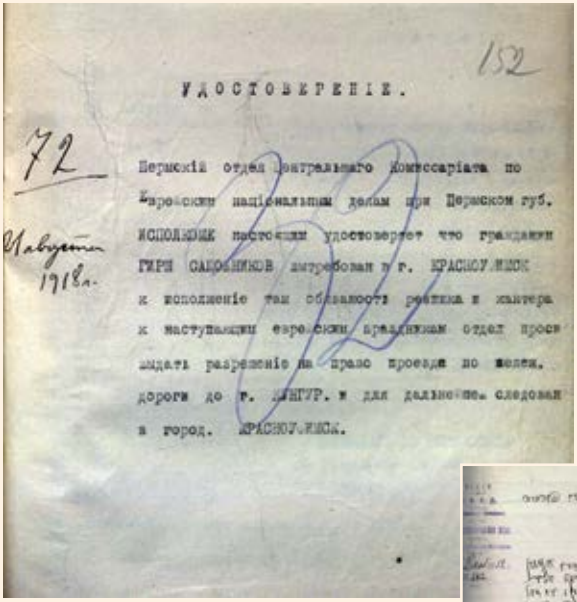
Первый духовой оркестр рабочего комитета профсоюза работников лесбумдрев промышленности. 2 декабря 1938 г.

КПОГА. Ф. 265. Оп. 1. Д. 175. Л. 1

Нагайбаки
д. Попово Чебаркульского района
Челябинской области. 1930-е гг.

Компьютерная обработка
И. Атнагулова

Урало-Казахская Промакадемия. 1932–1933 гг.
ФГБУК ГЦМСИР. ГИК 32630/1562



152

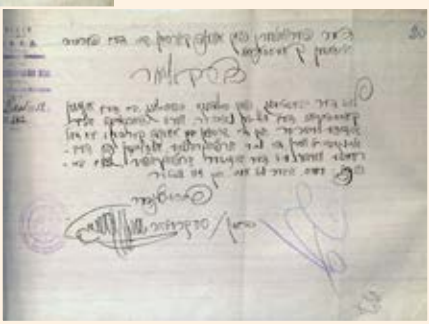
72

УДОСТОВЕРЕНІЕ.

Пермскій отдѣлъ центральнаго комиссаріата по еврейскимъ національнымъ дѣламъ при Пермскомъ губ. исполкомѣ настоящимъ удостовѣряетъ что гражданинъ ГИРШЪ САПОЖНИКОВЪ командированъ въ г. КРАСНОУФИМСКЪ к исполненію тамъ обязанностей резника и кантора к наступающимъ еврейскимъ праздникамъ отдѣлъ проситъ выдать разрѣшеніе на право проѣзда по желѣзн. дорогѣ до г. ЕКАТЕРИНБУРГА и для дальнѣйшаго слѣдованія в городъ. КРАСНОУФИМСКЪ.

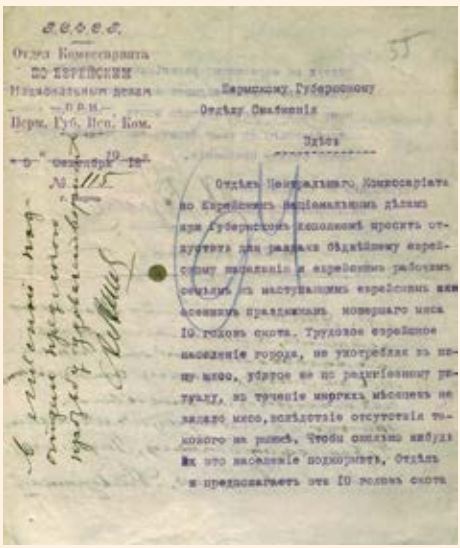
Проездное удостоверение Гирша Сапожникова для исполнения обязанностей резника и кантора во время еврейских праздников

ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 10. Л. 152



Письмо на идише Пермского отделения еврейского комиссариата по национальным делам

ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 8. Л. 20



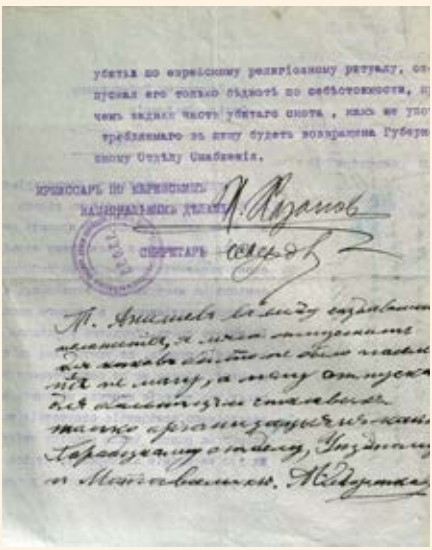
Отдѣлъ Комиссаріата по Еврейскимъ Національнымъ дѣламъ при Пермскомъ Губисполкомѣ

Пермскому Губернскому Отдѣлу Здравоохраненія

Отдѣлъ Центральнаго Комиссаріата по Еврейскимъ Національнымъ дѣламъ при Губернскомъ исполкомѣ проситъ отпустить для раздачи бѣдствующему еврейскому населенію и еврейскимъ рабочимъ сектантамъ наступающимъ еврейскимъ или осеннимъ праздникамъ новорогато скота 10 головъ скота. Трудовое еврейское населеніе города, не употребляя въ пищу мясо, удерое не по религіозному ритуалу, за теченіе мирныхъ мѣсяцевъ не имѣло мясо, вслѣдствіе отсутствія такового на рынкѣ. Чтобы отмѣтить нищету Въ это населеніе подкормить, Отдѣлъ и предполагаетъ отъ 10 головъ скота

Письмо отдела Комиссариата по еврейским национальным делам при Пермском губисполкоме о еврейских религиозных праздниках от 5 сентября 1918 г.

ГАПК. Ф. Р-945. Оп. 1. Д. 8. Л. 17–17 об.



убитаго по еврейскому религіозному ритуалу, от
пускаемаго его только отдѣлъ по бѣдствующимъ,
чемъ выдача части убитаго скота, какъ не упо
требляемаго въ пищу будетъ возвращена Губерн
скому Отдѣлу Здравоохр.

КОМИССАРЪ ПО ЕВРЕЙСКИМЪ НАЦІОНАЛЬНЫМЪ ДѢЛАМЪ

СЕКРЕТАРЬ

СССР. ВСЕСОЮЗНАЯ ПЕРЕПИСЬ НАСЕЛЕНИЯ 1926 ГОДА

Личный листок №

Переписной лист участника Всесоюзной переписи населения 1926 г.

Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 970. Л. 171

Письмо Троицкого окружкома ВКП (б) о создании немецких колхозов. 20 апреля 1930 г.

ОГАЧО. Ф. П-170. Оп. 1. Д. 663. Л. 91

Печать сельскохозяйственной артели «Нацмен». Сарапульский район, 1937 г.

Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-140. Оп. 1. Д. 970. Л. 171

Первая Всероссийская сельскохозяйственная и промышленная выставка. Студенты Пермского с/х института в национальных костюмах народов Севера

ККМ ИК. 2503/171

Сотрудник парткома Камского целлюлозно-бумажного комбината рассказывает рабочим этого предприятия о национально-государственном устройстве СССР и сущности советской национальной политики на занятии по политическому просвещению. пгт Краснокамск, 1936 г.

ПермГАСПИ. Ф. 8043. Оп. 1 И. Д. 341. Л. 1

Марийская группа на Всеуральской областной Олимпиаде национальностей Урала

ГБУК РТ «ЕГИА и ХМЗ». ЕГМЗ КП-135

Участники областной художественной олимпиады. На фото А. Н. Зубов (верхний ряд, 1-й слева), М. П. Лихачёв (4-й ряд, 3-й справа) и его супруга А. И. Лихачёва (2-й ряд, 2-я справа). Свердловск, 1931 г.

КПКМ. Ф. 123. Оп. 1. Д. 1

Приглашение участнику орфографической конференции в Кудымкаре от 25.06.1933

КПОГА. Ф. Р-20. Оп. 1. Д. 294. Л. 136

Выписка из протокола заседания Уральского обкома ВКП (б) об организации Общества «Яналиф»

ГАСО. Ф. 2. Оп. 5. Д. 246. Л. 15

Миша Хэно – студент национального педагогического техникума в Салехарде
МАЭ РАН. И 1162-33

Члены артели «Вперёд» Нейтинского сельсовета. Ямальский район, 1930-е гг.
МАЭ РАН. И 1162-32

С. Наговицин. Октябрьская демонстрация 1936 г. в Салехарде
МАЭ РАН. И 935-126-2

Собрание вогул по коллективизации района. Свердловская область, 1930-е гг.

Пермский краеведческий музей. МОКМ-5063

Колхозное собрание Сосьвинской культбазы. 1930-е гг.

Фото предоставлено Остяко-Вогульск.рф – народный архив Югры

Красный чум проводит работу с населением. 1934 г.

Фото предоставлено Остяко-Вогульск.рф – народный архив Югры

Чум на Ямале. 1920-е гг.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 1088

Первый окружной съезд советов Остяко-Вогульского округа Уральской области

Фото предоставлено Остяко-Вогульск.рф – народный архив Югры

Первые учащиеся Остяко-Вогульского педтехникума. 1935 г.

Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ. ХМ 6370-1

М. С. Вайветкин – один из первых выпускников отделения народов Севера Тобольского педтехникума

Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ. ХМ 1392-7

Студенты педучилища в общежитии. пос. Остяко-Вогульск. 1934 г.

Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ. ХМ 2347-8

Работа чувашского колхоза в Свердловской области

ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 169. Л. 57–59

Работа чувашского колхоза в Свердловской области

ГАСО. Ф. Р-88. Оп. 5. Д. 169. Л. 57–59

Переселенцы Свердловской области в национальных костюмах, конец 1920-х гг.

ГАСО. Ф. 1. Оп. 22. Д. 53–54

Сотрудники и дети детского сада № 1 в национальных костюмах народов СССР. Сарапул, 1929 г.

Управление по делам архивов г. Сарапула. Ф. Р-750. Оп. 1. Д. 4290

Л. М. Сурин. Цыганская семья. Кыштымско-Каслинский район Челябинской области, 1924 г.

МАУК ОМПУ. КП 21992 Ф

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ИСТОЧНИКИ

1.1. Неопубликованные источники

1.1.1. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ)

1.1.1.1. Ф. Р-1235. Всероссийский Центральный исполнительный комитет (ВЦИК) и его подведомственные учреждения:

– Оп. 119. Д. 41. Дело об экономическом и культурном состоянии Коми-Пермяцкого округа;

– Оп. 140. Д. 931. Переписка с Уральским облисполкомом о неправильном обложении сельскохозяйственным налогом хозяйств нацменьшинств в Сивинском районе Пермского округа.

1.1.1.2. Ф. Р-1318. Народный комиссариат по делам национальностей РСФСР (Наркомнац РСФСР), представительства Наркомнаца РСФСР в договорных и автономных республиках и их представительства при Наркомнаце РСФСР:

– Оп. 1. Д. 14. Протоколы заседаний Коллегии Наркомнаца № 21–27 за май 1922 г. (подлинные и черновые) и материалы к ним;

– Оп. 1. Д. 1247. Выписки из протоколов заседаний президиума Пермского губисполкома и докладные записки отдела нацменьшинств Коллегии Наркомнаца об организации Пермского подотдела при отделе национальностей Наркомнаца;

– Оп. 1. Д. 1340. Доклады и переписка Пермского губотнаца с организационно-инструкторским подотделом Наркомнаца о работе губотнаца.

1.1.1.3. Ф. Р-5446. Совет Министров СССР:

– Оп. 24а. Д. 48. Разная переписка Главного управления лагерей и трудовых колоний НКВД (ГУЛАГа) и Главного управления строительства Дальнего Севера (Дальстроя).

1.1.1.4. Ф. Р-5677. Административная комиссия при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного комитета:

– Оп. 2. Д. 222. Дело о включении областей, населенных пермяками, в состав автономной области Коми.

1.1.1.5. Ф. Р-6892. Комиссия Центрального Исполнительного комитета по районированию:

– Оп. 1. Д. 37. Отчет Комиссии ЦИК и ВЦИК по районированию. 1925 год.

1.1.2. Российский государственный архив экономики (РГАЭ)

1.1.2.1. Ф. 5675. Учреждения по руководству переселением в СССР. 1925–1942, 1949–1954. Управленческая документация ВПК при ЦИК СССР, Сектора земельных фондов и переселения Наркомата земледелия СССР, ВПК при СНК СССР, Переселенческого отдела Наркомата внутренних дел СССР, Бюро по сельскохозяйственному переселению Наркомата земледелия СССР:

– Оп. 1. Д. 2. Стенограмма 1 Всероссийского совещания работников по переселенческому делу 1927 г. Том 1;

– Оп. 1. Д. 7. Пятилетний перспективный план переселенческих мероприятий на 1928–1933 гг.;

– Оп. 1. Д. 154. Докладная записка инспектора ВПК по обследованию цыганского колхоза «Красный Восток» Красноуфимского района Свердловской области, сведения и переписка о переселении и хозяйственном устройстве цыган в Свердловской области и Кировском крае.

1.1.3. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ)

1.1.3.1. Ф. 17. Центральный Комитет КПСС (ЦК КПСС) (1898, 1903–1991):

– Оп. 61. Д. 16. Протоколы заседаний Марийского центрального бюро, циркулярные письма агитпропотдела и бюро губкомам, комам, марийским секциям на местах о расстановке и использовании партийных работников, о финансовой дисциплине, об издательской работе и др.;

– Оп. 61. Д. 29. Протоколы 2 Всероссийской конференции коммунистов мари с материалами. Апрель 1921;

– Оп. 61. Д. 40. Протоколы заседаний, планы работ, письма, отчеты, доклады Марийской секции при Красноуфимском укоме РКП (б) Екатеринбургской губернии о состоянии партийной, культурно-просветительской работы среди населения мари, о проведении волостных партийных конференций и др.;

– Оп. 61. Д. 41. Отчеты, переписка марийской секции при ЦК РКП (б) с марийской секцией при Красноуфимском укоме РКП (б) Екатеринбургской губернии с информацией о 2 Всероссийской конференции коммунистов мари в г. Краснококшайске, о деятельности секции, о состоянии культурно-просветительской работы среди марийского населения на местах, журналы входящих и исходящих документов.

1.1.4. Архив Российской Академии наук (АРАН)

1.1.4.1. Ф. 676. Всесоюзный центральный Комитет нового (латинизированного) алфавита при Совете национальностей ЦИК СССР:

– Оп. 1. Д. 1239. Статья Тупицина «Латинизация алфавита в Коми-Пермяцком национальном округе Уральской области».

1.1.5. Государственный архив Свердловской области

1.1.5.1. Ф. Р-7. Екатеринбургский губернский исполнительный комитет Советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Губисполком г. Екатеринбург (15.07.1919–19.12.1923):

– Оп. 1. Д. 848. Материалы о проведении Всесоюзной переписи населения на территории Свердловской области.

1.1.5.2. Ф. Р-88. Исполнительный комитет Свердловского областного совета народных депутатов трудящихся (облисполком):

– Оп. 1. Д. 1610. Переписка с окрисполкомами и др. по вопросам о переселенцах;

– Оп. 1. Д. 4417. Материалы о результатах проверки колхоза «Красный Восток» Красноуфимского района Свердловской области. 1936–1937;

– Оп. 5. Д. 14. Справка по истории образования Екатеринбургской губернии и результатам советского строительства, о пользовании земельными угодиями в пределах Башкирии, рапорт участкового инструктора по Всероссийской переписи населения 1920 г., отчет о деятельности Уральского областного отделения Роста, отчет обсерватории и др.;

– Оп. 5. Д. 41. Переписка с окружными исполнительными комитетами по вопросу учета состава нацменьшинств, проживающих в Уральской области, их культурном и материалом положении. 1924 г.;

– Оп. 5. Д. 42. Протоколы заседаний комиссии по работе среди нацмен при Уралоблисполкоме;

– Оп. 5. Д. 47. Переписка с вышестоящими организациями по вопросу присоединения Коми-Пермяцкого округа к Северному краю (имеется характеристика экономического и культурного состояния округа);

– Оп. 5. Д. 54. Материалы по районированию Коми-Пермяцкого округа;

– Оп. 5. Д. 55. Инструкции и переписка с центральными органами власти по вопросам содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни и наделении их землей;

– Оп. 5. Д. 59. Доклады и отчеты Окрисполкомов и др. материалы о работе среди нацмен;

– Оп. 5. Д. 60. Материалы о работе среди нацмен Уральской области;

– Оп. 5. Д. 65. Материалы обследования, докладные записки, информационные сообщения о хозяйственном и культурном строительстве среди нацмен;

– Оп. 5. Д. 66. Газетные вырезки о работе среди нацменьшинств Уральской области;

– Оп. 5. Д. 68. Инструкция по введению родного языка и подготовке кадров специалистов, проспект генерального издательства народов СССР на татарском языке и др. материалы о работе среди нацмен по округам Уральской области;

– Оп. 5. Д. 69. Материалы обследования, доклады и информации о работе среди нацмен области;

– Оп. 5. Д. 70. Переписка с областными отделениями учреждений по вопросам хозяйственного, культурного и советского строительства в Коми-Пермяцком округе;

– Оп. 5. Д. 82. Переписка с окрпотребсоюзами и Уралколхозсоюзом об укреплении колхозов и потребкооперации в национальных районах;

– Оп. 5. Д. 89. Постановления Уралоблисполкома о хозяйственном и культурном укреплении национальных районов области;

– Оп. 5. Д. 91. Протоколы заседаний Бардымского районного исполнительного комитета;

– Оп. 5. Д. 96. Положение о районных комитетах и их уполномоченных по введению Октябрьского (нового) алфавита среди нацмен;

– Оп. 5. Д. 106. Материалы Коми-Пермяцкого Окружкома ВКП (б) к докладу о коренизации советских общественных организаций Коми-Пермяцкого округа;

– Оп. 5. Д. 114. Сведения о национальном составе населения районов Уральской области;

– Оп. 5. Д. 122. Положения об отделах национальных меньшинств при исполкомах, планы работы отдела среди нацмен при Уралоблисполкоме;

– Оп. 5. Д. 131. Переписка с райисполкомами и облисполкомами, отделами об улучшении работы среди нацмен, докладные записки о работе школ, статистические сводки о населении;

– Оп. 5. Д. 133. Протоколы областных конференций и совещаний нацмен работников;

– Оп. 5. Д. 135. Положение об отделах национальных меньшинств при президиумах краевых и областных исполкомов. Протоколы совещаний при отделе нацменьшинств Уралоблисполкома;

– Оп. 5. Д. 159. Сведения о национальном составе населения районов Уральской области;

– Оп. 5. Д. 164. Переписка с областными отделами и районными Исполкомами о подготовке кадров из нацмен. Списки национальных районов, сельсоветов и колхозов;

– Оп. 5. Д. 169. Переписка Свердловского областного исполкома с областными земельными управлениями о работе среди нацмен в Куединском районе.

1.1.5.3. Ф. Р-171. Торговая производственно-кооперативная артель инвалидов «Китайский рабочий»:

– Оп. 1. Д. 6. Входящие бумаги;

– Оп. 1. Д. 7. Исходящие бумаги;

– Оп. 1. Д. 8. Разные переписки правления «Китайский рабочий»;

– Оп. 1. Д. 16. Исходящие бумаги;

– Оп. 1. Д. 17. Исходящие бумаги;

– Оп. 1. Д. 18. Циркуляры и распоряжения Уралкоопинсоюза;

– Оп. 1. Д. 22. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лю Кун Вен;

– Оп. 1. Д. 23. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ваш Ша Лан;

– Оп. 1. Д. 24. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ван Фу Жан;

– Оп. 1. Д. 25. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ивана Чен Ю;

– Оп. 1. Д. 26. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ху Сын Си;

– Оп. 1. Д. 28. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ти Сы Жан;

– Оп. 1. Д. 29. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Сун Фу Ми;

– Оп. 1. Д. 30. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лю Ян Ша;

– Оп. 1. Д. 31. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Ян Чин;

– Оп. 1. Д. 32. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Лин Кан Сян;

– Оп. 1. Д. 35. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Жан Бы Ин;

– Оп. 1. Д. 36. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Жан Бы Ян;

– Оп. 1. Д. 37. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Дян Го Мин;

– Оп. 1. Д. 38. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Го Фа Шин;

– Оп. 1. Д. 39. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ян Чу Шан;

– Оп. 1. Д. 40. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Тин Юй;

– Оп. 1. Д. 41. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Ли Кай Да;

– Оп. 1. Д. 42. Личное дело члена кооперативной артели «Китайский рабочий» Чжан Ни Зюн;

– Оп. 1. Д. 43. Месячные балансы оборотов по счетам, главная книга оборотной ведомости и списки членов артели.

1.1.5.4. Ф. Р-233. Министерство общего и профессионального образования Свердловской области, г. Екатеринбург (03.11.1923 –):

– Оп. 1. Д. 67. Материалы о состоянии народного образования среди национальных меньшинств Уральской области;

– Оп. 1. Д. 163. Протоколы заседаний, планы, доклады и отчеты подотделов Уралоно и техникумов об организации и перспективах развития народного образования;

– Оп. 1. Д. 169. Протоколы заседаний педагогического совета, квартальные отчеты о деятельности Соликамского техникума, сведения и заявления преподавателей о приеме на работу;

– Оп. 1. Д. 257. Материалы о состоянии народного образования среди национальных меньшинств Урала.

1.1.6. Государственный архив административных органов Свердловской области

1.1.6.1. Ф. Р-1. Управление Федеральной службы безопасности Российской Федерации по Свердловской области.

1.1.7. Пермский государственный архив социально-политической истории (ПермГАСПИ)

1.1.7.1. Ф. 2. Пермский окружной комитет ВКП (б), Уральская область:

– Оп. 1. Д. 189. Статотчеты по пермскому горрайкому по составу парторганизаций и по учету национальных меньшинств (татар и башкир) коммунистов округа;

– Оп. 1. Д. 220. Доклад о работе среди татбаш молодежи за 1924–26 годы по стране;

– Оп. 1. Д. 232. Указания ЦК и Уралобкома по работе среди нацмен;

– Оп. 1. Д. 236. Доклады и отчеты о деятельности окружного татбашбюро, отчеты отдела агитации и пропаганды;

– Оп. 1. Д. 237. Протоколы и резолюции по докладу татбашбюро на Первой окружной конференции коммунистов (татаро-башкир);

– Оп. 1. Д. 242. Протоколы беспартийной конференции, детконференций татаробашкир и доклады об их проведении;

– Оп. 1. Д. 244. Переписка с учреждениями города по нацменработе;

– Оп. 1. Д. 267. Резолюция 4 объединенного пленума Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) и окрисполкома 15–18 июня 1933 г.;

– Оп. 1. Д. 347. Постановления Президиума ВЦИК об утверждении границ, центров и составов округов Уральской области.

1.1.7.2. Ф. 156. Верхне-Камский окружной комитет ВКП (б):

– Оп. 1. Д. 17. Протоколы заседаний ревизионной комиссии, заседания оргбюро по организации Пермяцкого округа;

– Оп. 1. Д. 249. Областное совещание партработников нацмен. Отчеты РК ВКП (б) и резолюции окружных и областных совещаний о работе среди нацмен;

– Оп. 1. Д. 335. Указания Уралобкома и переписка с ним окружкома по организационной партийной работе, о работе среди нацменьшинств, о кооперации и другим вопросам. Выписки из протоколов Уралобкома о работе комитетов. Итоги райпартконференции по округу. Письмо ЦК ВКП (б) о Коми-Пермяцком крае.

1.1.7.3. Ф. 200. Коми-Пермяцкий окружком КПСС:

– Оп. 1. Д. 654. Указания и переписка о переходе на русский шрифт и комизация аппарата в округе;

– Оп. 1. Д. 919. Докладные записки комитета нового алфавита о составлении Коми-Пермяцкого алфавита.

1.1.7.4. Ф. 641. Архивные уголовные дела на лиц, снятых с оперативного учета в ИЦ УВД Пермского облисполкома, 1918–1991 гг.

1.1.7.5. Ф. 643. Архивные уголовные дела на лиц, реабилитированных по Указу Президиума Верховного Совета СССР от 16.01.1989 и Закону РСФСР от 18.10.1991.

1.1.7.6. Ф. 820. Усольский Уком РКП (б):

– Оп. 1. Д. 21. Протоколы заседаний Президиума Укома РКП (б);

– Оп. 1. Д. 24. Протоколы заседаний тройки агитпропа укома РКП (б) и объединенной конференции членов РКП (б) пермяков Кудымкарского района.

1.1.8. Государственный архив Пермского края

1.1.8.1. Ф. Р-19. Исполнительный комитет Пермского губернского совета:

– Оп. 1. Д. 341. Протокол административной комиссии по выделению Пермяцкого края, Кольского и Чердынского уездов по созданию автономной области «КОМИ». Карты северной части Пермской губернии;

– Оп. 1. Д. 342. Отчет о состоянии Троицко-Печерской школы 1 ст. к моменту сдачи Печерского края в область «КОМИ» Усть-Куломского уезда. Акты от 6 июня 1922 г. передачи административных единиц Печерского края, Чердынского уезда Пермской губернии и другие губернии.

1.1.9. Коми-Пермяцкий окружной государственный архив

1.1.9.1. Фонд Р-20. Окружной исполнительный комитет совета крестьянских и рабочих депутатов:

– Оп. 1. Д. 55. Итоги Всесоюзной переписи населения по Коми-Пермяцкому округу;

– Оп. 1. Д. 57. Материалы по празднованию первой и третьей годовщины образования Коми-Пермяцкого округа (телеграммы, протоколы, письма);

– Оп. 1. Д. 71. Протоколы Второго Коми-Пермяцкого окружного съезда советов;

– Оп. 1. Д. 232. Материалы по комизации в округе и работа советов среди национальностей;

– Оп. 1. Д. 267. Резолюция 4 Объединенного Пленума Коми-Пермяцкого окружкома ВКП (б) и окрисполкома, 15–18 июня 1933 г.

1.1.9.2. Ф. Р-29. Тараканов Ф. Г.:

– Оп. 1. Д. 10. Тараканов Ф. Г. Автобиография. Машинопись;

– Оп. 1. Д. 15. Тараканов Ф. Г. Коми-Пермяцкая трудовая коммуна. 1956 год;

– Оп. 1. Д. 28. Протокол объединенной конференции членов РКП (б) пермяков Кудымкарского и Косинского районов и пермяков Вятской губернии;

– Оп. 1. Д. 29. Протокол Второго Съезда культурных сил Коми-Пермяцкого края с 9 по 12 января 1925 г.;

– Оп. 1. Д. 69. Материалы ЦГАОР о выделении пермяцких волостей в Коми автономную область;

– Оп. 1. Д. 121. Ф. Г. Тараканов. «О включении пермяков в автономную область Коми»;

– Оп. 1. Д. 159. Ф. Г. Тараканов. «Борьба за возрождение коми и коми-пермяцкого народов». 1972 г.

1.1.10. Управление по делам архивов г. Сарапула

1.1.10.1. Ф. Р-20. Сарапульский окружной союз потребительских обществ «Окрпотребсоюз»:

– Оп. 1. Д. 148. Материалы о работе потребкооперации округа среди бедноты и национальных меньшинств 9 октября – 18 июня 1929.

1.1.10.2. Ф. Р-107. Сарапульское окружное земельное управление:

– Оп. 1. Д. 12. Документы по установлению границ между автономными республиками, протоколы, определения, заявления, акты, доклады, ведомости, сведения, отчет за 1923–1924 гг.;

– Оп. 1. Д. 16. Документы о передаче лесных площадей Михайловского лесничества и кармановской дачи и установления границ между Башкирской республикой и Уральской областью. Опись, заявление, акт, схема, чертеж, выписка, протокол за 1924–1925 годы;

– Оп. 1. Д. 47. Карты Сарапульского округа Уральской области.

1.1.10.3. Ф. Р-203. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

– Оп. 1. Д. 81. Переписка с Уральским областным отделом народного образования по вопросу организации учебного процесса в национальных школах округа. 1924–1925 год;

– Оп. 1. Д. 381. Статистические сведения о численности, национальности учащихся, наличии библиотек в школах 1 ступени округа за 1927/1928 годы.

1.1.10.4. Ф. Р-210. Отдел народного образования исполнительного комитета Сарапульского уездного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов (УОНО):

– Оп. 1. Д. 286. Статистический отчет подотдела национальных меньшинств Осинского уезда за 1922–1923 год. Сводные статистические сведения Осинского уоно по школьному образованию нацменьшинств за

1922–1923 год. Ежемесячные ведомости отела по учету учреждений для национальных меньшинств и о числе работников нацменьшинств за 1923 год.

1.1.10.5. Ф. Р-211. Окружное статистическое бюро:

– Оп. 1. Д. 95. Сводка о количестве национальных меньшинств в округе.

1.1.11. Государственный архив в г. Красноуфимске

1.1.11.1. Ф. Р-395. Отдел народного образования. Красноуфимский уездный исполнительный комитет Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов:

– Оп. 1. Д. 26. Список дел марийской секции в подотделе национальных меньшинств при Красноуфимском уездном отделе народного образования.

1.1.12. Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО)

1.1.12.1. Ф. П-170. Троицкий окружной комитет ВКП (б); г. Троицк Троицкого района Троицкого округа Уральской области (1923–1930):

– Оп. 1. Д. 663. Письмо эмигрантов. Подписки работников секретной работы. Переписка Троицкого окружкома с Уралобкомом, ОГПУ, райкомами партии за январь 1928 – июнь 1930 года;

– Оп. 1. Д. 899. Протоколы первой беспартийной крестьянской конференции, немецкой колонии, общего бедняцкого собрания. Доклады районов Троицкого округа о состоянии работы среди немцев за февраль 1929 – апрель 1930 года;

– Оп. 1. Д. 379. Тематические перечни документов госархива по истории развития межнациональных отношений на территории Челябинской области (1917–1960 гг.).

1.1.12.2. Ф. Р-467. Управление Комитета государственной безопасности при Совете Министров СССР по Челябинской области; г. Челябинск Челябинской области (1934–…).

1.1.13. Государственный архив Красноярского края (ГАКК)

1.1.13.1. Ф. Р-1845. Комитет Севера Красноярского края:

– Оп. 1. Д. 3. Протоколы заседания Комитета Севера при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета.

1.1.14. Муниципальный архив г. Сургута Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

1.1.14.1. Ф. 1. Сургутский районный исполнительный комитет РКП (б):

– Оп. 1. Д. 16. Инструкция, циркуляры окружного исполнительного комитета о работе школ;

– Оп. 1. Д. 132. Отчетные доклады о работе Юганского национального совета за 1926–1927 годы;

– Оп. 1. Д. 155. Протокол Расширенного совещания Тобольского комитета Севера о формах связи Комитета Севера с северными райисполкомами; Положение об установлении для организаций Тобольского округа единого понятия «вогул», «остяк», «самоед»;

– Оп. 1. Д. 163. Планы, доклады о работе национальных сельсоветов;

– Оп. 1. Д. 175. Сведения о количестве национального населения и национальных хозяйств по бассейнам рек Сургутского района за 1927 год;

– Оп. 1. Д. 188. Протоколы заседаний Уральского Комитета Севера по вопросу обслуживания населения.

1.1.15. Государственный Республиканский архив Удмуртской Республики (ГРАУР)

1.1.15.1. Ф. Р-370. Исполнительный комитет Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Сарапул Сарапульского округа Уральской области (1923–1930 гг.):

– Оп. 1. Д. 86. Исполнительный комитет Сарапульского окружного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов, г. Сарапул Сарапульского округа Уральской области, (1923–1930 гг.). Материалы по административно-территориальному делению Бикбардинского (Куединского) района (протоколы заседаний президиума окрисполкома и окружной административной комиссии по районированию, президиума райисполкома, списки сельсоветов и селений).

1.1.16. Архив Национально-культурного центра чувашей Пермского края (НКЦЧПК)

1.1.16.1. Письма семьи Яковлевых.

1.1.1.16. Музей природы и человека ХМАО – ЮГРЫ.

Д. 277/91. Первый окружной съезд советов Остяко-Вогульского национального округа, Уральской области. 25 февраля – 3 марта 1932 г., г. Остяко-Вогульск.

1.2. Опубликованные источники

1.2.1. II-й Съезд Советов Остяко-Вогульского национального округа. 23.12–28.12.1934 г. – 65 с.

1.2.2. *Бибикова, В. В.* Становление государственности в Эвенкии в 20–30-е годы XX века / В. В. Бибикова. – Красноярск: Знак, 2019. – 545 с.

1.2.3. Второй Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 13–18 декабря 1934 года: материалы съезда. – Екатеринбург: Баско, 2020. – 132 с.

1.2.4. Двенадцатый съезд РКП (б). 17–25 апреля 1923 г. Стенографический отчет. – М.: Политиздат, 1968. – 482 с.

1.2.5. Декрет Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета и Совета Народных Комиссаров. Об утверждении Временного Положения об управлении туземных народностей и племен северных окраин Р.С.Ф.С.Р. 25 октября 1926 года // Собрание узаконений и распоряжений Рабоче-Крестьянского правительства РСФСР за 1926 г. № 35-92. Отдел первый. – М., Б. г. – С. 31.

1.2.6. Декрет об учреждении Комиссариата по мусульманским делам // Декреты советской власти. Том 1. 25 октября 1917 – 25 марта 1918 года. – М.: Управление делами Совнаркома СССР, 1957. – 367 с.

1.2.7. Декрет Совета Народных Комиссаров. Соглашение Центральной Советской власти с Башкирским Правительством о Советской Автономной Башкирии // Известия Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета Советов. – 2019. – № 63. – С. 2.

1.2.8. Закон «О гражданстве Союза Советских Социалистических республик» от 19 августа 1938 г. // Законодательство СССР и международные соглашения по вопросам гражданства. – М.: Международные отношения, 1964. – № 30. – С. 23–24.

1.2.9. Запись выступления Сталина И. В. 07.11.1938 // РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 1122. Л. 168. URL: http://sovdoc.rusarchives.ru/#showunit&id=51223;tab=img/ (дата обращения: 04.12.2024). – Режим доступа: свободный.

1.2.10. Из истории коми-пермяцкого языка / Пермский государственный архив социально-политической истории. URL: https://www.permgaspi.ru/index.php?page=iz-istorii-komi-permyatskogo-alfavita (дата обращения: 04.12.2024).

1.2.11. История авиации РОСТО (ДОСААФ) Свердловской области / Екатеринбургский аэроклуб РОСТО ДОСААФ. URL: http://aviasport-343.ru/history_aviation_rosto.htm (дата обращения: 08.04.2020).

1.2.12. *Ленин, В. И.* О национальном вопросе и национальной политике / В. И. Ленин. – Текст: электронный // Leninism.su. URL: https://

leninism.su/works/115-conspect/4248-v-i-lenin-o-natsionalnom-voprose-i-natsionalnoj-politike.html?start=13 (дата обращения: 31.10.2024). – Режим доступа: свободный.

1.2.13. *Луначарский, А. В.* Задачи Наркомпроса на Крайнем Севере. Речь, произнесенная на расширенном Пленуме Комитета Севера при Президиуме ВЦИК 1 марта 1927 г. // Северная Азия. – 1927. – № 3. – С. 18–21.

1.2.14. Материалы I-го национального Остяко-Вогульского окружного Съезда Советов, 25 февраля – 3 марта 1932 г. – Остяко-Вогульск: Изд-во Остяко-Вогул. окрисполкома, 1932. – 33 с.

1.2.15. Национальный вопрос в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП (б) (к 30-летию партии) // Революция и национальности. – 1933. – № 10. – С. 79–96.

1.2.16. Национальный вопрос в резолюциях съездов, конференций и пленумов ЦК ВКП (б) (к 30-летию партии) // Революция и национальности. – 1933. – № 11. – С. 99–120.

1.2.17. Немцы в Прикамье. XX век: сборник документов и материалов. В 2 т. Том I. Книга 1. Архивные документы. – Пермь: Пушка, 2006. – С. 17–19.

1.2.18. О введении воинской повинности для евреев // Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том 3. – 1828. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830. – С. 1228–1229.

1.2.19. О мероприятиях по ликвидации кулацких хозяйств в районах сплошной коллективизации. (Утверждено Политбюро ЦК ВКП (б) 30.I.1930 г.). Приложение № 2-ОП к п. 36 (о. п.) пр. ПБ № 116 // Исторические материалы. URL: http://istmat.info/node/58763 (дата обращения: 28.04.2023).

1.2.20. О разделении Горьковского края. Постановление ВЦИК от 07.12.1934. – Текст: электронный // Документы советской эпохи. URL: http://sssr.regnews.org/doc/nw/70.htm (дата обращения: 01.09.2024).

1.2.21. Первый Ямальский (Ненецкий) национальный окружной съезд Советов. 27 февраля – 4 марта 1932 года: сборник материалов. – Екатеринбург: Баско, 2011. – 120 с.

1.2.22. Переселенческое дело: сборник декретов и распоряжений по переселению. – М.: Народный комиссариат земледелия, 1927. – 360 с.

1.2.23. Пермяки // Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи. – СПб.: Издание Канцелярии Комитета министров, 1895. – С. 60.

1.2.24. Положение о местных статистических управлениях // Собрание узаконений и распоряжений Рабочего и Крестьянского правительства. – 1918. – № 55. – С. 611.

1.2.25. Постановление Временного Правительства «О регистрации товариществ, обществ и союзов» // Вестник Временного правительства. – 1917. – 21 июля. – С. 17.

1.2.26. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни» // Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0 (дата обращения: 20.10.2024).

1.2.27. Резолюция областного совещания партработников нацмен (15–18 мая 1927 г.). – Свердловск: Уралполиграф, 1927. – 19 с. – Текст: непосредственный.

1.2.28. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей: отчет о деятельности. 1 ноября 1917 года – 20 июня 1918 года / Нар. комиссариат по делам национальностей. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 47 с.

1.2.29. Скачко, А. Е. Народы Крайнего Севера и реконструкция северного хозяйства / А. Е. Скачко. – Л.: Издательство Института народов Севера, 1934. – 76 с.

1.2.30. Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. – М.: Редакционно-Издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЕТ», 1937. – 27 с.

1.2.31. Советское строительство. Расширенный Пленум Комитета Севера при Президиуме ВЦИК (с 28.02 по 05.03.1927) // Северная Азия. – 1927. – № 3. – С. 77.

1.2.32. *Сталин, И. В.* Об очередных задачах партии в национальном вопросе: тезисы к X съезду РКП (б) / И. В. Сталин // Правда. – 1921. – 10 фев. – С. 2.

1.2.33. *Сталин, И. В.* Доклад об очередных задачах партии в национальном вопросе на X Съезде РКП (б) 10 марта 1921 года // Сталин И. В. Сочинения. Том 5. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 44.

1.2.34. *Сталин, И. В.* Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения. Том 2. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1946. – С. 290–367.

1.2.35. *Сталин, И. В.* Политический отчет Центрального комитета XVI съезду ВКП (б), 27 июня 1930 года / И. В. Сталин // Правда. – 1930. – 29 июня. – С. 28.

1.2.36. *Сталин, И. В.* Практические мероприятия по проведению в жизнь резолюции XII Съезда партии по национальному вопросу. Доклад по второму пункту порядка 10 июня // Сталин И. В. Сочинения. Том 5. – М.: ОГИЗ; Государственное издательство политической литературы, 1947. – С. 313–326.

1.3. Статистические и справочные материалы

1.3.1. Административно-политическое строение СССР. Ч. 1. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. по материалам НКВД / сост. С. И. Сулькевич. – Л.: Известия Северо-западного областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 300 с.

1.3.2. Алфавитный список народов, обитающих в Российской Империи. – СПб., 1895. – 60 с.

1.3.3. Всесоюзная перепись населения 1926 г. Том IV / Вот. р-н, Ур. обл., Башк. АССР. Отдел I. – М.: Изд-е ЦСУ Союза ССР, 1928. – 147 с.

1.3.4. Всесоюзная перепись населения СССР 1939 г.: Уральский регион / сост. В. П. Мотревич. – Екатеринбург: Изд-во Гуманитарного ун-та, 2002. – 600 с.

1.3.5. Изменения административно-территориального деления СССР за период с 1917 г. по 1924 г. по материалам НКВД / сост. С. И. Сулькевич. – Л.: Известия Северо-западного областного отделения Главной конторы «Известия ЦИК СССР и ВЦИК», 1924. – 120 с.

1.3.6. Итоги Всесоюзной городской переписи 1923 г. Ч. IV. Побочные занятия городского населения. Несамодеятельное население по занятиям самодеятельных (кормильцев). Национальный состав населения. Итоги переписей семей // Труды Центрального статистического управления СССР. Отдел демографии. Том 20. Часть 4. – М.: ЦСУ СССР, 1927. – 229 с.

1.3.7. Населенные пункты Башкортостана. Часть III. Башреспублика, 1926. – Уфа: Китап, 2002. – 400 с.

1.3.8. О расширении границ Автономной Башкирской Социалистической Советской Республики: декрет ВЦИК от 14.06.1922 [Электронный ресурс]: Консультант Плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=ESU&n=29214#f2pI6CTjpN4VSdR9 (дата обращения: 30.06.2024). – Режим доступа: свободный.

1.3.9. Об утверждении положения об окружных съездах Советов и окружных исполнительных комитетах национальных округов северных окраин РСФСР. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР 20 апреля 1932 г. [Электронный ресурс]: Российское историческое общество. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0 (дата обращения: 20.10.2025). – Режим доступа: свободный.

1.3.10. Первая всеобщая перепись населения Российской Империи 1897 года. Том XXVIII. Оренбургская губерния. – СПб.: Центр стат. Ком. Министерства внутренних дел, 1904. – 198 с.

1.3.11. Первая всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года: вып. 29–32. Губернии: Орловская, Пензенская, Пермская,

Подольская. – СПб.: Центр стат. Ком. Министерства внутренних дел, 1904. – 259 с.

1.3.12. Пермская губерния. Администрирование. Экономика. Культурная работа. Отчет губисполкома за 1922–1923 хозяйственный год. – Пермь: Издание губисполкома, 1923. – 27 с.

1.3.13. Постановление ЦИК СССР № 52 «О мероприятиях по трудоустройству кочующих цыган и включению их в сельхозпроизводство от 7 апреля 1936 г. [Электронный ресурс] Е-досье. URL: https://e-ecolog.ru/docs/vMKppL3q8-pXr1snSaB01?ysclid=mec6waf39q934558146&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2F (дата обращения: 20.08.2025).

1.3.14. Постановление ЦИК СССР, СНК СССР от 01.10.1926 «О мерах содействия переходу кочующих цыган к трудовому оседлому образу жизни» [Электронный ресурс] Консультант плюс. URL: http://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc;base=ESU;n=26850#0 (дата обращения: 20.10.2024).

1.3.15. Распределение населения обоего пола в Пермской губернии по национальности по данным разработки материалов переписи 1920 года // Статистический сборник. – Оханск, 1923. – С. 38–39.

1.3.16. РСФСР. Народный комиссариат по делам национальностей: Отчет о деятельности, 1 ноября 1917 – 20 июня 1918. – М.: Тип. т-ва И. Д. Сытина, 1918. – 47 с.

1.3.17. Словарь национальностей для разработки Всесоюзной переписи населения 1937 года. – М.: Редакционно-Издательское управление ЦУНХУ Госплана СССР и В/О «СОЮЗОРГУЧЕТ», 1937. – 27 с.

1.3.18. Советы Северо-Востока СССР: сборник документов и материалов. Ч. 1 (1928–1940 гг.). Магадан: Магаданское книжное издательство, 1979. – 287 с.

1.3.19. Список населенных пунктов Уральской области. Том 1. Верхнекамский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 85 с.

1.3.20. Список населенных пунктов Уральской области. Том 11. Тагильский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 120 с.

1.3.21. Список населенных пунктов Уральской области. Том 12. Тобольский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 231 с.

1.3.22. Список населенных пунктов Уральской области. Том 13. Троицкий округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 86 с.

1.3.23. Список населенных пунктов Уральской области. Том 14. Тюменский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 114 с.

1.3.24. Список населенных пунктов Уральской области. Том 15. Челябинский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 88 с.

1.3.25. Список населенных пунктов Уральской области. Том 16. Шадринский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 100 с.

1.3.26. Список населенных пунктов Уральской области. Том 2. Златоустовский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 50 с.

1.3.27. Список населенных пунктов Уральской области. Том 3. Ишимский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 9 с.

1.3.28. Список населенных пунктов Уральской области. Том 4. Ирбитский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 72 с.

1.3.29. Список населенных пунктов Уральской области. Том 5. Коми-Пермяцкий округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 86 с.

1.3.30. Список населенных пунктов Уральской области. Том 5. Кунгурский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 159 с.

1.3.31. Список населенных пунктов Уральской области. Том 7. Курганский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 94 с.

1.3.32. Список населенных пунктов Уральской области. Том 8. Пермский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 482 с.

1.3.33. Список населенных пунктов Уральской области. Том 8. Свердловский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 110 с.

1.3.34. Список населенных пунктов Уральской области. Том 9. Сарапульский округ. – Свердловск: Орготд. Уралоблисполкома, Уралстатуправления и окр. исполкомов, 1928. – 149 с.

1.3.35. Справка об изменениях административно-территориального деления // Фонды Государственного архива Пермской области. Краткий справочник. – Пермь, 1997. – С. 245–247.

1.3.36. Статистический ежегодник 1922 и 1923 гг. // Труды ЦСУ. Том 8. Вып. 5. – М.: ЦСУ СССР, 1924. – С. 48–50.

1.3.37. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера: из истории национально-государственного строительства, 1822–1941 гг.: сборник документов / сост. Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. Управление по делам архивов Администрации Тюменской области, Государственный архив Тюменской области, Тюменский областной центр документации новейшей истории. – Тюмень, 1994. – 318 с.

1.3.38. *Тишков, В. А.* Этничность / В. А. Тишков // Новая философская энциклопедия. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH01d3f7fefb8f3c025082c7d3 (дата обращения: 08.01.2025).

1.3.39. Уральский статистический ежегодник 1923–1924 гг. / Сер. 1. Т. 1 / под ред. В. С. Немчикова, П. Ф. Неволина. – Свердловск: Изд-во Уральского областного исполнительного комитета, 1925. – С. 38–39.

1.4. Источники личного происхождения

1.4.1. *Тараканов, Ф. Г.* Борьба за округ. Стихи и воспоминания / Ф. Г. Тараканов. – Кудымкар: Пермское книжное издательство, Коми-Пермяцкое отделение, 1990. – 96 с.

1.4.2. *Тараканов, Ф. Г.* Как это было / Ф. Г. Тараканов // Наш край. – 1986. – № 6. – С. 17–22.

1.4.3. *Тараканов, Ф. Г.* Путь к свету. В буднях великих строек / Ф. Г. Тараканов // Воспоминания строителей социализма. – Пермь: Пермское книжное издательство, 1967. – С. 231–233.

1.4.4. *Чепкасов, Л. И.* Деревня моя Пантелеевка / Л. И. Чепкасов. – Пантелеевка: Б/и., 2010. – 200 с.

1.5. Периодическая печать

1.5.1. 7-го августа созывается беспартийная конференция национальных меньшинств // Звезда. – 1921. – 5 авг. – С. 7.

1.5.2. А о женщинах забыли // Смычка. – 1928. – 28 марта. – С. 7.

1.5.3. Агитаторские курсы для мусульман г. Перми // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 11 окт. – С. 7.

1.5.4. Беспартийная конференция мусульман // Звезда. – 1921. – 19 апр. – С. 7.

1.5.5. В ответе за медицину и образование // Полярный круг. – 2022. – 25 авг. – С. 7.

1.5.6. Вниманию еврейских рабочих // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 23 нояб. – С. 7.

1.5.7. Вооружить грамотой трудящихся нацмен // Просвещение на Урале. – 1930. – № 1. – С. 19–20.

1.5.8. Вотская лекция // Звезда. – 1921. – 25 янв. – С. 7.

1.5.9. Вотский митинг // Звезда. – 1920. – 10 авг. – С. 4.

1.5.10. Всем военным, партийным и гражданским организациям // Звезда. – 1921. – 26 фев. – С. 1.

1.5.11. Всем революционным социалистическим китайцам // Звезда. – 1921. – 30 июня. – С. 1.

1.5.12. Глухой Уголок // Вперед. – 1928. – 21 окт. – С. 2.

1.5.13. Губисполком у железнодорожников // Звезда. – 1921. – 20 марта. – С. 7.

1.5.14. Занятие китайского посольства Союзом китайских рабочих // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Госполитиздат, 1961. – С. 134.

1.5.15. Заседание Президиума ЦИК Союза ССР // Правда. – 1936. – 8 апр. – С. 3.

1.5.16. Из жизни женщин мусульманок // Звезда. – 1921. – 17 сент. – С. 7.

1.5.17. Извещение // Звезда. – 1921. – 9 марта. – С. 7.

1.5.18. Извещения // Звезда. – 1920. – 1 окт. – С. 7.

1.5.19. Извещения // Звезда. – 1921. – 1 марта. – С. 7.

1.5.20. Извещения // Звезда. – 1921. – 10 авг. – С. 7.

1.5.21. Извещения // Звезда. – 1921. – 5 авг. – С. 7.

1.5.22. Извещения // Звезда. – 1921. – 6 апр. – С. 7.

1.5.23. К сведению украинцев // Известия Пермского губернского исполнительного комитета. – 1918. – 4 июня. – С. 1.

1.5.24. К сведению украинцев Перми и окрестных заводов // Звезда. – 1921. – 18 июня. – С. 1.

1.5.25. Как работают советы Дальнего «Севера» // Национальное строительство. – 1929. – 31 янв.

1.5.26. Как работают тузсоветы // Советский Север. – 1928. – 7 окт. – С. 1.

1.5.27. Комитет Польской группы РКП (большевиков) // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 окт. – С. 1.

1.5.28. Коммунистам мусульманам // Звезда. – 1921. – 7 апр. – С. 5.

1.5.29. Конференция женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 27 янв. – С. 5.

1.5.30. Красноуфимскому марийскому техникуму нужна помощь // Уральский рабочий. – 1931. – 12 янв. – С. 2.

1.5.31. Культработа среди татаро-башкир // Смычка. – 1929. – 3 янв. – С. 5.

1.5.32. Латышская школа // Звезда. – 1920. – 1 сент. – С. 4.

1.5.33. Латышский культурно-просветительский клуб «Цыня» // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 9 июня. – С. 1.

1.5.34. *Лебедев, В.* Великий русский народ – выдающаяся нация / В. Лебедев // Правда. – 1945. – 7 июля. – С. 14.

1.5.35. Ликвидация неграмотности среди нацмен // Красное знамя. – 1930. – 20 окт. – С. 1.

1.5.36. Литература на национальных языках // Звезда. – 1937. – 1 нояб. – С. 2.

1.5.37. Местная жизнь // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 12 окт. – С. 7.

1.5.38. Митинг для татар // Звезда. – 1921. – 18 марта. – С. 7.

1.5.39. Митинг мусульман // Известия Пермского губисполкома. – 1918. –18 окт. – С. 4.

1.5.40. Мусульмане – голодающим // Звезда. – 1921. – 10 окт. – С. 3.

1.5.41. Мусульманская конференция // Звезда. – 1921. – 4 марта. – С. 2.

1.5.42. Мусульманские курсы просвещения // Звезда. – 1921. – 5 янв. – С. 2.

1.5.43. О культурной деятельности латышских рабочих // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 31 янв. – С. 1.

1.5.44. О строении многонациональных сельсоветов Тобольского Севера // Известия. – 1928. – № 47. – С. 5.

1.5.45. Организуется комбинат нацменбиблиотек // Звезда. – 1933. – 5 дек. – С. 7.

1.5.46. От пермского комиссариата по мусульманским делам // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 июня. – С. 3.

1.5.47. Отделение с еврейскими книгами стало вновь функционировать при Пермской центральной библиотеке // Звезда. – 1933. – 7 мая. – С. 2.

1.5.48. Отсутствие товаров срывает пушные заготовки // Уральский рабочий. – 1931. – 12 янв. – С. 2.

1.5.49. Пермский уездный съезд мусульманской бедноты // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 15 нояб. – С. 1.

1.5.50. Пермячки за работой // Звезда. Красная труженица. – 1920. – 2 июля. – С. 7.

1.5.51. Пленум губкома // Звезда. – 1921. – 11 фев. – С. 1.

1.5.52. *Плешков, В. А.* Мероприятия облисполкома по обслуживанию нужд нацменьшинств / В. А. Плешков // Известия Уральского обкома РКК и КД. – 1927. – № 9–10. – С. 11–13.

1.5.53. Призыв украинцев // Красный Урал. – 1920. – 20 мая. – С. 1.

1.5.54. Провокация кулаков и остатков эсеровщины // Пахарь. – 1924. – 8 окт. – С. 3.

1.5.55. Собрание коммунистов вотяков // Звезда. – 1921. – 4 марта. – С. 7.

1.5.56. Среди красноармейцев вотяков // Звезда. Красный солдат. – 1920. – 18 нояб. – С. 7.

1.5.57. Среди красноармейцев-мусульман (работа парохода «Красный Урал») // Звезда. – 1920. – 5 окт. – С. 7.

1.5.58. Среди латышей // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 19 фев. – С. 7.

1.5.59. Среди мусульман // Звезда. – 1921. – 24 апр. – С. 3.

1.5.60. Среди мусульман // Известия Пермского губисполкома. – 1918. – 26 окт. – С. 3.

1.5.61. Субботник пермячек // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 5 мая. – С. 7.

1.5.62. Субботник работниц татарок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 16 марта. – С. 7.

1.5.63. У женщин мусульманок // Звезда. Красная труженица. – 1921. – 18 окт. – С. 7.

1.5.64. Украинская секция при губкоме // Звезда. – 1920. – 3 июля. – С. 4.

2. ЛИТЕРАТУРА

2.1. *Агаларханова, А. Н.* Национальная политика Российской Империи и советской России в отношении коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. – 2013. – № 6. – С. 18–26.

2.2. *Алексеева, Л. В.* Северо-Западная Сибирь в 1917–1941 годах: Национально-государственное строительство и население. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. пед. ин-та, 2002. – 264 с.

2.3. *Алексеева, Л. В.* Крайний Север в 1917–1934 гг.: по пути советизации (на материалах Ямало-Ненецкого автономного округа) / Л. В. Алексеева. –Екатеринбург: ИИиА УрО РАН, 2005. – 152 с.

2.4. *Алексеева, Л. В.* Ямало-Ненецкий автономный округ в первое десятилетие своей истории (декабрь 1931 г. – июнь 1941 г.) / Л. В. Алексеева. – Нижневартовск: Изд-во Нижневарт. гуманит. ун-та, 2011. – 245 с.

2.5. *Алькор, Я.* Задачи культурного строительства на Крайнем Севере / Я. Алькор // Советский Север. – 1934. – № 2. – С. 22–35.

2.6. *Аманжолова, Д. А.* Центр и регионы в условиях советского нациестроительства в 1920-е гг. / Д. А. Аманжолова // Вестник российской нации. – 2019. – № 2 (64). – С. 34–44.

2.7. *Аманжолова, Д. А., Дроздов, К. С., Костырченко, Г. В., Красовицкая, Т. Ю.* Советская федерация: от империи к модерности. 1917–1941 гг. – М.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. – 832 с.

2.8. *Аникст, А. А.* Организация и распределение рабочей силы в 1920 году / А. А. Аникст. – М.: Агит.-изд. отд. Г. К. Т. и Н. К. Т., 1920. – 124 с.

2.9. *Антропова, И.* Из истории евреев Урала / И. Антропова // Урал. – 2004. – № 11. – С. 188–197.

2.10. *Атнагулов, И. Р.* Нагайбаки: опыт комплексного историко-этнографического исследования хозяйства и материальной культуры второй половины XIX – начала XX века / И. Р. Атнагулов. – Новосибирск: Изд-во ИАЭТ СО РАН, 2007. – 244 с.

2.11. *Бабенко, В. Я.* Украинцы в Башкирской ССР: поведение малой этнической группы в полиэтничной среде. – Уфа: БНЦ УрО РАН, 1992. – 260 с.

2.12. *Баканов, С. А., Гитис, М. С., Моисеев, А. П., Фёдоров, Ю. Г.* Копейск. 100 лет в истории Отечества / С. А. Баканов, М. С. Гитис, А. П. Моисеев, Ю. Г. Фёдоров; под общ. ред. С. А. Баканова. – Челябинск: Абрис, 2007. – 127 с.

2.13. *Барт, Ф.* Этнические группы и социальные границы: Социальная организация культурных различий / Ф. Барт; пер. с англ. И. Пильщикова. – М., 2006. – 198 с.

2.14. *Баталова, Р. М.* Коми-пермяцкий язык / Р. М. Баталова // Языки мира: Уральские языки. – М.: Наука, 1993. – С. 229–239.

2.15. *Бачев, Г. Т.* Коми-Пермяцкий национальный округ: краткий справочник / Г. Т. Бачев. – 2-е изд. – Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1975. – 167 с.

2.16. Башкиры. – М.: Наука, 2015. – 662 с.

2.17. *Бергер, П., Лукман, Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. – М., 1995. – 323 с.

2.18. Болгары Урала и Сибири: очерки истории и этнографии / А. В. Черных (отв. ред.), М. П. Кляус, М. С. Каменских [и др.]. – СПб.: Маматов, 2022. – 368 с.

2.19. *Богораз-Тан, В. Г.* Подготовительные меры к организации малых народностей // Северная Азия. – 1925. – № 3. – С. 40–50.

2.20. *Брандербергер, Д.* Кризис сталинского агитпропа: пропаганда, политпросвещение и террор в СССР, 1927–1941 / Д. Брандербергер. – М.: РОССПЭН, 2017. – 367 с.

2.21. *Бриль, М.* Трудящиеся цыгане – в ряды строителей социализма / М. Бриль // Революция и национальности. – 1932. – № 7. – С. 60–66.

2.22. *Бромлей, Ю. В.* К разработке понятийно-терминологических аспектов национальной проблематики / Ю. В. Бромлей // Советская этнография. – 1989. – № 6. – С. 3–17.

2.23. *Бугай, Н. Ф.* Забытые страницы жизни сообщества цыган в Союзе ССР 1930–1960-е гг. / Н. Ф. Бугай // Приволжский научный вестник. – 2015. – № 7 (47). – С. 46–65.

2.24. *Бугай, Н. Ф.* Цыгане России: общество, адаптация, консенсус (1900–2010) / Н. Ф. Бугай. – М.: Кучково поле, 2012. – 352 с.

2.25. *Бугай, Н. Ф.* Народы и власть: «социалистический эксперимент» (20-е годы) / Н. Ф. Бугай, Д. Х. Мекулов. – Майкоп: АРИГИ, 2002. – 235 с.

2.26. *Бударин, М. Е.* Прошлое и настоящее народов Северо-Западной Сибири / М. Е. Бударин. – Омск: Омское обл. гос. изд-во, 1952. – 188 с.

2.27. *Бударин, М. Е.* Путь малых народов Крайнего Севера к коммунизму / М. Е. Бударин. – Омск: Западносибирское кн. изд-во, 1968. – 475 с.

2.28. *Бурмистрова, Т. Ю.* Зерна и плевелы: национальная политика в СССР. 1917–1984 / Т. Ю. Бурмистрова. – СПб.: [Б. и.], 1993. – 163 с.

2.29. *Бурмистрова, Т. Ю.* Национальная политика КПСС: очерк историографии / Т. Ю. Бурмистрова. – М.: Политиздат, 1981. – 255 с.

2.30. *Брубейкер, Р.* Этничность без групп / пер. с англ. И. Борисовой; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 408 с.

2.31. *Вайман, Д. И.* Болгары Пермского края в период «Большого террора»: «Добрянская папка» / Д. И. Вайман // Вестник Пермского федерального исследовательского центра УрО РАН. – 2021. – № 4. – С. 82–95.

2.32. *Вайман, Д. И.* Немцы Перми: история и культура / Д. И. Вайман. – СПб., 2015. – 64 с.

2.33. *Вайман, Д. И.* Немецкие хутора Прикамья: история и традиционная культура (XX – начало XXI в.) / Д. И. Вайман, А. В. Черных. – СПб.: Маматов, 2008. – 224 с.

2.34. *Варшавер, Е. А.* «Перестать пинать мертвую лошадь примордиализма»: актуальные повестки дня в конструктивистских исследованиях этничности / Е. А. Варшавер // Социологическое обозрение. – 2022. – Т. 21. – № 3. – С. 31–58.

2.35. *Вдовин, А. И.* Русские в XX веке. Трагедии и триумфы великого народа / А. И. Вдовин. – М.: Вече, 2013. – 624 с.

2.36. *Вдовин, А. И.* Эволюция национальной политики СССР, 1917–1941 гг. / А. И. Вдовин // Вестн. Моск. унта. Сер. 8. История. – 2002. – № 3. – С. 3–54.

2.37. *Вдовин, А. И.* Русский народ в национальной политике. XX век / А. И. Вдовин, В. И. Зорин, А. В. Никонов. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 1998. – 448 с.

2.38. *Верняев, И. И.* Очерки истории этноконфессиональной политики в России / И. И. Верняев. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2017. – 640 с.

2.39. *Верт, Н.* История советского государства. 1900–1991: пер. с фр. / Н. Верт. – М.: Прогресс, 1992. – 480 с.

2.40. *Вилесов, Ф. М.* Механизаторские кадры в коми-пермяцкой деревне / Ф. М. Вилесов // Наш край. – 1967. – Вып. 2. – С. 82–92.

2.41. *Геллнер, Э.* Нации и национализм / Э. Геллнер; пер. с англ. И. И. Крупника. – М.: Прогресс, 1991. – 320 с.

2.42. *Генкель, А. Г.* Пермь и область Коми: По вопросу о претензии области народа Коми на 19 волостей Пермской губернии с пермяцким населением / А. Г. Генкель // Экономика. – 1923. – № 6. – С. 57–59.

2.43. *Генкина, Э. Б.* Образование СССР / Э. Б. Генкина. – М.: Госполитиздат, 1948. – 180 с.

2.44. *Главацкая, Е. М.* Уральская экспедиция на Обдорском Севере: приполярная перепись 1926–1927 гг. / Е. М. Главацкая // История Ямала: дискуссии и научные решения. – Салехард; Екатеринбург: БКИ, 2006. – С. 156–170.

2.45. *Гладышев, В.* Перми старинное зерцало. История Перми в зеркале некрополя / В. Гладышев. – Пермь: Раритет, 2001. – 175 с.

2.46. *Головнёв, А. В.* Кочевники тундры: ненцы и их фольклор / А. В. Головнёв. Екатеринбург: УрО РАН, 2004. – 344 с.

2.47. *Головнёв, А. В.* Народы и границы на Севере Евразии / А. В. Головнёв // Археология, этнография и антропология Евразии. – 2012. – № 1. – С. 123–134.

2.48. *Головнёв, А. В.* Тобольский Комитет Севера: жаркое лето 1926 года / А. В. Головнёв // Тобольский архив: прошлое, настоящее и будущее Тюменского края. Материалы научной конференции, посвященной 75-летию Тобольского архива. Сб. трудов. Тобольск, 1994. – С. 57–62.

2.49. *Головнёв, А. В.* Феномен колонизации / А. В. Головнёв. – Екатеринбург: УрО РАН, 2015. – 592 с.

2.50. *Головнёв, А. В.* Этничность: устойчивость и изменчивость (опыт Севера) / А. В. Головнёв // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 2. – С. 3–13.

2.51. *Головнёв, А. В.* Этнография в российской академической традиции / А. В. Головнёв // Этнография. – 2018. – № 1. – С. 6–39.

2.52. *Гранде, Б.* Список народностей СССР / Б. Гранде // Революция и национальности. – 1936. – № 4. – С. 74–85.

2.53. *Губогло, М. Н.* Принудительный лингвицизм: социолингвистические очерки об этнополитической ситуации в СССР в 1920–1930-е годы / М. Н. Губогло, Ф. Г. Сафин. – М.: ЦИМО, 2000. – 316 с.

2.54. *Гурьев, Н. А.* Национальные меньшинства Урала / Н. А. Гурьев. – М.: Работник просвещения, 1930. – 76 с.

2.55. *Густерин, П. В.* Политика Советского государства на мусульманском Востоке в 1917–1921 гг. / П. В. Густерин // Вопросы истории. – 2010. – № 1. – С. 92–93.

2.56. *Деметер, Н.* История цыган – новый взгляд / Н. Деметер, Н. Бессонов, В. Кутенков. – Воронеж: ИПФ «Воронеж», 2000. – 334 с.

2.57. *Джантеева, Д. С.* Нациестроительство на Северном Кавказе: коммуникативное измерение / Д. С. Джантеева // Вестник российской нации. – 2018. – № 1 (59). – С. 107–119.

2.58. *Дробижева, Л. М.* Духовная общность народов СССР (ист.-социол. очерк межнац. отношений) / Л. М. Дробижева. – М.: Мысль, 1981. – 263 с.

2.59. *Дроздов, К. С.* Политика украинизации в Центральном Черноземье, 1923–1933 гг. / К. С. Дроздов; Институт российской истории Российской академии наук. – М.: Институт российской истории РАН: Центр гуманитарных инициатив, 2016. – 487 с.

2.60. *Ерасов, Б. С.* Сравнительное изучение цивилизаций: Хрестоматия: Учеб. пособие для студентов вузов. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 560 с. – Текст: непосредственный.

2.61. *Зингер, Л.* К вопросу о социально-производственной характеристике народностей в переписи населения / Л. Зингер // Революция и национальности. – 1936. – № 4. – С. 72–74.

2.62. *Зорин, В. Ю.* Национальная политика российского государства в XX – начале XXI века: учеб. пособие для бакалавриата и магистратуры / В. Ю. Зорин. – М.: Юрайт, 2018. – 251 с.

2.63. *Зорин, В. Ю.* Современные проблемы и перспективные векторы реализации «Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года» / В. Ю. Зорин // Вопросы культурологии. – 2016. – № 7. – С. 10–18.

2.64. *Зорин, В. Ю.* Российская Федерация: проблемы формирования этнокультурной политики / В. Ю. Зорин. – М.: Информационно-издательское агентство «Русский мир», 2002. – 64 с.

2.65. *Зубов, Ю. П.* Торжество ленинской национальной политики / Ю. П. Зубов // Наш край. – 1986. – С. 6–14.

2.66. *Зубков, К. И., Побережников, И. В., Шумкин, Г. Н.* «Волны» колонизационной активности в процессе освоения восточных регионов России (XVI – начало XX в.) / К. И. Зубков, И. В. Побережников, Г. Н. Шумкин // Исторический курьер. – 2019. – № 6. – С. 157–170.

2.67. *Зубарян, О.* История еврейского образования в Перми / О. Зубарян // Этническая культура и современная школа: материалы областной научно-практической конференции, 27–28 апреля 2006 г. – Пермь, 2007. – С. 24–25.

2.68. *Иващенко, В. И.* Цыганские судьбы. История, труд, этнография / В. И. Иващенко. – Ростов-на-Дону: Дониздат, 2011. – 196 с.

2.69. Интернационалисты. Трудящиеся зарубежных стран – участники борьбы за власть Советов на Юге и Востоке Республики: сб. статей / отв. ред. А. Я. Манусевич. – М.: Наука, 1971. – 286 с.

2.70. *Истер, Дж.* Советское государственное строительство. Система личных связей и самоидентификация элиты в Советской России / Дж. Истер. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2010. – 255 с.

2.71. История Коми АССР / ред. И. Б. Бехрин. – Сыктывкар: Коми книжное издательство, 1981. – 480 с.

2.72. История Коми с древнейших времен до современности. Том 2. – Сыктывкар: ООО «Анбур», 2011. – 688 с.

2.73. История национально-государственного строительства в СССР 1917–1978: в 2 т. / ред. В. П. Шерстобитов. Том 1. Национально-государственное строительство в СССР в переходный период от капитализма к социализму (1917–1936 гг.). – М.: Мысль, 1979. – 422 с.

2.74. История Урала в период капитализма. – М.: Наука, 1990. – 504 с.

2.75. История Урала с древнейших времен до наших дней / под общ. ред. И. С. Ожеговой, Н. Н. Попова. – Екатеринбург: Сократ, 2006. – 496 с.

2.76. *Истягин, В. Р.* Реализация государственной переселенческой политики в Северо-Кавказском крае в начальный период коллективизации: переселение цыган, корейцев, ассирийцев / В. Р. Истягин // Гуманитарные и юридические исследования. – 2015. – № 4. – С. 60–66.

2.77. *Кабацков, А. Н.* «Пишите то, что я приказываю». Особенности массовой репрессивной операции по приказу 0047 в г. Краснокамске / А. Н. Кабацков, И. Ю. Федотова // Вестник архивиста. – 2010. – № 4. – С. 161–174.

2.78. *Каджая, В.* Кантонисты: «Архипелаг» для еврейских детей / В. Каджая. – Текст: электронный // Кантонисты – страницы трагедии. URL: http://jhist.org/russ/kanton_00.htm (дата обращения: 21.02.2025).

2.79. *Кадио, Ж.* Лаборатория империи: Россия / СССР, 1860–1940 / Ж. Кадио; пер. с фр. Э. Кустовой. – М.: Новое литературное обозрение, 2010. – 336 с.

2.80. *Калинина, К. В.* Национальные отношения в СССР: история и современность / К. В. Калинина. – М.: АОН, 1991. – 184 с.

2.81. *Калтахчан, С. Т.* Ленинизм о сущности нации и пути образования интернациональной общности людей / С. Т. Калтахчан. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1969. – 461 с.

2.82. *Каменских, М. С., Черных, А. В., Вайман, Д. И.* Верхнекамские коми-пермяки: в поисках идентичности / М. С. Каменских, А. В. Черных, Д. И. Вайман // Этнография. – 2024. – № 4. – С. 140–161.

2.83. *Каменских, М. С.* Дискуссии о создании Пермяцкого края в политике Пермского губкома ВКП (б) и пермяцких общественных активистов в 1921–1922 годах / М. С. Каменских // Финно-угорский мир в культуре России: сборник материалов Международного форума к 100-летию государственной архивной службы России (18–19 апреля 2018 г., г. Кудымкар, Пермский край). – Часть 1. – Кудымкар, 2018. – С. 34–42.

2.84. *Каменских, М. С.* Каким мог быть и почему не был создан цыганский национальный район в Поволжье в 1930-е гг. / М. С. Каменских // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2024. – Т. 23. – № 3. – С. 322–334.

2.85. *Каменских, М. С.* Китайцы на Среднем Урале в конце XIX – начале XXI века / М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2011. – 351 с.

2.86. *Каменских, М. С.* Коллективизация и национальная политика конца 1920-х годов в немецкой деревне (на материалах Троицкого округа Уральской области) / М. С. Каменских // Архив в социуме – социум в архиве. Материалы второй региональной научно-практической конференции. – Челябинск, 2019. – С. 91–94.

2.87. *Каменских, М. С.* Корейцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2014. – 192 с.

2.88. *Каменских, М. С.* Национальная политика в Прикамье в 1918–1939 гг.: региональный аспект / М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2019. – 224 с.

2.89. *Каменских, М. С.* Первый национальный: коми-пермяки в национальной политике России в XX – начале XXI века / М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2021. – 312 с.

2.90. *Каменских, М. С.* Советская национальная политика в 1920–1930-е гг. в современной отечественной и зарубежной историографии: основные тенденции // Вестник Пермского университета. Серия «История». – 2020. – № 2. – С. 57–66.

2.91. *Каменских, М. С.* Факторы этничности при территориальном размежевании Уральской области и Башкирской Республики в 1920-е годы / М. С. Каменских // Вестник Пермского университета. – 2022. – № 3 (58). – С. 48–57.

2.92. *Каппелер, А.* Россия – многонациональная империя: возникновение, история, распад / А. Каппелер. – М.: Прогресс-Традиция, 2000. – 344 с.

2.93. *Квашнин, Ю. Н.* Самоеды-юраки: проблемы этнической идентификации / Ю. Н. Квашнин // Арктика и Север. – 2021. – № 44. – С. 250–266.

2.94. *Килин, А. П.* Политика перевода цыган на оседлый образ жизни: проблемы реализации (1926–1937) / А. П. Килин // Документ. Архив. История. Современность. – Екатеринбург, 2005. – Вып. 5. – С. 187–226.

2.95. *Килин, А. П.* Создание цыганских колхозов на Урале: Интересы сторон / А. П. Килин // Четвертые Татищевские чтения. Природа, быт и культура Урала: материалы конференции. – Екатеринбург: [Б. и.], 2002. – С. 261–264.

2.96. *Кодин, Е. В., Кобец, О. В.* Белорусизация на смоленщине, 1920-е годы: монография / Е. В. Кодин, О. В. Кобец. – Смоленск: Изд-во СмолГУ, 2021. – 165 с.

2.97. *Козлов, В. И.* Национальности в СССР: этнодемографический обзор / В. И. Козлов. – М.: Финансы и статистика, 1982. – 303 с.

2.98. Коми-Пермяцкий национальный округ: Страницы истории: пособие для учащихся средних школ. – Кудымкар: Пермское книжное издательство. Коми-Пермяцкое отделение, 1988. – 149 с.

2.99. Коми-Пермяцкий округ: век XX / сост. Ю. П. Зубов. – Пермь: Горт, 2001. – 247 с.

2.100. *Коньшин, А. Е.* История коми-пермяцкого народа 1917–1940 гг.: учебное пособие / А. Е. Коньшин. – Кудымкар: Филиал Удмуртского государственного университета в г. Кудымкаре, 2004. – 344 с.

2.101. *Коньшин, А. Е.* Коми-пермяки / А. Е. Коньшин. – Кудымкар: Алекс-принт, 2008. – 250 с.

2.102. *Коржихина, Т. П.* Советское государство и его учреждения: начало 1917 – декабрь 1991 г. / Т. П. Коржихина. – М.: РГГУ, 1994. – 418 с.

2.103. *Корнилов, Г. Е.* Национальный состав населения Урала в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Историко-культурное наследие славян на Южном Урале. – Оренбург, 1998. – С. 42–45.

2.104. *Корнилов, Г. Е.* Этническая структура населения Урала в первой половине XX века / Г. Е. Корнилов // Каменный пояс на пороге III тысячелетия: материалы региональной научно-практической конформации / Российская академия наук, Уральское отделение, Институт истории и археологии [и др.]. – Екатеринбург: Банк культурной информации, 1997. – С. 129–135.

2.105. *Корсак, А. В.* Судьбы национальных меньшинств на Смоленщине 1918–1938 гг.: документы и материалы / А. В. Корсак, Г. Н. Мозгунова, Н. М. Левитин. – Смоленск: Смоленский государственный педагогический ин-т, 1994. – 317 с.

2.106. *Корчагин, П. А.* Губернская столица Пермь / П. А. Корчагин. – Пермь: Книжный мир, 2006. – 317 с.

2.107. *Красовицкая, Т. Ю.* Власть и культура. Исторический опыт организации государственного руководства национально-культурным строительством в РСФСР. 1917–1925 гг. / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Наука, 1992. – 298 с.

2.108. *Красовицкая, Т. Ю.* Модернизация России: национально-культурная политика 20-х гг. / Т. Ю. Красовицкая. – М.: ИРИ, 1998. – 414 с.

2.109. *Красовицкая, Т. Ю.* Национальные элиты как социокультурный феномен советской государственности (октябрь 1917 – 1923 г.): документы и материалы / Т. Ю. Красовицкая. – М.: Ин-т российской истории РАН, 2007. – 446 с.

2.110. *Красовицкая, Т. Ю.* Организация научной базы национально-культурной политики в РСФСР (1917–1927 гг.) / Т. Ю. Красовицкая // Великий октябрь и опыт культурного строительства в СССР. – М.: Наука, 1987. – С. 44–58.

2.111. *Кривощеков, А. М.* Школа на новом этапе / А. М. Кривощеков // Наш край. – 1986. – № 6. – С. 69–74.

2.112. *Курманов, Н. Н.* III Всероссийское совещание работников среди национальных меньшинств / Н. Н. Курманов // Революция и национальности. – 1934. – № 4. – С. 80–86.

2.113. *Лазерсон, М. Я.* Национальность и государственный строй / М. Я. Лазерсон. – Петроград: Книга, 1918. – 187 с.

2.114. *Лаллукка, С.* Коми-пермяки и Коми-Пермяцкий округ. История, демографические и этнические процессы / С. Лаллукка. – СПб.: Европейский дом, 2010. – 336 с.

2.115. *Лебедев, Ф.* Народность и грамотность населения Уральской области по переписи 1926 года / Ф. Лебедев // Хозяйство Урала. – 1928. – № 1. – С. 160–167.

2.116. *Лейбович, О. Л.* «Включен в операцию». Массовый террор в Прикамье в 1937–1938 гг. / О. Л. Лейбович. – М.: Росспэн, 2009. – 430 с.

2.117. *Леонов, Н. И.* Туземные школы на севере / Н. И. Леонов // Советский Север. Сборник статей. – М.: КСНСО при Пред. ВЦИК, 1929. – С. 258–272.

2.118. Ленинизм и национальный вопрос в современных условиях / под ред. П. Н. Федосеева. – М.: Политиздат, 1972. – 566 с.

2.119. *Лубны-Герцык, Л. И.* Движение населения на территории СССР за время мировой войны и революции / Л. И. Лубны-Герцык. – М.: Плановое хозяйство, 1926. – 124 с.

2.120. *Ма, Фэншу, Го Фэнли.* К переосмыслению национальной политики СССР / Ма Фэншу, Го Фэнли // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. – 2023. – Т. 10. – № 4. – С. 487–502.

2.121. *Макарова, Г. П.* Народный комиссариат по делам национальностей 1917–1923 гг. Исторический очерк / Г. П. Макарова. – М.: Наука, 1987. – 172 с.

2.122. *Мартин, Т.* Империя «положительной деятельности». Нации и национализм в СССР, 1923–1939 / Т. Мартин. – М.: РОССПЭН, 2011. – 664 с.

2.123. *Мастюгина, Т. М.* Национальная политика в России: XVI – начало XXI века: учебное пособие / Т. М. Мастюгина, Л. С. Перепелкин, В. Г. Стельмах. – М.: Форум, 2013. – 304 с.

2.124. *Минц, Л. Е.* Аграрное перенаселение и рынок труда СССР. – М.–Л.: Гос. изд-во, 1929. – 470 с.

2.125. *Молощенков, А. Н.* Миграция украинского населения на южный Урал в первой четверти XX века / А. Н. Молощенков // Вестник Челябинского государственного университета. – 2009. – № 23 (161). – С. 26–32.

2.126. *Мотревич, В.* По своей и царской воле: Еврейская община на Урале / В. Мотревич // Родина. – 2002. – № 4/5. – С. 122–123.

2.127. *Муравьев, Г.* Десятилетие Коми автономной области / Г. Муравьев // Революция и национальности. – 1931. – № 3. – С. 42–43.

2.128. *Мусинова, И. А.* Советская национальная политика в 1920-е гг. на примере деятельности «Корейского национального союза» и «Союза корейских рабочих» г. Свердловска / И. А. Мусинова, Лим Сонгдже // Уральское востоковедение: международный альманах. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. – Вып. 7. – С. 59–63.

2.129. Народы Пермского края. Истоки. Становление. Развитие: научно-популярная энциклопедия / колл. авт. – Пермь: От и До, 2010. – 140 с.

2.130. Народы Пермского края: история и этнография. Том 2 / Д. И. Вайман, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин; науч. ред. А. В. Черных. – Пермь: Пушка, 2014. – 424 с.

2.131. Народы Пермского края: этническая история и современное этнокультурное развитие: словарь-справочник. – СПб.: Маматов, 2014. – 415 с.

2.132. Национальная политика КПСС: очерк историографии / Т. Ю. Бурмистрова, Е. А. Зайцева, И. З. Захарова, Е. И. Шурыгина – М.: Политиздат, 1981. – 256 с.

2.133. Национальная политика России: история и современность. – М.: Русский мир, 1997. – 678 с.

2.134. Национальная политика России: история и современность: монография / Н. А. Ткачёва, В. В. Шалин; Министерство образования и науки Российской Федерации, Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования Тюменский индустриальный университет. – Тюмень: ТИУ, 2018. – 166 с.

2.135. Национальный вопрос и советская Россия. – М.: Народный комиссариат по делам национальностей, 1921. – 91 с.

2.136. *Ненароков, А. П.* К единству равных: культурные факторы объединительного движения советских народов. 1917–1924 / А. П. Ненароков. – М.: Наука, 1991. – 272 с. – Текст: непосредственный.

2.137. Новая имперская история постсоветского пространства: сборник статей / под ред. И. В. Герасимова, С. В. Глебова, А. П. Каплуновского [и др.]. – Казань: Центр исследования Национализма и Империй, 2004. – 652 с.

2.138. Основные направления изучения национальных отношений в СССР / отв. ред. М. И. Куличенко. – М.: Наука, 1979. – 319 с.

2.139. Осуществление ленинской национальной политики у народов Крайнего Севера: сборник статей. – М.: Наука, 1971. – 344 с.

2.140. Осуществление принципов интернационализма в национальной политике КПСС / отв. ред. И. И. Грошев. – М.: Мысль, 1975. – 342 с.

2.141. *Пайпс, Р.* Русская революция. Книга 3. Россия под большевиками 1918–1924 гг. / Р. Пайпс, пер. М. Тименчик. – М.: Захаров, 2005. – 704 с.

2.142. *Пентковская, В. В.* Роль В. И. Ленина в образовании СССР / В. В. Пентковская // Вопросы истории. – 1956. – № 3. – С. 13–24.

2.143. *Перевалова, Е. В.* Обские угры и ненцы Западной Сибири: этничность и власть / Е. В. Перевалова. – СПб.: МАЭ РАН, 2019. – 350 с.

2.144. *Песикина, П. И.* Народный комиссариат по делам национальностей и его деятельность 1917–1918 гг. / П. И. Песикина. – М.: Академия общественных наук при ЦК ВКП (б), 1950. – 154 с.

2.145. *Платунов, Н. И.* Переселенческая политика советского государства и ее осуществление в СССР (1917 – июнь 1941 г.) / Н. И. Платунов. – Томск: Изд-во Том. ун-та, 1976. – 283 с.

2.146. *Побережников, И. В.* Модернизация: теоретико-методологические подходы / И. В. Побережников // Экономическая история. Обозрение / под ред. Л. И. Бородкина. Вып. 8. – М., 2002. – С. 146–168.

2.147. *Побережников, И. В.* Переход от традиционного к индустриальному обществу: теоретико-методологические проблемы модернизации. – М.: РОССПЭН, 2006. – 240 с.

2.148. *Побережников, И. В.* Теории модернизации / И. В. Побережников // Теория и методология истории. Волгоград: Учитель, 2014. – С. 134–144.

2.149. *Побережников, И. В., Зубков, К. И.* Восточный фронтир русской колонизации в контексте модернизационной динамики / И. В. Побережников, К. И. Зубков // Евразийский ежегодник. 2023. – С. 134–144.

2.150. Политика Советского государства по национальным делам за три года (1917–1920). – М.: Госиздат, 1920. – 185 с

2.151. *Поляков, Ю. А.* Советская страна после окончания гражданской войны. Территория и население / Ю. А. Поляков. – М.: Наука, 1986. – 270 с.

2.152. *Пономарев, С. И.* Проблема автономии коми-пермяцкого народа и ее разрешение / С. И. Пономарев // Наш край: сб. статей. – Кудымкар, 1970. – Вып. 4. – С. 34–46.

2.153. *Пономарев, С. И.* Создание национальной государственности коми-пермяцкого народа и ее роль в социалистических преобразованиях края / С. И. Пономарев // Труды Московского историко-архивного института. – 1970. – Том 28. – С. 420–437.

2.154. *Пономаренко, М. В.* Ислам в религиозной политике советской власти в первой трети XX века (на материалах Западной Сибири) / М. В. Пономаренко // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2008. – № 20. – С. 330–333.

2.155. *Попов, Н. А.* Китайские пролетарии в гражданской войне / Н. А. Попов // Китайские добровольцы в боях за Советскую Россию (1918–1922). – М.: Изд-во восточной литературы, 1961. – С. 4–34.

2.156. *Прокофьева, Е. А.* Национально-государственное строительство в Поволжье XX века (политико-правовой аспект) / Е. А. Прокофьева, Т. А. Левченкова, М. М. Симонова // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. – 2018. – № 2 (42). – С. 59–65.

2.157. *Прощенок, Т. В.* Еврейское население среднего Урала в XIX – начале XX в. / Т. В. Прощенок // Первые Татищевские чтения: тезисы докладов и сообщений, Екатеринбург, 14–15 ноября 1997 г. – Екатеринбург: Институт истории и археологии УрО РАН; Уральский государственный университет им. А. М. Горького, 1997. – С. 196–199.

2.158. *Псянчин, А. В.* Комиссия по изучению племенного состава населения: от этнографии к переписи населения / А. В. Псянчин. – Уфа: Гилем, 2010. – 44 с.

2.159. *Пунегова, Г. В.* Графическая система национального алфавита: из истории коми графики / Г. В. Пунегова // Филологические науки. Вопросы теории и практики. – 2014. – № 10-2 (40). – С. 148–150.

2.160. *Пушкарева, Н. Л.* Предмет и методы изучения «истории повседневности» / Н. Л. Пушкарева // Этнографическое обозрение. – 2004. – № 5. – С. 8.

2.161. *Рамазанова, Д. Ш.* О политическом конструировании советских национальностей и народностей Дагестана (по материалам архивных исследований) / Д. Ш. Рамазанова // Этнографическое обозрение. – 2016. – № 5. – С. 150–166.

2.162. *Рахмаев, А.* Культурные достижения национальностей за 15 лет / А. Рахмаев // Революция и национальности. – 1932. – № 4. – С. 96–99.

2.163. *Родневич, Б.* Коренизация аппарата в автономиях и районах нацменьшинств РСФСР / Б. Родневич // Революция и национальности. – 1930. – № 2. – С. 12–21.

2.164. *Рыхлевский, К. С.* Национальная книга в СССР за 15 лет / К. С. Рыхлевский // Революция и национальности. – 1932. – № 2. – С. 84–95.

2.165. *Сайфутдинова, Г. Б.* Особенности трансформации алфавита в СССР (на материалах Республики Татарстан) / Г. Б. Сайфутдинова, А. Б. Менеш, А. А. Шаронова // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. – 2015. – № 1. – С. 317–319.

2.166. *Сим Хон Ёнг.* К истории корейских общественных организаций в России в первой четверти XX века. Перепись населения 1926 года / Сим Хон Ёнг. – Текст: электронный // Lib.ru. URL: http://world.lib.ru/k/kim_o_i/a13-1.shtml (дата обращения: 24.02.2024).

2.167. *Смидович, П. Г.* На четвертом году / П. Г. Смидович // Советский Север. Сборник статей. – М.: КСНСО при Пред. ВЦИК, 1929. – С. 258–272.

2.168. Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: Материалы VI международной научной конференции. Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Политическая энциклопедия; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2014. – 686 с.

2.169. Совещание по трудоустройству и культурно-бытовому обслуживанию цыган. – Текст: непосредственный // Революция и национальности. – 1936. – № 2. – С. 61–72.

2.170. *Соскин, В. Л.* Национально-культурная политика и практика ее реализации в Сибирском регионе в первой трети XX века / В. Л. Соскин; отв. ред. С. А. Красильников. – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2005. – 350 с.

2.171. Состав комитета нового алфавита // Революция и национальности. – 1936. – № 6. – С. 25–38.

2.172. Сталинизм в советской провинции: 1937–1938 гг. Массовая операция на основе приказа № 00447 / сост.: М. Юнге, Б. Бонвеч, Р. Биннер. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН); Германский исторический институт в Москве, 2009. – 927 с.

2.173. Судьбы народов Обь-Иртышского Севера (из истории национально-государственного строительства. 1822–1941 гг.: Сб. док. / сост.: Н. Д. Радченко, М. А. Смирнова. – Тюмень: [Б. и.], 1994. – 318 с.

2.174. *Суни, Р. Г.* Советское и национальное: единство противоречий / Р. Г. Суни // Советские нации и национальная политика в 1920–1950-е годы: материалы VI Междунар. науч. конф., Киев, 10–12 октября 2013 г. – М.: Полит. энциклопедия, 2014. – С. 17–41.

2.175. Теория и методология истории: учебник для вузов. – Волгоград, 2014. – 315 с.

2.176. *Тёрнер, Ф. Дж.* Фронтир в американской истории / Ф. Дж. Тёрнер. – М., 2009. – 303 с.

2.177. *Тишков, В. А.* Антропология российских трансформаций / В. А. Тишков // Этнографическое обозрение. – 2000. – № 2. – С. 3–18.

2.178. *Тишков, В. А.* Национальная идея России / В. А. Тишков. – М.: АСТ. – 416 с.

2.179. *Тишков, В. А.* От общественного восприятия – к общественному сознанию / В. А. Тишков // Новые этнические группы в России. Пути гражданской интеграции. – М.: ФГНУ «Росинформагротех», 2009. – 432 с.

2.180. *Тишков, В. А.* Этничность, национализм и государство в посткоммунистическом обществе / В. А. Тишков // Вопросы социологии. – 1993. – № 1. – С. 3–38.

2.181. *Тишков, В. А.* Очерки теории и политики этничности в России / В. А. Тишков. – М.: Русский мир, 1997. – 530 с.

2.182. *Тишков, В. А.* Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии / В. А. Тишков. – М.: Наука, 2003. – 544 с.

2.183. Торжество ленинской национальной политики, научная сессия: тезисы докладов и сообщений. – Чебоксары: Отделение истории АН СССР. Науч.-исслед. ин-т при Совете Министров Чуваш. АССР, 1970. – 123 с.

2.184. *Трайнин, И. П.* СССР и национальная проблема (по национальным республикам и областям Советского Союза) / И. П. Трайнин. – М.: Красная новь, 1924. – 224 с.

2.185. Урал в панораме XX века. – Екатеринбург: СВ-96, 2000. – 496 с.

2.186. Урал после районирования. – Свердловск: Изд-во Уралсовета, 1926. – 149 с.

2.187. *Фиельструп, Ф. А.* Этнический состав населения Приуралья / Ф. А. Фиельструп. – Л.: Издательство АН СССР, 1926. – 42 с.

2.188. *Филиппов, Р. В.* Советская теория этноса: историографический очерк / Р. В. Филиппов. – М.: Институт Африки РАН, 2010. – 185 с.

2.189. Финно-угорские народы России: генезис и развитие: учеб. пособие / под ред. В. А. Юрченкова. – Саранск: АФУН РФ, НИИГН при Правительстве РМ, 2011. – 224 с.

2.190. *Фицпатрик, Ш.* Повседневный сталинизм. Социальная история Советской России в 30-е годы / Ш. Фицпатрик. – М.: РОССПЭН, 2008. – 336 с.

2.191. *Хайдаров, Ш., Черных, А. В.* Таджики Перми: история и культура / Ш. Хайдаров, А. В. Черных. – СПб.: Маматов, 2017. – 64 с.

2.192. *Хасанкаев, С.* Национальная политика Октября и просвещение нацмен / С. Хасанкаев // Просвещение на Урале. – 1927. – № 2. – С. 10.

2.193. *Хобсбаум, Э.* Нации и национализм после 1780 года / Э. Хобсбаум. – СПб.: Алетейя, 1998. – 308 с.

2.194. *Хобсбаум, Э.* Национализм и этничность / Э. Хобсбаум // Национализм. (Взгляд из-за рубежа). – М.: Российская академия государственной службы при Президенте РФ. Информационно-аналитический центр, научно-информационный отдел, 1995. – С. 79–92.

2.195. *Хоскинг, Д.* Правители и жертвы. Русские в Советском Союзе / Д. Хоскинг; пер. с англ. В. Артемова. – М.: Новое литературное обозрение, 2012. – 544 с.

2.196. Цыгане / отв. ред. Н. Г. Деметер, А. В. Черных. – М.: Наука, 2018. – 614 с.

2.197. *Чагин, Г. Н.* Манси Северного Урала: хозяйство, мировоззрение, связи с другими народами в первой трети XX века / Г. Н. Чагин // Вестник Пермского университета. История. – 2012. – Вып. 1 (18). – С. 144–150.

2.198. *Чагин, Г. Н.* Самоопределение уральских марийцев на рубеже 1910-х – 1920-х гг. как пример решения национально-государственного строительства в регионах / Г. Н. Чагин // Российская государственность: Ист. динамика: материалы Всеросс. науч.-практ. конф. – Ижевск, 2001. – С. 238–242.

2.199. *Чагин, Г. Н.* Коми-язьвинцы Пермского края / Г. Н. Чагин. – Пермь: Типография купца Тарасова, 2012. – 75 с.

2.200. *Чагин, Г. Н.* Пермский край на перекрестках истории и культуры / Г. Н. Чагин. – Пермь: Прикамский социальный институт, 2010. – 229 с.

2.201. *Чагин, Г. Н.* Этнокультурная история Среднего Урала в конце XVI – первой половине XIX в. / Г. Н. Чагин. – Пермь: Пермский государственный университет. – 364 с.

2.202. *Чагин, Г. Н.* Народы Прикамья: очерки этнокультурного развития в XIX–XX вв. / Г. Н. Чагин, А. В. Черных. – Пермь: Типография купца Тарасова, 2002. – 303 с.

2.203. *Чеботарева, В. Г.* Национальная политика Российской Федерации. 1925–1938 гг. / В. Г. Чеботарева. – М.: ГУ «Московский дом национальностей», 2008. – 832 с.

2.204. *Чеботарева, В. Г.* Наркомнац РСФСР: свет и тени национальной политики 1917–1924 гг. / В. Г. Чеботарева. – М.: Общественная академия наук российских немцев, 2003. – 852 с.

2.205. *Черных, А. В., Голева, Т. Г., Каменских, М. С., Шевырин, С. А.* Белорусы в Пермском крае / А. В. Черных, Т. Г. Голева, М. С. Каменских, С. А. Шевырин. – СПб.: Маматов, 2013. – 288 с.

2.206. *Черных, А. В.* От пермяков и коми к коми-пермякам / А. В. Черных // Вестник Пермского университета. История. – 2025. – № 2. – С. 159–173.

2.207. *Черных, А. В.* Народы Пермского края. История и этнография / А. В. Черных. – Пермь: Пушка, 2007. – 296 с.

2.208. *Черных, А. В.* Пермские цыгане / А. В. Черных // Цыгане России. URL: http://gypsy-life.net/history35.htm (дата обращения: 25.10.2017).

2.209. *Черных, А. В., Голева, Т. Г.* Коми-пермяки Перми: история и культура / А. В. Черных, Т. Г. Голева. – СПб.: Маматов, 2016. – 64 с.

2.210. *Черных, А. В., Голева, Т. Г., Шевырин, С. А.* Эстонцы в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, С. А. Шевырин. – СПб.: Маматов, 2010. – 244 с.

2.211. *Черных, А. В.* Марийцы Пермского края: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, Т. Г. Голева, Р. И. Щукина. – Пермь: От и До, 2014. – 530 с.

2.212. *Черных, А. В.* Народы Перми: история и культура: исследовательский и издательский проект / А. В. Черных, М. С. Каменских // Вестник Пермского научного центра УрО РАН. – 2018. – № 2. – С. 68–75.

2.213. *Черных, А. В.* Цыгане Урала в национальной и экономической политике Советского государства 1920–1930-х гг. / А. В. Черных, М. С. Каменских // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2020. – Том 19. – № 4. – С. 851–868.

2.214. *Черных, А. В., Каменских, М. С.* Чуваши в Пермском крае: очерки истории и этнографии / А. В. Черных, М. С. Каменских. – СПб.: Маматов, 2014. – 240 с.

2.215. *Черных, А. В.* Поляки Перми: история и культура / А. В. Черных. – СПб.: Маматов, 2017. – 65 с.

2.216. *Чешко, С. В.* Распад СССР: этнополитический анализ / С. В. Чешко. – 2-е изд. – М.: ИЭА РАН, 2000. – 398 с.

2.217. *Чугаев, Д. А.* Образование Союза ССР (Историографический обзор) / Д. А. Чугаев // Вопросы истории КПСС. – 1962. – № 6. – С. 173–182.

2.218. *Чугаев, М. А.* К вопросу об образовании Коми-Пермяцкого национального округа / М. А. Чугаев // Ученые записки Пермского университета. – 1965. – № 133. – С. 115–125.

2.219. *Чугаев, М. А.* Первый коми-пермяцкий окружной съезд советов / М. А. Чугаев // Наш край. – 1966. – № 2. – С. 21–25.

2.220. *Шайдуров, В. Н.* Цыгане СССР и землеустройство во второй половине 1920-х годов / В. Н. Шайдуров // Вызов в повседневной жизни населения России: история и современность: Материалы международной научной конференции. – СПб.: Ленинградский государственный университет имени А. С. Пушкина, 2021. – С. 289–293.

2.221. *Шакино, И. М.* Об участии интернациональных отрядов в Гражданской войне на Урале / И. М. Шакино // Труды Свердловского областного краеведческого музея. – 1962. – № 2. – С. 3–15.

2.222. *Шаститко, П. М.* Обреченные догмы: Большевики и национальный вопрос / П. М. Шаститко; ред. Л. А. Рощина; РАН, Ин-т востоковедения. – М.: Вост. лит., 2002. – 272 с.

2.223. *Шерстобитов, В. П.* Советский народ – монолитная общность строителей коммунизма / В. П. Шерстобитов. – М.: Мысль, 1976. – 183 с.

2.224. Шесть лет национальной политики советской власти и Наркомнац (Вместо отчета). – М.: Издание Отдела Печати и Информации Н. К. Н., 1924. – 228 с.

2.225. *Ширер, Дэвид Р.* Сталинский военный социализм. Репрессии и общественный порядок в Советском Союзе, 1924–1953 / Дэвид Р. Ширер – М.: РОССПЭН, 2014. – 544 с.

2.226. *Штудер, Б.* Сталинские партийные кадры. Практика идентификации и дискурсы в Советском Союзе 1930-х гг. / Б. Штудер, Б. Унфрид. – М.: РОССПЭН; Фонд «Президентский центр Б. Н. Ельцина», 2011. – 247 с.

2.227. *Эйзенштадт, Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций / пер. с англ. А. В. Гордона; под ред. Б. С. Ерасова. – М.: Аспект Пресс, 1999. – 416 с.

2.228. Этнический мир Прикамья: библиогр. указ. / сост. Т. И. Быстрых. – Пермь: Реал, 2003. – 492 с.

2.229. Этничность и власть в полиэтничных государствах / ред. В. А. Тишков. – М.: Наука, 1994. – 315 с. – Текст: непосредственный.

2.230. *Юшунев, Н.* Национальный пролетариат Урала / Н. Юшунев // Революция и национальности. – 1930. – № 2. – С. 91–95.

2.231. *Якубовская, С. И.* Развитие СССР как союзного государства. 1922–1936 гг. / С. И. Якубовская. – М.: Наука, 1972. – 226 с.

2.232. *Anderson, B.* Imagined Communities: Reflections on the Origin and Spread of Nationalism / B. Anderson. – London: Verso, 1983. – 160 p.

2.233. *Beissinger, M.* Soviet Empire as "Family Resemblance" / M. Beissinger // Slavic Review. – 2006. – Vol. 65, No. 2. – PP. 294–303.

2.234. *Beissinger, M.* Occupation and Ethnicity: Constructing Identity among Professional Romani (Gypsy) Musicians in Romania // Slavic review. – 2001. – Vol. 60. Issue 1. – PP. 24–49.

2.235. *Brandenberger, D., Zelenov, M. V.* Stalin's answer to the National Question: A Case Study on the Editing of the 1938 Short Course / D. Brandenberger, M. V. Zelenov // Slavic Review. – 2014. – № 4. – PP. 859–880.

2.236. *Brinegar, S.* The Oil Deal: Nariman Narimanov and the Sovietization of Azerbaijan / S. Brinegar // Slavic Review. – 2017. – № 2. – PP. 372–395.

2.237. *D' Encausse, H. C.* The End of the Soviet Empire: The Triumph of the Nations / H. C. D' Encausse. – New York: Basic books, 1992. – 304 p.

2.238. *Dewhirst, M.* Review of Petrov, Petre and Ryazanova-Clarke, Lara (eds), The Vernaculars of Communism: Language, Ideology / and Power in the Soviet Union and Eastern Europe / M. Dewhirst / Canadian Slavonic paper. – 2017. – № 2. – PP. 531–533.

2.239. *Dobrenko, E.* Hegemony of Brotherhood: The Birth of Soviet Multinational Literature, 1922–1932. – 2022. – Vol. 81. Issue 4. – PP. 869–891.

2.240. *Fowkes, B.* The disintegration of the Soviet Union: A study in the Rise and Triumph of Nationalism / B. Fowkes. – New York: Palgrave Macmillan, 1997. – 273 p.

2.241. *Hirsch, F.* Empire of nations: ethnographic knowledge and the making of the Soviet Union / F. Hirsch. – Cornell university press, Ithaca and London, 2005. – 368 p.

2.242. *Jääts, I.* "The Permiak question": Bolshevik central authorities, Russian and non-Russian provincial elites negotiating over autonomy in the early 1920s / I. Jääts // Nationalities Papers. – 2012. – Vol. 40. – PP. 241–257.

2.243. *Lenkart, J.* Russian Revolutions in Print: The Fate of the Ethnic Press / J. Lenkart // Slavic Review. – 2017. – № 3. – PP. 655–664.

2.244. *Lemon, A.* Between Two Fires: Gypsy Performance and Romani Memory from Pushkin to Postsocialism / A. Lemon. – Durham & London: Duke University Press, 2000. – 308 p.

2.245. *Lemon, A.* "Form" and "Function" in Soviet Stage Romani: Modeling Metapragmatics through Performance Institutions / A. Lemon // Language in Society. – 2002. – Vol. 31. – No. 1. – PP. 29–64.

2.246. *Lemon, A.* Roma (Gypsies) in the Soviet Union and the Moscow Teatr 'Romen' Society / A. Lemon // Nationalities Paper. – 1991. – Vol. 19. Issue 3. – PP. 359–372.

2.247. *Marushiakova, E., Popov, V.* Gypsies in central Asia and the Caucasus / E. Marushiakova, V. Popov. – London: Palgrave Macmillan, 2016. – 147 p.

2.248. *Marushiakova, E., Popov, V.* Roma Voices in history / E. Marushiakova, V. Popov. – Ferdinand Schöningh, 2021. – 1068 p.

2.249. *Mogilner, M.* The Jewish Revolution in Belorussia: Economy, Race, and Bolshevik Power / M. Mogilner // Soviet and Post Soviet Review. – 2019. – 5 Feb. – PP. 71–75.

2.250. *Rudling, P. A.* The Rise and Fall of Belarussian Nationalism, 1906–1931/ P. A. Rudling. –Pittsburg: University of Pittsburgh, 2015. – 448 p.

2.251. *Sablin, I.* Regionalisms and Imperialisms in the Making of the Russian Far East, 1903–1926 / I. Sablin, D. Sukhan // Slavic Review. – 2018. – № 2. – PP. 333–358.

2.252. *Simon, G.* Nationalism and Policy toward Nationalities in the Soviet Union / G. Simon. – Boulder, Coly: Westview Press, 1991. – 483 p.

2.253. *Slezkine, Y.* The USSR as a Communal Apartment, or How a Socialist State Promoted Ethnic Particularism / Y. Slezkine // Slavic Review 53 (Summer 1994). – PP. 414–452.

2.254. *Smith, J.* The Bolsheviks and The National Question. 1917–23 / J. Smith. – Houndmill: Palgrave Macmillan UK, 1999. – 304 p.

2.255. *Suny, S.* The Revenge of the Past: Nationalism, Revolution, and the Collapse of the Soviet Union / S. Suny. – Stanford: Stanford university press, 1993. – 224 p.

2.256. 马丹静. 20 世纪20、30 年代. 苏联犹太农业垦殖运动研究. 2012. – 119 页.

2.257. 刘显忠. 20 世纪20 年代苏联“本土化”政策的利弊分析 //俄罗斯学刊. – 2013. – № 1. – 79–84页.

2.258. 马风书, 刘显忠 （斯大林民族政策及其实践再思考） 当代世界社会主义问 //当代世界与社会主义. – 2019. – № 4. – 84–94 页.

2.259. 左凤荣. 民族政策与苏联解体 //当代世界与社会主义. – 2010. – № 2. – 142–146页.

2.260. 马风书. 苏联民族政策的经验教训 // 当代世界与社会主义. – 2012. – № 3. – 73–88 页.

3. ДИССЕРТАЦИИ И АВТОРЕФЕРАТЫ

3.1. *Аверьянов, А. В.* Национальная политика советского государства на Дону, Кубани и Ставрополье в 1920–1930-е годы: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / А. В. Аверьянов. – Ростов-на-Дону, 2021. – 701 с.

3.2. *Ахмадуллин, В. А.* Политика Советского государства по отношению к мусульманской религии в 1917–1945 гг.: автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.02 / В. А. Ахмадуллин. – М., 2002. – 26 с.

3.3. *Белоруссова, С. Ю.* Динамика этничности нагайбаков в XVIII–XXI веках: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.07 / С. Ю. Белоруссова. – Екатеринбург, 2017. – 303 с.

3.4. *Дюпин, А. А.* Реализация национальной политики советского государства в отношении коренных малочисленных народов Енисейского Севера в 1917–1991 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. А. Дюпин. – Красноярск, 2025. – 276 с.

3.5. *Кайкова, О. К.* Национальные районы и сельсоветы в РСФСР: исторический опыт Советского государства в решении проблемы национальных меньшинств в 1920–1941 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / О. К. Кайкова. – М., 2007. – 246 с.

3.6. *Копосова, Н. П.* Национально-государственное строительство в первые годы советской власти, 1917–1922 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Н. П. Копосова. – М., 2000. – 220 с.

3.7. *Корженевский, К. Б.* Национально-территориальное размежевание между Сибирью и Казахстаном в 1917–1936 годах: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / К. Б. Корженевский. – Красноярск, 2021. – 250 с.

3.8. *Киселева, Т. Ф.* Цыганы Европейской части Союза ССР и их переход от кочевания к оседлости: автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Т. Ф. Киселева. – М., 1952. – 12 с.

3.9. *Латыпов, Р. Т.* Национальная политика на Урале в 1920-е – первой половине 1930-х годов: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Р. Т. Латыпов. – Екатеринбург, 2001. – 250 с.

3.10. *Матвеева, Л. Д.* Отечественная историография национально-государственного строительства в Среднем Поволжье и Приуралье: 1917–

1936 гг.: диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук: 07.00.09 / Л. Д. Матвеева. – М., 2007. – 363 с.

3.11. *Мосунова, Т. Г.* Партийное руководство развитием общеобразовательной национальной школы на Урале в период социалистического строительства (1926–1937 гг.): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / Т. Г. Мосунова. – Свердловск, 1988. – 187 с.

3.12. *Пашкова, И. А.* Отечественная историография национально-государственного строительства на Урале в 1917 – середине 30-х гг. XX века: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / И. А. Пашкова. – Екатеринбург, 1993. – 205 с.

3.13. *Павлова, О. В.* Миграции населения на Урале в 1914–1939 гг.: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / О. В. Павлова. – Екатеринбург, 2004. – 303 с.

3.14. *Филенкова, О. А.* Реформы административно-территориального деления в РСФСР в 1917–1930-е гг. (на материалах Пензенского края): диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук. – Пенза, 2019. – 198 с.

3.15. *Шалыгин, А. А.* Национальная политика Советского государства в 1917–1928 гг. и ее реализация в Саратовской губернии: диссертация на соискание ученой степени кандидата исторических наук: 07.00.02 / А. А. Шалыгин. – Саратов, 2007. – 357 с.

Михаил Сергеевич Каменских

Национальная политика на Урале в 1920–1930-е годы:

этничность и власть в условиях советской модернизации

Корректор – И. И. Плотникова
Дизайн и верстка – Л. Г. Пенягина
Координатор проекта – Г. Ю. Цыганкова

ISBN 978-5-91076-303-0

Издательство «Маматов»
192212, Санкт-Петербург,
ул. Белградская, д. 24,
литера А, кв. 20
www.mamatov.ru

Подписано в печать 30.09.2025.
Формат 60x90/16. Гарнитура Deca.
Тираж 500 экз. Заказ № 327885

Отпечатано с готовых файлов ИП Дудкин В. А.
614064, г. Пермь, ул. Усольская, 15, корпус 3